

16+

ISSN 2587-8344

(online)



# HISTORIA

## PROVINCIAE-

### ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Сетевой научный журнал

---

2022 • Т. 6 • № 2

---

*Тема номера*

Актуальные проблемы формирования современного миропорядка:  
история, традиции, современность



<http://hpchsu.ru>

**Выход в свет: 2022 • Т. 6 • № 2. • ИЮНЬ.** Выходит четыре раза в год.

**УЧРЕДИТЕЛЬ:** Череповецкий государственный университет

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл № ФС77-70013 от 31.05.2017 г.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

**Сетевой журнал “Historia provinciae – журнал региональной истории” со 2 декабря 2019 г. включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки).**

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:** *О.Ю. Солодянкина*, доктор исторических наук (Череповецкий государственный университет)

**Ответственный за номер:** *Е.А. Марков*, доктор политических наук (Череповецкий государственный университет)

**РЕДАКТОР:** А.А. ЛУХНЕВА

**КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ:** М.Н. АВДЮХОВА

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:** Н.А. ТИХОМИРОВА +7 (8202) 51-72-40

**ВЕДУЩИЙ ПЕРЕВОДЧИК:** Н.С. РУДЕНКО, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода» (Севастопольский государственный университет)

**Адрес издателя, редакции, типографии, электронный адрес:**

162600, Россия, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5.  
<http://hpchsu.ru>

Фото на обложке из открытых интернет-источников.

**ЦЕНА СВОБОДНАЯ**

Сетевое издание

Уч.-изд. л. 36

Выход в свет: 15.06.2022

Формат 60 × 84 <sup>1</sup>/<sub>8</sub>

Гарнитура Таймс

© Череповецкий государственный университет, 2022

16+

ISSN 2587-8344

(online)



# HISTORIA

## PROVINCIAE-

### THE JOURNAL OF REGIONAL HISTORY

Online scientific journal

---

**2022 • Vol. 6 • No. 2**

---

*Cover story*

**Topical issues of the formation of the contemporary world order:  
history, traditions, the present**



<http://en.hpchsu.ru>

**Publication: 2022 • Vol. 6 • No. 2 • June.** Issued four times a year.

**FOUNDER:** Cherepovets State University

The mass media registration certificate is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). El No FS77-70013 (ЭЛ № ФС77-70013) dated 31.05.2017

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

**On December 2, 2019 the online scientific journal *Historia Provinciae – the Journal of Regional History* was included in the List of Peer-Reviewed Academic Journals where major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of sciences should be published in the following scientific specialties: 5.6.1. National History (Historical Sciences); 5.6.2. World History (Historical Sciences); 5.6.5. Historiography, Source Study, Methods of Historical Research (Historical Sciences); 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy (Historical Sciences).**

**EDITOR-IN-CHIEF:** *Olga Yu. Solodyankina*, Doctor of Historical Sciences  
(Cherepovets State University)

**Managing editor of the issue:** *Evgenii A. Markov*, Doctor of Political Sciences  
(Cherepovets State University)

**EDITOR:** Anna A. LUKHNEVA

**COMPUTER DESIGN LAYOUT:** Mariya N. AVDYUKHOVA

**EXECUTIVE EDITOR:** Nataliya A. TIKHOMIROVA +7 (8202) 51-72-40

**PROOFREADER (ENGLISH):** Natal'ya S. RUDENKO, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Theory and Practice of Translation Department (Sevastopol State University)

**Address of the publisher, editorial office and printing office:** 162600 Russia, Vologda region, Cherepovets, Prospekt Lunacharskogo, 5, <http://hpchsu.ru>

The photos on the cover are taken from publicly available Internet sources.

OPEN PRICE

Online media

36 standard publisher's sheets

Publication: 15.06.2022

Format 60 × 84 <sup>1</sup>/<sub>8</sub>

Font style Times

© Cherepovets State University, 2022



**Содержание****Contents****ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО**

*Марков Е.А.* Современный миропорядок:  
от прошлого – к настоящему ..... 346

**ИССЛЕДОВАНИЯ**

*Махмутова М.И.* Политические позиции  
ливийских племен в ходе  
гражданской войны (2019–2020 гг.) ... 361

*Петросян Д.В.* Внешняя политика  
Германии в период адаптации к  
реалиям постбиполярного мира ..... 407

*Тумаков Д.В.* Осетино-ингушский  
вооружённый конфликт 1992 года в  
освещении российской центральной  
печати ..... 439

*Онопко О.В.* Украинская  
внешнеполитическая экспертиза и  
военная безопасность России в  
Черноморском регионе ..... 485

*Призюк В.Я.* Исторические образы как  
конструкт идентичности территории:  
актуальные тенденции Пермского  
края ..... 539

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ  
ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА**

*Каштанова О.С.* Варшавский  
университет в системе высшего  
(университетского) образования  
Российской империи в первой трети  
XIX в. .... 582

*Агасиев И.К.* Проблемы образования в  
немецких колониях Азербайджана в  
1920–1930-х гг. .... 629

**OPENING SPEECH**

*Markov, E.A.* The modern world order:  
from the past to the present ..... 346

**RESEARCH**

*Makhmutova, M.I.* Political stance of  
Libyan tribes during the Civil War  
(2019–2020) ..... 361

*Petrosyan, D.V.* German foreign policy in  
the period of adaptation to the realities of  
the post-bipolar world ..... 407

*Tumakov, D.V.* The Ossetian-Ingush armed  
conflict of 1992 as covered by the  
Russian central press ..... 439

*Onopko, O.V.* Ukrainian foreign policy  
expertise and Russia's military security  
in the Black Sea region ..... 485

*Prizyuk, V.Ya.* Historical images as a  
construct of the territory identity: current  
trends in Perm Krai ..... 539

**INTERDISCIPLINARY  
DISCUSSION PLATFORM**

*Kashtanova, O.S.* The University of  
Warsaw in the system of higher  
(university) education of the Russian  
Empire in the first third of the  
19<sup>th</sup> century ..... 582

*Agasiev, I.K.* Problems of education in the  
German colonies of Azerbaijan in the  
1920s–1930s. .... 629

## РЕЦЕНЗИИ

*Богомолов И.К.* Еще раз о большевизме и демократии. *Рецензия на:* The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal Liberation, 1917–1941 / edited by L. Douds, J. Harris, P. Whitewood. London: Bloomsbury, 2020 ..... 687

*Добровольский Е.С.* Новая монография Б.В. Петелина о канцлере германского единства. *Рецензия на:* Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2021 ..... 702

*Магомедов А.К.* Роль российских СМИ в системе коммуникативных отношений государства и общества. *Рецензия на:* Марков Е.А. Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия: монография. Москва: РУСАЙНС, 2021..... 721

## REVIEWS

*Bogomolov, I.K.* “Once again about Bolshevism and democracy.” *Review of* Douds, L., J. Harris, and P. Whitewood, eds. *The fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal liberation, 1917–1941.* London: Bloomsbury, 2020... ..... 687

*Dobrovolskii, E.S.* “New monograph by B.V. Petelin about the Chancellor of German Unity”. *Review of* Petelin, B.V. *Gel'mut Kol': byt' nemtsem. Stranitsy biografii* [Helmut Kohl: Being a German. Biography pages]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2021 ..... 702

*Magomedov, A.K.* “The role of Russian mass media in the system of communicative relations between the state and society.” *Review of* Markov, E.A. *Rossiiskaya vlast' i SMI: istoriya informatsionnogo vzaimodeistviya: monografiya* [Russian authorities and mass media: the history of information interaction: a monograph]. Moscow: RUSAINS, 2021..... 721

# HISTORIA

PROVINCIAE-  
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ



**Вступительное слово**  

---

**Opening speech**

**2022 · Vol. 6 · № 2**

Вступительная статья к номеру

## Современный миропорядок: от прошлого – к настоящему

**Евгений Алфеевич Марков,**  
Череповецкий государственный университет,  
Череповец, Россия,  
marevgeny@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3315-5477>

**Evgenii A. Markov,**  
Cherepovets State University,  
Cherepovets, Russia,  
marevgeny@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3315-5477>



**Аннотация.** Во вступительной статье анонсированы материалы очередного номера журнала «Historia provinciae – журнал региональной истории». Содержание предлагаемого номера очень разнообразно и сформировано из материалов, предоставленных авторами, научные интересы которых имеют довольно широкий спектр. Однако все статьи объединены примерами тех сложнейших явлений и процессов, которые, на наш взгляд, в значительной мере предопределили общий тренд формирования и развития современной системы миропорядка.

**Ключевые слова:** Россия, Германия, Украина, Ливия, черноморский регион, Кавказ, советская политическая система, исторический образ региона, университеты Польши, реформа системы высшего образования в Китае, безопасность, угрозы современному миру

**Для цитирования:** Марков Е.А. Современный миропорядок: от прошлого – к настоящему // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 346–359.

## The modern world order: from the past to the present

**Abstract.** The introductory article announces the materials of the new issue of the journal *Historia Provinciae – Journal of Regional History*. The content of the issue offered to our readers is very diverse. It brings together the materials of authors whose scientific interests are quite wide-ranging. However, it is impossible not to highlight what all these materials have in common. The authors of all publications published in this issue, relying on specific documentary evidence, gave examples of those most complex phenomena and processes that have already occurred and are still occurring today in different countries. In our opinion, the processes described by the authors predetermined to

---

© Марков Е.А., 2022

© Markov E., 2022

a certain extent the general trend of the formation and development of the modern system of world order.

**Key words:** Russia, Germany, Ukraine, Libya, Black Sea region, Caucasus, Soviet political system, historical image of the region, Polish universities, higher education reform in China, security, threats to the modern world

**For citation:** Markov, E.A. “The modern world order: from the past to the present.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2 (2022): 346–59.

### *Уважаемые коллеги!*

Предлагаем Вашему вниманию очередной номер сетевого электронного научного журнала «*Historia provinciae – журнал региональной истории*». На этот раз мы решили составить его из материалов, которые вполне можно охарактеризовать и как исторические, и как политологические, ведь эти две научные отрасли тесно взаимосвязаны. Все материалы номера пронизаны общей темой – анализом особенностей политических процессов, как происходивших в прошлом, так и происходящих в настоящее время в разных странах. Рассмотренные нашими авторами события и явления заставляют лишний раз убедиться в том, насколько сложна, противоречива и динамична современная система международных отношений, формирование которой происходило на протяжении столетий. Отличительными особенностями сложившегося в настоящее время миропорядка являются его турбулентность и непредсказуемость, вызванные деятельностью огромного количества политических акторов, действующих иногда исключительно в собственных интересах и совершенно не учитывающих при этом интересы других участников процессов, происходящих в современном мире.

Текущий номер журнала открывается статьей кандидата исторических наук, преподавателя кафедры военного регионоведения Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации М.И. Махмутовой «*Политические позиции ливийских племен в ходе гражданской войны (2019–2020 гг.)*». В 2011 году военная коалиция стран блока НАТО во главе со США провела операцию, результатом которой стало свержение успешно существовавшего более 40 лет в Ливии политического режима Муаммара Каддафи, лидера страны, которому удавалось в течение многих лет уравнивать интересы многочисленных племенных кланов. После гибели Каддафи страна погрузилась в гражданскую войну, и все это время между различными кланами и вооруженными группировками продолжается борьба за власть как на государственном, так и на региональном уровнях. В сложном переплетении интересов различных политических сил в Ливии и попыталась разобраться М.И. Махмутова. Подробно описав



политическую ситуацию в этой растерзанной распрями стране, автор приходит к выводу, что на современном этапе перспективы прекращения гражданской войны и последующего объединения страны остаются крайне призрачными. Принимая во внимание сложную этническую и племенную структуру ливийского общества, автор высказывает мнение, что Ливия может объединиться только в том случае, если страну возглавит достаточно влиятельное лицо, которое будет устраивать большую часть кланов. Однако пока в Ливии нет политика, который мог бы взять на себя выполнение столь трудной и важной задачи.

Аспирант кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД РФ Д.В. Петросян в своей статье «Внешняя политика Германии в период адаптации к реалиям постбиполярного мира» остановилась на событиях недавней истории, затронув период, когда объединенная Германия формировала свой внешнеполитический курс, учитывая новые реалии формирующегося постбиполярного мира. Это был новый и довольно сложный этап в истории Германии. Объединение страны позволило ей усилить свою роль и значение в Европе и стать влиятельным государством, внешняя политика которого оказывает серьезное воздействие на международные отношения. Характеризуя внешнюю политику Германии на рубеже XX и XXI вв., автор пришел к выводу, что ее стратегической чертой являлась так называемая «мирная направленность». По мнению автора, обновленной стране удалось определить свою роль в мировой политике. Она заключалась в более активном участии в международных процессах при сохранении принципа мультилатерализма как основы внешней политики. Одной из основных целей внешней политики ФРГ стало желание руководства страны показать международному сообществу и своим собственным гражданам, что страна привержена общегуманистическим и либерально-демократическим ценностям.

Статьи кандидата исторических наук, старшего преподавателя кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета Д.В. Тумакова уже не раз появлялись на страницах журнала «*Historia provinciae* – журнал региональной истории». Проблематика научных интересов автора – политические процессы на Северном Кавказе, происходившие после распада Советского Союза. На этот раз автор обратился к проблеме освещения влиятельными отечественными печатными изданиями событий осетино-ингушского вооруженного конфликта осени 1992 года. В своей статье «Осетино-ингушский вооружённый конфликт 1992 года в освещении российской центральной печати» автор анализирует наиболее типичные репортажи с места событий или интервью с высокопоставленными военачальниками и должностными лицами, опубликованные в таких центральных газетах, как «Красная звезда», «Труд», «Известия»,

«Коммерсант», «Литературная газета», «Московские новости» и некоторых других. Не обходит он своим вниманием и материалы региональной печати – например, ярославских изданий «Северный край», «Золотое кольцо». Автором выделены три точки зрения, которые нашли отражение в различных СМИ по поводу событий, происходивших в ходе описываемого конфликта:

1) правительственная и ведомственная печать, по мнению автора, уделяла наибольшее внимание таким аспектам освещения кризиса, как продвижение идей необходимости сохранения территориального единства страны и предотвращения новой войны в регионе. В публикациях такого рода изданий формировался героический образ российских военнослужащих, с честью выполняющих свой воинский долг;

2) левая пресса, поддерживая меры, предпринимавшиеся президентом Б. Ельциным и правительством, тем не менее, призывала «развести людей» и не допустить развития событий по карабахскому варианту;

3) СМИ так называемого демократического толка в своих журналистских материалах подвергали осуждению насильственные способы решения межнационального вооружённого конфликта и указывали на явную поддержку Осетии руководством РФ.

После изучения большого количества статей, репортажей, заметок, опубликованных в разных печатных изданиях, с учетом позиций и мнений участников, представляющих часто противоположные стороны, автору удалось проникнуть в суть и детали указанного конфликта.

Необходимо отметить, что изучение причин возникновения подобных межнациональных конфликтов является очень важной задачей для нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, так как результаты такого рода исследований позволяют центральным и региональным органам власти вырабатывать и реализовывать эффективную национальную политику с целью предотвращения напряженностей, возникающих в отношениях между этническими группами.

После вхождения Республики Крым в состав России в 2014 году, черноморский регион стал занимать особое место в обеспечении безопасности страны. Украина предпринимала многочисленные попытки милитаризовать Черное море, обращаясь за поддержкой к странам – членам блока НАТО. Руководство РФ сделало многое для того, чтобы обеспечить безопасность Крыма. На полуострове размещены эффективные виды вооружений, предназначенные для подавления возможного вторжения противника и с земли, и с моря, и с воздуха. Предпринятые Россией усилия, как это видно сегодня, оказались вполне обоснованными, поскольку в политических и военных кругах Украины именно Россия рассматривалась как главная, системная и экзистенциальная угроза национальной безопасности их государства.

Деятельность украинских аналитических центров, которые и формировали атмосферу враждебности по отношению к России, подробно анализирует в своей статье «Украинская внешнеполитическая экспертиза и военная безопасность России в Черноморском регионе» кандидат политических наук, доцент Донецкого национального университета О.В. Онопко. Автор статьи, написанной задолго до начала проведения специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины пришел к основному выводу о том, что деятельность украинских аналитических центров, специализирующихся на выработке рекомендаций руководству своей страны по сдерживанию России, представляет угрозу для российских национальных интересов, поскольку предлагает вполне реальные способы по нанесению ущерба ее безопасности. В этих условиях, по мнению автора, актуальной задачей украинского направления российской внешней политики должна стать выработка концептуального и долгосрочного подхода к работе с экспертным сообществом Украины. Несмотря на то, что в статье О.В. Онопко описываются реалии недавнего прошлого, она не потеряла, на наш взгляд, своей актуальности, поскольку раскрывает те методы и приемы, с помощью которых украинские эксперты и лидеры общественного мнения формировали у населения страны образ враждебной России.

В статье сотрудника Пермского государственного национального исследовательского университета В.Я. Призюка «Исторические образы как конструкт идентичности территории: актуальные тенденции Пермского края» представлен анализ одного из направлений региональной политики. Автор поделился результатами своего исследования, проводившегося в Пермском крае, в котором он обосновывает необходимость использования в качестве фактора эффективного развития региона его точным образом сформированных исторических образов. Автор статьи проводит мысль о том, что сохранение и репрезентация памяти о прошлых событиях может помочь региону обрести особую идентичность и создать собственный привлекательный образ, который будет способствовать преодолению расколов в обществе и формированию его единства и сплоченности. В.Я. Призюк опирается на мысль французского историка Ф. Броделя, что регион является аналогом особого «мира» с присущим только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением. По мнению исследователя, выявленные и признанные сообществом ключевые исторические образы должны быть включены в региональную политику памяти. Те регионы, которые будут развивать и отстаивать свою уникальность, формируя таким образом конкурентные преимущества перед другими регионами, смогут, в том числе, обеспечить и свою туристскую привлекательность.

Раздел «Дискуссионная площадка» представлен тремя публикациями, связанными одной общей темой, а именно, влиянием политических процессов на формирование и развитие системы образования.

Предметом исследования кандидата исторических наук, научного сотрудника Института славяноведения РАН О.С. Каштановой («Варшавский университет в системе высшего (университетского) образования Российской империи в первой трети XIX в.») стала история Варшавского университета с момента его создания в 1816 году и до закрытия в 1831 году после подавления польского восстания. Присоединенное в 1815 г. к России Царство (Королевство) Польское являлось автономной территориальной единицей и имело отдельную образовательную систему, не подчиненную Министерству народного просвещения в Петербурге. Автор, изучив содержание документов, регламентирующих деятельность Варшавского и ряда российских университетов, отметил сходства и отличия в функционировании этих высших учебных заведений. Сопоставительный анализ позволил автору выявить структурные, кадровые и другие отличия в деятельности Варшавского университета, наиболее яркие из которых заключались в проявлении национальной специфики и традиций польского образования, определившие значительное сходство Варшавского университета с университетами Западной Европы.

Историческим аспектам развития школьного образования в немецких колониях Азербайджана в 1920–1930 гг. посвящена статья доктора исторических наук, профессора, заведующего отделом «История азербайджано-российских отношений» Института Истории имени А.А. Бакиханова (Баку, Республика Азербайджан) Икирама Керим оглу Агасиева «Проблемы образования в немецких колониях Азербайджана в 1920–1930-х гг.». Отличительной особенностью данной публикации является использование автором выдержек из многочисленных документов, найденных в различных архивах, которые впервые вводятся в научный оборот. Данный факт, безусловно, повышает качество исследования, посвященного изучению региональных и национальных особенностей истории школьного дела в немецких колониях, находившихся до начала Великой Отечественной войны на территории Азербайджана и в ряде других регионов Кавказа.

В предлагаемом номере журнала наши читатели могут также познакомиться с рецензиями на три монографии.

Анализу коллективной монографии “The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal Liberation, 1917–1941”, изданной в Лондоне в 2020 году издательством Bloomsbury, посвящена работа кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам РАН И.К. Богомолова.

Рецензируемая автором монография, название которой в переводе звучит как «Судьба большевистской революции: нелиберальное освобождение, 1917–1941», посвящена описанию политических процессов, которые происходили в ранний советский период. Однако, по мнению рецензента, исследовательский фокус авторов монографии направлен не столько на изучение глубоких процессов, ставших следствием того исторического водораздела, который был инициирован большевистской революцией, сколько сводится в основном к описанию деятельности представителей политической элиты молодого советского государства: Ленина, Сталина, Троцкого, в политике которых можно увидеть примеры преемственности и влияния дореволюционной российской политической традиции.

По мнению И.К. Богомолова, авторы данной коллективной монографии не уделили должного внимания и международному контексту, который, безусловно, оказывал непосредственное влияние на развитие советского варианта демократии. Тем не менее, рецензент считает, что подготовленная зарубежными авторами монография достойна внимания исследователей как образец взвешенного и разностороннего изучения советской политической системы 1920–1930-е гг., поскольку позволяет сформировать более полное понимание процессов, происходивших в СССР в период до 1941 г.

Свою оценку недавно изданной монографии российского учено-германиста, доктора исторических наук, профессора Череповецкого государственного университета Б.В. Петелина «Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии», изданной в Санкт-Петербурге издательством «Владимир Даль», дал кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета Е.С. Добровольский. В своей рецензии «Новая монография Б.В. Петелина о канцлере германского единства» он отметил значительный вклад Б.В. Петелина в изучение новейшей истории Германии, деятельности немецких политических партий, представляющих различные политические силы страны, в частности, истории Христианско-демократического союза (ХДС). Это уже четвертая книга автора о выдающихся немецких политиках. Ранее ученым были написаны биографические труды о Вольфганге Шойбле, Курте Биденкопфе и Франце Йозефе Штраусе. Познакомившись с монографией Б.В. Петелина, российские исследователи и заинтересованные читатели найдут в книге малоизвестные факты и оценки, важные для понимания хитросплетений германского вопроса и европейской политики конца XX в., что позволит лучше понимать политические процессы, происходящие в европейских странах.

Раздел рецензий завершает работа под названием «Роль российских СМИ в системе коммуникативных отношений государства и общества», подготовленная доктором политических наук, профессором Российского



государственного гуманитарного университета А.К. Магомедовым на монографию Е.А. Маркова «Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия», которая была опубликована московским издательством «Русайнс» в 2021 году. Данный печатный труд посвящен выявлению истоков, сформировавшихся традиций и современных тенденций, под воздействием которых формируется процесс коммуникативного взаимодействия институтов власти, СМИ и общества в современной России. По мнению автора рецензии, значение монографии заключается в комплексном осмыслении проблем трансформации коммуникативно-информационных отношений государства и общества, а также тех факторов, которые повлияли на процессы формирования современной системы взаимодействия между властью и обществом, что в целом позволяет не только понять и оценить происходящие политические процессы, но и спрогнозировать их дальнейшее развитие.

Редакция надеется, что опубликованные в журнале материалы будут интересны не только исследователям, но и широкому кругу читателей, интересующихся историко-политической проблематикой.



*Dear colleagues,*

I would like to introduce the new issue of the online journal *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*. This time we decided to compile it from the materials related both to history and to political science, as these two scientific fields are closely interrelated. All the articles in this issue have a common subject. They are devoted to the analysis of the specific features of political processes that took place in the past and are currently underway in various countries. The events and phenomena considered by our authors in their publications make us see once again the complexity, contradictoriness, and dynamics of the modern system of international relations, which has been taking shape for centuries. The distinctive features of the current world order are its turbulence and unpredictability that are caused by the activities of a great number of political actors. Some of them are acting exclusively in their own interests without taking into consideration the interests of other participants in any processes that occur in the modern world.

The current issue of the journal begins with the article “Political stance of Libyan tribes during the Civil War (2019–2020)” by Candidate of Historical Sciences

M. Makhmutova, Lecturer of the Department of Military area Studies of Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. In 2011, a military coalition of NATO countries led by the United States carried out a military operation that resulted in the overthrow of the political regime that had existed in Libya for more than 40 years. Muammar Gaddafi, the then leader of the country, succeeded in balancing the interests of numerous tribal clans in the country for many years. After Gaddafi's death, Libya plunged into a civil war, and a struggle for power continues between various clans and armed groups at the state level and at the regional level. M. Makhmutova tried to understand the complex intertwining of interests of different political forces in Libya. Describing in detail the political situation in this strife-torn country, the author concluded that at the present stage any prospects for the end of the civil war and the subsequent unification of the country are still remote. Taking into account the complexity of ethnic and tribal structure of Libyan society, the author concluded that Libya can only become united if it is headed by a powerful leader who suits the majority of the clans. However, at present there is no politician in Libya who would be influential enough to undertake such a difficult and important task.

The article "German foreign policy in the period of adaptation to the realities of the post-bipolar world" by D. Petrosyan, a PhD student of the Department of European and American Studies at Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, focuses on the events of recent history. It studies the period when reunited Germany was forming and developing its foreign policy given the new realities of the emerging post-bipolar world. This was a new and rather complex stage in the history of Germany. German Reunification allowed the country to strengthen its role and importance in Europe and become an influential state whose foreign policy has a major impact on international relations. Describing German foreign policy at the turn of the 20<sup>th</sup> and 21<sup>st</sup> centuries, the author concluded that the so-called peaceful orientation was its strategic feature. According to the author, the renewed country has managed to define its role in world politics. This new role involved far more active participation in international processes while maintaining the principle of multilateralism as the basis of the country's foreign policy. One of the main goals of the FRG's foreign policy was the desire of the country's leadership to demonstrate to the international community and to its own citizens that the country is committed to general humanist and liberal-democratic values.

The journal *Historia Provinciae – the Journal of Regional History* has published the articles by D. Tumakov, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of History and Philosophy of the Yaroslavl State Medical University, more than once. Research interests of the author include focus on the political processes that unfolded in the North Caucasus after the collapse of the Soviet Union.

This time the author turned his attention to the problem of covering the events of the Ossetian-Ingush armed conflict in the autumn of 1992 by the influential Russian media. In his article “The Ossetian-Ingush armed conflict of 1992 as covered by the Russian central press,” the author analyzes the most typical reportages from the scene as well as the interviews with high-ranking military commanders and officials published in such central newspapers as *Krasnaya Zvezda*, *Trud*, *Izvestiya*, *Kommersant*, *Literaturnaya Gazeta*, *Moskovskie Novosti*, and some others. In addition, he also pays attention to the materials from the regional press, such as the Yaroslavl newspapers *Severniy Krai* and *Zolotoe Kol'tso*. The author has identified three points of view reflected in various media on the events that took place during the conflict under consideration:

1. According to the author, the government and the departmental media focused on such aspects of the crisis in the North Caucasus as preserving the territorial unity of the country, preventing a new war in the region, and honest fulfilment of military duties by the Russian security forces.

2. The left-wing press supported the political and socio-economic course of President Yeltsin and his government but called for a “separation” of the two peoples in order to prevent events from developing according to the Nagorno-Karabakh scenario.

3. In their materials, the representatives of the democratic media condemned all violent methods of resolution of the inter-ethnic armed conflict and the center’s clear support for North Ossetia.

Having studied a large number of articles, reports, and news stories published in various printed media, taking into account positions and opinions of the participants who often represented the opposing sides, the author managed to understand the essence and details of the Ossetian-Ingush armed conflict.

It is worth mentioning that studying the causes of such inter-ethnic conflicts is a very important task for our multi-ethnic and multi-confessional country, since the results of such studies allow central and regional authorities to develop and implement effective national policies in order to prevent tensions arising between different ethnic groups.

Soon after the Republic of Crimea became part of Russia in 2014, the Black Sea region began to occupy a special place in the country’s security policy. Ukraine, in its turn, repeatedly attempted to militarize the Black Sea region, seeking support from NATO member states. The Russian leadership has done its best to ensure the security of Crimea. Effective weapons were deployed on the peninsula, designed to suppress any possible enemy invasion from land, sea, and air. The efforts undertaken by Russia, as seen today, turned out to be quite justified, since it is Russia that has been seen by the representatives of Ukrainian political and military circles as the main systemic and existential threat to the national security of their state.

The activity of Ukrainian think tanks that formed the atmosphere of hostility towards Russia is analyzed in detail in the article “Ukrainian foreign policy expertise and Russia’s military security in the Black Sea region” by O. Onopko, Candidate of Political Science, Associate Professor of Donetsk National University. The author (of the article that was written long before the beginning of the special military operation on demilitarization and denationalization of Ukraine) concluded that the activity of Ukrainian think tanks specializing in the development of recommendations to the leadership of their country on how to contain Russia is a threat to Russian national interests because such activity offers actual ways of damaging Russia’s security. Under these circumstances, the urgent task of the Ukrainian direction of Russian foreign policy should be to develop a conceptual and long-term approach to the future work with the Ukrainian expert community, which would reduce its effectiveness and legitimacy both in Ukraine and internationally. Despite the fact that Onopko’s article describes the realities of the recent past, it has not lost its relevance. In fact, the article reveals the ways and methods by which the Ukrainian experts and opinion leaders shape the image of a hostile Russia in the public consciousness of Ukrainian people.

The article “Historical images as a construct of territory identity: current trends in Perm Krai” by V. Prizyuk, an employee of Perm State University, presents an analysis of one of the areas of regional policy. The author shared the results of his research conducted in the Perm region. In his work, he confirms the necessity of using precisely formed historical images as a factor for the effective development of the region. The author argues that the preservation and representation of the memory of past events can help the region acquire a special identity and create its own attractive image, which will help to overcome divisions in society and form its unity and cohesion. V. Prizyuk relies on the idea of the French historian F. Braudel who believed that every region is an analogue of a special world with its own mentality, way of thinking, traditions, worldview, and perception. According to the researcher, the key historical images identified and recognized by the local community should be included in the regional politics of memory. Those regions that will be able to develop and defend their uniqueness, thus forming a competitive advantage over other regions, will be able, among other things, to ensure their tourist attractiveness.

The Discussion Platform section in this issue is represented by two publications connected by one common subject, namely, the influence of political processes on the formation and development of the education system.

The history of the University of Warsaw from its foundation in 1816 up to 1831 when it was closed down after suppression of the November Uprising became the subject of the article “The University of Warsaw in the system of higher (university) education of the Russian Empire in the first third of the 19<sup>th</sup> century” by O. Kashtanova, Candidate of Historical Sciences, a researcher at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. Annexed to Russia in 1815,

Congress Poland was an autonomous territorial unit and had a separate educational system that was not subordinate to the Ministry of National Education in St Petersburg. Having studied the content of documents regulating the activities of the University of Warsaw and a number of Russian universities, the author pointed out similarities and differences in the functioning of these institutions of higher education. Comparative analysis allowed the author to identify structural, personnel, and other differences in the activities of the University of Warsaw. The most striking of these differences was the manifestation of specific national features and traditions of Polish education, which determined a significant similarity of the University of Warsaw with other universities in Western Europe.

The article “Problems of education in the German colonies of Azerbaijan in the 1920s–1930s” by Ikiram Kerim oglu Aghasiev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the department “History of Azerbaijani-Russian relations” of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan) is devoted to the historical aspects of the development of school education in the German colonies of Azerbaijan in 1920s–30s. A distinctive feature of this publication is the use by the author of excerpts from numerous documents stored in various archives that are introduced into scientific circulation for the first time. This fact undoubtedly improves the quality of this research devoted to the study of regional and national peculiarities of the history of schooling in the German colonies located in Azerbaijan and in other regions of the Caucasus before the outbreak of the Great Patriotic War of 1941–45.

In this issue, the readers of *Historia Provinciae – the Journal of Regional History* can also read the reviews on three monographs.

The work of I. Bogomolov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), is devoted to the analysis of the collective monograph *The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal Liberation, 1917–1941*, published in London in 2020 by Bloomsbury.

The monograph reviewed by the author is devoted to the description of the political processes that took place in the early Soviet period. However, according to the reviewer, the research focus of the authors of the monograph shifted from studying the profound processes that resulted in the historical divide initiated by the Bolshevik revolution and was reduced mainly to describing the activities of the political elite of the young Soviet state (Lenin, Stalin, and Trotsky), whose policies can provide examples of continuity and influence of the pre-revolutionary Russian political tradition.

According to I. Bogomolov, the authors of the monograph under review did not pay due attention to the international context, which undoubtedly had a direct influence on the development of the Soviet version of democracy. Nevertheless, the



reviewer believes that the monograph prepared by foreign authors is worthy of researchers' attention as an example of a balanced and versatile study of the Soviet political system of the 1920s–30s, since it allows the readers to form a more complete understanding of the processes that took place in the USSR before 1941.

E. Dobrovolskii, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy of Cherepovets State University, shared his opinion on the recent monograph *Gel'mut Kol': byt' nemtsem. Stranitsy biografii* [Helmut Kohl: Being German. Biography pages] published in St Petersburg by the Vladimir Dal' publishing house. The monograph was written by B. Petelin, a renowned expert in German Studies, Doctor of Historical Sciences, Professor of Cherepovets State University. In his review "New monograph by B.V. Petelin about the Chancellor of German unity," Dobrovolskii pointed out the significant contribution of B. Petelin to the study of recent history of Germany and the activities of German political parties that represent different political forces of the country, in particular, the history of Christian Democratic Union (CDU). This is the author's fourth book about prominent German politicians. He has previously written biographies of Wolfgang Schäuble, Kurt Biedenkopf, and Franz Josef Strauss. With the help of the monograph by B. Petelin, Russian researchers and readers will get acquainted with little-known facts and assessments that are important for understanding the intricacies of the German question and European politics of the late 20<sup>th</sup> century, which will facilitate better understanding of the political processes taking place in European countries.

The last review included in this issue is the publication "The role of Russian mass media in the system of communicative relations between the state and society" by A. Magomedov, Doctor of Political Sciences, Professor of Russian State University for the Humanities. He reviews the monograph *Rossiiskaya vlast' i SMI: istoriya informatsionnogo vzaimodeistviya* [Russian authorities and mass media: the history of information interaction] E. Markov published in Moscow by Rusains in 2021. The monograph under review is devoted to identifying the origins, traditions, and current trends, under the influence of which the process of communicative interaction between the institutions of power, media, and society is formed in modern Russia. According to the author of the review, the significance of the monograph lies in the complex comprehension of the problems of transformation of communication and information relations of the state and society as well as of those factors that influenced the processes of formation of the modern system of interaction between the government and society. In general, this allows not only not only seeing the ongoing political processes in proper perspective but also predicting their further development.

The editorial board of *Historia Provinciae – the Journal of Regional History* hopes that the materials in this issue will be informative and attractive not only to scholars but to all readers who are interested in historical and political problems.

**Информация об авторе**

**Евгений Алфеевич Марков** – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций и медиа; <https://orcid.org/0000-0002-3315-5477>, [marevgeny@inbox.ru](mailto:marevgeny@inbox.ru), Череповецкий государственный университет (162600 Россия, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5)

**Information about the author**

**Evgenii A. Markov** – Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor of the Department of Social Communications and Media, School of Humanities, <https://orcid.org/0000-0002-3315-5477>, [marevgeny@inbox.ru](mailto:marevgeny@inbox.ru), Cherepovets State University (5, Pr-t Lunacharskogo, Cherepovets, 162600, Russia)

# HISTORIA

PROVINCIAE-  
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ



ИССЛЕДОВАНИЯ  

---

RESEARCH

2022 · Vol. 6 · № 2

Научная статья

УДК 323.11

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-1>

## Политические позиции ливийских племен в ходе гражданской войны (2019–2020 гг.)

**Мария Игоревна Махмутова,**

Военный университет имени князя Александра Невского  
Министерства обороны Российской Федерации,  
Москва, Россия,

[makhmutova.maria@yandex.ru](mailto:makhmutova.maria@yandex.ru); <https://orcid.org/0000-0001-9681-7071>

**Mariya I. Makhmutova,**

Prince Alexander Nevsky Military University  
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,  
Moscow, Russia,

[makhmutova.maria@yandex.ru](mailto:makhmutova.maria@yandex.ru); <https://orcid.org/0000-0001-9681-7071>



**Аннотация.** Данная статья затрагивает одну из самых сложных проблематик в арабском регионе – гражданскую войну в Ливии и посвящена анализу политических позиций ливийских племен после свержения полковника Муаммара Каддафи в 2011 г. В фокусе статьи – последний виток эскалации конфликта (2019–2020 гг.) между восточным и западным центрами власти. Автор сконцентрировала свое внимание на важности позиций ливийских племен в ходе военных действий и их влиянии на внутривосточную ситуацию в стране.

Ключевая проблема исследования, раскрытая в статье, непосредственно касается политических позиций основных кланов внутри североафриканской страны. Также даны объяснения, почему часть кланов приняли решение об участии в военной кампании на стороне Ливийской национальной армии, другая – выступила в защиту Правительства национального согласия, а также были и те, которые заняли позицию невмешательства в общегосударственные дела, так как стремились сохранить автономию.

Основная цель представленной работы заключается в том, чтобы продемонстрировать специфику ливийской проблемы, а именно не только стремление к автономному существованию Триполитании, Керанаики и Фецана, но и наличие внутренних противоречий между разными племенами, что остается одним из важнейших факторов, препятствующих объединению страны.

---

© Махмутова М.И., 2022

© Makhmutova M., 2022

Проанализировав публикации в современной арабоязычной прессе, автор предложил свое видение причин продолжающегося вооруженного противостояния в Ливии, а также представил и проанализировал полный спектр позиций и роли основных ливийских племен в ходе гражданского конфликта, особенно, его последнего витка, что дает достаточно полное представление о сложности внутренней ситуации в североафриканской стране.

В выводе указаны основные причины, по которым Ливия как страна в настоящее время не может представлять единое и целое образование. Проблема заключается преимущественно в сложной этнической и племенной ситуации, а также в стремлении отдельных племен к автономному существованию.

**Ключевые слова:** Ливия, Триполитания, Киренаика, Феццан, Триполи, Правительство национального согласия, Ливийская национальная армия, Варфалла, Каддафа, Маграха

**Для цитирования:** Махмутова М.И. Политические позиции ливийских племен в ходе гражданской войны (2019–2020 гг.) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 361–406, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-1>

**Благодарности:** Автор выражает благодарность научным сотрудникам отдела Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, научному руководителю – ведущему научному сотруднику ЦАИИ ИВ РАН, кандидату исторических наук А.В. Сарабьеву и старшему преподавателю НИУ ВШЭ Г.В. Лукьянову.

### Political stance of Libyan tribes during the Civil War (2019–2020)

**Abstract.** In this article, the author analyzes one of the most difficult problems in the Arab region, the civil war in Libya after the overthrow of Colonel Muammar Gaddafi in 2011. The author focuses on the fresh round of the escalation of the conflict (2019–20) between the eastern and western centers of power. The paper presents the importance of the political positions of Libyan tribes in the course of hostilities and their impact on the internal situation.

The key issue of the study considered in the article directly concerns the political positions of the main clans within Libya. The author explains why some of the clans decided to participate in the military campaign on the side of the Libyan National Army, while the other defended the Government of National Accord; there were also those who adopted the position of non-interference in national affairs, since they sought to maintain autonomy.

The main purpose of this work is to demonstrate the specifics of the Libyan problem, which is not only the desire of Tripolitania, Cyrenaica and Fezzan for their autonomous existence but also the internal contradictions between different tribes. It remains one of the most important factors hindering the unification of the country.

After analyzing the publications in the modern Arabic-language press, the author offered her vision of the reasons for the ongoing armed confrontation in Libya and also presented and analyzed the full range of political positions and the role of the main Libyan tribes during the civil conflict, especially its latest round, which gives an idea of the complexity of the internal situation in Libya.

The conclusion indicates the main reasons why Libya as a country cannot currently be a single and whole entity. The problem lies mainly in the complex ethnic and tribal situation as well as in the desire of individual tribes for an autonomous existence.



**Key words:** Libya, Tripolitania, Cyrenaica, Fezzan, Tripoli, Government of National Accord, Libyan National Army, Warfalla, Gaddafi, Magraha

**For citation:** Makhmutova, M.I. "Political stance of Libyan tribes during the Civil War (2019–2020)." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2 (2022): 361–406, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-1>

**Acknowledgments:** The author expresses her gratitude to the research staff of the Center of Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, her scientific advisor, leading researcher of the Center of Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Historical Sciences A. Sarab'ev, and to Senior Lecturer of the Higher School of Economics University G. Luk'yanov.

## Введение

После падения режима Муаммара Каддафи (1969–2011 гг.), старавшегося соблюдать аккуратный баланс между различными племенами<sup>1</sup>, в силу обострения проблемы безопасности из-за постоянных войн и локальных столкновений ливийцы стали объединяться вокруг шейхов и племенных командиров<sup>2</sup>. В данной связи резко возросло влияние клановой системы. Стоит отметить, что это стало одним из важнейших факторов, препятствующих объединению страны, поскольку любому видному политическому деятелю приходится договариваться с главами племен, имеющими очень различающиеся, а порой и весьма жесткие позиции по многим вопросам. При этом крупные кланы занимают влиятельные позиции внутри Ливии и способны навязывать свое политическое и военное видение, что предопределяет стратегии ключевых действующих лиц.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нем впервые в русскоязычной литературе подробно раскрывается внутренняя структура ливийского общества после гибели М. Каддафи. В статье демонстрируется поведение племенных образований, их роль и влияние в Ливии, а также анализируется их способность устанавливать внешние контакты и связи.

Что касается научной разработанности данной тематики, то среди русскоязычных авторов ливийским конфликтом занимались такие ученые как Ю.Н. Зинин<sup>3</sup>, К.М. Труевцев<sup>4</sup>, Г.В. Лукьянов<sup>5</sup>. Более подробно данная

<sup>1</sup> См. подробнее: *Егорин А.З.* Муаммар Каддафи. Москва: ИВ РАН, 2009.

<sup>2</sup> *Lavrilleux A.* Libya: what is behind the rise of the tribes? // *The Africa Report*. 21.08.2020. URL: <https://www.theafricareport.com/38093/libya-what-is-behind-the-rise-of-the-tribes/> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>3</sup> *Зинин Ю.Н.* Основные участники внутривосточного конфликта в Ливии // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 3 (297). С. 96–117.

проблематика освящена в трудах зарубежных исследователей, а именно немецкого автора В. Лахера<sup>6</sup>, британских ученых Дж. Жоффе<sup>7</sup> и И. Черстича<sup>8</sup>.

### Триполитания

Перепись населения Ливии 2004 г. при М. Каддафи демонстрировала, что в стране проживает около 6 млн граждан. За время постоянных гражданских войн и миграции к 2021 г. оно выросло лишь примерно на 1 млн человек. Наиболее заселенной частью государства остается северо-западный регион, Триполитания, где проживает около 2/3 всего населения.

Столицу региона *Триполи* населяют представители трех этносов: арабы (коренные ливийцы), турки и берберы. Часть турок на этих землях появилась еще во времена Османской империи и до наших дней сумела сохранить свою идентичность, а другая часть – осела при М. Каддафи, когда турецкие граждане стали приезжать в Ливию для заработка. В силу исторических особенностей в регионе сохраняется негласное социальное разделение: турецкие кланы имеют в обществе более высокие позиции, чем арабские и берберские<sup>9</sup>. Совокупное количество крупных триполитанских семей достигает 300<sup>10</sup>. Из-за внутренней раздробленности городского населения на многочисленные кланы военизированные ополчения формируются либо на основе договоренностей семей, либо на базе приверженности определенных групп населения различным течениям ислама<sup>11</sup>. Этими ополчениями город разделен на сферы влияния, военные стычки между ними нередки и возникают из-за соперничества за контроль над столицей. Мелкие ссоры и нарушения не единожды перетекали в

---

<sup>4</sup> Труевцев К.М. Распад в Ливии как фактор напряженности в Африке и Средиземноморье // Россия и мусульманский мир. 2017. № 4 (298). С. 80–98.

<sup>5</sup> Лукьянов Г.В. Ливия и Иран: от общности интересов «государств-изгоев» к новой политической реальности // Международные отношения. 2015. № 1. С. 78–91.

<sup>6</sup> Lacher W. Libya's fragmentation: Structure and process in violent conflict. London: Bloomsbury Publishing, 2020.

<sup>7</sup> Joffè G. Libya: The new geopolitical arena // The Journal of North African Studies. 2020. Vol. 25 (5). P. 681–688.

<sup>8</sup> Cherstich I. When tribesmen do not act tribal: Libyan tribalism as ideology (not as schizophrenia) // Middle East Critique. 2014. Vol. 23, no. 4. P. 405–421.

<sup>9</sup> Hal' takhsun qaba'il' al'-gharb al'-libii at-tavazun ba'ad tahthirihā al'-atraf? [Племена на западе Ливии восстанавливают равновесие после предупреждения турок?] // Sputnik. 17.01.2020. URL: [https://arabic.sputniknews.com/arab\\_world/202001171044096632--مرحبة-بالقوات-مصرية-هل-تحسم-قبائل-الغرب-الليبي-التوازن-بعد-تحذيرها-الأتراف؟](https://arabic.sputniknews.com/arab_world/202001171044096632--مرحبة-بالقوات-مصرية-هل-تحسم-قبائل-الغرب-الليبي-التوازن-بعد-تحذيرها-الأتراف؟) (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>10</sup> Khalid Muhammad at-Tilisi. Mu'ajjam sukkan Libya [Словарь населения Ливии]. Ливия: Дар ар-Рибан, 1991. С. 7.

<sup>11</sup> Karim M. Conspiracism in and Around Libya // The International Spectator. 2016. Vol. 51 (2). P. 115.

конфликты, которые приводили к уличным перестрелкам и нападениям. Любая власть временного правительства в столице после падения режима М. Каддафи могла существовать до тех пор, пока ее представители спонсировали эти группировки и сохраняли между ними баланс. Кроме того, такие государственные деятели в составе Правительства национального согласия (ПНС), как премьер-министр Ахмад Майтыг, министр иностранных дел Фатхи Башага и глава Высшего государственного Совета Халед аль-Мишри, сформировали несколько собственных ополчений, лояльных только им.

Во время последней гражданской войны ополчения Триполи воевали не столько за ПНС, которое никогда не было для них авторитетом, сколько против Ливийской национальной армии (ЛНА), поскольку в случае ее победы все они могли быть физически уничтожены. Внешняя угроза заставила их координировать действия. Представители разрозненных ополчений смогли пойти на такой шаг, поскольку понимали, что в случае сдачи, их, скорее всего, либо посадят в тюрьму и будут пытаться, либо казнят как политических преступников. Данные настроения опирались как на опыт кровавых событий 2014 г., когда маршал ЛНА Халифа Хафтар и Палата представителей бежали на восток, так и на острое неприятие племен Киренаики – «Братьев-мусульман», засевших в столице. С момента прибытия в Триполи в начале 2020 г. турецких и сирийских наемников глава ПНС Ф. Саррадж, имея ограниченный финансовый запас, стал урезать выплаты ливийским ополчениям и сокращать им поставки вооружения. Это вызвало негодование в рядах военных, приведшее к тому, что ряд столичных ополчений в течение нескольких недель отказывались воевать с ЛНА.

В *Мисурате* проживают 26 арабских кланов, 15 турецких, а также осевшие на окраине города берберы из племен Бани Хиляль и Салим. Этнические турки в Мисурате составляют примерно 1/3 населения, а представители их кланов наиболее успешно работают в сфере торгово-экономического партнерства с зарубежными компаниями. После падения режима М. Каддафи племена Мисураты постоянно стремились отстоять автономию, а крупные бизнесмены пытались сделать свой город главным торговым центром Ливии, чтобы гарантировать безопасность своим иностранным партнерам. К тому же племена Мисураты смогли организовать разрозненные ополчения таким образом, что даже во время войны с ИГИЛ в 2016 г. штаб-квартиры крупных зарубежных компаний не пострадали<sup>12</sup>. В силу активности местных турецких кланов наиболее успешно с ними ведут дела именно граждане Турции, чьи компании

<sup>12</sup> Lefèvre R. An Egyptian Scenario for Libya? // The Journal of North African Studies. 2014. Vol. 19 (4). P. 603.

наиболее часто регистрируются в единственной беспопыленной зоне Ливии – в аэропорту Мисураты.

Во время агрессии боевиков ИГИЛ в 2016 г. ополчения Мисураты в составе около 10 тыс. человек оказывали значительную поддержку ЛНА в борьбе с террористами в Сирте и на юге Ливии<sup>13</sup>. Когда Х. Хафтар начал свою кампанию против ПНС в 2019 г., кланы города разошлись во мнениях о том, на какую сторону им следует стать. Так, три ополчения, которые являются последователями «Братьев-мусульман», встали на защиту Триполи. Многие племена Мисураты вообще отказались участвовать в войне. При этом некоторые арабские шейхи города не единожды вели переговоры с Х. Хафтаром о том, что при определенных условиях Мисурата готова его поддержать, а также выступить против турецкой экспансии<sup>14</sup>. Вдобавок к этому, Лига ливийских племен в Мисурате не признала меморандум между ПНС и Анкарой по морским зонам (2019 г.)<sup>15</sup>. В ходе переговоров с представителями города маршал требовал от них изгнать всех членов «Братьев-мусульман» и начать уголовное расследование в отношении тех лиц, которые были виновны в военных преступлениях. На этот шаг Мисурата не согласилась. Когда зашла речь о возможности египетской интервенции в страну, раскол племен стал еще более очевиден. Некоторые представители города в июле 2020 г. даже приезжали в Каир для переговоров с египетской делегацией. Однако вскоре после их возвращения ряд кланов стали требовать их ареста, отвергая любые попытки вмешательства Египта в дела Ливии<sup>16</sup>.

Стоит отметить, что в Триполитании наиболее важным считается племя *Варфалла*, численностью более 1 млн человек. Их формальным центром считается город Бени Валид, где проживают выборные шейхи<sup>17</sup>. После 2012 г. они создали «Социальный совет племен Варфалла», состоящий из 10 уважаемых шейхов, которые являются представителями самых больших

<sup>13</sup> Lacher W. Libya's Fragmentation: Structure and Process in Violent Conflict. P. 113.

<sup>14</sup> Abdel Hadi Rabi'. Tard al-quwwat al-ajnabiya.. qaba'il Misrata tujjaddid da'amaha li-l-jeish al-libii [Изгнание иностранных войск. Племена Мисураты возобновляют свою поддержку ливийской армии] // Al-Ain al-ikhbarii. 05.01.2021. URL: <https://al-ain.com/article/misurata-tribes-foreign-forces-libya> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>15</sup> Qaba'il Misrata tu'allin rafdaha li-ittifaqiya as-Sarraaj wa-Irdogan [Племена Мисураты объявили о непризнании соглашения Сарраджа и Эрдогана] // Africa Gate News. 30.11.2019. URL: <https://www.afrigatenews.net/article/قبائل-مصر-اتة-تعلمن-رفضها-لاتفاقية-السراج-وأردوغان> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>16</sup> Qaba'il Libya tarfud tadakhkhul al-jeish al-misrii fi-l-balad wa-tutalib bi-i'atigal "wafd as-Sisi" [Ливийские племена против вхождения армии Египта в страну и требуют арестовать «делегацию ас-Сиси»] // Al-Quds al-'arabii. 19.07.2020. URL: <https://www.alquds.co.uk/قبائل-ليبيا-ترفض-تدخل-الجيش-المصري-في-ا> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>17</sup> Lacher W. Libya's local elites and the politics of alliance building. P. 73.

семей племени. Данный Совет играет роль единственного законного представителя жителей Бени Валида, именно он принимает важнейшие решения, а также координирует деятельность бизнеса в городе. Важно помнить, что после падения режима М. Каддафи Совет официально не признал ни одно правительство Ливии<sup>18</sup>. Такое противодействие официальным властям объясняется тем, что многие представители племени рассматривались в Триполи как преступники, так как в 2011 г. члены Варфаллы защищали полковника и его семью. После гибели М. Каддафи участников его защиты обвинили в военных преступлениях и выдали ордера на их арест. Однако Совет укрыл защитников М. Каддафи в городе и не собирается их выдавать официальным властям.

Важно отметить, что после 2011 г. ополчения племени Варфалла часто стояли щитом между радикальными группировками и мирным гражданским населением<sup>19</sup>. Данный клан имеет сильное влияние в стране, его Совет нередко призывается другими племенами для решения разногласий в разных регионах<sup>20</sup>. Помимо этого, именно племя Варфалла контролирует юго-западную границу между Ливией и Алжиром, а также сохраняет контроль над нефтепроводами, которые соединяют месторождение Эль-Филь с северо-западными городами Ливии.

Представители племени Варфалла занимают нейтральную позицию по отношению к восточным и западным правительствам. Но принимая во внимание то, что Совет чаще проводит встречи с главой Палаты представителей в Тобруке Акилой Салехом, правительством Абдаллы ат-Тани и маршалом Х. Хафтаром, можно сделать предположение об их тяготении к восточному блоку<sup>21</sup>. Об этом же может говорить и тот факт, что в 2019 г. они дали ЛНА беспрепятственно войти на территорию городов Тархуны и Бени Валид, а также разместить там свои боеприпасы. Главным раздражающим фактором для Варфаллы на западе страны является присутствие там турецких

<sup>18</sup> Лукьянов Г.В. Ливия и Иран: от общности интересов «государств-изгоев» к новой политической реальности. С. 82.

<sup>19</sup> Al-Qaba'il al-libii.. al-Kharita al-kamila wa-haqiqa "ar-raqm as-sa'ab" [Ливийские племена: Полная и правильная карта, «тяжелые цифры»] // Sky News Arabia. 17.07.2020. URL: <https://www.skynewsarabia.com/middle-east/1361705-القبائل-الليبية-الخريطة-الكاملة-وحقيقة-الرقم> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>20</sup> Qabilat al-Kaththafa tafud qaba'il Warfalla li-ra'ab as-sada' wa-wa'ad al-fitna beina 'a'ilatei al-Jawatla wa-ad-Dawakil [Племя Каддафа делегирует племени Варфалла разрешение спора между племенами аль-Джаватла и ад-Давакиль] // Akhbar Libya. 30.11.2020. URL: <https://www.libyaakhbar.com/libya-news/1377807.html> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>21</sup> At-Tani yaltaqi qafdan min masha'ikh wa-a'iyana qabilat Warfalla [Ат-Тани встречается с главами племен] // Qanat Libya. 31.01.2021. URL: <https://libyaschannel.com/2021/01/31/النتي-يلتقي-وفدا-من-مشائخ-وأعيان-قبيلة> (дата обращения: 15.03.2021).



сил, которые племя воспринимает как колонизаторов<sup>22</sup>. При этом Совет официально поддержал решение восточного суда о том, что меморандум между ПНС и Анкарой по морским зонам (2019 г.) не имеет никакой силы<sup>23</sup>. Важно отметить, что, когда в 2020 г. египетский президент А.Ф. ас-Сиси заявлял о готовности ввести свою армию, чтобы остановить наступление ПНС на Сирт, шейхи данного племени выступили против этого, подчеркивая, что они не хотят потерять всю страну<sup>24</sup>. По-видимому, они опасались, что внутрививийский конфликт перерастет в региональный.

Другим важным племенем в Триполитании является *Каддафа* (из него происходил М. Каддафи). Племя преимущественно проживает в Сирте и его пригородах. Внутри него существует разделение на шесть кланов, два из них проживают в Триполи и Бенгази. Во времена правления М. Каддафи некоторые представители этого племени осели в южном городе Сабха и получили там особое влияние. Каддафа не столь многочисленное образование как Варфалла, оно всегда считалось средним племенем по ливийским меркам, около 100 тыс. человек<sup>25</sup>. После гибели полковника, по опыту других племен, Каддафа создали свой «Социальный совет». Он оказывает влияние на политику городов Сирт и Сабха, занимается установлением контактов с другими племенами (наиболее тесные контакты – с Варфаллой) и политическими лидерами. Также Совет занимается внутренними вопросами, такими, как урегулирование внутренних противоречий членов семьи, организация повстанческих групп, распределение финансовых потоков<sup>26</sup>. Убийство М. Каддафи, тюремное заточение, а также пытки его сыновей и других представителей племени, стали причинами того,

---

<sup>22</sup> ‘Aqila Saleh yaltaqi wafdan qaba’il Warfalla fi-l-Qubba [Акила Салех встречается с делегацией племени Варфалла в Куббе] // Akhbar Libya. 27.01.2021. URL: <https://goo.su/4HZMzv> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>23</sup> Mahkama bi-sharq tubtil’ ittifaqiyat as-Sarraj ma’a Turkiya [Суд на востоке отвергает соглашения Сарраджа с Турцией] // Akhbar Libya. 28.01.2021. URL: <https://www.libyaakhbar.com/libya-news/1436366.html> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>24</sup> Qaba’il Warfalla: l’a nurid ‘an yu’addi d’ia’ Libya li’d’ia’ al-jeish al-misrii [Племена Варфаллы: мы не хотим, чтобы потеря Ливии привела к потере египетской армии] // Russia Today. 18.07.2020. URL: [https://arabic.rt.com/middle\\_east/1135565--قبايل-ورفلة-ضياح-ليبيا-في-ضياح](https://arabic.rt.com/middle_east/1135565--قبايل-ورفلة-ضياح-ليبيا-في-ضياح) /جيش-مصر-مؤامرة (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>25</sup> Anur Mahmud Znati. Al-Qaba’il al-libiya wa-daqrhuha fi taqrir masir al-bilad [Значение ливийских племен в судьбе страны] // Al-Bayan. 21.09.2011. URL: <https://www.albayan.co.uk/MGZarticle2.aspx?ID=1412> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>26</sup> Sabha.. Ihda’ natijat al-musllaha beina ad-Dawakil wa-Djawatla li-Seif al-Islam al-Kaddafi [Сабха: Затишье – результат разрешения спора между ад-Давакиль и Джаватла благодаря Сейфу аль-Исламу Каддафи] // Bawabat Ifriqiya al-ikhbariya. 12.12.2020. URL: <https://www.afrigatenews.net/article/سبها-إهداء-نتيجة-المصالحة-بين-الدواقل-والجطالوة-لسيف-الإسلام-القذافي/> (дата обращения: 15.03.2021).



Машашия после 2011 г. не единожды происходили вооруженные конфликты<sup>31</sup>. Чаще всего они были связаны с взаимными произвольными арестами и постоянно приводили к кровавым расправам<sup>32</sup>. Все новые витки уличных военных действий, обостряющих проблему безопасности, периодически прекращаются только в случае официальных договоренностей старейшин обоих племен<sup>33</sup>.

В ходе «арабской весны» члены Машашия вначале встали на сторону полковника, но уже к концу весны 2011 г. заняли нейтральную позицию<sup>34</sup>. Важно отметить, что данное племя никогда не выражало свою лояльность новым ливийским правительствам. После создания ПНС и начала работы нового аппарата в 2016 г. представители Машашия постоянно критиковали его и практически никогда не высказывали своего одобрения действиям Ф. Сарраджа<sup>35</sup>. Преимущественно это было связано с плохим управлением на местах, а именно постоянными перебоями с поставками продуктов питания, воды, топлива и крайне ограниченной гуманитарной помощи<sup>36</sup>.

Во время гражданской войны 2019–2020 гг. ополчения Машашия раскололись по идеологическим принципам. Так, боевые крыло «Горные Львы» во главе с Али Машиши поддержало Х. Хафтара в его борьбе с террористами в столице и направило свое подкрепление в ряды ЛНА<sup>37</sup>. Аналогично поступили представители данного племени на юге страны<sup>38</sup>. Однако одна из военных

<sup>31</sup> Труевцев К.М. Распад в Ливии как фактор напряженности в Африке и Средиземноморье. С. 91.

<sup>32</sup> Libiya: ishtibakat beina muqatiei az-Zintan wa-qabilat al-Mashashiya fi Tarabulus [Ливия: Столкновения между боевиками Зинтана и племенем Машашия в Триполи] // Al-Akhbar. 13.12.2011. URL: <https://al-akhbar.com/Arab/98998> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>33</sup> Beina az-Zintan wa-l-Mashashiya.. Sira'a qaba'il yuhaddid amn Libya [Между Зинтаном и Машашией: Племенной конфликт, угрожающий безопасности Ливии] // Aswat magharibiya. 16.07.2018. URL: <https://www.maghrebvoices.com/2018/07/16/بين-الزنتان-والمشاشية-صراع-قبائل-يهدد-امن-ليبيا> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>34</sup> Strazzari F. Libyan Arms and Regional Instability // The International Spectator. 2014. Vol. 49 (3). P. 62.

<sup>35</sup> Зинин Ю.Н. Основные участники внутривнутриполитического конфликта в Ливии. С. 101.

<sup>36</sup> Qaba'il al-Mashashiya tahmul ar-ri'asii mas'uliyah ma yahdus li-l-Mashi [Племена Машашия возлагают на президента ответственность за то, что происходит с людьми] // Qanat Libya. 19.07.2019. URL: <https://libyachannel.com/2019/07/19/قبائل-المشاشية-تحمل-الرئاسي-مسؤولية-م-ما-يحدث-لي-المشاشي> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>37</sup> Abdel Hadi Rabi'. Qabila libiya musanadat al-jeish didda milishiya Tarabulus [Ливийское племя заявляет о поддержке армии против ополчения Триполи] // Al-'Ain al-ikhbarii. 05.06.2019. URL: <https://al-ain.com/article/mashashia-army-tripoli> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>38</sup> Qabilat al-Mashashiya bi-l-janud tu'akkid da'amaha li-l-'amaliyat al'askariya li-l-jeish [Племя Машашия на юге подтверждает свою поддержку военных операций армии] // Sahifat

групп клана Машашия встала на сторону ПНС и длительное время воевала под руководством выходца из Зинтана Усамы аль-Джувеили. Однако их лояльность по отношению к Триполитанским властям обратилась в ненависть после того, как в столицу направились потоки турецких и сирийских наемников. В этом свете они предпочли уйти из города и перейти на нейтральную сторону<sup>39</sup>.

Что касается берберо-арабского племени *Зинтан*, то после 2011 г. оно постаралось сконцентрировать свою власть в г. Зинтан и продолжает контролировать нефтяные месторождения на западе страны<sup>40</sup>. Данный клан создал пять военизированных ополчений, которые считаются очень эффективными и хорошо вооруженными<sup>41</sup>. Старейшины племени всегда умели находить общий язык с Триполитанскими властями. Их главным требованием ко всем переходным советам было и остается невмешательство во внутренние дела племени и его нефтяные контрабандные сделки с мальтийскими компаниями<sup>42</sup>.

Важно отметить, что в ходе последнего витка гражданской войны старейшины племени Зинтан хотели остаться в стороне от военных действий. Однако командир и член клана У. аль-Джувеили попытался склонить их на сторону ПНС. Учитывая весомую роль этого командира внутри племени, шейхи согласились предоставить ему два ополчения. Остальные же остались в самом г. Зинтан. Когда кампания ЛНА столкнулась с турецким отпором, Х. Хафтар начал личные переговоры со старейшинами данного клана. Они выказали ему свою лояльность и подтвердили, что готовы выступить против турецкой и катарской экспансии в стране<sup>43</sup>. Однако, когда ЛНА стала отступать

---

al-‘unwan. 02.02.2019. URL: <https://www.addresslibya.com/archives/54263> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>39</sup> Al-Libiun mutawahhidun didda tadakhkhul Turkiya wa-“l-Wifaq” fi ghiyaghib al-‘azla [Ливийцы едины против вмешательства Турции и изоляции ПНС] // Аль-Баян. 05.01.2020. URL: <https://www.albayan.ae/one-world/arabs/2020-01-05-1.3744077> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>40</sup> *Mahmud Djimal Abdel ‘Adi*. At-Tariq ila-l-istiqrar.. Ma’rakat Tarabulus wa-mustaqbal as-sira’ as-siyasii fi Libya [Дорога к стабильности: битва за Триполи и будущее политического конфликта в Ливии] // Al-Markaz al-‘arabii li-l-buhuth wa-ad-dirasat. 25.04.2019. URL: <http://www.acrseg.org/41186> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>41</sup> *Raineri L.* Security and informality in Libya: militarisation without military // Conflict, Security & Development. 2019. Vol. 19 (6). P. 592.

<sup>42</sup> *Fasanotti F.S.* Libya: a nation suspended between past and future // *Studia Diplomatica*. 2017. Vol. 68, no. 4. P. 97.

<sup>43</sup> *Abdel Hadi Rabi’, Abdel Salam at-Turkii*. Qaba’il az-Zintan al-libiya ba’ad liqa’ Haftar.. naqif didda tadakhkhul Turkiya wa-Qatar [Ливийские племена Зинтан после встречи с Хафтаром: мы против вмешательства Турции и Катара] // Al-‘Ain al-Ikhbarii. 17.08.2019. URL: <https://al-ain.com/article/advisor-zintan-turkey-terrorist> (дата обращения: 15.03.2021).

к Сирту, а Египет заявил о своей готовности ввести войска в Ливию, представители Зинтан выступили против таких мер. Данная позиция обусловлена тем, что старейшины были напуганы возможностью того, что Ливия может стать полем войны для Каира и Анкары.

В целом Триполитания остается неоднородным регионом по своему этническому составу. При этом, как показывает практика, чем крупнее город в этой части страны, тем мельче клановые образования, что ведет к бóльшей фрагментации населенного пункта, поскольку каждая влиятельная семья имеет свои убеждения и позиции. Кроме того, сформированные после 2011 г. военные ополчения поделили между собой кварталы, а это является свидетельством раздробленности самих городов. Договороспособность между племенами в Триполитании остается крайне низкой, и заключение договоров возможно только тогда, когда главы племен видят либо общую выгоду, либо единую угрозу выживанию.

### Киренаика

Регион Киренаики еще более разнообразен по мозаичной палитре проживающих там племен. Наиболее сильным является клан *Обейдат*, состоящий из 15 подплеменных образований. Даже в период правления М. Каддафи он имел сильное влияние на востоке страны, а в 2011 г., еще на этапе зарождения революции, данное племя выступило против действующего тогда режима<sup>44</sup>. Обейдат оказывает сильное влияние на политику всего региона, проводником интересов племени является глава Палаты представителей в Тобруке А. Салех, член данного клана<sup>45</sup>. Учитывая, что клан всегда претендовал на представительство во властных структурах Триполи и пытался лоббировать интересы Киренаики, а временные правительства в столице не были готовы подпускать его представителей к властным полномочиям, отношения между ними никогда не налаживались. Кроме того, старейшины Обейдат на протяжении 10 лет продолжают винить своих политических конкурентов в столице в их причастности к смерти генерала Абдель Фаттаха Юниса (члена клана) в 2011 г., а бывшего главу Национального переходного совета Мустафу Абдель Джалиля обвиняют непосредственно в гибели генерала<sup>46</sup>.

<sup>44</sup> Issaev L., Zakharov A. Decentralization in Libya after the Arab Spring // Middle East Policy. 2020. Vol. 27 (1). P. 59.

<sup>45</sup> Joffè G. The Trojan horse: the Madkhali movement in North Africa // The Journal of North African Studies. 2018. Vol. 23 (5). P. 743.

<sup>46</sup> Qabilat al-'Obeidat tattahim Mustafa Abdel Jalil bi-t-tawarrut fi qatl Abdel Fattah Yunis [Племя Обейдат обвиняет Мустафу Абдель-Джалиля в причастности к убийству Абдель-





Сирта от ИГИЛ. В 2017 г. стало известно, что некоторые члены данного племени, проживавшие в Египте, скорее всего при поддержке режима А.Ф. ас-Сиси, перебравшись в Ливию и влились в армию Х. Хафтара<sup>51</sup>. Во время кампании ЛНА против властей Триполи все шейхи Фарджан поддержали маршала, а когда появились сообщения о переправке сирийских и турецких наемников в Ливию, выступили с резким осуждением экспансионистской политики Анкары и Дохи<sup>52</sup>.

В свою очередь племя *Авакир*, имевшее сильное влияние во времена короля Идриса I (1951–1969 гг.), во властных структурах полковника Каддафи было представлено весьма ограниченно. После революции данный клан также не принимал активного участия в политической жизни страны, а его представители не занимали важных должностей в переходных органах. С 2014 г. данное племя всегда поддерживало Х. Хафтара, а ополчения Авакир стали входить в состав ЛНА. Важная роль племени была отмечена во время операции ЛНА «Достоинство» против группировки «Ансар аш-Шариа» в северных городах<sup>53</sup>. Однако в 2017 г. отношения Авакир с Х. Хафтаром были омрачены арестом в г. Сулуг (недалеко от Бенгази) представителя племени Нури Бу Фанара, бывшего в то время главным представителем клана и руководителем ополчениями Авакир во время войны с ИГИЛ<sup>54</sup>. Кроме того, тогда же в г. Сулуг в результате взрыва заминированного автомобиля был убит влиятельный член данного клана Абрик Аль-Лвати<sup>55</sup>. Эти убийства произошли из-за усиления в Бенгази позиций представителей Авакир, которые хотели ограничить влияние сыновей маршала, особенно в нефтяной сфере<sup>56</sup>. Подобные

<sup>51</sup> *At-Tibi U. Libiya.. As-Sisi wa-Butin wa-akharun.. au taghriba at-taqsim [Ат-Тыби У. Ливия: Сиси, Путин и другие: желание разделения] // Ujdja Siti. 14.06.2020. URL: <https://www.oujdacity.net/national-article-137542-ar/ليبيا-السياسي-وبوتين-والاخرين-أو تغري>.html* (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>52</sup> *Abdel Hadi Rabi'. Qabilat Farjan tu'allin da'am al-Jeish al-libiy didda tadakhkhul Turkiya wa-Qatar [Абдел Хади Раби'. Племя аль-Фарджан заявляет о поддержке ливийской армии против интервенции Турции и Катара] // Al-'Ain al-ikhbarii. 28.12.2019. URL: <https://al-ain.com/article/the-furjan-tribe-turkish-qatari-intervention> (дата обращения: 15.03.2021).*

<sup>53</sup> *Ronen Y. Libya: Teetering between war and diplomacy. The Islamic state's role in Libya's disintegration // Diplomacy & Statecraft. 2017. Vol. 28 (1). P. 116.*

<sup>54</sup> *Azeem I. Rise and fall?: The Rise and fall of ISIS in Libya. Carlisle, PA: US Army War College Press, 2020. P. 43.*

<sup>55</sup> *Ahmad Seid Abdel Hafiz. Ightiyal za'im akbar qaba'il shark Libya [Убийство вождя крупнейшего племени на востоке Ливии] // Al-'Ain al-ikhbarii. 19.05.2017. URL: <https://al-ain.com/article/libya-kill> (дата обращения: 15.03.2021).*

<sup>56</sup> *Haftar wa-l-'Awakir.. Tahaluf wa-tarbus [Хафтар и Аль-Авакир: Альянс и преследование] // Libya al-ahrar. 25.08.2019. URL: <https://libyaalahrar.tv/2019/08/25/-حقترو-العواقير-تحالف-وتربص> (дата обращения: 15.03.2021).*

меры воздействия на несогласных с политикой власти продемонстрировали, что Х. Хафтар продолжает действовать как М. Каддафи и предпочитает метод «кнута и пряника». Таким образом он пытается доказать свою главенствующую роль над племенами<sup>57</sup>.

В 2019–2020 гг. многие лидеры племени Авакир не участвовали в войне по захвату Триполи. Среди них были Салах Булгиб, командующий военной разведкой в войсках Х. Хафтара, Идрис Бугализа, командир 146-го пехотного батальона, Джибриль аль-Фарси, командир второго батальона Саика, Изз ад-Дин аль-Кавак, военный координатор между Главным командованием и племенем Авакир, и Аяд аль-Фасси, командир бригады Аулия аль-Дам<sup>58</sup>. Еще большее напряжение в отношениях между маршалом ЛНА и Авакир возникло, когда в середине февраля 2021 г. появилось сообщение об аресте в аэропорту Бенина одного из лидеров племени – Халеда Булгиба. Представители клана обвинили в этом сыновей Х. Хафтара и начали мобилизацию сил около Бенины и Ар-Раджмы, где располагается главный военный штаб ЛНА<sup>59</sup>.

В условиях натянутых отношений между маршалом и Авакир роль посредника осуществляет глава Палаты представителей в Тобруке А. Салех. Он начал проводить встречи с шейхами племени в Бенгази, чтобы сдержать внутренний раскол на востоке Ливии<sup>60</sup>. От старейшин клана А. Салех добился принятия его инициативы по урегулированию ливийского кризиса, которая включает преодоление политического раскола, вывод иностранных наемников из Ливии и восстановление государственного суверенитета<sup>61</sup>. Кроме того,

<sup>57</sup> Hal bad'at qaba'il ash-shark al-libii tahalla 'an Haftar? [Восточные ливийские племена начали отказываться от Хафтара?] // Al Jazeera. 06.09.2017. URL: <https://www.aljazeera.net/news/reportsandinterviews/2017/6/9/هل-بدأت-قبائل-الشرق-الليبي-تتخلى-عن-عنه> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>58</sup> A'id 'Amira. Qaba'il Libiya.. Kharitat ath-thaql wa-n-nufuz wa-t-tahalufat [Племена Ливии: карта веса, влияния и союзов] // Noon Post. 24.06.2020. URL: <https://www.noonpost.com/content/37436> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>59</sup> Tahshid wasi' li-afraad min qabilat al-'Awaqir ba'ad i'atiqal al-qiyadii Khalid Bulgheib [Массовая мобилизация членов племени Аль-Авакир после ареста лидера Халеда Булгиба] // Libya al-ahrar. 14.02.2021. URL: <https://libyaalahrar.tv/2021/02/14/تحشيد-واسع-لأفراد-من-قبيلة-العواقير-بعنه> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>60</sup> Hal bada'at qaba'il ash-sharq al-libii takhalla 'an Haftar? [Восточные ливийские племена начали отказываться от Хафтара?] // Al Jazeera. 09.06.2019. URL: <https://www.aljazeera.net/news/reportsandinterviews/2017/6/9/هل-بدأت-قبائل-الشرق-الليبي-تتخلى-عن-عنه> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>61</sup> Qaba'il al-Ashraf wa-l-Murabatin wa-l-'Awaqir tu'akkid da'amaha li-mubadarat 'Aqila Saleh [Племена Аль-Ашраф, Аль-Мурабитин и Аль-Авакир подтверждают свою поддержку инициативы Акилы Салеха] // Akhbar Libya 24. 11.11.2020. URL: <https://akhbarlibya24.net/2020/10/11/قبائل-الأشرف-والمرابطين-والعواقير-تؤكد-دعمها-للمبادرة-أقيلة-سليح> (дата обращения: 15.03.2021).

результатом посредничества А. Салеха стало то, что в свете турецкой экспансии племя Авакир вновь стало поддерживать ЛНА<sup>62</sup>, а самый видный представитель Авакир – шейх Салех Бухрейс аль-Казза – в 2020 г. выступил в поддержку египетской интервенции в Ливию, чтобы оказать сопротивление Анкаре<sup>63</sup>.

Ограниченное по численности арабское племя *Завийя* имеет занимает важное место в ливийском обществе по причине своего географического положения. Клан проживает в районе нефтеэкспортных установок и в регионах нефтяных запасов, а именно от залива Сидра до оазиса Куфра. Еще в 2011 г., когда в восточной части Ливии военные силы М. Каддафи начали силовые репрессии против демонстрантов, глава племени Фарадж аз-Зувайя пригрозил прекратить экспорт энергоносителей<sup>64</sup>. Дав полковнику 24 часа и не дождавшись исполнения требований, он выполнил ультиматум<sup>65</sup>. Уже после революции представители Завийя не раз выступали за раздел национального богатства, так как планировали сохранить контроль над ливийской нефтью на востоке страны<sup>66</sup>.

Ныне роль верховного шейха клана выполняет ас-Сенуси аль-Халик аз-Завийя, который выступал против правительства ПНС. Данная позиция была обусловлена тем, что при его формировании не были учтены интересы племени. По этой причине племя Завийя согласилось встать на сторону правительства А. ат-Тани и маршала Х. Хафтара, обеспечив тем самым

---

<sup>62</sup> *Hala Amin*. Shabab qabilat al-‘Aqir: nad’um al-jeish al-libii didda al-‘udwan at-turkii [Молодежь племени Аль-Авакир: Мы поддерживаем ливийскую армию против турецкой агрессии] // *Dustur*. 03.01.2020. URL: <https://www.dostor.org/2959368> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>63</sup> *Awatif al-Wasif*. (Khas) Sheikh qabilat al-‘Awaqir yakshif tafasil ziyarat wafd al-qaba’il ila Misr [(Эксклюзив) Шейх племени аль-Авакир раскрывает подробности визита делегации племен в Египет] // *At-Tariq*. 15.07.2020. URL: <https://www.altreeq.com/154445> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>64</sup> *Евсеев В.В.* Ливийский кризис и его влияние на нефтяной рынок // *Геоэкономика энергетики*. 2020. Т. 10, № 2. С. 23.

<sup>65</sup> *AlJazeera*: za’im qibalii libii uhaddid bi-waqf sadirat ah-nift [Аль-Джазира: вождь ливийского племени угрожает прекратить экспорт нефти] // *Reuters*. 21.02.2011. URL: <https://www.reuters.com/article/oegtp-libya-threat-my3-idARACAE71J14820110220> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>66</sup> ‘Qabilat Zawiya’ taqud taqsim ath-thaura.. wa-khubara’ ya’qifun ‘ala wadi’ al-aliyat fi Libya [Племя Завия возглавляет инициативу по разделу богатства: эксперты работают над разработкой механизмов в Ливии] // *Al-Youm as-sabi’*. 27.01.2020. URL: <https://www.youm7.com/story/2020/1/27/-قبيلة-زوية-تقود-مبادرة-تقسيم-الثروة-وخبراء-يعكفون-على-وضع/4605298> (дата обращения: 15.03.2021).







Не менее влиятельное племя *Маграха* было одним из тех, на кого опирался М. Каддафи. Члены клана входили в силовые и разведывательные структуры при Джамахирии и оставались верными полковнику до самого конца. В качестве своего центра Маграха избрало г. Аджабия, находящийся в 150 км от Бенгази. Представители племени преимущественно проживают в городах на северо-востоке страны от Аджабии до Сирта, а также в районе Нефтяного полумесяца. Это позволяет им контролировать нефтяные порты, а также углеводородные месторождения. В 2013 г., во время конфликта Маграха с временным правительством в Триполи, шейхи племени приняли решение о закрытии ряда нефтяных терминалов, а впоследствии заявили о непризнании данного правительства.

С 2016 г. Маграха заявляет о своей лояльности маршалу Х. Хафтару и направляет в состав ЛНА свои ополчения<sup>74</sup>. Данную позицию шейхи объясняют следующим образом: они воспринимают ЛНА как ополчение, подобное тому, которое было создано Умаром аль-Мухтаром во время борьбы с итальянским колониализмом (1923–1931 гг.). Действия США и стран НАТО с 2011 г. они восприняли как неокOLONиальную политику, целью которой является порабощение ливийцев<sup>75</sup>. Маграха поддержало Х. Хафтара в его военной кампании против ПНС<sup>76</sup>. Они выступили также против турецкой экспансии и переброски сирийских наемников в страну. При этом важно отметить, что, несмотря на неоднократное участие представителей племени на специальных заседаниях в Каире, посвященных межплеменному примирению Ливии, Маграха не доверяет официальным властям Египта. Это связано с тем, что режим А.Ф. ас-Сиси причастен к гибели нескольких сотен членов клана. В данной связи шейхи племени осудили не только Каир за намерение направить войска в Ливию для противодействия Турции, но и те племена, которые поддержали эту инициативу Египта<sup>77</sup>.

<sup>74</sup> Naftar wa-hukumat al-Wifaq.. man yaseitar ‘ala janub Libya al-gharbi? [Хафтар и Правительство национального согласия: Кто контролирует юг западной Ливии?] // Noon Post. 08.01.2017. URL: <https://www.noonpost.com/content/16074> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>75</sup> Sheikh qabilat al-Maghariba al-libiya: al-qaba’il da’amat al-jeish al-watanii bi-qiyyadat al-mushir Naftar [Шейх ливийского племени Маграха: Племена поддержали национальную армию во главе с фельдмаршалом Хафтаром] // Youm as-sabi’. 19.12.2016. URL: <https://www.youm7.com/story/2016/9/19/-بقيادة-الوطني-الجيش-دعمت-القبايل-الليبية-المغاربة-القبائل-دعمت-الجيش-الوطني-بقيادة-المشير/2888334> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>76</sup> ‘Al-Maghraha’ tujaddid da’amaha li-l-jeish al-libii “didda al-irhab” [Аль-Маграха возобновляет поддержку ливийской армии «против терроризма»] // Al-‘Ain al-ikhbarii. 06.11.2020. URL: <https://al-ain.com/article/libyan-tribes-support-army-rejection-turkish-1> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>77</sup> Qabilat al-Maghariba tudin liqa’ mashaikh Naftar bi-s-Sisi talaban li-tadakhkhulih [Племя Маграха осуждает встречу с Сиси шейхов Хафтара, которые просят его вмешаться в



оружием, чтобы они могли оказывать сопротивление террористам «Аль-Каиды»<sup>81</sup>.

В 2019 г., до военной кампании против ПНС, впервые с момента революции, благодаря усилиям Х. Хафтара и А. Салеха удалось добиться перемирия между племенами Авляд Сулейман и Каддафа, которое было подписано в Сирте<sup>82</sup>. К моменту нового витка гражданской войны (2019–2020 гг.) представители Авляд Сулейман поддерживали ЛНА, однако не отправляли свои ополчения на северо-запад Ливии<sup>83</sup>. Резкие заявления от шейхов племен стали поступать после введения турецких военных в столицу. Они назвали действия Анкары оккупацией, а также не признали меморандумов, подписанных между ПНС и Турцией, о военной помощи и о разделе морских границ (2019 г.)<sup>84</sup>. На фоне происходящего члены Авляд Сулейман стали вспоминать и об исторических ранах, а именно, о борьбе ливийских племен с Османскими войсками в XIX в. и гибели членов своего племени в той войне. Так, нынешний глава высшего совета племени Масуд ат-Тамами заявил, что отвергает любой компромисс с Анкарой<sup>85</sup>.

Что касается *тубу*, то они являются как арабским, так и негроидным племенем. Оно состоит из 50 кланов, а количество членов этой этнической группы в Ливии достигает 250 тыс. человек<sup>86</sup>. Преимущественно они проживают в Сахаре и горах Тибести, беспрепятственно проникают на территории Чада и Нигера. Оседлая часть племени живет в таких городах как Сабха, Мурзук и Куфра. Тубу со светлой кожей также проживают в Бенгази и

<sup>81</sup> Naftar yastaqbal wafdan min mashaikh qabilat Awlad Suleiman [Хафтар встречается с делегацией из племени Авляд Сулейман] // Ewan Libya. 06.12.2019. URL: <http://ewanlibya.ly/news/news.aspx?id=340867> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>82</sup> Al-Mujtama' al-libii yasna' al-hall ba'idan 'an hisabat as-siyasa [Ливийское общество принимает решение вне политических расчетов] // Qanat 218. 14.02.2019. URL: <https://www.218tv.net/المجتمع-الليبي-يصنع-الحل-بعيدا-عن-حساب/> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>83</sup> Багинский К.Е. Итоги Берлинской конференции по Ливии: последствия для России // Modern Science. 2020. № 4–1. С. 313.

<sup>84</sup> Qabilat Awlad Suleiman: naqif ma'a al-jeish didda-l-ihtilal at-turkii al-baghit [Племя Авляд Сулейман: мы стоим вместе с армией против турецкой оккупации] // As-Sa'a 24. 02.01.2020. URL: <https://www.alsaaa24.com/2020/01/02/قبيلة-أولاد-سليمان-نقف-مع-الجيش-ضد-الاحتلال/> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>85</sup> Majlis al-a'ala li-qabilat Awlad Suleiman: lan nuwasim 'ala-l-watan wa-i'adat al-ihtilal at-turkii al-musta'amir fi Libiya [Верховный совет племени Авляд Сулейман: мы не пойдем на компромисс в отношении родины и возвращения турецкой колониальной оккупации в Ливии] // Wikalat al-anba' al-libiya. 10.11.2020. URL: <https://www.lananews.com/ar/?p=220553> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>86</sup> “At-Tubu” fi Libiya.. min hum wa-ma hiya mutalyabuhum [Ат-Тубу в Ливии: Что они требуют?] // Aswat magharibiya. 18.11.2020. URL: <https://www.maghebvoices.com/libya/2020/11/18/التبؤ-في-ليبيا-هم-وما-هي-مطالبهم/> (дата обращения: 15.03.2021).

Триполи<sup>87</sup>. Во времена правления М. Каддафи они практически были лишены любых управленческих функций<sup>88</sup>, а негроидные тубу выступали против любой политики арабизации<sup>89</sup>. В 2011 г. тубу активно участвовали в борьбе против правящего режима, а после гибели полковника получили практически полную независимость<sup>90</sup>.

После краха ливийского государства между тубу и туарегами складывались довольно непростые отношения из-за их споров по поводу контроля над южными КПП и контрабандой. В октябре 2014 г. Убари стал свидетелем боевых действий между этими племенами, в результате которых около 80 % населения города было перемещено<sup>91</sup>. Вооруженный конфликт между тубу и туарегами завершился при посредничестве Катара подписанием соглашения 23 ноября 2015 г. в Дохе<sup>92</sup>.

Важно отметить, что тубу никогда не присоединялись ни к одному правительству и ни к одному политическому блоку. Такая позиция связана с тем, что в стремлении покорить это племя политические деятели постоянно прибегали к насилию. Так, неоднократно тубу обвиняли «Братьев-мусульман» на северо-западе страны в том, что те спонсировали экстремистов, совершавших кровавые нападения на юге. Не исключено, что это связано с неприятием в среде радикальных исламистов такого течения в исламе как суфизм, распространенного среди тубу. Помимо этого, в действиях маршала Х. Хафтара они видят продолжение политики М. Каддафи, нацеленной на их дискриминацию<sup>93</sup>. ЛНА не смогла получить контроль на Мурзуком, Убари и Сабхой путем межплеменных переговоров, поэтому, пока ее основные части

---

<sup>87</sup> Gaub F. Like father like son: Libyan civil-military relations before and after 2011 // *Mediterranean Politics*. 2017. Vol. 24 (2). P. 187.

<sup>88</sup> Tabib R. Mobilized publics in Post-Qadhafi Libya: the emergence of new modes of popular protest in Tripoli and Ubari // *Mediterranean Politics*. 2016. Vol. 21 (1). P. 92.

<sup>89</sup> Ragm al-harb ad-dakhiliya.. Qaba'il at-tubu al-libiya tuhafiz 'ala huwwiyatihim (taqrir) [Несмотря на внутреннюю войну, ливийские племена тубу сохраняют свою идентичность (отчет)] // Anadolu Agency. 24.09.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/ar/-الحرب-الداخلية/> التقارير / رغم-الحرب-الداخلية-التقارير / هويتها-تقرير / الليبية-تحافظ-على-هويتها-تقرير / قبائل-التبو-الليبية-تحافظ-على-هويتها-تقرير (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>90</sup> Зинин Ю.Н. Ливия после Каддафи: роль исламского фактора // *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских обществ*. 2018. № 1. С. 161.

<sup>91</sup> DeVore M.R., Stähli A. Anarchy's anatomy: Two-tiered security systems and Libya's civil wars // *Journal of Strategic Studies*. 2018. Vol. 43 (3). P. 418.

<sup>92</sup> Qaba'il at-tubu [Племя Тубу] // Al Jazeera. 12.05.2016. URL: <https://www.aljazeera.net/encyclopedia/movementsandparties/2016/5/12/قبائل-التبو> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>93</sup> Oakes J. War Lord. Khalifa Haftar and the Future of Libya. Stroud: Amberley Publishing, 2021. P. 43.



осаждали Триполи (2019–2020 гг.), Х. Хафтар принял решение об отправке в этот регион чадских и суданских наемников<sup>94</sup>. Несмотря на это, ему не удалось подчинить тубу, которые смогли сохранить независимость.

Племя *туарегов*, представленное кочевыми и оседлыми кланами, с центром в пустынном г. Гат, также относят к негроидному этносу. Их количество составляет 30 тыс. человек. Во времена правления М. Каддафи некоторым из них выдавали гражданство, а лояльных режиму представителей племени довольно часто использовали для стабилизации ситуации на юге страны. Однако оставались и те туареги, которые всегда сохраняли свободу и беспрепятственно пересекали границы с Алжиром, Чадом и Нигером, осуществляя контрабанду<sup>95</sup>. Согласно докладом АФРИКОМ (Африканское командование Вооружённых сил США), туареги неоднократно присоединялись к «Аль-Каиде», что облегчало им осуществление нелегальной торговли в Сахаре<sup>96</sup>.

Политическая позиция туарегов всегда диктовалась необходимостью обеспечения своих интересов. В данной связи их лояльность как западному, так и восточному блокам всегда была временной<sup>97</sup>. В условиях агрессивной кампании Х. Хафтара на юге Ливии туареги Убари стали поддерживать ПНС<sup>98</sup>. Однако, как только экспансия Анкары, связанная в том числе с попыткой установить контроль над их контрабандной торговлей, затронула их интересы, они стали выступать против политики президента Турции Р.Т. Эрдогана,

---

<sup>94</sup> *Abdel Sattar Hatita*. Qaba'il at-tubu fi janub Libiya tad'um al-jeish 'askariyan wa-siyasiyan Каба'иль [Племена тубу на юге Ливии поддерживают армию в военном и политическом отношении] // Al-'Arab. 08.01.2019. URL: <https://alarab.co.uk/-جنوب-ليبيا-تدعم-الجيش/> عسكريا وسياسيا (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>95</sup> Ad-Dbeiba yarudd 'ala ittihamat bi-husul musharikin fi-l-hiwar al-libii 'ala "Rashawi" [Дбейба ответил на обвинения в том, что участники ливийского диалога брали «взятки»] // Aswat magharibiya. 01.03.2021. URL: <https://www.maghrebvoices.com/libya/2021/03/01/-الدبيبة-يرد-اتهامات-بحصول-مشاركين-في-الحوار-الليبي-رشاوى> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>96</sup> Tawariq Libiya.. tahqiqat haula mudjzira al-'awinat [Туареги Ливии: расследование резни в Овайнате] // Ash-Sharq. 07.01.2019. URL: <https://al-sharq.com/article/07/01/2019/-طوارق-ليبيا-تحقيقات-حول-مجزرة-العوينات> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>97</sup> *Costantini I.* A Solution in Libya: Elections, mediation and a victor's peace // Middle East Policy. 2020. Vol. 26 (4). P. 153.

<sup>98</sup> Shuyukh wa-a'iyān at-tawariq bi-"Ubari" yu'alīnūn li-hukumat al Wifaq wa-utalibun basat al-amn fi-l-janub al-libii [Туарегские шейхи и видные деятели Убари заявляют о своей поддержке Правительства национального согласия и требуют установления безопасности на юге Ливии] // Al-Quds. 08.07.2020. URL: <https://www.alquds.co.uk/-شيوخ-واعيان-الطوارق-بأوباري-يعلنون> (дата обращения: 15.03.2021).



выразив лояльность ЛНА<sup>99</sup>. Негативное отношение туареги выразили и к МООНПЛ (Миссия Организации Объединенных Наций по поддержке в Ливии) после того, как и.о. специального представителя Миссии Стефани Вильямс не включила их представителей в состав Форума по политическому ливийскому диалогу<sup>100</sup>. Соответственно, они не стали признавать и новое временное правительство во главе с Абдель Хамидом Дбейбой.

Таким образом, регион Феццана остается одним из самых сложных для контроля не только в силу обширной пустынной местности, но и из-за наличия кочевых народов, которые еще во времена М. Каддафи сохраняли автономию. Их лояльность может быть обеспечена исключительно подкупом, чем пользовались и пользуются представители властей как на западе, так и на востоке.

### Заключение

Ливия с момента падения режима М. Каддафи уже 10 лет остается страной, охваченной хаосом. В эти годы роль племенных образований в стране только крепла. Любые их объединения друг с другом или же примыкание к восточному или западному правительствам всегда диктовались сугубо внутренними интересами племен. Для многих из них крайне важно сохранить свою автономию, чтобы ни одна другая сила не имела возможности оказывать воздействие на их внутренний уклад. При этом ввиду способности некоторых из них контролировать месторождения углеводородов, а также нефтяные трубопроводы и нефтеэкспортные терминалы в портах, они стали оказывать очень сильное влияние на важные политические фигуры страны. Ливийские племена не готовы передавать подобные козыри любым другим лицам, что явно свидетельствует об отсутствии намерений работать над восстановлением государства.

Что касается перспектив объединения страны, то до сих пор они остаются крайне призрачными. В то время как США в рамках МООНПЛ методично подталкивали ливийских военных и политиков к проведению выборов с конца декабря 2021 г., президентские и парламентские выборы тем не менее не состоялись, в том числе из-за неспособности временного правительства Абдель Хамида Дбейбы организовать их. Основные причины были связаны с его

<sup>99</sup> ‘Tawariq Libiya’ ujaddidun da’am al-jeish bi-muwajahat atma’ Turkiya [Туареги Ливии возобновляют поддержку армии в противостоянии амбициям Турции] // Al-‘Ain al-ikhbarii. 06.11.2020. URL: <https://al-ain.com/article/tuareg-turke-south> (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>100</sup> Libya.. Qaba’il “at-tawariq” tastankir mu’amala bi’asa al-umam al-muttahida [Ливия: Племена туарегов осуждают заявление миссии ООН] // RT. 26.10.2020. URL: [https://arabic.rt.com/middle\\_east/1167453-ليبياقبائل-الطوارق-تستنكر-معاملة-بعثة-الأمم-المتحدة](https://arabic.rt.com/middle_east/1167453-ليبياقبائل-الطوارق-تستنكر-معاملة-بعثة-الأمم-المتحدة) (дата обращения: 15.03.2021).

личными амбициями, поскольку он любой ценой хотел оставаться у власти, неспособностью избирательной комиссии организовать работу избирательных участков, сохранением крайне напряженной ситуации во всех городах страны, отсутствием четких законодательных актов, регулирующих избирательный процесс, а также утвержденной конституции.

Ситуация в стране по-прежнему остается крайне нестабильной, что может привести к срыву всех договоренностей. Кроме того, ни один из избранных кандидатов не будет полностью устраивать абсолютно все племена, а результаты выборов будут оспариваться. Принимая во внимание сложную этническую и племенную структуру ливийского общества, можно сделать вывод о том, что страна может объединиться только в том случае, если ее возглавит достаточно влиятельное лицо, которое будет устраивать большую часть кланов. При этом ему необходимо будет взять на себя роль верховного шейха всех племен.



## Introduction

After the fall of the regime of Muammar Gaddafi (1969–2011), who tried to keep a neat balance between different tribes,<sup>1</sup> due to the aggravation of the security problem caused by constant wars and local clashes, Libyans began to unite around sheikhs and tribal commanders.<sup>2</sup> In this regard, the influence of the clan system dramatically increased. It is important to note that it was one of the most important factors to hinder the unification of the country, since any prominent politician has to negotiate with the heads of the tribes, who have very different and sometimes very tough views on many issues. At the same time, large clans occupy very influential positions within Libya and are able to impose their political and military vision, which predetermines the strategies of the key actors.

The scientific novelty of this study lies in the fact that for the first time in Russian-language literature it gives a detailed description of the internal structure of Libyan society after Muammar Gaddafi's death. The article demonstrates the

---

<sup>1</sup> For more, see A.Z. Egorin, *Muammar Gaddafi* [in Russian] (Moscow: IV RAN, 2009).

<sup>2</sup> A. Lavrilleux, "Libya: what is behind the rise of the tribes?" *The Africa Report*, August 21, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.theafricareport.com/38093/libya-what-is-behind-the-rise-of-the-tribes/>

behavior of tribes, their role and influence in Libya, and also analyzes their ability to establish external contacts and connections.

As for the scientific elaboration of this topic, the Libyan conflict was considered by such Russian-speaking authors as Yu. Zinin,<sup>3</sup> K. Truevtsev,<sup>4</sup> and G. Luk'yanov.<sup>5</sup> This issue was covered in more detail in the works of such foreign researchers as the German author W. Lacher<sup>6</sup> and British scholars G. Joffè<sup>7</sup> and I. Cherstich.<sup>8</sup>

### Tripolitania

The Libyan census of 2004, under Muammar Gaddafi, showed that about 6 million citizens resided in the country. During the time of constant civil wars and migration, it has grown by only about 1 million people by 2021. The northwestern region, where about 2/3 of the total population lives, remains the most populated part of the state.

*Tripoli*, the capital of the region, is inhabited by representatives of three ethnic groups: Arabs (native Libyans), Turks and Berbers. Some Turks appeared in those lands back in the days of the Ottoman Empire, having managed to maintain their identity to this day, and others settled there under Muammar Gaddafi, when Turkish citizens began to come to Libya to earn money. Due to historical features, an unspoken social division persists in the region: Turkish clans have higher social positions than Arab and Berber clans.<sup>9</sup> The total number of Tripolitan large families reaches 300.<sup>10</sup> Due to the internal fragmentation of the urban population into numerous clans, paramilitary militias are formed either on the basis of agreements between families or on the basis of adherence to various approaches of Islam by

<sup>3</sup> Yu.N. Zinin, “The main participants in the internal political conflict in Libya” [in Russian], *Rossiia i musul'manskii mir*, no. 3 (297) (2017): 96–117.

<sup>4</sup> K.M. Truevtsev, “Libyan collapse as a source of tensions in Africa and Mediterranean” [in Russian], *Rossiia i musul'manskii mir*, no. 4 (298) (2017): 80–98.

<sup>5</sup> G.V. Luk'yanov, “Libya and Iran: from common interests of the rogue states to a new political reality” [in Russian], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 1 (2015): 78–91.

<sup>6</sup> W. Lacher, *Libya's fragmentation: structure and process in violent conflict* (London: Bloomsbury Publishing, 2020).

<sup>7</sup> G. Joffè, “Libya: The new geopolitical arena,” *The Journal of North African Studies*, vol. 25 (5) (2020): 681–88.

<sup>8</sup> I. Cherstich, “When tribesmen do not act tribal: Libyan tribalism as ideology (not as schizophrenia).” *Middle East Critique*, vol. 23 (4) (2014): 405–21.

<sup>9</sup> “Hal' takhsum qaba'il' al'-gharb al'-libii at-tavazun ba'ad tahthiriha al'-atruk?” [Are tribes in western Libya rebalancing after a warning from the Turks?], *Sputnik*, January 17, 2020, accessed March 15, 2021, [https://arabic.sputniknews.com/arab\\_world/202001171044096632--مرحبة-بالقوات-مصرية-هل-تحسم-قبائل-الغرب-الليبي-التوازن-بعد-تحذير-ها-الأترك/](https://arabic.sputniknews.com/arab_world/202001171044096632--مرحبة-بالقوات-مصرية-هل-تحسم-قبائل-الغرب-الليبي-التوازن-بعد-تحذير-ها-الأترك/)

<sup>10</sup> Khalid Muhammad at-Tilisi, *Mu'adamat sukkun Libia* [in Arabic] (Dar ar-Riban, 1991), 7.

certain groups of population.<sup>11</sup> The city is divided into spheres of influence by these militias, and military skirmishes between them are not uncommon and arise from rivalry for control over the capital. Small quarrels and violations more than once grew into conflicts that led to street shootings and attacks. Any power of the interim government in the capital after the fall of the Gaddafi's regime could exist as long as its representatives sponsored these groups and maintained a balance between them. In addition, some government officials in the Government of National Accord (GNA), such as Prime Minister Ahmed Maiteeq, Foreign Minister Fathi Bashagha and the head of the Supreme State Council Khalid al-Mishri, formed several militias of their own, loyal only to them.

During the last civil war, the Tripoli militias fought against the Libyan National Army (LNA) rather than for the GNA, which had never had influence with them, because had the LNA won, they might have been physically destroyed. An external threat forced them to coordinate their actions. Representatives of scattered militias were able to take this step because they understood that if they surrendered, they would most likely be either imprisoned and tortured or executed as political criminals. These sentiments were based both on the experience of the bloody events of 2014, when the LNA Marshal Khalifa Haftar and the House of Representatives fled to the East, and on the strong rejection of the tribes of Cyrenaica – the Muslim Brotherhood who settled in the capital. After the arrival of Turkish and Syrian mercenaries in Tripoli in early 2020, the head of the GNA Fayez al-Sarraj, having a limited financial reserve, began to cut payments to the Libyan militias and to reduce their supply of weapons. This caused resentment in the ranks of the military, which led to the fact that a number of metropolitan militias refused to fight the LNA for several weeks.

In *Misurata*, there are 26 Arab clans and 15 Turkish clans, and Berbers from the Banu Hilal and Banu Sulaym tribes settled in the outskirts of the city. Ethnic Turks in Misurata make up about 1/3 of the population, and clan representatives are most successful in the field of trade and economic partnerships with foreign companies. After the fall of the Gaddafi's regime, the tribes of Misurata constantly sought to defend their autonomy, and business leaders tried to make their city the main trading center of Libya in order to guarantee safety to their foreign partners. In addition, the Misurata tribes were able to organize scattered militias in such a way that even during the war with ISIS in 2016, the headquarters of large foreign companies were not affected.<sup>12</sup> Due to the activity of the local Turkish clans, it is the citizens of Turkey

---

<sup>11</sup> M. Karim, "Conspiracism in and around Libya," *The International Spectator*, vol. 51 (2) (2016): 115.

<sup>12</sup> R. Lefèvre, "An Egyptian scenario for Libya?" *The Journal of North African Studies*, vol. 19 (4) (2014): 603.

that do business with them most successfully, and their companies are most often registered in the only duty-free zone in Libya – Misurata airport.

During the aggression of ISIS militants in 2016, the Misurata militias of about 10 thousand people provided significant support to the LNA in the fight against terrorists in Sirte and southern Libya.<sup>13</sup> When Khalifa Haftar launched his campaign against the GNA in 2019, the city's clans disagreed on which side they should take. Three militias that are the followers of the Muslim Brotherhood defended Tripoli. Many tribes in Misurata refused to participate in the war at all. At the same time, some Arab sheikhs of the city more than once discussed with Khalifa Haftar the fact that Misurata was ready to support him under certain conditions and to oppose Turkish expansion.<sup>14</sup> On top of that, the Libyan Tribal League in Misurata did not recognize the memorandum between the GNA and Ankara on maritime zones (2019).<sup>15</sup> In the course of negotiations with the representatives of the city, Marshal Khalifa Haftar demanded that they expel all members of the Muslim Brotherhood and open a criminal investigation against those who were guilty of war crimes. Misurata did not agree to this step. When it came to the possibility of Egyptian intervention in the country, the split of the tribes became even more obvious. Some representatives of the city even came to Cairo in July 2020 to negotiate with the Egyptian delegation. However, shortly after their return, a number of clans began to demand their arrest, rejecting any attempt by Egypt to interfere in the affairs of Libya.<sup>16</sup>

It is worth noting that in Tripolitania, the Warfalla tribe is considered most significant, numbering more than 1 million people. The city of Bani Walid where the elected sheikhs reside is their formal center.<sup>17</sup> After 2012, they established the Social Council of the Warfalla Tribes that consists of 10 respected sheikhs who represent the largest families of the tribe. It is the Council that plays a role of the only legal representative of the Bani Walid citizens, makes the most important decisions, and also coordinates business activities in the city. It is important to remember that after the fall of the Gaddafi's regime, the Council has not officially recognized any Libyan

<sup>13</sup> Lacher, *Libya's fragmentation*, 113.

<sup>14</sup> Abdel Hadi Rabi', "Tard al-quwwat al-ajnabiya.. qaba'il Misrata tujjaddid da'amaha li-l-jeish al-libii" [Expulsion of foreign troops: Misurata tribes renew their support for the Libyan army], *Al-Ain al-ikhbarii*, January 5, 2021, accessed March 15, 2021, <https://al-ain.com/article/misurata-tribes-foreign-forces-libya>

<sup>15</sup> "Qaba'il Misrata tu'allin rafdhaha li-ittifaqiya as-Sarraaj wa-Irdogan" [Misurata tribes declared non-recognition of Fayeaz al-Sarraaj and Erdogan agreement], *Africa Gate News*, November 30, 2019, accessed March 15, 2021, <https://www.afrigatenews.net/article/قبائل-مصراة-تعلمن-رفضها-لاتفاقية-السراج-وأردوغان>.

<sup>16</sup> "Qaba'il Libya tarfud tadakhkhul al-jeish al-misrii fi-l-balad wa-tutalib bi-i'atiqal 'wafd as-Sisi'" [Libyan tribes are against the entry of the Egyptian army into the country and demand the arrest of Abdel Fattah el-Sisi's delegation], *Al-Quds al-'arabii*, 19.07.2020, accessed March 15, 2021, <https://www.alquds.co.uk/قبائل-ليبية-ترفض-تدخل-الجيش-المصري-في-البلد-وتطالب-باعتقال-وفد-السيسي>

<sup>17</sup> Lacher, "Libya's local elites," 73.



government.<sup>18</sup> Such opposition to the authorities is explained by the fact that many representatives of the tribe were considered criminals in Tripoli because in 2011 members of the Warfalla defended the Colonel and his family. After Gaddafi's death, the participants in his defense were accused of war crimes and warrants for their arrest were issued. However, the Council hid Muammar Gaddafi's defenders in the city and shows no intention of extraditing them to the official authorities.

It is important to note that after 2011, the Warfalla militias often stood as a shield between radical groups and civilians.<sup>19</sup> This clan has a strong influence in the country; its Council is often called upon by other tribes to resolve controversy in different regions.<sup>20</sup> In addition, it is the Warfalla tribe that controls the southwestern border between Libya and Algeria and also retains control over the oil pipelines that connect the El Feel oil field with the northwestern cities of Libya.

The representatives of the Warfalla tribe adopt a position of neutrality between the Eastern and Western governments. But taking into account the fact that the Council more frequently meets with the head of the House of Representatives in Tobruk Aguila Saleh Issa, the government of Abdullah al-Thani, and Marshal Khalifa Haftar, it is possible to assume that they are drawn toward the Eastern bloc.<sup>21</sup> This can also be deduced from the fact that in 2019 they allowed the LNA to freely enter the territory of the cities of Tarhuna and Bani Walid and place their ammunition there. The main irritating factor for the Warfalla in the west of the country is the presence of Turkish forces there, whom the tribe views as colonizers.<sup>22</sup> At the same time, the Council officially supported the decision of the Eastern Court that the memorandum between the GNA and Ankara on maritime zones (2019) has no force.<sup>23</sup> It is important to note that when in 2020 Egyptian President Abdel Fattah

<sup>18</sup> Luk'yanov, "Libya and Iran," 82.

<sup>19</sup> "Al-Qaba'il al-libii.. al-Kharita al-kamila wa-haqiqa "ar-raqm as-sa'ab"" [Libyan tribes: Complete and correct map, 'heavy numbers'], *Sky News Arabia*, July 17, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.skynewsarabia.com/middle-east/1361705-القبائل-الليبية-الخريطة-الكاملة-وحقيقة-الرقم-الصعب>

<sup>20</sup> "Qabilat al-Kaththafa tafud qaba'il Warfalla li-ra'ab as-sada' wa-wa'ad al-fitna beina 'a'ilatei al-Jawatla wa-ad-Dawakil" [The Qadhadhfa tribe delegates to the Warfalla tribe the resolution of the dispute between the tribes of al-Jawatla and ad-Dawakil], *Akhbar Libya*, November 30, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.libyaakhbar.com/libya-news/1377807.html>

<sup>21</sup> "At-Tani yaltaqi qafdan min masha'ikh wa-a'iyar qabilat Warfalla" [Abdullah al-Thani meets the heads of the tribes], *Qanat Libya*, January 31, 2021, accessed March 15, 2021, <https://libyaschannel.com/2021/01/31/الثني-يلتقي-وفدا-من-مشائخ-وأعيان-قبيلة/>

<sup>22</sup> "Aqila Saleh yaltaqi wafdan qaba'il Warfalla fi-l-Qubba" [Aguila Saleh Issa meets with a delegation from the Warfalla tribe in Kubba], *Akhbar Libya*, January 27, 2021, accessed March 15, 2021, <https://goo.su/4HZMzv>

<sup>23</sup> "Mahkama bi-sharq tubtil' ittifaqiyat as-Sarraj ma'a Turkiya" [Eastern court rejects Fayeze al-Sarraj's agreements with Turkey], *Akhbar Libya*, January 28, 2021, accessed March 15, 2021, <https://www.libyaakhbar.com/libya-news/1436366.html>

el-Sisi declared his readiness to send his army to stop the advance of the GNA on Sirte, the sheikhs of this tribe opposed this, emphasizing that they did not want to lose the whole country.<sup>24</sup> Apparently, they feared that the intra-Libyan conflict would develop into a regional one.

Another important tribe in Tripolitania is the *Qadhadhfa* tribe (Muammar Gaddafi came from it). The tribe mainly lives in Sirte and its suburbs. Within it, there is a division into six clans, two of which live in Tripoli and Benghazi. During Gaddafi's rule, some representatives of this tribe settled in the southern city of Sabha and obtained special influence there. The Qadhadhfa is not as numerous as the Warfalla; it has always been considered an average tribe by Libyan standards, including about 100 thousand people.<sup>25</sup> After Gaddafi's death, following the experience of other tribes, the Qadhadhfa founded its own Social Council. It influences the politics of the cities of Sirte and Sabha and is engaged in establishing contacts with other tribes (the closest contacts are with the Warfalla) and political leaders. The Council also deals with internal issues, such as settlement of internal disputes between family members, organization of rebel groups, and distribution of financial flows.<sup>26</sup> The assassination of Muammar Gaddafi as well as imprisonment and the torture of his sons and other representatives of the tribe became the reasons why Sirte and Sabha are trying to stay away from the politics of all Tripolitan governments.

In the course of constant civil wars, the Qadhadhfa tribe has always tried to distance from them as much as possible and was engaged in ensuring its own security. When the country split along political and ideological lines in 2014, the Qadhadhfa's gravitation toward the eastern camp was noted. Young people from this tribe began to join the ranks of the LNA.<sup>27</sup> In addition, the independent tribal militias

<sup>24</sup> “Qaba’il Warfalla: l’a nurid ‘an yu’addi d’ia’ Libya li’d’ia’ al-jeish al-misrii” [The Warfalla tribes: We don’t want the loss of Libya to lead to the loss of the Egyptian army], *Russia Today*, July 18, 2020, accessed March 15, 2021, [https://arabic.rt.com/middle\\_east/1135565--ليبيا-ورقلة-ضياح-ليبيا](https://arabic.rt.com/middle_east/1135565--ليبيا-ورقلة-ضياح-ليبيا)  
قبائل-ورقلة-ضياح-ليبيا

<sup>25</sup> Anur Mahmud Znati, “Al-Qaba’il al-libiya wa-daqrhuha fi taqrir masir al-bilad” [The significance of the Libyan tribes in the fate of the country], *Al-Bayan*, September 21, 2011, accessed March 15, 2021, <https://www.albayan.co.uk/MGZarticle2.aspx?ID=1412>

<sup>26</sup> “Sabha.. Ihda’ natijat al-musliha beina ad-Dawakil wa-Djawatla li-Seif al-Islam al-Kaddafi” [Sabha: The calm is the result of the settlement of the dispute between ad-Dawakil and Jawatla thanks to Saif al-Islam Gaddafi], *Bawabat Ifriqiya al-ikhbariya*, December 12, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.afrigatenews.net/article/-الهداء-نتيجة-المصالحة-بين-الدواقل-والجطالوة-لسيف-الإسلام-القذافي>

<sup>27</sup> “Khalit qibaliy wa-‘asabat wa-slafiun.. haritat al-quwwat al-muqatala ma’a Haftar” [Tribal mix, gangs and Salafis: A map of the forces fighting in support of Haftar], *Al Jazeera*, December 27, 2019, accessed March 15, 2021, <https://www.aljazeera.net/news/politics/2019/12/27/-خليط-قبلي-وعصابات-وسلفيين-خارطة>

provided support to the LNA in the fight against ISIS.<sup>28</sup> Trying not to get involved in the latest civil war of 2019–20, the Council decided that the LNA forces could freely transfer their troops from Benghazi to Tripoli through the territories controlled by the tribe. Protracted negotiations between Marshal Khalifa Haftar and Aguila Saleh Issa with the Tribal Council contributed to the fact that at the beginning of 2020 Sirte bloodlessly came under the control of the LNA. Then the Marshal's army entered the city and began to perform the functions of the police and provide security. However, the incident at the end of August 2020 when a member of the Qadhadhfa tribe was accidentally killed and several more people were detained as a result of street conflicts with representatives of the LNA almost led to Khalifa Haftar losing control over Sirte.<sup>29</sup> The Marshal had to resolve this issue personally with the Tribal Council and to make concessions. Khalifa Haftar released the detainees and paid compensation of about \$130,000.<sup>30</sup>

The Arab tribe *Al-Mashashi* has a strong influence in the west of the country. It has independent militias and maintains a presence in several cities: Zintan, Tripoli, Sirte, and deserted Fezzan. Due to the fact that Berber tribes are also present in Zintan, armed conflicts have occurred between them and the *Al-Mashashi* more than once since 2011.<sup>31</sup> Most often, they were associated with mutual arbitrary arrests and constantly led to bloody massacres.<sup>32</sup> All new rounds of street hostilities that aggravate the security problem are periodically stopped only in the case of official agreements between the elders of both tribes.<sup>33</sup>

<sup>28</sup> A.M. Vasil'ev and N.A. Zherlitsyna, "Transformation of ISIS strategy in Libya" [in Russian], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no. 12 (2019): 105.

<sup>29</sup> "Libiya.. Qabilat al-Kaddafi tarfud diya 'aradatiha milishiya Haftar" [Libya: the Qadhadhfa tribe refuses blood money offered by Haftar's militia], *Anadolu Agency*, September 3, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.aa.com.tr/ar/-الدول-العربية/ليبيا-قبيلة-القذافي-ترفض-دية-عرضتها-مليشيا-حقتنر/1962510>

<sup>30</sup> "Al-Qaddafi yarfudun as-saluh ma'a Haftar.. Al-Qabilya tarudd diya qaddamatha milishiyat aal-jeneral al-mutaqa'id ba'ad maktal shab yantami" [The Qadhadhfa refuses peace with Haftar: The tribe returns the blood money offered by the militia to a retired general after the murder of a young man who came from it], *Arabii Post*, September 4, 2020, accessed March 15, 2021, [https://arabicpost.net/القذافي-يرفضون-الصلح-مع-حقتنر-القبيلة-أخبار/middle\\_east/2020/09/04/](https://arabicpost.net/القذافي-يرفضون-الصلح-مع-حقتنر-القبيلة-أخبار/middle_east/2020/09/04/)

<sup>31</sup> Truevtsev, "Libyan collapse as a source of tensions," 91.

<sup>32</sup> "Libiya: ishtibakat beina muqatiei az-Zintan wa-qabilat al-Mashashiya fi Tarablus" [Libya: Clashes between Zintan militants and the *Al-Mashashi* tribe in Tripoli], *Al-Akhbar*, December 13, 2011, accessed March 15, 2021, <https://al-akhbar.com/Arab/98998>

<sup>33</sup> "Beina az-Zintan wa-l-Mashashiya.. Sira'a qaba'il yuhaddid amn Libya" [Between the Zintan and *Al-Mashashi*: A tribal conflict that threatens the security of Libya], *Aswat magharibiya*, July 16, 2018, accessed March 15, 2021, <https://www.magrebvoices.com/2018/07/16/-بين-الزنتان-والمشاشية-صراع-قبائل-يهدد-أمن-ليبيا>

During the Arab Spring, the members of the Al-Mashashi initially sided with the Colonel, but by the end of spring 2011, they adopted a position of neutrality.<sup>34</sup> It is important to note that this tribe has never expressed its loyalty to the new Libyan governments. After the establishment of the GNA and the start of the work of the new apparatus in 2016, the representatives of the Al-Mashashi constantly criticized it and almost never expressed their approval of the actions of Fayez al-Sarraj.<sup>35</sup> This was predominantly due to poor local governance, namely constant interruptions in the supply of food, water, fuel, and extremely limited humanitarian assistance.<sup>36</sup>

During the 2019–20 civil war, the Al-Mashashi's militias split along ideological lines. Thus, the Mountain Lions military wing led by Ali Mashishi supported Khalifa Haftar in his fight against terrorists in the capital and sent reinforcements to the ranks of the LNA.<sup>37</sup> The representatives of this tribe in the south of the country did the same.<sup>38</sup> However, one of the military groups of the Al-Mashashi clan sided with the GNA and fought for a long time under the leadership of Osama al-Juwaili, a native of Zintan. However, their loyalty to the Tripolitan authorities turned into hatred after Turkish and Syrian mercenaries had made their way into the capital. In light of that they preferred to withdraw from the city and take the neutral side.<sup>39</sup>

As for the Berber-Arab tribe of Zintan, after 2011 it tried to concentrate its power in the city of Zintan and continues to control oil fields in the west of the country.<sup>40</sup> This clan has formed five paramilitary militias, which are considered very effective and well-armed.<sup>41</sup> The elders of the tribe have always been able to find a common

<sup>34</sup> F. Strazzari, "Libyan Arms and Regional Instability," *The International Spectator*, vol. 49 (3) (2014): 62.

<sup>35</sup> Zinin, "The main participants in the internal political conflict in Libya," 101.

<sup>36</sup> "Qaba'il al-Mashashiya tahmul ar-ri'asii mas'uliya ma yahdus li-IMashi" [The Al-Mashashi tribes hold President responsible for what happens to people], *Qanat Libya*, July 19, 2019, accessed March 15, 2021, <https://libyaschannel.com/2019/07/19/قبائل-المشاشية-تحمل-الرئاسي-مسؤولية-ما-يحدث-لي-إمأشي/>

<sup>37</sup> Abdel Hadi Rabi', "Qabila libiya musanadat al-jeish didda milishiya Tarablus" [Libyan tribe claims army support against Tripoli militia], *Al-'Ain al-ikhbarii*, June 5, 2019, accessed March 15, 2021, <https://al-ain.com/article/mashashia-army-tripoli>

<sup>38</sup> "Qabilat al-Mashashiya bi-l-janud tu'akkid da'amaha li-l-'amaliyat al'askariya li-l-jeish" [The Al-Mashashi tribe in the south reaffirms its support for the army's military operations], *Sahifat al-'unwan*, February 2, 2019, accessed March 15, 2021, <https://www.addresslibya.com/archives/54263>

<sup>39</sup> "Al-Libiun mutawahhidun didda tadakhkhul Turkiya wa-"l-Wifaq" fi ghiyaghib al-'azla" [Libyans are united against Turkish intervention and isolation of the GNA], *Al-Bayan*, January 5, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.albayan.ae/one-world/arabs/2020-01-05-1.3744077>

<sup>40</sup> Mahmud Djimal Abdel, "'Adi. At-Tariq ila-l-istiqrar.. Ma'rakat Tarablus wa-mustaqbal as-sira' as-siyasii fi" Libya ['Adi. The road to stability: The battle for Tripoli and the future of political conflict in Libya], *Al-Markaz al-'arabii li-l-buhuth wa-ad-dirasat*, April 25, 2019, accessed March 15, 2021, <http://www.acrseg.org/41186>

<sup>41</sup> L. Raineri, "Security and informality in Libya: militarisation without military," *Conflict, Security & Development*, vol. 19 (6) (2019): 592.



language with the Tripolitan authorities. Non-interference in the internal affairs of the tribe and its oil smuggling deals with the Maltese companies was and remains their main demand to all transitional councils.<sup>42</sup>

It is important to note that during the latest round of the civil war, the elders of the Zintan tribe wanted to stay away from the hostilities. However, the commander and clan member Osama al-Juwaili tried to persuade them to take the side of the GNA. Given the significant role of this commander within the tribe, the sheikhs agreed to provide him with two militias. The rest remained in the city of Zintan. When the LNA campaign faced Turkish resistance, Khalifa Haftar began personal negotiations with the elders of this clan. They showed him their loyalty and confirmed that they were ready to oppose Turkish and Qatari expansion in the country.<sup>43</sup> However, when the LNA began to retreat to Sirte and Egypt announced its readiness to send troops to Libya, the representatives of the Zintan opposed such measures. This position was caused by the fact that the elders were frightened by the possibility that Libya could become a war field for Cairo and Ankara.

In general, Tripolitania remains a heterogeneous region in terms of its ethnic composition. As the evidence from practice shows, the larger the city in this part of the country is, the smaller its clan formations, which leads to even greater fragmentation of a settlement, since each influential family has its own beliefs and political views. In addition, the militias formed after 2011 divided the neighborhoods among themselves, which is evidence of the fragmentation of the cities. Negotiability between the tribes in Tripolitania remains extremely low, and the conclusion of agreements is possible only when the heads of the tribes see either a common benefit or a single threat to survival.

## Cyrenaica

The Cyrenaica region is even more diverse in terms of the mosaic palette of the tribes living there. The strongest one is the *Obeidat* clan, which consists of 15 sub-tribal formations. Even during Muammar Gaddafi's rule, it had a very strong influence in the east of the country, and in 2011, at the stage of the birth of the revolution, this tribe opposed the regime of those days.<sup>44</sup> The Obeidat has a strong influence on the politics of the entire region; the proponent of the tribal interests is the head of the House of Representatives in Tobruk Aguila Saleh Issa, a member of

---

<sup>42</sup> F.S. Fasanotti, "Libya: a nation suspended between past and future," *Studia Diplomatica*, vol. 68, no. 4 (2017): 97.

<sup>43</sup> Abdel Hadi Rabi' and Abdel Salam at-Turkii, "Qaba'il az-Zintan al-libiya ba'ad liqa' Haftar.. naqif didda tadakhkhul Turkiya wa-Qatar" [Libyan Zintan tribes after meeting with Haftar: We are against the intervention of Turkey and Qatar], *Al-'Ain al-Ikhbarii*, August 17, 2019, accessed March 15, 2021, <https://al-ain.com/article/advisor-zintan-turkey-terrorist>

<sup>44</sup> L. Issaev and A. Zakharov, "Decentralization in Libya after the Arab Spring," *Middle East Policy*, vol. 27 (1) (2020): 59.



this clan.<sup>45</sup> Considering that the clan claimed to be represented in the power structures of Tripoli and tried to lobby for the interests of Cyrenaica while the interim governments in the capital were not ready to allow its representatives to power, the relations between them have never improved. In addition, for 10 years, the elders of the Obeidat have been blaming their political rivals in the capital for their involvement in the death of General Abdel Fattah Younis (clan member) in 2011, and Mustafa Abdul Jalil, the former head of the National Transitional Council, is directly blamed for the death of the general.<sup>46</sup>

This tribe has always supported the LNA, and its members join the ranks of Khalifa Haftar's army. Being strong opponents of the authorities in Tripoli and the Muslim Brotherhood, they took part in the military campaign against the GNA.<sup>47</sup> In early 2020, the clan elders responded negatively to the arrival of Turkish and Syrian mercenaries, referring to it as colonization by Ankara. Against the background of these events, the Obeidat tribe became the main transmitter of Egyptian policy in Libya, and in 2020, members of this clan called on Cairo to send their army to help in the confrontation with the Turks and the GNA militias.<sup>48</sup> It is important to note that after the formation of the new government in Libya, the Obeidat sheikhs recognized it and agreed to start a dialogue with the head of the Presidential Council M. Manafi, a native of Cyrenaica.<sup>49</sup>

The *Ferrjan* Arab tribe, which is divided into nine large families, is important in the north-east of Libya, in such cities as Sirte, Ajdabiya, and Benghazi, as well as in Tarhuna. At the same time, representatives of this clan also reside in the territories of Egypt, Tunisia, and Algeria.<sup>50</sup> During the Arab Spring, members of the tribe from

<sup>45</sup> G. Joffè, "The Trojan horse: The Madkhali movement in North Africa," *The Journal of North African Studies*, vol. 23 (5) (2018): 743.

<sup>46</sup> "Qabilat al-'Obeidat tattahim Mustafa Abdul Jalil bi-t-tawarrut fi qatl Abdel Fattah Yunis" [The al-Obeidat tribe accuses Mustafa Abdul Jalil of involvement in the murder of Abdul Fatah Younis], *Libiya al-ahrar*, October 25, 2020, accessed March 15, 2021, <https://libyaalahrar.tv/2020/10/25/قبيلة-العبيدات-تتهم-مصطفى-عبدالجليل-ب-القتل>

<sup>47</sup> Lacher, "Was Libya's collapse predictable?" *Global Politics and Strategy*, vol. 59 (2) (2017): 148.

<sup>48</sup> "Sheikh qabilat al-'Obeidat al-libiya: nad'u al-jeish al-misrii li-tanzif biladina min al-ghazza al-atrak" [Sheikh of the Libyan tribe al-Obeidat: We call on the Egyptian army to cleanse our country from Turkish invaders], *Akhbar al-yom*, July 16, 2020, accessed March 15, 2021, <https://akhbarelyom.com/news/newdetails/3083822/1/فيديو-شيخ-قبيلة-العبيدات-الليبية-ندعو-الاراء>

<sup>49</sup> "Qabilat al-'Obeidat tahanna' bi-ikhtiyar al-Manafi ra'isan li-l-majlis ar-ri'asii" [The al-Obeidat tribe congratulates al-Manafi on his election as President of the Presidential Council], *Nabd*, February 17, 2021, accessed March 15, 2021, <https://nabd.com/s/83875636-8bf71e/قبيلة-العبيدات-تهنئ-باختيار-المنفي-رئيسا-للمجلس-الرئاسي>

<sup>50</sup> "Qabilat Farjan.. Nasabuha wa-amakin tawajudaha fi Libya" [The Ferrjan tribe: Links and locations in Libya], *Bawabat Ifriqiya Ikhbariya*, November 24, 2018, accessed March 15, 2021, <https://www.afriqatnews.net/article/اجدها-في-ليبيا-قبيلة-الفرجان-نسبها-واماكن-تواجدها>

Ajdabiya and Benghazi opposed the regime of Muammar Gaddafi. However, those who were in Sirte had not been able to formulate and voice their own political position for a long time. Some members of this tribe, among whom were Adil al-Sadel al-Sadiq, al-Ghalibi, al-Nawari, and others, remained loyal to the Colonel and fought against the NATO troops.

Due to the fact that Khalifa Haftar's father is a native of Ferrjan, many members of this tribe sided with the Marshal, and combat-ready men joined the ranks of the LNA, taking an active part in the struggle for the liberation of Sirte from ISIS. In 2017, it became known that some members of this tribe, who lived in Egypt, moved to Libya and joined the army of Khalifa Haftar, most likely with the support of the regime of Abdel Fattah el-Sisi.<sup>51</sup> During the LNA campaign against the Tripoli authorities, all Ferrjan sheikhs supported the Marshal, and when there were reports of moving Syrian and Turkish mercenaries to Libya, they strongly condemned the expansionist policies of Ankara and Doha.<sup>52</sup>

In turn, the *Al-Awagir* tribe, which had a strong influence during the time of King Idris I (1951–69), was represented very limitedly in the power structures of Colonel Gaddafi. After the revolution, this clan did not take an active part in the political life of the country either, and its representatives did not occupy any important posts in the transitional authority bodies. Since 2014, this tribe has always supported Khalifa Haftar, and the Al-Awagir militias have become part of the LNA. The important role of the tribe was noted during the LNA's operation "Dignity" against the Ansar al-Sharia group in the northern cities.<sup>53</sup> However, in 2017, the Al-Awagir's relationship with Khalifa Haftar was overshadowed by the arrest of a representative of the Nuri Bu Fanar tribe in the city of Sulug (near Benghazi); he was the main representative of the clan and the leader of the Al-Awagir militias during the war against ISIS.<sup>54</sup> In addition, at the same time, Abrik Al-Lwati, an influential member of this clan, was killed in the city of Sulug as a result of a car bomb explosion.<sup>55</sup> These killings were caused by the strengthening of political positions of the Al-Awagir representatives in

---

<sup>51</sup> U. At-Tibi, "Libiya.. As-Sisi wa-Butin wa-akharun.. au taghriba at-taqsim" [Libya: el-Sisi, Putin and others: Desire for separation], *Udjda Siti*, June 14, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.oujdacity.net/national-article-137542-ar/ليبيا-السياسي-وبوتين-والاخرين-أو تغريبا>.html

<sup>52</sup> Abdel Hadi Rabi', "Qabilat Farjan tu'allin da'am al-Jeish al-libiy didda tadakhkhul Turkiya wa-Qatar" [The Ferrjan tribe declares support for the Libyan army against the intervention of Turkey and Qatar], *Al-'Ain al-ikhbarii*, December 28, 2019, accessed March 15, 2021, <https://al-ain.com/article/the-furjan-tribe-turkish-qatari-intervention>

<sup>53</sup> Y. Ronen, "Libya: Teetering between war and diplomacy. The Islamic state's role in Libya's disintegration," *Diplomacy & Statecraft*, vol. 28 (1) (2017): 116.

<sup>54</sup> I. Azeem, *Rise and fall?: The Rise and fall of ISIS in Libya* (Carlisle, PA: US Army War College Press, 2020), 43.

<sup>55</sup> Ahmad Seid Abdel Hafiz, "Ightiyal za'im akbar qaba'il shark Libya" [The assassination of the leader of the largest tribe in eastern Libya], *Al-'Ain al-ikhbarii*, May 19, 2017, accessed March 15, 2021, <https://al-ain.com/article/libya-kill>

Benghazi. They wanted to limit the influence of the Marshal's sons, especially in the oil sector.<sup>56</sup> Such measures of influence on those who disagree with the authorities' policy have demonstrated that Khalifa Haftar keeps acting the same way as Muammar Gaddafi did and prefers the carrot-and-stick approach. In doing so, he tries to prove his dominant role over the tribes.<sup>57</sup>

In 2019–20, many leaders of the Al-Awagir tribe did not participate in the seizure of Tripoli. Among them was Salah Bulgheib, commander of military intelligence in Khalifa Haftar's troops; Idris Bugaliza, commander of the 146<sup>th</sup> infantry battalion; Jibril al-Farsi, commander of the second battalion of Saik; Izz al-Din al-Kawak, military coordinator between the High Command and the Al-Awagir tribe; Ayad al-Fassi, commander of the Auliya al-Dam brigade.<sup>58</sup> The tension between the LNA marshal and the Al-Awagir increased even more when in mid-February 2021 it was reported that one of the leaders of the tribe, Khalid Bulgheib, had been arrested at the airport of Benin. Representatives of the clan blamed the sons of Khalifa Haftar for this and began to mobilize forces near Benin and Ar-Rajma, where the military headquarters of the LNA is located.<sup>59</sup>

In the context of strained relations between the Marshal and the Al-Awagir, Aguila Saleh Issa, the head of the House of Representatives in Tobruk, assumed the role of mediator. He began to hold meetings with tribal sheikhs in Benghazi to prevent internal split in eastern Libya.<sup>60</sup> Aguila Saleh Issa persuaded the elders of the clan to accept his initiative to resolve the Libyan crisis, which includes overcoming the political split, the withdrawal of foreign mercenaries from Libya, and the restoration of state sovereignty.<sup>61</sup> In addition, the result of Aguila Saleh Issa's

<sup>56</sup> “Haftar wa-l-‘Awakir.. Tahaluf wa-tarbus” [Haftar and Al-Awakir: Alliance and persecution], *Libya al-ahrar*, August 25, 2019, accessed March 15, 2021, <https://libyaalahrar.tv/2019/08/25/حفترو-العواقير-تحالف-وتربص/>

<sup>57</sup> “Hal bad’at qaba’il ash-sharq al-libii tahalla ‘an Haftar?” [Eastern Libyan tribes began abandoning Haftar?], *Al Jazeera*, September 6, 2017, accessed March 15, 2021, <https://www.aljazeera.net/news/reportsandinterviews/2017/6/9/هل-بدأت-قبائل-الشرق-الليبي-تتخلى-عن->

<sup>58</sup> A’id ‘Amira, “Qaba’il Libiya.. Kharitat ath-thaql wa-n-nufuz wa-t-tahalufat” [The tribes of Libya: a map of weight, influence and alliances], *Noon Post*, June 24, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.noonpost.com/content/37436>

<sup>59</sup> “Tahshid wasi’ li-afraad min qabilat al-‘Awaqir ba’ad i’atikal al-qiyadii Khalid Bulgheib” [Mass mobilization of the Al-Awakir tribesmen after the arrest of the leader Khalid Bulgheib], *Libya al-ahrar*, February 14, 2021, accessed March 15, 2021, <https://libyaalahrar.tv/2021/02/14/تحشيد-واسع-لأفراد-من-قبيلة-العواقير-بع->

<sup>60</sup> “Hal bada’at qaba’il ash-sharq al-libii takhalla ‘an Haftar?” [Eastern Libyan tribes began abandoning Haftar?], *AlJazeera*, June 09, 2019, accessed March 15, 2021, <https://www.aljazeera.net/news/reportsandinterviews/2017/6/9/هل-بدأت-قبائل-الشرق-الليبي-تتخلى-عن->

<sup>61</sup> “Qaba’il al-Ashraf wa-l-Murabatin wa-l-‘Awaqir tu’akkid da’amaha li-mubadarat ‘Aqila Saleh” [Al-Ashraf, Al-Murabatin and Al-Awaqir tribes reaffirm their support for Aguila Saleh Issa's

mediation was that in the light of Turkish expansion, the Al-Awagir tribe began supporting the LNA again,<sup>62</sup> and Sheikh Saleh Bukhreis al-Kazza, the most prominent representative of the Al-Awagir, supported the Egyptian intervention in Libya in order to resist Ankara in 2020.<sup>63</sup>

The Arab tribe *Zawia* is limited in number but important in Libyan society due to its geographical position. The clan lives in the area of oil export installations and in the regions of oil fields, namely from the Gulf of Sidra to the oasis of Kufra. Back in 2011, when the military forces of Muammar Gaddafi began violent repressions against demonstrators in eastern Libya, Faraj al-Zuwayya, the head of the tribe, threatened to stop the export of energy resources.<sup>64</sup> He gave the Colonel 24 hours, but the demands were not satisfied and he fulfilled the ultimatum.<sup>65</sup> After the revolution, *Zawia* representatives more than once advocated the division of national wealth, as they planned to maintain control over Libyan oil in the east of the country.<sup>66</sup>

Now the role of the supreme sheikh of the clan is performed by al-Senusi al-Khaliq al-Zawia, who opposes the GNA government. This position can be explained by the fact that the interests of the tribe were not taken into account when the government was formed. For this reason, the *Zawia* tribe agreed to side with the government of Abdullah al-Thani and Marshal Khalifa Haftar, ensuring thereby the legitimacy of the supreme power.<sup>67</sup> This clan sent its militias to the LNA. At the same time, it has great influence on the Marshal, as it constantly manipulates oil-related issues and maintains control over export terminals in ports.<sup>68</sup> In many ways, it

---

initiative], *Akhbar Libya* 24, November 11, 2020, accessed March 15, 2021, <https://akhbarlibya24.net/2020/10/11/قبائل-الأشراف-والمرابطين-والعواقر-ت/>

<sup>62</sup> Hala Amin, “Shabab qabilat al-‘Aqir: nad’um al-jeish al-libii didda al-‘udwan at-turkii” [Al-Awakir youth: We support the Libyan army against Turkish aggression], *Dustur*, January 3, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.dostor.org/2959368>

<sup>63</sup> Awatif al-Wasif, “(Khas) Sheikh qabilat al-‘Awaqir yakshif tafasil ziyarat wafd al-qaba’il ila Misr” [(Exclusive) Al-Awakir tribal sheikh reveals details of tribal delegation’s visit to Egypt], *At-Tariq*, July 15, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.altreeq.com/154445>

<sup>64</sup> V.V. Evseev, “The Libyan crisis and its impact on the oil market” [in Russian], *Geoekonomika energetiki*, vol. 10, no. 2 (2020): 23.

<sup>65</sup> “Al Jazeera: za’im qibalii libii uhammad bi-waqf sadirat ah-nift” [Al Jazeera: Libyan tribal leader threatens to stop oil exports], *Reuters*, February 21, 2011, accessed March 15, 2021, <https://www.reuters.com/article/oegtp-libya-threat-my3-idARACAE71J14820110220>

<sup>66</sup> “Qabilat Zawiya’ taqud taqsim ath-thaura.. wa-khubara’ ya’qifun ‘ala wadi’ al-aliyat fi Libya” [The *Zawia* tribe leads wealth-sharing initiative: Experts work on mechanisms in Libya], *Al-Youm as-sabi’*, January 27, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.youm7.com/story/2020/1/27/-قبيلة-زوية-تقود-مبادرة-تقسيم-الثروة-وخبراء-يعكفون-على-وضع/4605298>

<sup>67</sup> A. Carboni and J. Moody, “Between the cracks: Actor fragmentation and local conflict systems in the Libyan Civil War,” *Small Wars & Insurgencies*, vol. 29(3) (2018): 469.

<sup>68</sup> “Sheikh qabilat az-Zawya al-libiya: nahnu ya’atina ash-shari’ya li-l-jeish al-vataniy wa la nurid tiqrar “as-Skhirat”” [Sheikh of the Libyan *Zawia* tribe: We have legitimized the national army



was thanks to the tribal sheikhs' position that Khalifa Haftar managed to enforce an embargo on the supply of hydrocarbons abroad for about nine months in 2020.<sup>69</sup> The head of the tribe even planned to continue such measures, demanding that Ankara should withdraw its mercenaries.<sup>70</sup> In addition, when the issue was raised to start negotiations between the Western and Eastern blocs through the mediation of Germany, Tunisia, Morocco and other countries, Zawia refused any dialogue unless it was held in the territory of Libya.<sup>71</sup>

It is worth noting that within the country, the most difficult relationship the Zawia has always had with the members of the Tubu tribe. In desert oases, Zawia hire them for agricultural work and smuggling operations.<sup>72</sup> During Muammar Gaddafi's rule, conflicts between them were smoothed out thanks to the Colonel's tribal diplomacy, but after his death, relations between the Zawia and the Tubu periodically develop into local conflicts, which often turn into skirmishes and kidnapping.<sup>73</sup>

The influential *Magarha* tribe was one of those on which Muammar Gaddafi relied. Members of the clan were part of the power and intelligence structures under the Jamahiriya and remained loyal to the Colonel to the very end. The Magarha chose the city of Ajdabiya located 150 km from Benghazi as its center. Representatives of the tribe live mostly in the cities in the north-east of the country from Ajdabiya to Sirte and in the Oil Crescent region. This allows them to control oil ports and hydrocarbon deposits. In 2013, during the conflict between the Magarha and the interim government in Tripoli, the tribal sheikhs decided to close a number of oil terminals and subsequently they announced their non-recognition of that government.

---

and do not want to repeat Skhirat], *Sputnik Arabic*, February 29, 2020, accessed March 15, 2021, [https://arabic.sputniknews.com/arab\\_world/202002291044710693-شيخ-قبيلة-الزوية-الليبية-نحن-أعطينا-الشريعة-للجيش-الوطني-ولا-نريد-تكرار-الصخيرات](https://arabic.sputniknews.com/arab_world/202002291044710693-شيخ-قبيلة-الزوية-الليبية-نحن-أعطينا-الشريعة-للجيش-الوطني-ولا-نريد-تكرار-الصخيرات)

<sup>69</sup> Joffe, "Libya: The new geopolitical arena," 648.

<sup>70</sup> "Sheikh qabilat Zaiya: mustamirrun fi iqfal samamat an-nift khatta tahsub Turkiya al-murtazaqa as-suriin az-zein jalbatihim" [Zawia Sheikh: We will continue to shut down oil taps until Turkey withdraws the Syrian mercenaries it brought in], *Al-Marsad*, January 23, 2020, accessed March 15, 2021, <https://almarsad.co/2020/01/23-شيخ-قبيلة-إزوية-مستمررون-في-إقفال-صمامات-الزوية-الليبية-نحن-أعطينا-الشريعة-للجيش-الوطني-ولا-نريد-تكرار-الصخيرات>

<sup>71</sup> "Sheikh qabilat az-Zawiya: qaba'il Libiya la taqbul bi-ei liqa' li-hall al'izma kharij al-watan wa-tarfud musharakat Qatar" [Zawia Sheikh: Tribes of Libya do not accept any meeting to resolve the crisis outside the country and refuse Qatar's participation], *Sputnik Arabic*, February 29, 2020, accessed March 15, 2021, [https://arabic.sputniknews.com/arab\\_world/202002291044710619-شيخ-قبيلة-الزوية-قبائل-ليبيا-لا-تقبل-بأي-لقاء-لحل-الأزمة-خارج-الوطن-وترفض-مشاركة-قطر](https://arabic.sputniknews.com/arab_world/202002291044710619-شيخ-قبيلة-الزوية-قبائل-ليبيا-لا-تقبل-بأي-لقاء-لحل-الأزمة-خارج-الوطن-وترفض-مشاركة-قطر)

<sup>72</sup> I. Cherstich, "When tribesmen do not act tribal: Libyan tribalism as ideology (not as schizophrania)," *Middle East Critique*, vol. 23 (4) (2014): 411.

<sup>73</sup> A.M. Vasil'ev, et al., "Situation in Libya and Russian interests" [in Russian], *Aziya i Afrika segodnya*, no. 6 (2020): 11.



Since 2016, the Magarha has been declaring its loyalty to Marshal Khalifa Haftar and sending its militias to the LNA.<sup>74</sup> The sheikhs explain their political position as follows: they view the LNA as a militia similar to that established by Omar al-Mukhtar during the struggle against Italian colonialism (1923–31). They perceive the actions of the United States and NATO that began in 2011 as a neo-colonial policy, the purpose of which is to enslave the Libyans.<sup>75</sup> The Magarha supported Khalifa Haftar in his military campaign against the GNA.<sup>76</sup> The tribe also opposed Turkish expansion and the transfer of Syrian mercenaries to the country. At the same time, it is important to note that despite the repeated participation of the tribe in special meetings in Cairo dedicated to the intertribal reconciliation of Libya, the Magarha tribe does not trust the official authorities of Egypt. This can be explained by the fact that Abdel Fattah el-Sisi's regime is involved in the death of several hundred members of the clan. In this regard, the sheikhs of the tribe condemned not only Cairo for its intention to send troops to Libya to counter Turkey but also those tribes that supported that initiative of Egypt.<sup>77</sup>

In general, the majority of the Cyrenaica clans have rallied around LNA Marshal Khalifa Haftar, which is explained by his ability to negotiate with prominent sheikhs as well as strong support from Aguila Saleh Issa. However, this does not exclude the emergence of internal conflicts that flare up due to conflicts of commercial interests or deaths of the members of large families. At the same time, in order to maintain stability however shaky it is, Khalifa Haftar uses the carrot-and-stick approach like Muammar Gaddafi used to do in the past.

## Fezzan

In the Fezzan region, the *Awlad Suleiman* tribe has the greatest influence. It is the largest tribe in the region consisting of five clans: Sheridat, Lahiwat, Mayassa,

<sup>74</sup> “Haftar wa-hukumat al-Wifaq.. man yaseitar ‘ala janub Libya al-gharbii?” [Haftar and the Government of National Accord: Who controls the south of western Libya?], *Noon Post*, January 8, 2017, accessed March 15, 2021, <https://www.noonpost.com/content/16074>

<sup>75</sup> “Sheikh qabilat al-Maghariba al-libiya: al-qaba’il da’amat al-jeish al-watani bi-qiyadat al-mushir Haftar” [Sheikh of the Libyan Magarha tribe: The tribes supported the national army led by Field Marshal Haftar], *Youm as-sabi*, December 19, 2016, accessed March 15, 2021, <https://www.youm7.com/story/2016/9/19/-الوطني-بقيادة-القبايل-الليبية-المغاربة-القبائل-دعمت-الجيش-الوطني-بقيادة-المشير/2888334>

<sup>76</sup> “‘Al-Magraha’ tujaddid da’amaha li-l-jeish al-libii ‘didda al-irhab” [The Magarha renews support for Libyan army ‘against terrorism’], *Al-‘Ain al-ikhbarii*, November 6, 2020, accessed March 15, 2021, <https://al-ain.com/article/libyan-tribes-support-army-rejection-turkish-1>

<sup>77</sup> “Qabilat al-Maghariba tudin liqa’ mashaikh Haftar bi-s-Sisi talaban li-tadakhkhulih” [The Magarha tribe condemns the meeting of Haftar’s sheikhs with Abdel Fattah el-Sisi, the sheikhs asking him to intervene in the conflict], *Libiya al-ahrar*, July 18, 2020, accessed March 15, 2021, <https://libyaalahrar.tv/2020/07/18/المغاربة-تدين-لقاء-مشايخ-حفتر-ب-سيسي-تطلبان-من-السياسي-التدخل-في-الصراع/>

Zachari, and Jabair.<sup>78</sup> Its members consider themselves Arabs, but living in the south of Libya, some of them mixed with the natives of Chad and Niger. During the years of Gaddafi's rule, the Awlad Suleiman gradually lost its influence in the desert region, but the situation began to change after the revolution. The tribal representatives decided to side with Misurata in order to restore their pre-Gaddafi position in Fezzan. For a long time after the fall of the Gaddafi's regime, the Awlad Suleiman strove for independence and did not want to submit to any government. It is worth noting that the Awlad Suleiman has a strained relationship with the Tubu. The reasons for the contention between them are the struggle for control over the southern checkpoints on the border and for the smuggling of people, drugs, alcohol, fuel, and other goods.<sup>79</sup>

During Khalifa Haftar's campaign to annex the south in early 2019, the Awlad Suleiman sheikhs voluntarily agreed to join him. In many ways, the Marshal managed to achieve the loyalty of the tribe due to the fact that he promised not to interfere in their internal affairs and began making monthly payments to restore the infrastructure of the southern cities and social security of local residents.<sup>80</sup> In addition, the Marshal arranged for a continuous supply of weapons to the Awlad Suleiman so that they could resist al-Qaeda terrorists.<sup>81</sup>

In 2019, before the military campaign against the GNA, for the first time since the revolution, thanks to the efforts of Khalifa Haftar and Aguila Saleh Issa, a peace agreement between the tribes of Awlad Suleiman and Qadhadhfa was reached and signed in Sirte.<sup>82</sup> At the time of the new round of the civil war (2019–20), the Awlad Suleiman supported the LNA but did not send their militias to north-western Libya.<sup>83</sup> Strong statements from the sheikhs of the tribes appeared after the arrival of the Turkish military in the capital. They called Ankara's actions an occupation and did not recognize the memorandums signed between the GNA and Turkey on military

<sup>78</sup> "Qabilat Awlad Suleiman bi-Libiya" [The Awlad Suleiman tribe in Libya], *Al Jazeera*, July 6, 2021, accessed March 15, 2021, <https://www.aljazeera.net/news/reportsandinterviews/2012/7/6/قبيلة-أولاد-سليمان-بليبيا>

<sup>79</sup> R. Murai, "Al-'Adawat fi janub Libiya" [The al-'Adawat in southern Libya], *Carnegie*, December 10, 2014, accessed March 15, 2021, <https://carnegieendowment.org/sada/57473>

<sup>80</sup> M. Capasso, "The war and the economy: The gradual destruction of Libya," *Review of African Political Economy*, vol. 47 (166) (2020): 561.

<sup>81</sup> "Haftar yastaqbal wafdan min mashaikh qabilat Awlad Suleiman" [Haftar meets delegation from the Awlad Suleiman tribe], *Ewan Libya*, December 6, 2019, accessed March 15, 2021, <http://ewanlibya.ly/news/news.aspx?id=340867>

<sup>82</sup> "Al-Mujtama' al-libii yasna' al-hall ba'idan 'an hisabat as-siyasa" [Libyan society makes a decision outside of political calculations], *Qanat 218*, February 14, 2019, accessed March 15, 2021, <https://www.218tv.net/المجتمع-اللبيي-يصنع-الحل-بعيدا-عن-حساب/>

<sup>83</sup> K.E. Baginskii, "The results of Berlin conference on Libya: consequences for Russia" [in Russian], *Modern Science*, no. 4–1 (2020): 313.

assistance and the division of maritime borders (2019).<sup>84</sup> In the context of the ongoing events, the Awlad Suleiman recalled their historical wounds, namely the struggle of the Libyan tribes with the Ottoman troops in the 19<sup>th</sup> century and the deaths of their tribe members in that war. Masud al-Tamami, the current Head of the Tribal Supreme Council, said that he rejected any compromise with Ankara.<sup>85</sup>

As for the *Tubu*, it is both an Arab and a Negroid tribe. It consists of 50 clans, and the number of this ethnic group's members in Libya reaches 250 thousand people.<sup>86</sup> They live mainly in the Sahara and the Tibesti Mountains and freely penetrate the territories of Chad and Niger. The settled part of the tribe lives in such cities as Sabha, Murzuk and Kufra. The fair-skinned Tubu also reside in Benghazi and Tripoli.<sup>87</sup> During Gaddafi's rule, they were practically deprived of any managerial functions,<sup>88</sup> and the Negroid Tubu opposed any policy of Arabization.<sup>89</sup> In 2011, the Tubu actively participated in the struggle against the ruling regime, and after the death of the Colonel, they gained almost complete independence.<sup>90</sup>

After the collapse of the Libyan state, the relations between the Tubu and the Tuaregs were rather complicated due to their disputes over control of the southern checkpoints and smuggling. In October 2014, Ubari witnessed the hostility between these tribes, which resulted in the relocation of about 80% of the city's population.<sup>91</sup>

<sup>84</sup> “Qabilat Awlad Suleiman: naqif ma’a al-jeish didda-l-ihtilal at-turkii al-baghit” [The Awlad Suleiman tribe: We stand together with the army against the Turkish occupation], *As-Sa’a* 24, January 2, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.alsaaa24.com/2020/01/02/-قبيلة-أولاد-سليمان-انقف-مع-الجيش-ضد-الاحتلال>

<sup>85</sup> “Majlis al-a’ala li-qabilat Awlad Suleiman: lan nuwasim ‘ala-l-watan wa-i’adat al-ihtilal at-turkii al-musta’amir fi Libiya” [The Awlad Suleiman Tribal Supreme Council: We will not compromise on the homeland and the return of Turkish colonial occupation in Libya], *Wikalat al-anba’ al-libiya*, November 10, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.lananews.com/ar/?p=220553>

<sup>86</sup> “At-Tubu’ fi Libiya.. min hum wa-ma hiya mutalyabuhum” [The At-Tubu in Libya: What do they demand?], *Aswat magharibiya*, November 18, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.maghrebvoices.com/libya/2020/11/18/التبو-في-ليبيا-هم-وما-هي-مطالبهم؟>

<sup>87</sup> F. Gaub, “Like father like son: Libyan civil-military relations before and after 2011,” *Mediterranean Politics*, vol. 24 (2) (2017): 187.

<sup>88</sup> R. Tabib, “Mobilized publics in Post-Qadhafi Libya: The emergence of new modes popular protest in Tripoli and Ubari,” *Mediterranean Politics*, vol. 21 (1) (2016): 92.

<sup>89</sup> “Ragm al-harb ad-dakhiliya.. Qaba’il at-tubu al-libiya tuhafiz ‘ala huwwiyatihim (taqrir)” [Despite the internal war, the Libyan at-Tubu tribes retain their identity (a report)], *Anadolu Agency*, September 24, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.aa.com.tr/ar/-التقارير-ارغم-الحرب-الداخلية-قبائل-التبو-الليبية-تحافظ-على-هويتها-تقرير/>

<sup>90</sup> Yu.N. Zinin, “Libya after Gaddafi: the role of the Islamic factor” [in Russian], *Ekonomicheskie, sotsial’no-politicheskie, etnokonfessional’nye problemy afro-aziatskikh obshchestv*, no. 1 (2018): 161.

<sup>91</sup> M.R. DeVore and A. Stähli, “Anarchy’s anatomy: Two-tiered security systems and Libya’s civil wars,” *Journal of Strategic Studies*, vol. 43 (3) (2018): 418.

The armed conflict between the Tubu and the Tuareg ended with the signing of an agreement mediated by Qatar on November 23, 2015 in Doha.<sup>92</sup>

It is important to note that the Tubu have never joined any government or political bloc. This stance is explained by the fact that politicians constantly resorted to violence in their efforts to conquer this tribe. The Tubu repeatedly accused the Muslim Brotherhood in the north-west of the country of sponsoring extremists who carried out bloody attacks in the south. It is possible that this is due to the rejection by radical Islamists of such a trend in Islam as Sufism, which is widespread among the Tubu. In addition, in the actions of Marshal Khalifa Haftar they see the continuation of Gaddafi's policy that was aimed at their discrimination.<sup>93</sup> The LNA failed to gain control over Murzuk, Ubari, and Sabkha through intertribal negotiations, which is why while its main units were besieging Tripoli (2019–20), Khalifa Haftar decided to send Chadian and Sudanese mercenaries to this region.<sup>94</sup> Despite this, he failed to subdue the Tubu who managed to maintain their independence.

The *Tuareg* tribe, represented by nomadic and settled clans, with a center in the desert city of Ghat, also refers to Negroid ethnic groups. Their number is 30 thousand people. During Muammar Gaddafi's rule, some of them were granted citizenship. The representatives of the tribe loyal to the regime were often used to stabilize the situation in the south of the country. However, there are also those Tuareg who have always retained their freedom and freely crossed the borders with Algeria, Chad, and Niger, engaging in smuggling.<sup>95</sup> According to the reports by AFRICOM (Africa Command of the US Armed Forces), the Tuareg have repeatedly joined al-Qaeda, which made it easier for them to carry out illegal trade in the Sahara.<sup>96</sup>

The political position of the Tuareg has always been dictated by the need to ensure their interests. In this regard, their loyalty both to the Western and to the

<sup>92</sup> “Qaba’il at-tubu” [The At-Tubu tribe], *Al Jazeera*, May 12, 2016, accessed March 15, 2021, <https://www.aljazeera.net/encyclopedia/movementsandparties/2016/5/12/قبائل-التبو>

<sup>93</sup> J. Oakes, *War Lord. Khalifa Haftar and the Future of Libya* (Stroud: Amberley Publishing, 2021), 43.

<sup>94</sup> Abdel Sattar Hatita, “Qaba’il at-tubu fi janub Libiya tad’um al-jeish ‘askariyan wa-siyasiyan Kaba’il” [The At-Tubu tribes in southern Libya support the army both militarily and politically], *Al-Arab*, January 8, 2019, accessed March 15, 2021, <https://alarab.co.uk/قبائل-التبو-في-جنوب-ليبيا-تدعم-الجيش-عسكريا-وسياسيا>

<sup>95</sup> “Ad-Dbeiba yarudd ‘ala ittihamat bi-husul musharikin fi-l-hiwar al-libii ‘ala ‘Rashawi” [Abdel Hamid Dbeiba responds to the accusations that the participants in the Libyan dialogue took bribes], *Aswat magharibiya*, March 1, 2021, accessed March 15, 2021, <https://www.maghrebvoices.com/libya/2021/03/01/-الحوار-الليبي-في-الحوار-الليبي-الاتهامات-بحصول-مشاركين-في-الحوار-الليبي-الرشاوى>

<sup>96</sup> “Tawariq Libiya: tahqiqat haula mudjzira al-‘awinat” [Libya's Tuareg: An investigation into the Owainat massacre], *Ash-Sharq*, January 7, 2019, accessed March 15, 2021, <https://al-sharq.com/article/07/01/2019/طوارق-ليبيا-تحقيقات-حول-مجزرة-العوينات>



Eastern blocs has always been temporary.<sup>97</sup> In the context of Khalifa Haftar's aggressive campaign in southern Libya, the Ubari Tuareg began supporting the GNA.<sup>98</sup> However, as soon as Ankara's expansion including an attempt to establish control over their smuggling trade affected their interests, they began to oppose the policy of Turkish President Recep Tayyip Erdoğan and expressed their loyalty to the LNA.<sup>99</sup> The Tuareg also expressed their negative attitude towards UNSMIL (United Nations Mission of Support in Libya) after acting Mission Special Representative Stephanie Williams did not include their representatives in the Libyan Political Dialogue Forum.<sup>100</sup> Accordingly, they did not recognize the new interim government headed by Abdul Hamid Dbeibeh.

Thus, the Fezzan region remains one of the most difficult to control not only because of the vast desert terrain but also because of the presence of nomadic peoples who retained their autonomy even in the days of Muammar Gaddafi. Their loyalty can only be ensured by bribery, which has been and still is used by the representatives of the authorities both in the west and in the east.

### Conclusion

Since the fall of the Gaddafi's regime, Libya has been in the state of chaos for 10 years. During these years, the role of tribal formations in the country has grown stronger. Any of their associations with each other or joining eastern or western governments have always been dictated by purely internal interests of the tribes. For many of them, it is extremely important to preserve their autonomy so that no other force could get an opportunity to influence their internal structure. At the same time, due to the ability of some of them to control hydrocarbon deposits as well as oil pipelines and oil export terminals in ports, they began to exert a very strong influence on the important political figures of the country. The Libyan tribes are not ready to hand over their best assets to anyone else, which clearly indicates a lack of intention to work on the restoration of the state.

<sup>97</sup> I. Costantini, "A solution in Libya: Elections, mediation and a victor's peace," *Middle East Policy*, vol. 26 (4) (2020): 153.

<sup>98</sup> "Shuyukh wa-a'iyān at-tawāriq bi-"Ubari" yu'alīnūn li-hukumat al Wifaq wa-utalībun basat al-amn fi-l-janub al-libīi" [Tuareg sheikhs and prominent Ubari figures declare their support for the Government of National Accord and demand the establishment of security in southern Libya], *Al-Quds*, July 8, 2020, accessed March 15, 2021, <https://www.alquds.co.uk/-/شيوخ-وأعيان-الطوارق-بأوباري-يعلنون>

<sup>99</sup> "Tawāriq Libīya' ujaddidun da'am al-jeish bi-muwajahat atma' Turkiya" [Libya's Tuareg resumes support for the army in confronting the ambitions of Turkey], *Al-'Ain al-ikhbarīi*, November 6, 2020, accessed March 15, 2021, <https://al-ain.com/article/tuareg-turke-south>

<sup>100</sup> "Libya.. Qaba'il "at-tawāriq" tastankir mu'amala bi'asa al-umam al-muttahida" [Libya: The Tuareg tribes condemn the statement of the UN mission], *RT*, October 26, 2020, accessed March 15, 2021, [https://arabic.rt.com/middle\\_east/1167453-ليبياقبائل-الطوارق-تستنكر-معاملة-بعثة-الأمم-المتحدة](https://arabic.rt.com/middle_east/1167453-ليبياقبائل-الطوارق-تستنكر-معاملة-بعثة-الأمم-المتحدة)



As for the prospects for the country's unification, they still remain illusory. The United States within the framework of the UNSMIL has methodically pushed the Libyan military and politicians to hold elections since the end of December 2021. But presidential and parliamentary elections has not taken place due to the inability of the interim government of Abdul Hamid Dbeibeh to organize them. The main reasons were related to his personal ambitions, since he wanted to remain in power at any cost, inability of the election commission to organize the work of polling stations, persistence of an extremely tense situation in all cities of the country, and lack of clear legislative acts regulating the electoral process as well as lack of an adopted Constitution.

The situation in the country remains extremely unstable, which may lead to the breakdown of all agreements. In addition, none of the elected candidates will be completely satisfactory for all of the tribes, and the results of the elections will be contested. Taking into account the complex ethnic and tribal structure of Libyan society, it is possible to conclude that the country can be united only if it is headed by a sufficiently influential person who will suit the majority of the clans. At the same time, he will need to take on the role of the supreme sheikh of all Libyan tribes.

### Список литературы

*Багинский К.Е.* Итоги Берлинской конференции по Ливии: последствия для России // *Modern Science*. 2020. № 4–1. С. 311–315.

*Васильев А.М., Жерлицына Н.А.* Трансформация стратегии ИГИЛ в Ливии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 12. С. 101–108.

*Васильев А.М., Исаев Л.М., Ткаченко А.А., Кукушкин В.Ю., Жерлицына Н.А.* Ситуация в Ливии и интересы России // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 6. С. 4–13.

*Евсеев В.В.* Ливийский кризис и его влияние на нефтяной рынок // *Геоэкономика энергетики*. 2020. Т. 10, № 2. С. 20–37.

*Егорин А.З.* Муаммар Каддафи. Москва: ИВ РАН, 2009. 464 с.

*Зинин Ю.Н.* Ливия после Каддафи: роль исламского фактора // *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских обществ*. 2018. № 1. С. 158–165.

*Зинин Ю.Н.* Основные участники внутривосточного конфликта в Ливии // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 3 (297). С. 96–117.

*Лукьянов Г.В.* Ливия и Иран: от общности интересов «государств-изгоев» к новой политической реальности // *Международные отношения*. 2015. № 1. С. 78–91.

*Труевцев К.М.* Распад в Ливии как фактор напряженности в Африке и Средиземноморье // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 4 (298). С. 80–98.

*Azeem I.* Rise and fall?: The Rise and fall of ISIS in Libya. Carlisle, PA: US Army War College Press, 2020. 78 p.

*Capasso M.* The war and the economy: the gradual destruction of Libya // *Review of African Political Economy*. 2020. Vol. 47 (166). P. 545–567.

- Carboni A., Moody J. Between the cracks: Actor fragmentation and local conflict systems in the Libyan Civil War // *Small Wars & Insurgencies*. 2018. Vol. 29 (3). P. 456–490.
- Cherstich I. When tribesmen do not act tribal: Libyan tribalism as ideology (not as schizophrenia) // *Middle East Critique*. 2014. Vol. 23 (4). P. 405–421.
- Costantini I. A Solution in Libya: Elections, mediation and a victor's peace // *Middle East Policy*. 2020. Vol. 26 (4). P. 146–156.
- DeVore M.R., Stähli A. Anarchy's anatomy: Two-tiered security systems and Libya's Civil Wars // *Journal of Strategic Studies*. 2018. Vol. 43 (3). P. 392–420.
- Fasanotti F.S. Libya: a nation suspended between past and future // *Studia Diplomatica*. 2017. Vol. 68, no. 4. P. 95–104.
- Gaub F. Like father like son: Libyan civil-military relations before and after 2011 // *Mediterranean Politics*. 2017. Vol. 24 (2). P. 181–195.
- Issaev L., Zakharov A. Decentralization in Libya after the Arab Spring // *Middle East Policy*. 2020. Vol. 27 (1). P. 56–70.
- Joffè G. Libya: the new geopolitical arena // *The Journal of North African Studies*. 2020. Vol. 25 (5). P. 681–688.
- Joffè G. The Trojan horse: the Madkhali movement in North Africa // *The Journal of North African Studies*. 2018. Vol. 23 (5). P. 739–744.
- Karim M. Conspiracism In and Around Libya // *The International Spectator*. 2016. Vol. 51 (2). P. 113–118.
- Khalid Muhammad at-Tilisi. Mu'ajjam sukkan Libya [Словарь населения Ливии]. Ливия: Дар ар-Рибан, 1991. 428 с.
- Lacher W. Libya's local elites and the politics of alliance building // *Mediterranean Politics*. 2016. Vol. 21 (1). P. 64–85.
- Lacher W. Libya's fragmentation: Structure and process in violent conflict. London: Bloomsbury Publishing, 2020. 286 p.
- Lacher W. Was Libya's collapse predictable? // *Global Politics and Strategy*. 2017. Vol. 59 (2). P. 139–152.
- Lefèvre R. An Egyptian Scenario for Libya? // *The Journal of North African Studies*. 2014. Vol. 19 (4). P. 602–607.
- Oakes J. War Lord. Khalifa Haftar and the future of Libya. Stroud: Amberley Publishing, 2021.
- Raineri L. Security and informality in Libya: militarisation without military // *Conflict, Security & Development*. 2019. Vol. 19 (6). P. 583–602.
- Ronen Y. Libya: Teetering between war and diplomacy. The Islamic State's role in Libya's disintegration // *Diplomacy & Statecraft*. 2017. Vol. 28 (1). P. 110–127.
- Strazzari F. Libyan arms and regional instability // *The International Spectator*. 2014. Vol. 49 (3). P. 54–68.
- Tabib R. Mobilized publics in Post-Qadhafi Libya: The emergence of new modes popular protest in Tripoli and Ubari // *Mediterranean Politics*. 2016. Vol. 21 (1). P. 86–106.

## References

- Azeem, I. *Rise and fall?: The Rise and fall of ISIS in Libya*. Carlisle, PA: US Army War College Press, 2020.
- Baginskii, K.E. "Itogi Berlinskoi konferentsii po Livii: posledstviya dlya Rossii" [The results of Berlin conference on Libya: consequences for Russia]. *Modern Science*, no. 4–1 (2020): 311–15. (In Russian)

- Capasso, M. “The war and the economy: The gradual destruction of Libya.” *Review of African Political Economy*, vol. 47 (166) (2020): 545–67.
- Carboni, A., and J. Moody. “Between the cracks: Actor fragmentation and local conflict systems in the Libyan Civil War.” *Small Wars & Insurgencies*, vol. 29 (3) (2018): 456–90.
- Cherstich, I. “When tribesmen do not act tribal: Libyan tribalism as ideology (not as schizophrenia).” *Middle East Critique*, vol. 23 (4) (2014): 405–21.
- Costantini, I. “A solution in Libya: Elections, mediation and a victor’s peace.” *Middle East Policy*, vol. 26 (4) (2020): 146–56.
- DeVore, M.R., and A. Stähli. “Anarchy’s anatomy: Two-tiered security systems and Libya’s Civil Wars.” *Journal of Strategic Studies*, vol. 43 (3) (2018): 392–420.
- Egorin, A.Z. *Muammar Kaddafi* [Muammar Gaddafi]. Moscow: IV RAN, 2009. (In Russian)
- Evseev, V.V. “Liviiskii krizis i ego vliyanie na neftyanoi rynek” [The Libyan crisis and its impact on the oil market]. *Geoekonomika energetiki*, vol. 10, no. 2 (2020): 20–37. (In Russian)
- Fasanotti, F.S. “Libya: a nation suspended between past and future.” *Studia Diplomatica*, vol. 68, no. 4 (2017): 95–104.
- Gaub, F. “Like father like son: Libyan civil-military relations before and after 2011.” *Mediterranean Politics*, vol. 24 (2) (2017): 181–95.
- Issaev, L., and A. Zakharov. “Decentralization in Libya after the Arab Spring.” *Middle East Policy*, vol. 27 (1) (2020): 56–70.
- Joffè, G. “Libya: The new geopolitical arena.” *The Journal of North African Studies*, vol. 25 (5) (2020): 681–88.
- Joffè, G. “The Trojan horse: the Madkhali movement in North Africa.” *The Journal of North African Studies*, vol. 23 (5) (2018): 739–44.
- Karim, M. “Conspiracism In and Around Libya.” *The International Spectator*, vol. 51 (2) (2016): 113–18.
- Khalid Muhammad at-Tilisi. *Mu’adjamat sukkan Libia* [A Dictionary of the Population of Libya]. Dar ar-Riban, 1991. (In Arabic)
- Lacher, W. *Libya’s fragmentation: Structure and process in violent conflict*. London: Bloomsbury Publishing, 2020.
- Lacher, W. “Libya’s local elites and the politics of alliance building.” *Mediterranean Politics*, vol. 21 (1) (2016): 64–85.
- Lacher, W. “Was Libya’s collapse predictable?” *Global Politics and Strategy*, vol. 59 (2) (2017): 139–52.
- Lefèvre, R. “An Egyptian scenario for Libya?” *The Journal of North African Studies*, vol. 19 (4) (2014): 602–07.
- Luk’yanov, G.V. “Liviya i Iran: ot obshchnosti interesov ‘gosudarstv-izgoev’ k novoi politicheskoi real’nosti” [Libya and Iran: from common interests of the rogue states to a new political reality]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 1 (2015): 78–91. (In Russian)
- Oakes, J. *War Lord. Khalifa Haftar and the future of Libya*. Stroud: Amberley Publishing, 2021.
- Raineri, L. “Security and informality in Libya: Militarisation without military.” *Conflict, Security & Development*, vol. 19 (6) (2019): 583–602.
- Ronen, Y. “Libya: Teetering between war and diplomacy. The Islamic State’s role in Libya’s disintegration.” *Diplomacy & Statecraft*, vol. 28 (1) (2017): 110–27.
- Strazzari, F. “Libyan arms and regional instability.” *The International Spectator*, vol. 49 (3) (2014): 54–68.

Tabib, R. “Mobilized publics in Post-Qadhafi Libya: The emergence of new modes of popular protest in Tripoli and Ubari.” *Mediterranean Politics*, vol. 21 (1) (2016): 86–106.

Truevtsev, K.M. “Raspad v Livii kak faktor napryazhennosti v Afrike i Sredizemnomor'e” [Libyan collapse as a source of tensions in Africa and the Mediterranean]. *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim World], no. 4 (298) (2017): 80–98. (In Russian)

Vasil'ev, A.M., and N.A. Zherlitsyna. “Transformatsiya strategii IGIL v Livii” [Transformation of ISIS strategy in Libya]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no. 12 (2019): 101–08. (In Russian)

Vasil'ev, A.M., L.M. Isaev, A.A. Tkachenko, V.Yu. Kukushkin, and N.A. Zherlitsyna. “Situatsiya v Livii i interesy Rossii” [Situation in Libya and Russian interests]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 3 (2020): 4–13. (In Russian)

Zinin, Yu.N. “Liviya posle Kaddafi: rol' islamskogo faktora” [Libya after Gaddafi: The role of the Islamic factor]. *Ekonomicheskie, sotsial'no-politicheskie, etnokonfessional'nye problemy afro-aziatskikh obshchestv*, no. 1 (2018): 158–65. (In Russian)

Zinin, Yu.N. “Osnovnye uchastniki vnutripoliticheskogo konflikta v Livii” [The main participants in the internal political conflict in Libya]. *Rossiya i musul'manskii mir*, no. 3 (297) (2017): 96–116. (In Russian)

### **Информация об авторе**

**Мария Игоревна Махмутова** – кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-9681-7071>, [makhmutova.maria@yandex.ru](mailto:makhmutova.maria@yandex.ru), Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (123001 Россия, Москва, ул. Б. Садовая, д. 4)

### **Information about the author**

**Mariya I. Makhmutova** – Candidate of Historical Sciences, [makhmutova.maria@yandex.ru](https://orcid.org/0000-0001-9681-7071); <https://orcid.org/0000-0001-9681-7071>, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (4, ul. B. Sadovaya, Moscow, 123001, Russia)

---

Статья поступила в редакцию 11.05.2021; одобрена после рецензирования 20.09.2021; принята к публикации 30.09.2021.

The article was submitted 11.05.2021; approved after reviewing 20.09.2021; accepted for publication 30.09.2021.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 407–438  
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 2 (2022): 407–38

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-2>

## Внешняя политика Германии в период адаптации к реалиям постбиполярного мира

Джемма Ваграмовна Петросян,

МГИМО МИД РФ,

Москва, Россия,

[jemma95@mail.ru](mailto:jemma95@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0003-2570-0380>

**Dzhemma V. Petrosyan,**

Moscow State Institute of International Relations  
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,

Moscow, Russia,

[jemma95@mail.ru](mailto:jemma95@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0003-2570-0380>



**Аннотация.** Переход от биполярной к постбиполярной системе международных отношений и объединение ФРГ и ГДР в 1990 году стали началом нового этапа в истории Германии. В статье рассматривается период трансформации и адаптации внешней политики объединенной Германии к реалиям постбиполярного мира. Цель данного исследования – анализ основных направлений внешнеполитического курса ФРГ в период канцлерства Г. Коля. В то время для ФРГ важным являлось усиление стабильности и развитие демократии на территориях соседних восточных государств. Изменилось и положение ФРГ в германо-американских отношениях. Германия стала стратегически важным партнером США по блоку НАТО и одной из основных стран, инициировавших расширение НАТО на Восток. Двусторонние отношения между ФРГ и Россией в рассматриваемый период развивались в позитивном ключе, так как оба государства после распада СССР и объединения Германии находились в поиске новых внешнеполитических ориентиров. Подробно характеризуя действия первого правительства объединенной Германии по адаптации страны к новым внешним условиям, автор делает вывод о том, что после объединения ФРГ и ГДР в Европе сформировалась новая геополитическая обстановка.

**Ключевые слова:** внешнеполитические отношения, США, Г. Коль, восточная политика, адаптационный период Германии, Советский Союз, постбиполярный миропорядок, германо-русские отношения

© Петросян Д.В., 2022

© Petrosyan D., 2022



**Для цитирования:** Петросян Д.В. Внешняя политика Германии в период адаптации к реалиям постбиполярного мира // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 407–438, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-2>

## German foreign policy in the period of adaptation to the realities of the post-bipolar world

**Abstract.** The transition from a bipolar to a post-bipolar system of international relations and the reunification of the FRG and the GDR in 1990 marked the beginning of a new stage in the history of Germany. The article examines the period of transformation and adaptation of the foreign policy of reunited Germany to the realities of the post-bipolar world order. The purpose of this study is to analyze the main directions of German foreign policy during the chancellorship of Helmut Kohl. At that time it was important for the FRG to strengthen stability and develop democracy in the territories of neighboring eastern countries. The position of the FRG in German-American relations had also changed. Reunited Germany became a strategically important partner of the United States in the North Atlantic Treaty Organization and one of the central countries to initiate NATO expansion into Eastern Europe. Bilateral relations between Germany and Russia during the period under review developed in a positive way, since after the collapse of the USSR and the reunification of Germany both countries were in search of new foreign policy benchmarks. Providing a detailed description of the actions of the first government of reunited Germany in adapting the country to the new external conditions, the author concludes that a new geopolitical situation was formed in Europe after the reunification of the FRG and the GDR.

**Key words:** foreign policy relations, USA, Helmut Kohl, eastern politics, adaptation period in Germany, the Soviet Union, post-bipolar world order, German-Russian relations

**For citation:** Petrosyan, D. “German foreign policy in the period of adaptation to the realities of the post-bipolar world.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2 (2022): 407–38, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-2>

### Введение

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. на мировой арене произошли кардинальные изменения, что привело к разрушению биполярной системы международных отношений и переходу к постбиполярному миропорядку.

Зарождение постбиполярной системы мироустройства являлось результатом окончания холодной войны, завершения деятельности Организации стран Варшавского договора, изменения политической карты мира, а именно распада СССР, Югославии, Чехословакии и передела сфер геополитического влияния (один центр силы – НАТО и одна супердержава – США).

Объединение в конце XX в. ФРГ и ГДР стало одним из величайших и значимых событий в истории Германии и мировой политики. Создание единого германского государства способствовало изменению как экономического, так и политического положения Германии в Европе и в международных отношениях.

Важной темой, изучение которой позволит выявить дальнейшие возможные сценарии развития германо-российских отношений, является анализ основ внешнеполитического курса Германии в постбиполярном мире. С учетом меняющейся международной обстановки позиция ФРГ имеет важное значение для российской стороны при принятии решений по особо важным проблемам, касающимся международных отношений. Поэтому в научном сообществе проблеме формирования внешнеполитического курса ФРГ в постбиполярном мире уделяется пристальное внимание и данная тема широко представлена в российских и зарубежных исследованиях. Среди отечественных трудов можно выделить работы Н.В. Павлова<sup>1</sup>, В.И. Васильева<sup>2</sup>, С.В. Погорельской<sup>3</sup>, М.В. Стрельца<sup>4</sup> и др. Данная проблема в зарубежных исследованиях представлена в трудах С. Бирлинга<sup>5</sup>, М. Гёртемакера<sup>6</sup>, Ф.-В. Штайнмайра<sup>7</sup>, Х. Адомайта<sup>8</sup> и др. Ученые разных стран анализируют взгляды и внешнеполитические установки руководства Германии в период адаптации к новым реалиям, связанные с изменением формата деятельности ФРГ на международной арене, а также рассматривают внутренние и внешние факторы, которые каким-либо образом влияли на формирование внешней политики Германии после объединения.

### Основная часть

В период биполярного мироустройства Советский Союз (предшественник РФ) имел статус сверхдержавы, а ФРГ представляла собой государство с практически ограниченным суверенитетом, стремившееся восстановить

---

<sup>1</sup> Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. Москва: Наука, 2005.

<sup>2</sup> Васильев В.И. Россия и Германия. Диалог или санкции? // Обозреватель – Observer. 2014. № 9 (296). С. 27–41.

<sup>3</sup> Погорельская С.В. Внутриполитические аспекты новой германской внешней политики // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 7. С. 91–100.

<sup>4</sup> Стрелец М.В. Российский вектор внешней политики второго правительственного кабинета А. Меркель в ФРГ: некоторые аспекты истории // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2015. № 1 (46). С. 58–73.

<sup>5</sup> Bierling S. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Normen, Akteure, Entscheidungen. München, Wien: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1999.

<sup>6</sup> Görtemaker M. Kleine Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2002.

<sup>7</sup> Steinmeier F.-W. Verflechtung und Integration. Eine neue Ostpolitik der EU // Internationale Politik. 2007. № 62/3. S. 6–11.

<sup>8</sup> Адомайт Х. Политика Германии в отношении России : конец «медового месяца» // Записки ИФРИ. «Russie. Cei. Visions». 2005. № 6 (b). С. 2–22. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/adomeitrusse.pdf> (дата обращения: 06.01.2022).

единство и обеспечить национальную безопасность своей страны в условиях глобального противостояния социалистического и капиталистического лагерей.

Ситуация кардинально изменилась после объединения ФРГ и ГДР в 1990 г. Благодаря возросшему потенциалу Германия, которая и ранее играла важную роль в НАТО и Европейском экономическом сообществе, значительно увеличила свое влияние в политической и экономической сферах и предстала на мировой арене в новом качестве.

После обретения ФРГ нового международного статуса, немецкая политическая элита поставила перед собой три главные задачи: во-первых, трансформировать социально-экономический строй в новых федеральных землях и путем экономического развития бывшей ГДР завершить полное объединение государства; во-вторых, добиться определенных результатов в вопросе объединения Европы; в-третьих, определиться с линией поведения в постбиполярном мире.

В результате объединения Германии увеличился и ее экономический потенциал. Однако задача «сращивания» бывшей социалистической страны с крупной капиталистической державой для христианско-либеральной коалиции оказалась достаточно сложной. Данный процесс потребовал больше времени и средств, чем предполагалось. Для превращения экономики бывшей ГДР в функционирующую систему социальных рыночных отношений понадобились огромные финансовые усилия всей ФРГ<sup>9</sup>.

Несмотря на это, если в 1990 году ВВП (исчисляемый в ФРГ как «брутто-социаль продукт» – совокупный общественный продукт или СОП) ФРГ составлял 2 425,5 млрд марок, то в 1991 он увеличился до 2 826,6 млрд марок и в дальнейшем ежегодно непрерывно возрастал на 2–2,5 % в год, что являлось хорошим показателем<sup>10</sup>. Германии удалось утвердиться на третьем месте в мире, после США и Японии, а также выйти на первое место в Европе по объему валового внутреннего продукта и приобрести крепкие позиции на товарных рынках.

Но одних экономических успехов было недостаточно для получения статуса великой державы, что послужило одной из причин пересмотра внешнеполитического курса уже объединенной Германии<sup>11</sup>.

На начальном этапе существования объединенной Германии канцлер Г. Коль в качестве первоочередной задачи выдвигал необходимость

<sup>9</sup> Ахтамзян А.А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. Очерки. Москва: Библос консалтинг, 2010. С. 211.

<sup>10</sup> Noelle-Neumann E. Öffentliche Meinung und Außenpolitik. Die fehlende Debatte in Deutschland // Internationale Politik. 1995. № 8. S. 130.

<sup>11</sup> Schöllgen G. Der Auftritt. Deutschlands Rückkehr auf die Weltbühne. München: Propyläen Verlag, 2003. S. 64–65.

доказательства «нормальности» выбранного внешнеполитического курса, который основывался на общегуманистических либерально-демократических ценностях и мог быть реализован лишь в системе западных союзов. Важнейшим пунктом реализации внешней политики в период канцлерства Г. Коля продолжало оставаться соблюдение норм международного права.

На протяжении 1990-х гг. велась большая работа по изменению внешнеполитических приоритетов Германии, так как прежние, сформированные в период ограниченного суверенитета страны, устарели и не соответствовали новому статусу уже объединенной ФРГ<sup>12</sup>. «Германская политика», то есть взаимоотношения ФРГ и ГДР, которая занимала важное место в списке приоритетов внешней политики бывшей Западной Германии, в новых условиях переместилась в каталог внутривнутриполитических и внутриэкономических проблем объединенной страны. Необходимо было выбрать такую линию ведения внешней политики, которая продвигала бы интересы собственного государства, а не только Европы и Запада.

Если на начальном этапе объединенная Германия действовала довольно нерешительно в ходе международных кризисов, то в 1995 г. федеральный президент Германии Роман Херцог, представлявший ХДС, опубликовал программную статью, в которой изложил свое видение новой внешнеполитической стратегии страны. Р. Херцог констатировал, что ФРГ достигла очень высокого уровня в политической, экономической и в военной сферах и должна этим воспользоваться. По мнению федерального президента, в данных условиях важной задачей для бундесвера становится реализация положения статьи 5-й Североатлантического договора, предусматривающей осуществление совместных действий для оказания помощи любому члену НАТО, подвергнутому нападению агрессора<sup>13</sup>.

Говоря о внешнеполитическом курсе Германии до объединения, необходимо отметить, что в тот период самым важным было создание надежной системы обеспечения безопасности, которая могла бы противостоять возможным угрозам со стороны Организации стран Варшавского договора. Двусторонние международные отношения ФРГ находились на последнем месте в списке внешнеполитических приоритетов. «Восточная политика», в свою очередь, фигурировала и в блоке политики безопасности, и во внешней политике. Но с исчезновением европейского социалистического лагеря и

---

<sup>12</sup> Имангалиев Р.Н. Новая Германия в меняющемся мире: международное положение и внешняя политика Германии на рубеже XX–XXI вв. Казань: Новое знание, 2006.

<sup>13</sup> Североатлантический пакт от 4 апреля 1949 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902050> (дата обращения: 23.11.2021).

понятия «Восточная Европа» в его политическом понимании, перестала существовать и сама «восточная политика».

В конце XX в. во внешнеполитическом курсе ФРГ можно говорить о смене акцентов, а именно, с военного на экономический. Это было обусловлено тем, что более важным и необходимым аспектом внешней политики стала защита экономических интересов.

После объединения Германии во внешней политике страны было выделено четыре приоритета, которые необходимо было развивать в первую очередь:

1. Дальнейшее развитие и интеграция новых государств в ЕС;
2. Дальнейшее развитие двусторонних германо-американских отношений с целью сохранения присутствия США на территории Европы;
3. Обеспечение расширенного поля действия для Германии в рамках многосторонней дипломатии, прежде всего в международных организациях, например, в ООН;
4. Развитие доверительных и партнерских связей с РФ<sup>14</sup>.

В 1997 году немецкие ученые провели опрос среди населения, касавшийся установок населения в вопросах внешней политики<sup>15</sup>. Тремя основными целями внешнеполитического курса страны, которые были выделены в ходе анализа результатов данного опроса, стали следующие: сохранение дружественных отношений с как можно большим количеством государств (69 %), соблюдение экономических интересов страны (60 %) и договоренностей с остальными странами ЕС (52 %). В ходе опроса многие немцы высказались за то, что Германии следует выйти из-под гнета нацистского прошлого и предпринимать более самостоятельные действия на внешнеполитической арене. Опросы 1997 года показали, что 40 % населения Германии считают основополагающей целью внешней политики отстаивание государством собственных интересов на международной арене<sup>16</sup>. Однако при этом 27 % опрошенных придерживались мнения, что ФРГ следует энергичнее встраиваться в единую Европу, используя экономический и политический потенциал страны, а не стремиться к достижению максимальных показателей в экономической и политической сферах.

В исследуемый период идея «державы» впервые за долгое время стала ключевой при обсуждении будущего внешнеполитического курса ФРГ. «Речь

---

<sup>14</sup> Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. Москва: Московские учебники, 2005. С. 21.

<sup>15</sup> Погорельская С. Внутривнешнеполитические аспекты новой германской внешней политики. С. 95.

<sup>16</sup> Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ). 1997. 10 Okt.



идет о державе Германия и о мощи Германии»<sup>17</sup>. Категория державности или силы рассматривается прежде всего в качестве показателя изменившейся внешнеполитической роли ФРГ, которую в мире стали воспринимать «великой державой поневоле»<sup>18</sup>.

### **Действия по адаптации Германии к новым внешним условиям и их характеристики**

Для дальнейшего укрепления положения ФРГ на международной арене, правительство объединенной Германии поставило для себя одной из важнейших задач получение постоянного членства в СБ ООН. С этой целью 25 сентября 1991 г. на Генеральной ассамблее ООН министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер впервые заявил о том, что ФРГ готова способствовать результативной работе этой организации, приняв на себя все права и обязанности члена ООН, включая участие бундесвера в обеспечении политики коллективной безопасности<sup>19</sup>.

Условия членства в СБ ООН требовали внесения дополнений в Основной закон ФРГ, что было сделано 12 июля 1994 г. Федеральным конституционным судом Германии. Поправки в ст. 24 (2) позволяли после одобрения Бундестагом задействовать войска бундесвера в проводимых ООН и НАТО операциях<sup>20</sup>. Выбранный курс на вхождение страны в СБ ООН продолжил и следующий министр иностранных дел Германии К. Кинкель, заявив о заинтересованности Германии во вступлении в Совет Безопасности ООН в сентябре 1992 года на 47-й Генеральной Ассамблее ООН. Несмотря на то, что инициатива ФРГ получила одобрение нескольких постоянных членов СБ ООН (в том числе России), положительного результата по данному предложению получено не было<sup>21</sup>. Очередное обращение было сделано Кинкелем в сентябре 1995 г. на

---

<sup>17</sup> *Hellmann G.* Die prekäre Macht: Deutschland an der Schwelle zum 21. Jahrhundert // Deutschlands neue Außenpolitik. Band 4: Institutionen und Ressourcen. München: R. Oldenbourg Verlag, 1998. S. 265.

<sup>18</sup> *Павлов Н.В., Новиков А.А.* Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. С. 346.

<sup>19</sup> Rede des deutschen Außenministers vor der 46. UN-General Versammlung. URL: [https://zeitschrift-vereinte-nationen.de/fileadmin/publications/PDFs/Zeitschrift\\_VN/VN\\_1991/Heft\\_5\\_1991/03\\_Reede\\_Genscher\\_VN\\_5-91.pdf](https://zeitschrift-vereinte-nationen.de/fileadmin/publications/PDFs/Zeitschrift_VN/VN_1991/Heft_5_1991/03_Reede_Genscher_VN_5-91.pdf) (дата обращения: 09.12.2020).

<sup>20</sup> Verlautbarung der Pressestelle des Bundesverfassungsgerichts. Pressemitteilung Nr. 29/1994 vom 12. Juli 1994. Urteil vom 12. Juli 1994 – 2 BvE 3/92, 2 BvE 5/93, 2 BvE 7/93, 2 BvE 8/93 // Bundesverfassungsgericht. URL: <https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/1994/bvg94-029.html> (дата обращения: 16.01.2021).

<sup>21</sup> *Knapp M.* Schwerpunkte der deutschen Außenpolitik im Verhältnis zu den Vereinten Nationen seit 1990 // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / Hrsg. S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. 1. Auflage. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 727–746.

49-й Генеральной Ассамблее ООН. Ссылаясь на значительные экономические и политические возможности своей страны, он подчеркнул, что ФРГ могла бы играть эффективную роль в СБ ООН.

Несмотря на то, что объединенная Германия избрала глобальный подход в ведении своей внешней политики, немцы не забывали и о своих национальных интересах, в числе которых было обретение Германией независимости в военной области. Для страны в рассматриваемый период самым выгодным способом участия в международных акциях являлась тактика постепенных шагов, которую и выбрало правительство Коля<sup>22</sup>. Первым шагом стало не прямое участие ФРГ в военной операции ООН в зоне Персидского залива. В период ее подготовки и проведения в 1990–1991 гг. Германия предоставила международной коалиции финансовую, медицинскую и военную помощь, вопреки сильному давлению со стороны США, требовавших от нее прямого участия бундесвера в военных действиях. На содействие проведению этой военной операции ФРГ выделила 17 млрд марок, что составило треть военного бюджета Германии. В дальнейшем, в течение 90-х гг. немецкие вооруженные силы прямо или косвенно принимали участие в 24 операциях ООН. К ним можно отнести гуманитарные миссии в Камбодже с участием немецких медиков, а также участие бундесвера в военных действиях в Сомали<sup>23</sup>. Косовский кризис побудил немецкое правительство к пересмотру выбранной внешней политики. Идея заключалась в том, что ни один немецкий солдат не должен присутствовать на территориях, которые пострадали от нацистской Германии. «Моральность» продолжала оставаться краеугольным камнем внешней политики ФРГ.

Впрочем, если в случае первого Югославского кризиса и войны в Персидском заливе руководство Германии отказало ООН в использовании сил бундесвера за границами ФРГ, ссылаясь на «моральность», то уже во время Косовского кризиса «моральность» использовали как прикрытие участия немецкой авиации в бомбардировках Сербии. Немецкое общество находилось в плену дезинформации, распространяемой СМИ, которые создавали жестокие образы новых «сербских фашистов», уничтожавших косоваров. В 1995–1996 гг. в Германии проходили внутрипартийные дебаты, на которых решался вопрос участия бундесвера в урегулировании Балканского кризиса. Несмотря на то, что на съезде в Мангейме в ноябре 1995 г. левое крыло СДПГ смогло отстоять пацифистскую позицию по данному вопросу, уже в 1996 г. партия СДПГ проголосовала за использование сил бундесвера в Боснии.

---

<sup>22</sup> Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Art. 24 // Bundesministerium der Justiz. URL: [http://www.gesetze-im-internet.de/gg/art\\_24.html](http://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_24.html) (дата обращения: 16.01.2021).

<sup>23</sup> Павлов Н. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. С. 118–125.

В 1994 году правительство опубликовало очередную «Белую книгу безопасности Федеративной Республики Германии»<sup>24</sup> (в данной книге описаны геополитические интересы Германии в сфере безопасности), анализируя которую, можно выделить следующие приоритетные внешнеполитические направления:

1. Сохранение свободы, безопасности и благосостояния граждан Германии и неприкосновенности государственной территории;

2. Интеграция с европейскими демократиями в Европейском Союзе, так как демократия, верховенство закона и процветание в Европе означают мир и безопасность и для Германии;

3. Прочный, основанный на сообществе ценностей и равных интересах трансатлантический союз с Соединенными Штатами как мировой державой, поскольку потенциал США необходим для международной стабильности;

4. Ориентация на примирение и партнерство в отношениях с соседними восточными государствами, их подключение к западным структурам и формирование, таким образом, нового всеобъемлющего кооперативного порядка в области безопасности;

5. Всемерное уважение международного права и прав человека и справедливый мировой экономический порядок, основанный на рыночных экономических правилах, так как безопасность отдельных государств обеспечивается только в системе глобальной безопасности с миром, правом и благополучием для всех<sup>25</sup>.

Данные пункты дают возможность говорить о том, что в основе выбранного внешнеполитического курса были диалог, сотрудничество, защита собственных интересов и мультилатерализм.

Одной из приоритетных задач правительства Г. Коля являлось объединение Европы в рамках Европейского союза, что предполагало создание до 1992 г. единого внутреннего рынка, открытие европейских границ, расширение полномочий Европарламента, достижение согласованности внешней политики и политики безопасности, а также учреждение европейского экономического и валютного союза. Уже к декабрю 1991 г. по решению глав государств и правительств стран ЕЭС был подготовлен проект договора между 12 государствами. 7 февраля 1992 г. состоялось предварительное подписание договора, а 7 декабря 1992 г. был заключен Маастрихтский договор о создании Европейского союза, в котором объединенная Германия за счет возросшего потенциала заняла лидирующее место.

<sup>24</sup> Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. С. 344.

<sup>25</sup> Weißbuch zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland, 1994. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 1994. S. 42–44.

В это же время немцы столкнулись со сложной психологической ситуацией, начав беспокоиться о том, что из-за возросшей силы государства их начнут бояться союзники и партнеры, что оказалось совсем небеспочвенным. Некоторые страны, в первую очередь Великобритания и Франция, действительно высказывали опасения в том, что объединение и укрепление Германии может привести к возрождению идеи «Четвертого рейха». Чтобы развеять эти опасения, правительство Коля провозгласило преемственность внешнеполитического курса Боннской республики, который мог бы стать составной частью политики безопасности Европейского союза и стран Запада в целом<sup>26</sup>.

Европейский союз всегда имел большое значение для ФРГ, так как давал стране возможность ослабить влияние своего националистического прошлого и укрепить позиции в европейской системе государств. Активная деятельность ФРГ в ЕС позволила Германии не только обрести достойное место в Европе, но и окончательно восстановить единство своего государства. Объединение ГДР и ФРГ является образцом того, как интеграционный процесс может положительно повлиять на обеспечение национально-государственных интересов. Российские исследователи отмечают: «Немцы были, пожалуй, единственной нацией, которая столь горячо и с таким идеализмом восприняла Европу как замену своей разрушенной после войны национальной идентичности и национальных традиций»<sup>27</sup>.

Активная европейская интеграция, позволившая сформировать в Европе безопасную территорию, одновременно увеличивая воздействие на обстановку в других регионах, относилась к стратегически важным направлениям внешней политики ФРГ, которые соответствовали ее национальным интересам<sup>28</sup>.

Второе место после европейской интеграции в списке приоритетов внешней политики ФРГ занимали двусторонние германо-американские отношения, что подчеркивал еще первый канцлер объединенной Германии. Отношения Германии и США базировались на общих ценностях и интересах, как в двустороннем, так и в многостороннем порядке.

Однако постепенно, с развитием европейской интеграции, окончанием «холодной войны» и военно-блокового противостояния, значимость взаимоотношений с США для Германии существенно уменьшилась.

Отношение ФРГ к США и к идее «партнерства в лидерстве» между двумя государствами было достаточно сдержанным и объяснялось это тем, что для

---

<sup>26</sup> Шельген Г. Страх перед силой. Немцы и их внешняя политика / перевод и предисловие Н. Павлова. Москва: Буклет, 1994.

<sup>27</sup> Белов В.Б. Германия. Вызовы XXI в. Москва: Весь Мир, 2009. С. 198.

<sup>28</sup> Павлов Н.В. История внешней политики Германии: от Бисмарка до Меркель. Москва: Международные отношения, 2012.

американцев более выгодным являлось сотрудничество с партнером, имеющим четкую, сформированную позицию, а Германия в этот период находилась на пути адаптации к новой международной обстановке и решения внутригосударственных проблем после объединения германских земель<sup>29</sup>. Немецкая внешняя политика была направлена на усиление собственной конкурентоспособности на мировом и региональном рынках.

Внешнеполитический курс немецкого правительства был ориентирован на Европу. Видимо, с этим было связано ослабление влияния США на формирование германской политики безопасности и в целом внешнеполитического курса страны. В ФРГ новые представления об Америке начали формироваться в первую очередь среди членов СДПГ, «зеленых», ПДС и праворадикальных партий<sup>30</sup>.

После завершения противостояния между Востоком и Западом особая задача НАТО, заключающаяся в сдерживании внешних угроз путем ядерного устрашения, утратила актуальность и силы альянса были переориентированы на обеспечение безопасности и управление кризисами. Для решения данных задач появилась необходимость расширить сферу своего влияния. Но если в США рассматривали НАТО как инструмент глобальной стратегии, то ориентиром для Германии в военно-политических стратегических вопросах оставалась Европа. В силу этого Германия одной из первых стала поддерживать присоединение новых государств к Североатлантическому союзу для расширения зоны военной безопасности.

Впервые вопрос расширения блока был рассмотрен на заседании Совета НАТО в декабре 1992 года. Министром обороны Германии Ф. Рюэ было выдвинуто предложение включить в альянс те страны центральной и восточной Европы, которые смогли благополучно преодолеть политические реформы. Руководство ФРГ считало, что членство в НАТО будет способствовать стабилизации положения этих стран на международной арене, а расширение блока за счет новых членов освободит Германию от крайне неудобной геополитической роли форпоста, которую страна вынуждена была играть в условиях биполярного мироустройства.

В 1997 году на саммите НАТО в Мадриде Польша, Венгрии и Чехии было предложено стать официальными членами альянса. Указанные страны вступили в НАТО в 1999 году, став первыми «восточными» членами альянса, принятыми в него после 1990 г. Таким образом, США и ФРГ сделали первый

---

<sup>29</sup> Воробьева Л.М. Внешняя политика ФРГ на пороге 21 в. Москва: Российский институт стратегических исследований, 2000. С. 255.

<sup>30</sup> Hacke C. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von Konrad Adenauer bis Gerhard Schroder. Frankfurt/M; Berlin: Ullstein Verlag, 2003. S. 427.



шаг по расширению НАТО на восток. Данная тактика Североатлантического союза по присоединению стран и укреплению коллективной безопасности стала возможной в первую очередь благодаря поддержке правительства Германии<sup>31</sup>.

Важнейшей составляющей европейско-американских отношений являлась и экономическая сфера. В ФРГ насчитывалось около 1 700 предприятий, в которые инвестировала американская сторона, и приблизительно 2 500 немецких компаний функционировали в качестве американских фирм на территории США. Объединение немецкой автомобильной компании «Даймлер-Бенц» и американской автомобилестроительной компании «Крайслер» в 1998 году, ставшее крупнейшим слиянием за всю историю существования автомобильной отрасли, в очередной раз подтвердило важное значение торговых отношений и инвестиционной политики двух стран<sup>32</sup>.

Йоахим Биттерлих, внешнеполитический советник Г. Коля, назвал шесть пунктов, включающих взаимно пересекающиеся интересы Германии и США:

- пересмотр Маастрихтского договора с целью достижения бóльшей консолидации европейской внешней политики и политики в области безопасности, обеспечения более решительной борьбы со злоупотреблением наркотиками и проведения единой иммиграционной политики;

- реализация экономического союза с введением общей валюты;

- принятие нового инвестиционного и аграрного законодательства;

- интеграция стран Центральной и Восточной Европы в западноевропейские структуры сотрудничества, вплоть до приема в ЕС;

- установление более тесных связей с Россией, Украиной, Турцией и ближним Востоком;

- поиски новой архитектуры безопасности в рамках НАТО и ОБСЕ<sup>33</sup>.

3 декабря 1995 года в Мадриде между ЕС и США был подписан документ под названием «Новая трансатлантическая повестка дня», в котором отмечалась готовность к сотрудничеству, основой которой являлись общие ценности и цели. Наряду с ним был представлен перечень вызовов и ответов на них, касавшихся обеспечения безопасности и стабильности в торговой сфере, а также расширения и дальнейшего развития трансатлантических партнерских отношений.

На протяжении длительного периода в германо-американских отношениях Германии отводилась роль объекта американской внешней политики. Поэтому, несмотря на то что за годы «холодной войны» Германия превратилась в

<sup>31</sup> Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. С. 362.

<sup>32</sup> Schauer H. Europa und Amerika – Rivalen oder Partner? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1999. Bd. 29–30. S. 19.

<sup>33</sup> Воробьева Л.М. Внешняя политика ФРГ на пороге XXI в. С. 265.

верного союзника для американской стороны, отношение западногерманского общества к США оставалось неоднозначным.

В реалиях постбиполярного мироустройства ФРГ необходимо было найти новые подходы в сфере обеспечения безопасности не только к многолетним важнейшим партнерам на Западе, но и к бывшим противникам на Востоке, что требовало разработки внешнеполитического курса в отношении России (правопреемника бывшего СССР).

После распада СССР и связанных с ним ликвидации советской военной угрозы и деидеологизации международных связей, важным пунктом германской внешней политики стало дальнейшее развитие российско-германских отношений. Важным этапом для него был период с 1991 по 1998 год, который являлся «адаптационным» для обеих сторон. Общими задачами и для России, и для Германии были необходимость приспособиться к постбиполярной системе мирового порядка и в короткие сроки занять место на мировой арене, соответствующее новому международному статусу страны.

Ввиду геополитических реалий 1990-х гг. российско-германские отношения имели неоднозначный характер, в то же время принято считать, что Г. Коль и Б. Ельцин смогли обеспечить образцовую стабильность продуктивному диалогу двух стран.

Еще до прекращения существования СССР, лидеры двух стран подписали Совместное заявление, в котором отметили важность кооперации и взаимный интерес к развитию двусторонних отношений для достижения дружбы, добрососедства и сотрудничества между двумя государствами<sup>34</sup>.

26 декабря 1991 года Германия первой из западных государств объявила о признании Российской Федерации как правопреемника СССР. Конструктивное развитие двусторонних отношений было выгодно обеим сторонам: руководству РФ необходимо было признание и поддержка на международном уровне со стороны сильного западного государства, а Германии нужна была помощь РФ как правопреемника СССР в решении вопросов, связанных с выводом Западной группой войск с территории ФРГ, а также в развитии социально-экономических отношений между двумя странами.

В декабре 1992 г. канцлер Г. Коль прибыл с первым официальным визитом в Москву. Во время визита было рассмотрено и согласовано «нулевое решение» по вопросам недвижимого имущества Западной группы войск со стороны России и возмещения ущерба природной среде в местах дислокации войск со стороны Германии. Кроме этого, были заключены соглашения о сотрудничестве в сфере культуры, об уходе за военными могилами, о

---

<sup>34</sup> Горбачев М.С. Как это было: объединение Германии. Москва: Варгиус, 1999. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=10391&p=1> (дата обращения: 30.03.2021).

сотрудничестве в ликвидации сокращаемого Россией ядерного и химического оружия. Это позволило расширить договорно-правовую базу двусторонних отношений для развития связей в различных областях.

ФРГ является неотъемлемой частью Североатлантического альянса, которая оказывает значимое влияние на его стратегические ориентиры и тактические задачи. Немецкое правительство поощряет расширение блока НАТО на восток, несмотря на то, что это может стать потенциальной угрозой для безопасности Российской Федерации.

Следует отметить, что в течение последних лет канцлерства Г. Коля произошло изменение принципов ведения внешней политики ФРГ в отношении России. Из-за увеличения внешней задолженности РФ и нарастания кризиса в ее экономической, политической и социальной сферах, в политических кругах Германии сформировалось мнение, что дружеские отношения лидеров двух стран, которые изначально рассматривались как способствующие успеху для обеих сторон, перестали приносить былую пользу и исчерпали все возможности для дальнейшего развития двусторонних отношений.

В итоге тесные взаимоотношения лидеров ФРГ и России и взаимные интересы во внешнеполитических вопросах, как и надежда Г. Коля на то, что за счет поддержки со стороны РФ удастся улучшить социально-экономические ситуацию в Восточной Германии, не принесли ожидаемых результатов<sup>35</sup>.

В конце 1990-х годов ФРГ удалось определить свою роль в мировой политике. Она заключается в более активном участии в международных процессах при сохранении принципа мультилатерализма как основы внешней политики<sup>36</sup>. Международные институты остаются основным инструментом для проецирования своего влияния. Правительство Германии и до объединения ФРГ и ГДР, и после него выступало за интеграцию своего государства в международные институты. Но после объединения Германии в дискурсе о мультилатерализме произошли изменения. С одной стороны, немецкая политическая элита после объединения страны говорила о мультилатерализме как о мере укрепления доверия и «неотъемлемой части» внешней политики ФРГ, с другой стороны, немецкие политики стали гораздо чаще говорить о мультилатерализме в контексте национальных интересов, увеличения политического веса Германии на международной арене и проецирования своего влияния.

<sup>35</sup> Кожневников В.В. Президент России Борис Ельцин и канцлер ФРГ Гельмут Коль: несбывшиеся надежды // Россия и Германия в новой Европе: конец XX – начало XXI вв. Череповец: ЧГУ, 2012. С. 90.

<sup>36</sup> *Hacke C. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von Konrad Adenauer bis Gerhard Schroder. S. 543.*

Мультилатерализм можно считать философией эпохи глобализации, которая основывалась на реалиях нового периода в международной жизни. Однако, несмотря на то, что мультилатерализм стал основой для формирования тесной взаимосвязи государств и регионов, эта политика привела к обострению ряда противоречий на национальной и конфессиональной почве<sup>37</sup>.

### Заключение

Переход от биполярной системы международных отношений к постбиполярной и объединение ФРГ и ГДР в 1990 году стали началом нового этапа в истории Германии.

Современная Федеративная Республика Германия на мировой арене является одним из ведущих игроков, лидером Европейского союза, а также одним из тех государств, от которых зависит развитие ЕС, его восточная политика и трансатлантические отношения.

Объединенная в 1990 г. Германия к концу XX века многократно увеличила свою значимость на международной арене в политической и экономической сферах. Это способствовало тому, что она стала тем государством, внешняя политика которого оказывает большое влияние на развитие международных отношений.

В рассматриваемый период можно говорить о смене акцентов во внешнеполитическом курсе ФРГ, а именно, с военного на экономический. Это было обусловлено тем, что более важным и необходимым аспектом внешней политики страны стала защита экономических интересов, а политика в области безопасности отошла на второй план, приняв новую конфигурацию. Характеризуя внешнюю политику Германии в постбиполярном мире, следует отметить, что ее главной чертой является «мирная направленность».

Период канцлерства Г. Коля условно можно обозначить «адаптационным периодом» для Германии. Попытка достижения гегемонии на континенте сменилась «культурой сдержанности» (связанной с исторической ответственностью Германии) и стремлением к интеграции в западное сообщество государств.

Для адаптации к реалиям постбиполярного мира немецкое правительство выделило четыре главные внешнеполитические задачи:

- углубление и расширение европейской интеграции и Европейского союза;
- дальнейшее развитие двусторонних германо-американских отношений с целью сохранения присутствия США на территории Европы;

---

<sup>37</sup> Klaus D. Das neue Deutschland – eine „Weltmacht«? // Leviathan. 1991. Vol. 19, no. 2. S. 247–260. URL: [https://www.jstor.org/stable/23984249?seq=1#metadata\\_info\\_tab\\_contents](https://www.jstor.org/stable/23984249?seq=1#metadata_info_tab_contents) (дата обращения: 10.01.2021).

– обеспечение расширенного поля действия для Германии в рамках многосторонней дипломатии, прежде всего в международных организациях, например, в ООН;

– развитие доверительных и партнерских связей с РФ.

90-е годы XX века для ФРГ стали началом пути формирования национальной и государственной целостности и определения внешнеполитического курса страны. Объединение двух германских государств изменило геополитическую ситуацию на Европейском континенте. Для ФРГ в указанный период стало важным усиление стабильности и демократии на территориях соседних восточных государств. Изменилось и положение ФРГ в германо-американских отношениях. Германия стала стратегически важным партнером США по блоку НАТО и одной из первых стран, инициировавших расширение НАТО на Восток в расчете на то, что это позволит увеличить зону немецкого влияния. Двусторонние отношения между ФРГ и Россией развивались конструктивно, так как после распада СССР и объединения Германии оба государства находились в поиске новых внешнеполитических ориентиров.

В конце 1990-х годов, то есть к моменту завершения канцлерства Г. Коля, ФРГ удалось определить свою роль в мировой политике. Она заключалась в более активной участии в международных процессах при сохранении принципа мультилатерализма как основы внешней политики. Одной из основных целей внешней политики ФРГ являлось стремление доказать международному сообществу и своим собственным гражданам «нормальность» избранного курса. Это трактовалось, прежде всего, как приверженность общегуманистическим либерально-демократическим ценностям.



## Introduction

The late 1980s and early 1990s witnessed fundamental changes on the world stage, leading to the collapse of the previous bipolar system of international relations and the transition to a post-bipolar world order.

The emergence of the post-bipolar world order was the result of the end of the Cold War, the dissolution of the 1955 Warsaw Treaty Organization, and the changes in the political map of the world, namely the collapse of the USSR, Yugoslavia,



Czechoslovakia and redistribution of spheres of geopolitical influence (i.e. NATO as one power center and the United States as one superpower).

The reunification of the Federal Republic of Germany (FRG), and the German Democratic Republic (GDR) at the end of the 20<sup>th</sup> century was one of the greatest and most significant events both in the history of Germany and in global politics. The creation of a single reunited Germany changed the country's economic and political position in Europe and in international relations.

The analysis of the foundations of German foreign policy in the post-bipolar world is an important topic, for it will reveal further possible scenarios for the development of German-Russian relations. Considering the changing international situation, the position of the FRG is of great importance for Russia when making decisions on particularly important problems relating to international relations. Therefore, the scientific community pays close attention to the problem of Germany defining its foreign policy in the post-bipolar world. This topic is widely represented both in Russian and in foreign studies. Among Russian publications, the following authors can be mentioned: N. Pavlov,<sup>1</sup> V. Vasil'ev,<sup>2</sup> S. Pogorel'skaya,<sup>3</sup> M. Strelets,<sup>4</sup> and others. In foreign studies, this problem is considered in the works of S. Bierling,<sup>5</sup> M. Görtemaker,<sup>6</sup> F.-W. Steinmeier,<sup>7</sup> H. Adomeit,<sup>8</sup> and others. Scholars from different countries analyze opinions and foreign policy benchmarks of the German leadership during the period of adaptation to the new realities associated with a change in the framework for action of the FRG on the world stage and also consider internal and external factors that somehow influenced the formation of German foreign policy after reunification.

---

<sup>1</sup> N.V. Pavlov, *German foreign policy in the post-bipolar world* [in Russian] (Moscow: Nauka, 2005).

<sup>2</sup> V.I. Vasil'ev, "Russia and Germany. Dialogue or sanctions?" [in Russian], *Obozrevatel' – Observer*, no. 9 (296) (2014): 27–41.

<sup>3</sup> S.V. Pogorel'skaya, "Internal political aspects of the new German foreign policy" [in Russian], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 7 (2001): 91–100.

<sup>4</sup> M.V. Strelets, "Russian vector of foreign policy of the Second Merkel cabinet in Germany: Some aspects of history" [in Russian], *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, no. 1 (46) (2015): 58–73.

<sup>5</sup> S. Bierling, *Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Normen, Akteure, Entscheidungen* (Munich, Vienna: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1999).

<sup>6</sup> M. Görtemaker, *Kleine Geschichte der Bundesrepublik Deutschland* (Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2002).

<sup>7</sup> F.-W. Steinmeier, "Verflechtung und Integration. Eine neue Ostpolitik der EU", *Internationale Politik*, no. 62/3 (2007): 6–11.

<sup>8</sup> H. Adomeit, "German policy towards Russia: The end of the "honeymoon"" [in Russian], *Zapiski IFRI, "Russie. Cei. Visions,"* no. 6 (b) (2005): 2–22, accessed January, 6, 2022, <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/adomeitrusse.pdf>

## Main body

During the existence of the bipolar world order, the Soviet Union (predecessor of the Russian Federation) was a superpower, while the FRG was a state with almost limited sovereignty that sought to restore its unity and ensure its national security amid the ongoing global confrontation between the socialist and capitalist camps.

The situation changed dramatically after the reunification of the FRG and the GDR in 1990. With its enhanced capabilities, Germany, which had previously played an important role in NATO and the European Economic Community, significantly increased its political and economic influence and appeared on the world stage in a completely new capacity.

As soon as Germany gained its new international status, the German political elite set itself three main tasks: first, to transform the socio-economic order in the new federal states and to finalize the complete reunification of the country through economic development of the former GDR; second, to achieve certain results in the question of European unification; and third, to decide on the new course of action in the new post-bipolar world.

As a result of German reunification, its economic potential also increased. However, for the Christian-democratic and liberal-conservative coalition, the task of merging the former socialist country with the major capitalist power proved to be rather difficult. The process required more time and resources than it was initially anticipated. It required an enormous financial effort by the whole of Germany in order to turn the economy of the former GDR into a functioning system with social market economy.<sup>9</sup>

In spite of this, while in 1990 the gross national product (GNP) (calculated in the FRG as “gross social product” – Bruttosozialprodukt, or BSP) amounted to DM 2 425.5 billion, in 1991 it increased to DM 2 826.6 billion and subsequently increased by 2–2.5% annually, which was a good indicator.<sup>10</sup> Germany succeeded in securing the third position in the world after the USA and Japan and also in becoming number one in Europe in terms of its gross national product and in gaining a strong position in commodity markets.

However, economic success alone was not enough to obtain the status of a superpower, which was one of the reasons for revising the foreign policy of the already reunited Germany.<sup>11</sup>

---

<sup>9</sup> A.A. Akhtamzyan, *Reunification of Germany. Circumstances and consequences. Essays* [in Russian] (Moscow: Biblos konsalting, 2010), 211.

<sup>10</sup> E. Noelle-Neumann, “Öffentliche Meinung und Außenpolitik. Die fehlende Debatte in Deutschland,” *Internationale Politik*, no. 8 (1995): 130.

<sup>11</sup> G. Schöllgen, *Der Auftritt. Deutschlands Rückkehr auf die Weltbühne* (Munich: Propyläen Verlag, 2003), 64–65.

At the initial stage of existence of reunited Germany, Chancellor Helmut Kohl made it a priority to prove the “normality” of the chosen foreign policy, which was based on general humanistic liberal-democratic values and could only be put into practice within the system of Western alliances. During Kohl’s chancellorship, observance of international law continued to be the most important point in the implementation of the country’s foreign policy.

Throughout the 1990s, great work was done to change Germany’s foreign policy priorities because the previous ones, formed during the country’s limited sovereignty, became rather outdated and did not correspond to the new status of reunited Germany.<sup>12</sup> “Intra-German policy,” i.e. the relationship between the FRG and the GDR, which was high on the list of foreign policy priorities of the former West Germany, moved to the catalogue of internal political and internal economic problems of the reunited country under the new conditions. Therefore, it was necessary to choose a foreign policy strategy that would promote not only the interests of Europe and the West but also the interests of Germany.

At the initial stage of its existence, reunited Germany acted rather hesitantly in times of international crises. However, in 1995, the Federal President of Germany Roman Herzog (CDU) published a policy paper in which he outlined his vision of a new foreign policy strategy of the country. Herzog stated that Germany had reached a very high level in political, economic and military spheres and had to start taking advantage of it. According to Herzog’s point of view, it was important for the Bundeswehr to implement Article 5 of the North Atlantic Treaty, which called for joint action in order to help any NATO member that was attacked by an aggressor.<sup>13</sup>

It is worth noting that when it comes to German foreign policy before reunification, the most important thing back then was to create a reliable security system that could withstand possible threats from the Warsaw Treaty Organization. Bilateral international relations of the FRG were at the bottom of the list of foreign policy priorities. Eastern Policy, in its turn, figured both in the security policy and in the country’s foreign policy. However, with the disappearance of the European socialist camp and of the concept of Eastern Europe in its political sense, Eastern Policy ceased to exist.

At the end of the 20<sup>th</sup> century, the foreign policy of the FRG changed its focus from the military to the economic aspects. This was due to the fact that the protection of economic interests became a much more important and necessary issue of the country’s foreign policy.

---

<sup>12</sup> R.N. Imangaliev, *A new Germany in a changing world: International Position and foreign policy of Germany at the turn of the 20<sup>th</sup>–21<sup>st</sup> centuries* [in Russian] (Kazan: Novoe znanie, 2006).

<sup>13</sup> North Atlantic Treaty of April 4, 1949, Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov, accessed November 23, 2021, <https://docs.cntd.ru/document/1902050>

After the reunification of Germany, four priorities were identified in the country's foreign policy to be developed first of all:

1. Further development and integration of the new states into the European Union
2. Further development of bilateral German-American relations in order to maintain the US presence in Europe
3. Provision of an extended field of action for Germany in multilateral diplomacy, first of all in international organizations, e.g. in the UN
4. Development of a relationship built on trust and economic partnership with the Russian Federation.<sup>14</sup>

In 1997, German scientists conducted a survey on the attitudes of the population towards foreign policy.<sup>15</sup> As a result, three main objectives of the country's foreign policy emerged from this survey, namely: maintaining friendly relations with as many countries as possible (69%), pursuing the country's economic interests (60%), and reaching an agreement with the rest of the EU (52%). Many Germans were of the opinion that Germany should come out from under the shadow of its Nazi past and take more independent actions in foreign policy. The surveys of 1997 showed that 40% of Germans believed that promoting the state's own interests in the international arena is the most important foreign policy objective.<sup>16</sup> However, 27% of the respondents were of the opinion that Germany should get integrated into a united Europe more enthusiastically, using its economic and political potential rather than aiming at maximum performance in the economic and political spheres.

During the period under review, the idea of a "power" acquired utmost importance for the first time in a long while in the discussion of the future foreign policy of the FRG. "It is about the power of Germany and about the strength of Germany."<sup>17</sup> The category of power and strength is seen above all as an indicator of the changed foreign policy role of the FRG, which has come to be perceived globally as a "great power against its will."<sup>18</sup>

### **Actions taken to adapt Germany to the new external environment and their features**

In order to further strengthen Germany's position on the international stage, the government of reunited Germany made it a priority to seek permanent membership in the UN Security Council. In this regard, at the UN General Assembly on September 25, 1991, the Federal Minister for Foreign Affairs Hans-Dietrich Genscher

---

<sup>14</sup> N.V. Pavlov and A.A. Novikov, *German foreign policy from Adenauer to Schröder* [in Russian] (Moscow: Moskovskie uchebniki, 2005), 21.

<sup>15</sup> Pogorel'skaya, "Internal political aspects of the new German foreign policy," 95.

<sup>16</sup> *Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ)*, October 10, 1997.

<sup>17</sup> G. Hellmann, "Die prekäre Macht: Deutschland an der Schwelle zum 21. Jahrhundert," in *Deutschlands neue Außenpolitik*, vol. 4, *Institutionen und Ressourcen* (Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1998), 265.

<sup>18</sup> Pavlov and Novikov, *German foreign policy*, 346.



announced for the first time that the FRG was ready to contribute to the effective functioning of this organization by accepting all rights and obligations of a UN member, including the participation of the Bundeswehr in the collective security policy.<sup>19</sup>

As a condition for Germany's membership in the United Nations Security Council (UNSC), amendments to the Basic Law for the Federal Republic of Germany were passed by the German Federal Constitutional Court on 12 July 1994. The amendments to Article 24 (2) made it possible for the Bundeswehr troops to participate in any military operations of the United Nations and NATO after receiving an approval of the Bundestag.<sup>20</sup> The chosen course towards joining the UN Security Council was continued by Klaus Kinkel, the next German Minister for Foreign Affairs. Kinkel voiced Germany's interest in joining the Security Council in September 1992 at the 47<sup>th</sup> UN General Assembly. Despite the fact that the FRG initiative was approved by several permanent UN Security Council members (including Russia), no positive result was achieved regarding this proposal.<sup>21</sup> Kinkel made another appeal in September 1995 at the 49<sup>th</sup> UN General Assembly. Referring to his country's considerable economic and political capabilities, he emphasized that the FRG could play an effective role in the UNSC.

Despite the fact that reunited Germany opted for a global approach in its foreign policy, the Germans did not forget their national interests that among other things included Germany's military independence. The most advantageous way of being engaged in any international actions at that time was the gradualist policy selected by Kohl's government.<sup>22</sup> The first step was Germany's indirect participation in the UN armed campaign in the Persian Gulf. During the preparation and deployment of the operation in 1990–91, Germany rendered the international coalition financial, medical and military aid in spite of the strong pressure of the USA demanding that the Bundeswehr should be directly engaged in military operations. To support that armed campaign, the FRG allocated DM 17 billion, i.e. one third of the military

---

<sup>19</sup> Rede des deutschen Außenministers vor der 46. UN-General Versammlung, accessed December 9, 2020, [https://zeitschrift-vereinte-nationen.de/fileadmin/publications/PDFs/Zeitschrift\\_VN/VN\\_1991/Heft\\_5\\_1991/03\\_Rede\\_Genscher\\_VN\\_5-91.pdf](https://zeitschrift-vereinte-nationen.de/fileadmin/publications/PDFs/Zeitschrift_VN/VN_1991/Heft_5_1991/03_Rede_Genscher_VN_5-91.pdf)

<sup>20</sup> Verlautbarung der Pressestelle des Bundesverfassungsgerichts, Pressemitteilung Nr. 29/1994 vom 12. Juli 1994, Urteil vom 12. Juli 1994 – 2 BvE 3/92, 2 BvE 5/93, 2 BvE 7/93, 2 BvE 8/93, Bundesverfassungsgericht, accessed January 16, 2021, <https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/1994/bvg94-029.html>

<sup>21</sup> M. Knapp, "Schwerpunkte der deutschen Außenpolitik im Verhältnis zu den Vereinten Nationen seit 1990," in *Handbuch zur deutschen Außenpolitik*, ed. S. Schmidt, G. Hellmann, and R. Wolf (Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage GmbH, 2007), 727–46.

<sup>22</sup> Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland, Art. 24, Bundesministerium der Justiz, accessed January 16, 2021, [http://www.gesetze-im-internet.de/gg/art\\_24.html](http://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_24.html)



budget of Germany. Subsequently, during the 1990s, the German armed forces were directly or indirectly involved in 24 UN operations, including humanitarian missions in Cambodia, where German medics were engaged, and the Bundeswehr's participation in the operations in Somalia.<sup>23</sup> The Kosovo crisis prompted the German government to reconsider its chosen foreign policy. The idea was that no German soldiers should be present in the territories that had suffered from Nazi Germany. "Morality" continued to be a cornerstone of German foreign policy.

In the case of the first Yugoslav crisis and the Gulf War, the German leadership refused the use of Bundeswehr forces beyond the borders of the FRG on the grounds of "morality." However, during the Kosovo crisis, "morality" was simply used as a cover for the involvement of German aircraft in the bombing of Serbia. German society was caught up in the disinformation disseminated by the media, which conjured up brutal images of new "Serbian fascists" who were exterminating Kosovars. In 1995–96, internal party debates were held in Germany over the involvement of the Bundeswehr in the Balkan crisis. Although the left-wing SPD had been able to defend a pacifist position on this issue at the conference in Mannheim in November 1995, the SPD voted for the use of the Bundeswehr forces in Bosnia in 1996.

In 1994, the government published another white paper, the White Paper on the Security of the Federal Republic of Germany that described the country's geopolitical security interests.<sup>24</sup> Analyzing the 1994 White Paper, it is possible to point out the following foreign policy priorities:

1. Preservation of freedom, security and prosperity of German citizens and the inviolability of the state's territory
2. Integration with the European democracies inside the European Union because democracy, the rule of law, and prosperity in Europe also mean peace and security for Germany
3. Formation of a strong transatlantic alliance with the United States as a world power based on the community of values and equal interests because the US capabilities are indispensable for international stability
4. Orientation towards reconciliation and partnership with neighboring eastern states; inclusion of these states in western structures and thus formation of a new comprehensive cooperative security order

---

<sup>23</sup> Pavlov, *German foreign policy in the post-bipolar world*, 118–25.

<sup>24</sup> Pavlov and Novikov, *German foreign policy*, 344.

5. Full respect of international law and human rights and a just global economic order based on market economic rules; because the security of individual states is ensured only in a global security system with peace, law and prosperity for all.<sup>25</sup>

These priorities make it possible to say that the chosen foreign policy was based on dialogue, cooperation, defense of Germany's own interests and multilateralism.

One of the priorities of the government under Helmut Kohl was the unification of Europe within the European Union, which included the creation of a single internal market by 1992, the opening of European borders, an extension of the European Parliament's influence, the harmonization of foreign policy and security policy, as well as the establishment of a European economic and monetary union. By December 1991, following the decision of the heads of the states and governments of the European Economic Community (EEC), a draft Treaty between 12 states had already been prepared. The Treaty was provisionally signed on February 7, 1992. The Maastricht Treaty, or the Treaty on the European Union, was signed on December 7, 1992. Due to its increased capacities, reunited Germany took a leading role in the European Union.

At the same time, the Germans faced a difficult psychological situation as they began to worry that the increased strength of their state would make their allies and partners fear them, which proved to be not entirely unfounded. Some countries, most notably Great Britain and France, were indeed concerned that reunification and further strengthening of Germany could lead to a revival of the idea of a "Fourth Reich." To allay these fears, Kohl's government proclaimed the continuity of the foreign policy of the Bonn Republic, which could become an integral part of the security policy of the European Union and the countries of the West as a whole.<sup>26</sup>

The European Union has always been of great importance to the FRG, as it gave the country the opportunity to weaken the influence of its nationalist past and to strengthen its position in the European system of states. The active involvement of the Federal Republic of Germany in the European Union enabled Germany to find its rightful place in Europe and also to finally restore the unity of its state. The reunification of the GDR and the FRG is an example of how the integration process can have a positive effect on national state interests. According to Russian scholars, "the Germans were perhaps the only nation to embrace Europe so passionately and with such idealism as a replacement for their national identity and national traditions that were shattered after the war."<sup>27</sup>

---

<sup>25</sup> *Weißbuch zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr* (Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 1994), 42–44.

<sup>26</sup> G. Schöllgen, *Fear of power. The Germans and their foreign policy* [in Russian], trans. N. Pavlov (Moscow: Buklet, 1994).

<sup>27</sup> V.B. Belov, *Germany. Challenges of the 21<sup>st</sup> century* [in Russian] (Moscow: Ves' Mir, 2009), 198.

Active European integration, which made it possible to form a secure territory in Europe and to simultaneously increase the impact on the situation in other regions, was a strategically important foreign policy direction for the Federal Republic of Germany that corresponded to its national interests.<sup>28</sup>

Bilateral German-American relations followed European integration in the list of priorities of German foreign policy. This was emphasized by the first Chancellor of reunited Germany. The relations between Germany and the United States were based on shared values and interests, both bilaterally and multilaterally.

Little by little, however, with the development of European integration, the end of the Cold War and the confrontation between blocs, the importance of the relationship with the US for Germany diminished considerably.

German attitudes towards the United States and the idea of a “partnership in leadership” between these two states were rather restrained. It was explained by the fact that for the Americans it was more advantageous to cooperate with a partner who had a clearly established position, but at that time Germany was still adapting to the new international environment and dealing with internal problems after the reunification of the German states.<sup>29</sup> German foreign policy was aimed at strengthening its own competitiveness on global and regional markets.

The foreign policy of the German government was clearly oriented towards Europe. Apparently, this fact manifested itself in the weakened influence of the United States in shaping German security policy and the country’s foreign policy in general. In Germany, new perceptions of the US began to take shape primarily among the members of the SPD, the Greens, the CDU, and the far-right parties.<sup>30</sup>

With the end of the East-West confrontation, NATO’s specific mission of preventing external threats through nuclear deterrence was no longer relevant, and the Alliance’s forces were reoriented towards security and crisis management. To meet these challenges, it was necessary to expand the sphere of influence. While the USA saw NATO as an instrument of global strategy, Europe remained a strategic military and political reference point for Germany. For this reason, Germany was one of the first countries to support the accession of new states to the Alliance in order to expand its military security area.

The issue of NATO expansion was first considered at the NATO Council meeting in December 1992. Volker Rühle, German Federal Minister of Defense, proposed that the countries in Central and Eastern Europe that had been able to overcome political

---

<sup>28</sup> N.V. Pavlov, *The History of German foreign policy: from Bismarck to Merkel* [in Russian] (Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012).

<sup>29</sup> L.M. Vorob'eva, *Germany’s foreign policy at the turn of the 21<sup>st</sup> century* [in Russian] (Moscow: Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy, 2000), 255.

<sup>30</sup> C. Hacke, *Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von Konrad Adenauer bis Gerhard Schröder* (Frankfurt/M – Berlin: Ullstein Verlag, 2003), 427.

reforms should be included in the Alliance. The FRG leadership believed that NATO membership would help stabilize these countries on the international level. They also believed that NATO expansion with the help of adding new members would free Germany from the highly uncomfortable geopolitical role of an outpost that the country was forced to play in the bipolar world order.

In 1997, at the NATO Summit in Madrid, Poland, Hungary and the Czech Republic were invited to become official members of the Alliance. These countries joined NATO in 1999 and became the first “eastern” members of the Alliance after 1990. In this way, the United States and the FRG took the first step in NATO eastward expansion. This tactic of the Alliance to admit new members and strengthen collective security became possible in the first instance due to the support of the German government.<sup>31</sup>

The economic sphere also played an important role in European-American relations. There were approximately 1,700 companies in Germany into which the Americans invested, and approximately 2,500 German companies operated as American firms in the United States. In 1998, the merger of the German car maker Daimler-Benz and the United States-based Chrysler Corporation, the largest-ever merger in the automotive industry, reaffirmed the importance of trade relations and investment policies between the two countries.<sup>32</sup>

Joachim Bitterlich, Helmut Kohl’s foreign policy advisor, identified six points of overlapping German and US interests:

- revision of the Maastricht Treaty in order to achieve greater consolidation of European foreign and security policy, a stronger fight against drug abuse, and implementation of a common immigration policy
- foundation of an economic union with the introduction of a common currency
- adoption of new investment and agricultural legislation
- integration of the Central and Eastern European countries into Western European cooperation structures, including accession to the European Union
- development of closer ties with Russia, Ukraine, Turkey, and the Middle East
- search for a new security architecture within NATO and the OSCE.<sup>33</sup>

On December 3, 1995, in Madrid, the New Transatlantic Agenda was signed by the European Union and the United States. The document emphasized willingness to cooperate based on shared values and common objectives. It was accompanied by a list of challenges and responses concerning security and stability in the trade sphere as well as the expansion and further development of the transatlantic partnership.

---

<sup>31</sup> Pavlov and Novikov, *German foreign policy*, 362.

<sup>32</sup> H. Schauer, “Europa und Amerika – Rivalen oder Partner?“, *Aus Politik und Zeitgeschichte*, Bd. 29–30 (1999): 19.

<sup>33</sup> Vorob'eva, *Germany's foreign policy*, 265.

For a rather long period of time, Germany was assigned a role of an object of American foreign policy in German-American relations. Therefore, although Germany became a staunch ally for the US during the Cold War years, the attitude of West German society towards the US remained ambiguous.

In the new realities of the post-bipolar world order, the Federal Republic of Germany had to identify new approaches to security not only with its long-term and most important partners in the West but also with its former adversaries in the East, which required the development of a foreign policy towards Russia (the successor of the former USSR).

Following the collapse of the Soviet Union and the consequent elimination of the Soviet military threat and deideologization of international relations, further development of Russian-German relations became an important direction in German foreign policy. The period between 1991 and 1998, which could be seen as an “adaptation” period for both sides, was an important milestone. The common task both for Russia and for Germany was to adapt to the post-bipolar world order system and in a short while to take a place on the world stage that would match the new international status of the countries.

Considering the geopolitical realities of the 1990s, Russian-German relations were of rather ambiguous nature. However, it is a generally accepted belief that Chancellor Helmut Kohl and President Boris Yeltsin were able to provide an exemplary stability of the productive dialogue between the two countries.

Before the collapse of the USSR, the two leaders had signed a Joint Declaration, in which they noted the importance of cooperation and mutual interest in developing bilateral relations in order to achieve friendship, good neighborliness, and cooperation between the two states.<sup>34</sup>

On December 26, 1991, Germany was the first Western country to declare its recognition of the Russian Federation as the legal successor to the Soviet Union. The constructive development of bilateral relations was beneficial to both sides: the Russian leadership needed international recognition and support from a strong Western state, and Germany needed the assistance of the Russian Federation as the legal successor to the USSR in dealing with the withdrawal of the Western Group of Forces from German territory as well as in developing social and economic relations between the two countries.

In December 1992, Chancellor Helmut Kohl paid his first official visit to Moscow. During his visit, the so-called Zero Option was considered and agreed on. It concerned the real estate of the Western Group of Forces on the side of Russia and compensation for damage to the natural environment in troop deployment areas on

---

<sup>34</sup> M.S. Gorbachev, *How it happened: The reunification of Germany* [in Russian] (Moscow: Vargus, 1999), accessed March 30, 2021, <https://www.litmir.me/br/?b=10391&p=1>



the side of Germany. Agreements were also concluded on cultural cooperation, the care of war graves, and cooperation in the liquidation of nuclear and chemical weapons that were reduced or eliminated by Russia. All this made it possible to broaden the legal and contractual framework of the bilateral relations in order to develop connections in different areas.

The FRG is an integral part of the North Atlantic Alliance, which exerts a significant influence on its strategic orientation and tactical objectives. The German government encourages NATO eastward expansion despite the fact that it could be a potential threat to the security of the Russian Federation.

It should be noted that during the last years of Kohl's chancellorship, there was a change in the principles of German foreign policy towards Russia. Due to the growth of foreign debt of the Russian Federation and the escalating crisis in the economic, political, and social spheres, German political circles formed an opinion that the friendship between the two leaders, which had been originally seen as beneficial for both sides, was no longer useful and exhausted all possibilities to further develop bilateral relations.

Eventually, close relations between the German and Russian leaders and mutual interests related to foreign policy as well as Kohl's hope that Russian support would help improve the socio-economic situation in East Germany did not bring the expected results.<sup>35</sup>

At the end of the 1990s, the Federal Republic of Germany succeeded in defining its role in world politics. This role involved a more active participation in international processes while maintaining the principle of multilateralism as the basis of foreign policy.<sup>36</sup> International institutions remained the main instrument of influence. The government of Germany, both before and after the reunification of the FRG and the GDR, advocated the integration into the international institutions. However, after the reunification of Germany, there was a change in the discourse on multilateralism. On the one hand, after the reunification, the German political elite spoke of multilateralism as a confidence-building measure and an "integral part" of the FRG's foreign policy. On the other hand, much more often German politicians spoke of multilateralism in the context of national interests, increasing the political weight of Germany on the international stage and extrapolating its influence.

Multilateralism can be considered as the philosophy of globalization era, which was based on the realities of the new period in international life. However, despite the fact that multilateralism provided the basis for the formation of a close

---

<sup>35</sup> V.V. Kozhevnikov, "President of Russia Boris Yeltsin and Chancellor of Germany Helmut Kohl: Unfulfilled hopes" [in Russian], in *Russia and Germany in the new Europe: The late 20<sup>th</sup> – early 21<sup>st</sup> centuries* (Cherepovets: ChGU, 2012), 90.

<sup>36</sup> Hacke, *Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland*, 543.

interconnection of states and regions, this policy has led to escalation of a number of national and confessional tensions.<sup>37</sup>

### Conclusion

The transition from a bipolar to a post-bipolar system of international relations and the reunification of the Federal Republic of Germany and the German Democratic Republic in 1990 marked the beginning of a new phase in the history Germany.

The present-day Federal Republic of Germany is one of the leading players on the world stage, the leader of the European Union, and one of the states that determine the development of the EU, its eastern policy, and transatlantic relations.

After reunification in 1990, by the end of the 20<sup>th</sup> century, Germany had multiplied its political and economic significance on the international stage. This has contributed to it becoming a state whose foreign policy has a major influence on international relations.

In the period under review, the focus of German foreign policy shifted from military to economic priorities. This was due to the fact that the protection of economic interests became a much more important and necessary aspect of the country's foreign policy. At the same time, German security policy took second place and adopted a new configuration. Describing German foreign policy in the post-bipolar world, it is worth noting that its main feature is its "peaceful approach."

The period of H. Kohl's chancellorship can be described as the "adaptation period" for Germany. The attempt to achieve hegemony on the continent was replaced by the "culture of restraint" (connected with Germany's historical responsibility) and an aspiration to integrate into the Western community of states.

In order to adapt to the realities of the post-bipolar world, the German government identified four main objectives in foreign policy:

- further development and expansion of the European integration and the European Union
- further development of bilateral German-American relations in order to maintain the US presence in Europe
- provision of an extended field of action for Germany in multilateral diplomacy, first of all in international organizations, such as the United Nations
- development of a relationship built on trust and economic partnership with the Russian Federation.

---

<sup>37</sup> D. Klaus, "Das neue Deutschland – eine „Weltmacht“?" *Leviathan*, vol. 19, no. 2 (1991): 247–60, accessed January 10, 2021, [https://www.jstor.org/stable/23984249?seq=1#metadata\\_info\\_tab\\_contents](https://www.jstor.org/stable/23984249?seq=1#metadata_info_tab_contents)

For the FRG, the 1990s marked the beginning of the development of national and state integrity and the definition of the country's foreign policy. The reunification of the two German states changed the geopolitical situation on the European continent. For the Federal Republic of Germany, increasing stability and democracy in the territories of neighboring Eastern countries became important during this period. The position of the FRG in bilateral German-American relations also changed. Germany became a strategically important partner of the US in the NATO bloc and one of the first countries to initiate NATO's eastward expansion in the expectation that it would increase German influence. Bilateral relations between the FRG and Russia developed constructively, as after the collapse of the Soviet Union and the reunification of Germany, both countries were in search of new foreign policy orientations.

By the end of the 1990s, i.e. by the end of Kohl's chancellorship, the FRG had managed to define its role in world politics. This role involved more active participation in international processes while maintaining the principle of multilateralism as the basis of foreign policy. One of the main objectives of the FRG's foreign policy was to prove to the international community and its own citizens that the course chosen was "normal." This was interpreted, above all, as a commitment to universal humanist liberal democratic values.

### Список литературы

*Адомайт Х.* Политика Германии в отношении России: конец «медового месяца» // Записки ИФРИ. «Russie. Cei. Visions». 2005. № 6 (b). С. 2–22. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/adomeitrusse.pdf> (дата обращения: 06.01.2022).

*Ахтамзян А.А.* Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. Очерки. Москва: Библос консалтинг, 2010. 386 с.

*Белов В.Б.* Германия. Вызовы XXI в. Москва: Весь Мир, 2009. 794 с.

*Васильев В.И.* Россия и Германия. Диалог или санкции? // Обозреватель – Observer. 2014. № 9 (296). С. 27–41.

*Воробьева Л.М.* Внешняя политика ФРГ на пороге XXI в. Москва: Российский институт стратегических исследований, 2000. 356 с.

*Горбачев М.С.* Как это было: объединение Германии. Москва: Варгиус, 1999. 240 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=10391&p=1> (дата обращения: 30.03.2021).

*Имангалиев Р.Н.* Новая Германия в меняющемся мире: международное положение и внешняя политика Германии на рубеже XX–XXI вв. Казань: Новое знание, 2006. 252 с.

*Кожневников В.В.* Президент России Борис Ельцин и канцлер ФРГ Гельмут Коль: несбывшиеся надежды // Россия и Германия в новой Европе: конец XX – начало XXI вв.: материалы Международной интернет-конференции / под редакцией Б.В. Петелина. Череповец: ЧГУ, 2012. С. 89–91.

*Павлов Н.В.* Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. Москва: Наука, 2005. 409 с.

- Павлов Н.В. История внешней политики Германии: от Бисмарка до Меркель. Москва: Международные отношения, 2012. 797 с.
- Павлов Н. В., Новиков А. А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. Москва: Московские учебники, 2005. 605 с.
- Погорельская С. Внутривнутриполитические аспекты новой германской внешней политики // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 7. С. 91–100.
- Стрелец М.В. Российский вектор внешней политики второго правительственного кабинета А. Меркель в ФРГ: некоторые аспекты истории // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2015. № 1 (46). С. 58–73.
- Шельген Г. Страх перед силой. Немцы и их внешняя политика / перевод и предисловие Н. Павлова. Москва: Буклет, 1994. 96 с.
- Bierling S. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Normen, Akteure, Entscheidungen. München, Wien: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1999. 372 S.
- Görtemaker M. Kleine Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2002. 412 S.
- Hacke C. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von Konrad Adenauer bis Gerhard Schröder. Frankfurt/M; Berlin: Ullstein Verlag, 2003. 652 S.
- Haftendorn H. Deutsche Außenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung 1945–2000. Stuttgart; München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. 536 S.
- Hellmann G. Die prekäre Macht: Deutschland an der Schwelle zum 21. Jahrhundert // Deutschlands neue Außenpolitik. Band 4: Institutionen und Ressourcen. München: R. Oldenbourg Verlag, 1998. S. 265–282.
- Klaus D. Das neue Deutschland: eine neue „Weltmacht“? // Leviathan. 1991. Vol. 19, no. 2. S. 247–260. URL: [https://www.jstor.org/stable/23984249?seq=1#metadata\\_info\\_tab\\_contents](https://www.jstor.org/stable/23984249?seq=1#metadata_info_tab_contents) (дата обращения: 10.01.2021).
- Knapp M. Schwerpunkte der deutschen Außenpolitik im Verhältnis zu den Vereinten Nationen seit 1990 // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / Herausgeber: S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 727–746.
- Noelle-Neumann E. Öffentliche Meinung und Außenpolitik. Die fehlende Debatte in Deutschland // Internationale Politik. 1995. No. 8. S. 127–134.
- Schauer H. Europa und Amerika – Rivalen oder Partner? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1999. Bd. 29–30. S. 12–21.
- Schöllgen G. Der Auftritt. Deutschlands Rückkehr auf die Weltbühne. München: Propyläen Verlag, 2003. 176 S.
- Steinmeier F.-W. Verflechtung und Integration. Eine neue Ostpolitik der EU // Internationale Politik. 2007. No. 62/3. S. 6–11.

## References

- Adomeit, H. “Politika Germanii v otnoshenii Rossii: konets ‘medovogo mesyatsa’” [German policy towards Russia: The end of the ‘honeymoon’]. *Zapiski IFRI. ‘Russie. Cei. Visions’*, no. 6 (b) (2005): 2–22. Accessed January, 6, 2022. <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/adomeitrusse.pdf> (In Russian)

Akhtamzyan, A.A. *Ob"edinenie Germanii. Obstoyatel'stva i posledstviya. Ocherki* [Reunification of Germany. Circumstances and consequences. Essays]. Moscow: Biblos konsalting, 2010. (In Russian)

Belov, V.B. *Germaniya. Vyzovy XXI v.* [Germany. Challenges of the 21<sup>st</sup> century]. Moscow: Ves' Mir, 2009. (In Russian)

Bierling, S. *Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Normen, Akteure, Entscheidungen.* Munich, Vienna: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1999.

Gorbachev, M.S. *Kak eto bylo: ob"edinenie Germanii* [How it happened: The reunification of Germany]. Moscow: Vargus, 1999. Accessed March 30, 2021. <https://www.litmir.me/br/?b=10391&p=1> (In Russian)

Görtemaker, M. *Kleine Geschichte der Bundesrepublik Deutschland.* Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2002.

Hacke, C. *Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von Konrad Adenauer bis Gerhard Schroder.* Frankfurt/M; Berlin: Ullstein Verlag, 2003.

Haftendorn, H. *Deutsche Außenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung 1945–2000.* Stuttgart; München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001.

Hellmann, G. “Die prekäre Macht: Deutschland an der Schwelle zum 21. Jahrhundert.” In *Deutschlands neue Außenpolitik*, vol. 4, *Institutionen und Ressourcen*, 265–82. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1998.

Imangaliev, R.N. *Novaya Germaniya v menyayushchemsya mire: mezhdunarodnoe polozhenie i vneshnyaya politika Germanii na rubezhe XX–XXI vv.* [A new Germany in a changing world: International Position and foreign policy of Germany at the turn of the 20<sup>th</sup>–21<sup>st</sup> centuries]. Kazan: Novoe znanie, 2006. (In Russian)

Klaus, D. “Das neue Deutschland: eine neue „Weltmacht“?” *Leviathan*, vol. 19, no. 2 (1991): 247–60. Accessed January 10, 2021. [https://www.jstor.org/stable/23984249?seq=1#metadata\\_info\\_tab\\_contents](https://www.jstor.org/stable/23984249?seq=1#metadata_info_tab_contents)

Knapp, M. “Schwerpunkte der deutschen Außenpolitik im Verhältnis zu den Vereinten Nationen seit 1990.” In *Handbuch zur deutschen Außenpolitik*, edited by S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf, 727–46. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage GmbH, 2007.

Kozhevnikov, V.V. “Prezident Rossii Boris El'tsin i kantsler FRG Gel'mut Kol': nesbyvshiesya nadezhdy” [President of Russia Boris Yeltsin and Chancellor of Germany Helmut Kohl: Unfulfilled hopes]. In *Rossiya i Germaniya v novoi Evrope: konets XX – nachalo XXI vv.* [Russia and Germany in the new Europe: The late 20<sup>th</sup> – early 21<sup>st</sup> centuries], edited by B.V. Petelin, 89–91. Cherepovets: ChGU, 2012. (In Russian)

Noelle-Neumann, E. “Öffentliche Meinung und Außenpolitik. Die fehlende Debatte in Deutschland.” *Internationale Politik*, no. 8 (1995): 127–34.

Pavlov, N.V. *Istoriya vneshnei politiki Germanii: ot Bismarka do Merkel'* [The History of German foreign policy: from Bismarck to Merkel]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012. (In Russian)

Pavlov, N.V. *Vneshnyaya politika FRG v postbipolyarnom mire* [German foreign policy in the post-bipolar world]. Moscow: Nauka, 2005. (In Russian)

Pavlov, N.V., and A.A. Novikov. *Vneshnyaya politika FRG ot Adenauera do Shredera* [German foreign policy from Adenauer to Schröder]. Moscow: Moskovskie uchebniki, 2005. (In Russian)



Pogorel'skaya, S.V. "Vnutripoliticheskie aspekty novoi germanskoi vneshnei politiki" [Internal political aspects of the new German foreign policy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 7 (2001): 91–100. (In Russian)

Schauer, H. "Europa und Amerika – Rivalen oder Partner?", *Aus Politik und Zeitgeschichte*, Bd. 29–30 (1999): 12–21.

Schöllgen, G. *Der Auftritt. Deutschlands Rückkehr auf die Weltbühne*. Munich: Propyläen Verlag, 2003.

Schöllgen, G. *Strakh pered siloi. Nemtsy i ikh vneshnyaya politika* [Fear of power. The Germans and their foreign policy]. Translation and foreword by N. Pavlov. Moscow: Buklet, 1994. (In Russian)

Steinmeier, F.-W. "Verflechtung und Integration. Eine neue Ostpolitik der EU." *Internationale Politik*, no. 62/3 (2007): 6–11.

Strelets, M.V. "Rossiiskii vektor vneshnei politiki vtorogo pravitel'stvennogo kabineta A. Merkel' v FRG: nekotorye aspekty istorii" [Russian vector of foreign policy of the Second Merkel cabinet in Germany: Some aspects of history]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, no. 1 (46) (2015): 58–73. (In Russian)

Vasil'ev, V.I. "Rossiya i Germaniya. Dialog ili sanktsii?" [Russia and Germany. Dialogue or sanctions?]. *Obozrevatel' – Observer*, no. 9 (296) (2014): 27–41. (In Russian)

Vorob'eva, L.M. *Vneshnyaya politika FRG na poroge XXI v.* [Germany's foreign policy at the turn of the 21<sup>st</sup> century]. Moscow: Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy, 2000. (In Russian)

### Информация об авторе

**Петросян Джемма Ваграмовна** – аспирант кафедры истории и политики стран Европы и Америки, <https://orcid.org/0000-0003-2570-0380>, [jemma95@mail.ru](mailto:jemma95@mail.ru), МГИМО МИД РФ (119454 Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76)

### Information about the author

**Dzhemma V. Petrosyan** – PhD student, Department of European and American Studies, <https://orcid.org/0000-0003-2570-0380>, [jemma95@mail.ru](mailto:jemma95@mail.ru), Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia)

---

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 27.02.2021; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 08.12.2021; approved after reviewing 27.02.2021; accepted for publication 10.03.2022.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 439–484  
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 2 (2022): 439–84

Научная статья

УДК 355.01 (470.65+470.662):070

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-3>

## Осетино-ингушский вооружённый конфликт 1992 года в освещении российской центральной печати

Денис Васильевич Тумаков,  
Ярославский государственный медицинский университет,  
Ярославль, Россия,  
[denistumakov@yandex.ru](mailto:denistumakov@yandex.ru); <https://orcid.org/0000-0001-8569-7246>

Denis V. Tumakov,  
Yaroslavl State Medical University,  
Yaroslavl, Russia,  
[denistumakov@yandex.ru](mailto:denistumakov@yandex.ru); <https://orcid.org/0000-0001-8569-7246>



**Аннотация.** В статье рассматривается освещение осетино-ингушского вооружённого конфликта, представленное в публикациях крупнейших отечественных масс-медиа во время военных действий в Пригородном районе осенью 1992 года. Автор анализирует наиболее типичные репортажи с места событий, а также интервью с высокопоставленными военачальниками и должностными лицами, опубликованные в таких центральных газетах, как «Красная звезда», «Труд», «Известия», «Коммерсант», «Литературная газета», «Московские новости» и некоторые другие. Помимо указанных СМИ автор анализирует и материалы региональной печати – например, ярославских изданий «Северный край» или «Золотое кольцо». В этих публикациях содержались официальные документы и другие ценные сведения, касающиеся роста криминальных проявлений на Кавказе в начале 1990-х гг., боёв между осетинами и ингушами в Пригородном районе, целей миротворческой операции федеральных войск, а также была представлена информация о подвигах военнослужащих. Авторы давали понять, что именно российские силовые структуры предотвратили настоящую войну на Кавказе. Противостоявшие федеральным силам осетинские или ингушские бойцы представляли в данных корреспонденциях либо обманутыми людьми, чья национальная принадлежность даже не упоминалась, либо бандитами. Одновременно в демократических СМИ выходили статьи, авторы которых сообщали об этнических чистках по отношению к ингушам в Пригородном районе во время и после окончания военных действий. В репортажах левых изданий акцент был сделан на незаконности действий ингушей, симпатии их авторов были явно на стороне осетин. Иногда оппозиционная пресса (газеты «Советская Россия» и «Правда») даже проводила параллели

© Тумаков Д.В., 2022

© Tumakov D., 2022

между действиями ингушей и нападением нацистской Германии на Советский Союз. Автором сделан вывод о том, что российским властям и силовикам в 1992 году удалось сравнительно быстро потушить пламя конфликта, однако он стал предшественником первой чеченской войны 1994–1996 гг., во время которой расстановка сил на информационном поле оставалась аналогичной.

**Ключевые слова:** Северный Кавказ, Ингушетия, Северная Осетия, Пригородный район, вооружённый конфликт, Россия, федеральный Центр, военнослужащие, беженцы, насилие

**Для цитирования:** Тумаков Д.В. Осетино-ингушский вооружённый конфликт 1992 года в освещении российской центральной печати // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 439–484. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-3>

### The Ossetian-Ingush armed conflict of 1992 as covered by the Russian central press

**Abstract.** The article examines the coverage of the Ossetian-Ingush armed conflict in the publications of the largest Russian mass media during the hostilities in the Prigorodny District in autumn 1992. The author analyzes the most typical reportages from the scene as well as the interviews with high-ranking military commanders and officials published in such central newspapers as *Krasnaya Zvezda*, *Trud*, *Izvestiya*, *Kommersant*, *Literaturnaya Gazeta*, *Moskovskie Novosti*, and some others. In addition to the media mentioned above, the author analyzes materials from the regional press, such as the Yaroslavl newspapers *Severniy Krai* and *Zolotoe Kol'tso*. These publications contained official documents and other valuable information relating to the growth of criminal activity in the North Caucasus in the early 1990s, the battles between the Ossetian and Ingush people in the Prigorodny District, the objectives of the federal troops' peacekeeping operations, and information about the exploits of military personnel. The authors of the publications under analysis made it clear that it was the Russian security forces that prevented a real war in the Caucasus. The Ossetian or Ingush fighters who opposed the federal forces were presented in their coverage either as deceived people whose nationality was not even mentioned or as bandits. At the same time, the democratic media published articles describing ethnic cleansing of the Ingush population in the Prigorodny District during and after the hostilities. Publications in the left-wing media emphasized the illegality of the Ingush actions, and the sympathy of the authors was clearly on the side of the Ossetians. Sometimes the opposition press (the newspapers *Sovetskaya Rossiya* and *Pravda*) even drew parallels between the actions of the Ingush and the invasion of the Soviet Union by Nazi Germany. The author concludes that the Russian authorities and security services managed to terminate the conflict relatively quickly in 1992. However, the Ossetian-Ingush armed conflict of 1992 can still be seen as a precursor to the First Chechen war of 1994–96 during which the balance of power in the information field remained similar.

**Keywords:** North Caucasus, Ingushetia, North Ossetia, Prigorodny District, armed conflict, Russia, federal center, military men, refugees, violence

**For citation:** Tumakov, D.V. “The Ossetian-Ingush armed conflict of 1992 as covered by the Russian central press.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2 (2022): 439–84, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-3>

## Введение

Относительно бескровный распад Советского Союза в конце 1991 года повлёк за собой в ближайшем будущем обострение ряда уже шедших и возникновение новых межнациональных конфликтов. По оценкам современного американского исследователя, они унесли жизни в общей сложности от 63 до 98 тысяч человек<sup>1</sup>. Однако большие войны в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье и Таджикистане велись уже на территории новых независимых государств. В то же время осетино-ингушский вооружённый конфликт (31 октября – 4 ноября 1992 года) стал первым крупным военным столкновением, произошедшим собственно в постсоветской России. Старый спор соседних народов касательно территориальной принадлежности Пригородного района перерос в реальные военные действия, вызвавшие переполох в Москве. Как писали в те дни журналисты центральных газет, «впервые после Великой Отечественной война пришла на российскую землю»<sup>2</sup> или «война в самой России!»<sup>3</sup>

Реакция властей была незамедлительной: 2 ноября президент Б.Н. Ельцин ввёл режим чрезвычайного положения (ЧП) в обеих враждующих республиках<sup>4</sup>. Как позднее утверждал на заседании парламента первый заместитель министра внутренних дел России генерал-полковник внутренней службы Е.А. Абрамов, для наведения порядка в зону конфликта были быстро отправлены 11,2 тысячи военнослужащих Министерства обороны (МО) и Министерства внутренних дел (МВД) РФ, в регион срочно прибыли силовые министры федерального правительства<sup>5</sup>. Более поздние данные говорят о дислокации в Северной Осетии более 12,4 тысяч солдат Внутренних войск (ВВ) МВД РФ, а также 97 единиц бронетехники и 59 единиц автотранспорта<sup>6</sup>. В общей сложности в ходе боёв осени 1992 года погибли свыше 600 человек, ещё более 200 пропали без вести, 10 населённых пунктов были полностью или

---

<sup>1</sup> *Тризман Д.* История России. От Горбачёва до Путина и Медведева. Москва: Эксмо, 2012. С. 170.

<sup>2</sup> *Харламов В.* Мина замедленного действия // Правда. 1992. 4 ноября.

<sup>3</sup> *Урбан В., Стасовский А.* В Ингушетии и Северной Осетии введено чрезвычайное положение // Красная звезда. 1992. 3 ноября.

<sup>4</sup> Обращение Президента России к гражданам страны // Российская газета. 1992. 4 ноября.

<sup>5</sup> Российские депутаты в Северной Осетии. Парламент России призвал осетин и ингушей к миру // Коммерсант. 1992. 7 ноября.

<sup>6</sup> См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / под редакцией Г.В. Кривошеева. Москва: ОЛМА–ПРЕСС, 2001. С. 566; Войны и вооружённые конфликты второй половины XX века / под редакцией Б.В. Громова. Москва: Р–Медиа, 2003. С. 227.

частично разрушены, а от 40 до 60 тысяч жителей Пригородного района стали беженцами<sup>7</sup>. Отменён режим ЧП был только в феврале 1995 года<sup>8</sup>.

Исторический контекст, а также непосредственные причины, сами военные действия и перспективы последующего урегулирования осетино-ингушского конфликта стали предметом изучения в исследованиях А.Д. Цыганка<sup>9</sup>, А.Г. Здравомыслова<sup>10</sup>, А.А. Цуциева<sup>11</sup>, В.А. Шнирельмана<sup>12</sup>, М.Д. Пищука<sup>13</sup>. На региональном уровне данная проблема исследовалась С.Д. Шокиным<sup>14</sup> и Д.В. Тумаковым<sup>15</sup>. В работах зарубежных историков и публицистов представлен общеисторический контекст постсоветской эпохи<sup>16</sup>. В то же время нельзя не признать, что на фоне последующих войн в Чечне и Дагестане события 1992 года в Пригородном районе остаются сравнительно малоизвестными. В частности, внимание историков практически не было

---

<sup>7</sup> *Здравомыслов А.Г.* Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. Москва: РОССПЭН, 1998. С. 8.

<sup>8</sup> *Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. С. 170, 315.

<sup>9</sup> *Цыганок А.Д.* Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991–1993. Москва: АИРО–XXI, 2012.

<sup>10</sup> *Здравомыслов А.Г.* Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации.

<sup>11</sup> *Цуцев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. Москва: РОССПЭН, 1998.

<sup>12</sup> *Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке.

<sup>13</sup> *Пищук М.Д.* «Эхо 44-го»: деятельность Госкомнаца России по предотвращению осетино-ингушского конфликта // Войны в истории. Генезис, предпосылки, причины международных военных конфликтов в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Одиннадцатой международной конференции молодых учёных и специалистов «Clío–2021» / под редакцией А.К. Сорокина. Москва: Политическая энциклопедия, 2021. С. 149–152.

<sup>14</sup> *Шокин С.Д.* Северный Кавказ в политике Российского государства от Древней Руси до начала XXI века. Ярославль: ЯрГУ, 2015.

<sup>15</sup> *Тумаков Д.В.* Тревожный регион: вооружённые конфликты на Северном Кавказе в первой половине 1990-х гг. и Ярославская область. Ярославль: Аверс Плюс, 2016.

<sup>16</sup> Подробнее см.: *Тризман Д.* История России. От Горбачёва до Путина и Медведева; *Колтон Т.* Ельцин. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013; *Коткин С.* Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. Москва: Новое литературное обозрение, 2018; *Ливен А.* Чечня: трагедия российской мощи. Первая чеченская война. Москва: Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2019; *Островский А.* Говорит и показывает Россия. Путешествие из будущего в прошлое средствами массовой информации / перевод Т. Азаркович. Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2019.



обращено к проблеме восприятия осетино-ингушского конфликта ведущими российскими СМИ. Анализу их роли в формировании точки зрения российского общества на вооружённые столкновения 1992 года и посвящена данная статья.

### Основная часть

Обстановка на Северном Кавказе была предметом интереса российской печати и до осенней эскалации осетино-ингушского конфликта, что было вызвано ростом уголовной преступности в этом регионе. Напомним, что в первое постсоветское десятилетие данная проблема приобрела общероссийский размах. Лишь по неполным данным, в 1992 году от рук преступников погибли 269 и были серьёзно ранены 424 работника МВД<sup>17</sup>. Но в представлении ряда столичных масс-медиа, даже на фоне всей страны молодая Ингушская республика выглядела настоящим рассадником криминала. В частности, лишь за сентябрь–октябрь 1992 года в Назрановском районе были угнаны 19 автомобилей с осетинскими номерами, а 20 октября в Осетии был подорван крупный газопровод<sup>18</sup>.

Газетные репортажи из Назрани подробно описывали сложную криминогенную обстановку в городе. Находящиеся там журналисты неоднократно слышали автоматные очереди в воздух, в их публикациях речь шла об апробации боевого оружия. Местные же жители шутили, что в республике даже старые женщины ходят на рынок с автоматами<sup>19</sup>. На окраине временного административного центра Ингушетии существовал рынок, известный среди горожан как «Калашников ряд» или «охотный ряд», где открыто продавались различные виды оружия и боеприпасов. В целом, как считал корреспондент «Красной звезды» В.М. Струговец, рынок в Назрани мог одновременно обеспечить вооружением отряд из 150–200 боевиков. Общее количество стрелкового оружия, незаконно находившегося на руках у местного населения, по оперативным данным МВД, приближалось к 15 тысячам единиц. К числу основных каналов поступления оружия и боеприпасов в Ингушетию журналист относил экспорт из Чечни и Абхазии, а также захваты у сотрудников правоохранительных органов и хищения с армейских складов<sup>20</sup>. В свою очередь, корреспондент «Труда» Ю. Дмитриев считал, что в каждом ингушском

<sup>17</sup> Российская милиция несёт потери // Известия. 1992. 24 декабря.

<sup>18</sup> Снопков С. Война шагает по России // Московские новости. 1992. 15 ноября.

<sup>19</sup> См.: Струговец В. «Калашниковы ряды» в Назрани // Красная звезда. 1992. 22 октября; Струговец В. Станция Беслан. Поезд Дербент–Краснодар... // Красная звезда. 1992. 23 октября; Дмитриев Ю. Чем болен Кавказ // Труд. 1992. 28 октября; Харламов В. Мина замедленного действия // Правда. 1992. 4 ноября.

<sup>20</sup> Струговец В. «Калашниковы ряды» в Назрани.

доме хранилось лёгкое стрелковое вооружение<sup>21</sup>, которое приобреталось не только для самообороны. Спецкор «Правды» В. Харламов приводил факты нахождения бронетехники во дворах частных домов Назрани, а также вооружённого противостояния двух семей в Назрановском районе на почве кровной мести, в ходе которого применялись автоматическое оружие и лёгкая бронетехника. В Сунженском районе осенью 1992 года хорошо вооружённые боевики захватили здание райсовета и разогнали его депутатов<sup>22</sup>.

Сложность криминогенной обстановки, а также отсутствие власти как таковой и бессилие правоохранительных органов, господство вооружённых групп по клановому признаку признавали опрошенные журналистом депутат Верховного Совета РФ от Ингушетии И.Ю. Костоев и должностные лица Северной Осетии – премьер-министр С.В. Хетагуров и министр внутренних дел генерал-майор Г.М. Кантемиров. Они констатировали «половодье неучтённого оружия и боеприпасов» на Кавказе и считали, что в условиях кризиса «только ленивый не ищет, не покупает свободно автомат или пистолет»<sup>23</sup>. В то же время заместитель полномочного представителя Верховного Совета Российской Федерации в Ингушетии, народный депутат И.Ю. Костоев объяснял сложившуюся ситуацию старинной горской традицией, согласно которой «мужчина должен иметь оружие»<sup>24</sup>. Однако столичная пресса не разделяла этого мнения, употребляя по отношению к самому молодому субъекту РФ эпитеты типа «забытое и парламентом, и российским правительством ... странное образование – без границ, без территории, без властных структур, без промышленности, учебных заведений, науки и многого прочего», «политический эмбрион» и «ещё не осуществлённая ... республика»<sup>25</sup>. Приведённую в печати информацию о бедности и безвластии в республике полностью подтверждал В.Н. Снегирёв – биограф первого президента Ингушетии Р.С. Аушева и друг его семьи<sup>26</sup>. Во многом Ингушетия в тот период выживала за счёт финансовой поддержки федерального Центра<sup>27</sup>.

<sup>21</sup> Дмитриев Ю. Чем болен Кавказ.

<sup>22</sup> Харламов В. Мина замедленного действия.

<sup>23</sup> Дмитриев Ю. Чем болен Кавказ.

<sup>24</sup> Струговец В. «Калашниковы ряды» в Назрани.

<sup>25</sup> См.: Леонтьева Л. Бои с несуществующей республикой. Часы «кавказской войны» пущены? // Московские новости. 1992. 1 ноября; Дементьева И. Ингушская трагедия // Известия. 1992. 1 декабря.

<sup>26</sup> Снегирёв В.Н. Руслан: История жизни первого президента Ингушетии, рассказанная им самим и его друзьями. Москва: Этерна, 2014. С. 25, 140, 149–150, 160, 192.

<sup>27</sup> Пищук М.Д. «Эхо 44-го»: деятельность Госкомнаца России по предотвращению осетино-ингушского конфликта. С. 151.

Ещё до эскалации осетино-ингушского конфликта читатели из газетных публикаций могли сделать и неутешительный вывод о крайней слабости авторитета и влияния России на Северном Кавказе. Военные предпочитали не посещать вышеназванный рынок в Назрани<sup>28</sup>, а городские власти даже попросили корреспондента «Красной звезды» успеть выехать из ингушской столицы до наступления темноты, так как не могли гарантировать безопасность представителя печатного органа МО РФ в позднее время суток<sup>29</sup>. Сама резиденция представительства Верховного Совета РФ в Назрани располагалась в двухэтажном здании бывшего райкома КПСС, во дворе которого находился БТР, а по периметру дома – бетонные надолбы. Следы от автоматной очереди на стене резиденции убедительно свидетельствовали о нестабильности в Ингушетии<sup>30</sup>. На первом этаже резиденции проживали военнослужащие дивизии особого назначения ВВ МВД РФ и спецназовцы из отряда «Витязь» во главе с майором О.В. Кублиным, выполнявшие роль охраны и постоянно готовые к бою. Представитель российского парламента, в прошлом командующий 40-й армией в Афганистане, генерал армии В.Ф. Ермаков и вышеупомянутый депутат И.Ю. Костоев размещались на втором этаже<sup>31</sup>. В этой связи примечательно, что советник полномочного представителя российского парламента по вопросам безопасности М. Белоусов, признавая очевидный факт торговли оружием в регионе, был вынужден констатировать, что «местные правоохранительные органы сами разрешить этой проблемы не могут», однако и возможности Центра в ее решении также невелики<sup>32</sup>.

Сам осетино-ингушский конфликт осени 1992 года подавался официальными источниками как всплеск радикального национализма, с которым федеральный Центр обязан вести решительную борьбу. Подобный тон в оценках происходящего задал лично Президент РФ Б.Н. Ельцин. В тексте его обращения к российским военнослужащим вооружённый конфликт на Северном Кавказе квалифицировался как «час нового испытания для нашей Родины», связанный с тем, что «воинствующие националисты» угрожают конституционному строю, безопасности и территориальной целостности страны<sup>33</sup>. Последний пункт выглядел достаточно спорным, так как ни одна из маленьких северокавказских республик, воевавших между собой за

<sup>28</sup> Дмитриев Ю. Чем болен Кавказ.

<sup>29</sup> Струговец В. «Калашниковы ряды» в Назрани.

<sup>30</sup> Харламов В. Мина замедленного действия.

<sup>31</sup> Дмитриев Ю. Чем болен Кавказ.

<sup>32</sup> Там же.

<sup>33</sup> Обращение Президента Российской Федерации к командирам соединений и частей, офицерам, прапорщикам, старшинам, сержантам и солдатам российских вооружённых сил, внутренних войск, Министерства внутренних дел России // Красная звезда. 1992. 3 ноября.

пограничный Пригородный район, не высказывала сепаратистских намерений. Примечательно также, что национальная принадлежность противника федеральных силовых структур в упомянутом документе так ни разу и не была названа. Глава государства призвал военных и милиционеров «проявить высокое чувство долга» и обеспечить «честь и достоинство России»<sup>34</sup>. Не случайно и.о. премьер-министра страны Е.Т. Гайдар, прибывший во Владикавказ сразу после завершения острой фазы кризиса, заявил, что «армия выполнила свой долг», поэтому поиск политического решения осетино-ингушского конфликта будет долгим и трудным, однако «больше не будет кровавым»<sup>35</sup>.

В новом обращении Б.Н. Ельцина к гражданам страны от 3 ноября акценты были расставлены аналогично. Президент отрицал наличие межэтнического конфликта в Северной Осетии, вновь обвиняя в начале боевых действий неких «воинствующих националистов», заложниками чьих амбиций фактически и выступили два соседних народа. По мнению Ельцина, целью «гигантской авантюры» в Пригородном районе должно было стать втягивание в конфликт прочих республик и народов юга России. Непосредственных организаторов этой кампании российский лидер не назвал, но в качестве альтернативы предложил осетинам и ингушам проявить сдержанность и начать переговоры<sup>36</sup>. Соответствующий призыв содержался и в обращении Верховного Совета России от 6 ноября<sup>37</sup>. В дальнейшем позиция властей не изменилась. На коллегии МО РФ 23 ноября президент Б.Н. Ельцин заявлял: «Мы не допустим, чтобы братоубийственные конфликты разрослись и дестабилизировали обстановку в России», подчеркнув необходимость создания в армии мобильных, высокопрофессиональных сил, способных ликвидировать любой подобный кризис<sup>38</sup>. Днём позднее, на совещании глав национальных республик России, Ельцин высказался за решительное изъятие оружия и боеприпасов у осетинских и ингушских боевых групп, а также у местного населения. Участники совещания полностью поддержали данную меру<sup>39</sup>.

<sup>34</sup> Обращение Президента Российской Федерации к командирам соединений и частей, офицерам, прапорщикам, старшинам, сержантам и солдатам российских вооружённых сил, внутренних войск, Министерства внутренних дел России.

<sup>35</sup> Установлена временная граница между Чечнёй и Ингушетией // Известия. 1992. 12 ноября.

<sup>36</sup> У российских военнослужащих цель одна – восстановить мир в зоне конфликта. Обращение Президента России к гражданам страны // Красная звезда. 1992. 5 ноября.

<sup>37</sup> Российские депутаты в Северной Осетии. Парламент России призвал осетин и ингушей к миру.

<sup>38</sup> *Марюха В., Петров А.* Обстановка нормализуется только после изъятия всего оружия // Красная звезда. 1992. 26 ноября.

<sup>39</sup> Там же.

Аналогично оценивало ситуацию и армейское командование. Так, заместитель командующего ВДВ России генерал-майор А.А. Чиндаров утверждал, что в Пригородном районе армия выполняла «задачи по усмирению распоясавшихся националистических бандформирований, посягающих на жизнь российских граждан и территориальную целостность государства»<sup>40</sup>. Его слова подхватил армейский официоз. Главный печатный орган российского военного ведомства газета «Красная звезда» в передовице номера от 3 ноября также призвала к немедленному разоружению бандитских формирований (БФ), обеспечению территориальной целостности страны и безопасности её граждан, требуя от военных и стражей порядка проявить бескомпромиссность и решительность<sup>41</sup>.

Использование властями СССР военной силы для ликвидации межнациональных конфликтов (Нагорный Карабах, Южная Осетия) или подавления сепаратизма (Литва) было столь неэффективно, что привело к появлению у военных чувства неуверенности и «синдрома недоверия» к политическому руководству. Учитывая это обстоятельство, вице-премьер Г.С. Хижа заверял вооружённые силы в неизменности линии президента в кавказском вопросе и призывал общественность «гарантировать армии и силам правопорядка поддержку и защиту», так как те исполняют «свой долг перед народом»<sup>42</sup>. Позднее, на VII Съезде народных депутатов РФ министр обороны П.С. Грачёв также говорил о выполнении его подчинёнными воинского долга на Северном Кавказе и связанных с этим рисках «во имя одного – предотвращения массовых кровопролитий»<sup>43</sup>. В силу этого он отвергал любые сомнения в действиях армии, высказываемые со стороны СМИ.

В доказательство народной поддержки силовых действий Кремля издание помещало отклики на события в Пригородном районе со стороны действующих или отставных офицеров из разных регионов страны. Эти люди считали, что на Северном Кавказе высшая власть проходит испытание на способность к решительным действиям, и тоже видели радикальный национализм главным врагом Российского государства в этом беспокойном регионе. При этом способности Б.Н. Ельцина подавить вооружённый мятеж представлялись им

---

<sup>40</sup> Цит. по: Пельц А., Фатигаров В., Петров А. Вся надежда на стабилизирующую роль российских войск. Хроника событий в районе ингушско-осетинского конфликта // Красная звезда. 1992. 4 ноября.

<sup>41</sup> Урбан В., Стасовский А. В Ингушетии и Северной Осетии введено чрезвычайное положение.

<sup>42</sup> Одноколенко О. Общество должно гарантировать армии поддержку // Красная звезда. 1992. 18 ноября.

<sup>43</sup> Выступление министра обороны РФ генерала армии П.С. Грачёва на VII Съезде народных депутатов России 5 декабря // Красная звезда. 1992. 8 декабря.



гораздо большими, чем у его предшественника М.С. Горбачёва, который на рубеже 1980–1990-х гг. предпринимал в аналогичной ситуации лишь полумеры<sup>44</sup>. Военные не только повторяли основные тезисы официальной пропаганды, но и предостерегали главу государства от возможной затяжной войны на Кавказе. Так, майор Н. Талызин из Смоленска даже призывал высших должностных лиц к гласному выражению соболезнований семьям погибших «за всех нас, за мир и стабильность в России» солдат или отдаванию им других воинских почестей<sup>45</sup>.

Журналисты «Красной звезды» не предпринимали попыток осуществления глубокого анализа исторических причин осетино-ингушского вооружённого конфликта, предпочитая конструировать героический и одновременно миротворческий образ российской армии. Её действия на страницах упомянутого издания не только не подвергались критике, но и не подлежали ни малейшему сомнению. По общему мнению журналистов газеты, военные действовали как настоящие патриоты России, так как не допустили начала гражданской войны на её территории. В силу этого людские потери объединённого контингента МО и МВД РФ не выглядели напрасными. Сразу после завершения активных военных действий в статье обозревателя «Красной звезды» Б.Б. Солдатенко не просто перечислялись имена и фамилии погибших военнослужащих и курсантов, но и была патетично выражена благодарность их родителям, которые «воспитали настоящих мужчин, не побоявшихся взглянуть в глаза смерти, когда то потребовалось Родине». Вину за гибель молодых бойцов МО и ВВ МВД РФ военный журналист возложил на «тех, кто пытается столкнуть народы России в кровавой бойне», но при этом заверил читателей и подписчиков в том, что «рука, поднявшая оружие против собственного народа, будет остановлена»<sup>46</sup>. В дальнейшем российские силовики полагали своей заслугой именно факт недопущения в Северной Осетии и Ингушетии полномасштабной войны по образцу Нагорного Карабаха или даже Афганистана<sup>47</sup>.

В разгар боёв центральный печатный орган российского оборонного ведомства не передавал репортажей непосредственно с передовой, однако сразу после их завершения на его первых полосах были опубликованы обширные

---

<sup>44</sup> Подробнее см.: По телефону обратной связи // Красная звезда. 1992. 4 ноября.

<sup>45</sup> По телефону обратной связи // Красная звезда. 1992. 5 ноября.

<sup>46</sup> Солдатенко Б. Пусть имена их запомнит Россия. Слово о погибших воинах // Красная звезда. 1992. 5 ноября.

<sup>47</sup> Подробнее см.: Барышев Ю. Проверки на дорогах // Северный край. 1993. 27 апреля; Мурзо А. Спрятанная война. Назранский укрепрайон // Северный край. 1994. 8 февраля; Владимирова А. Кавказский патруль // Золотое кольцо. 1994. 4 февраля; Орлов В. Ещё одна национальная беда // Золотое кольцо. 1999. 20 августа.

материалы об отличившихся военных. Все статьи были посвящены офицерам и бойцам ВДВ России, принявшим участие в стычке с ингушами близ сел Чермен и Дачное Пригородного района. Так, примерно через неделю после прекращения острой фазы конфликта в «Красной звезде» была напечатана статья о командире 234-го гвардейского десантно-штурмового полка 76-й гвардейской десантно-штурмовой дивизии гвардии полковнике И.Г. Комаре, руководившем действиями федеральных сил в том столкновении. Военный журналист С. Дышев признавал, что российские десантники в бою потеряли трех человек убитыми, семеро получили ранения и контузии, также были утрачены 2 единицы бронетехники<sup>48</sup>. В то же время он утверждал, что действия ВДВ были ответными, а ингушей фактически обвинил в вероломстве: сначала те беспрепятственно обещали пропустить российскую колонну, шедшую из Владикавказа, но затем обстреляли военных. Никаких причин нападения корреспондент не назвал. Итог столкновения оказался не в пользу БФ, которое лишилось большей части бронетехники и в результате было частично уничтожено, а частично отброшено<sup>49</sup>. Позднее в том же издании вышли ещё три похожих репортажа о других участниках боя у Чермена, авторы которых всячески подчёркивали мужество и самоотверженность российских десантников, честное выполнение ими служебного долга в «горячей точке» в условиях жёсткого противодействия<sup>50</sup>.

Никаких репортажей с позиций осетинских или ингушских боевых групп СМИ не публиковали, поэтому в других публикациях той же «Красной звезды» противник российских военных был абсолютно безликим. Некие «боевики» словно не имели национальности и характеризовались как люди, «в большинстве своём обманутые или находящиеся во власти эмоций»<sup>51</sup>. Журналист военного издания В.Ю. Фатигаров утверждал, что нападавшие могли считать десантников агрессорами, посягнувшими на их землю, и словно пытался постфактум переубедить невидимых противников. По его мнению, российские войска желали «остановить их, отрезвить», в противном случае «были бы уже не ручейки, а море крови!»<sup>52</sup>. Соответственно в бою у Чермена солдаты были вынуждены применить силу не против осетин или ингушей, а «за

---

<sup>48</sup> См. также: *Опрышко В., Кодукаев А.* Осетины и ингуши несут всё большие потери // Коммерсант. 1992. 5 ноября.

<sup>49</sup> См.: *Дышев С.* За здоровье командира полка // Красная звезда. 1992. 14 ноября.

<sup>50</sup> *Дышев С.* Час поступка // Красная звезда. 1992. 28 ноября; *Дышев С.* Демидовы на Руси – не последние // Красная звезда. 1992. 3 декабря; *Фатигаров В.* Там, под Черменом... // Красная звезда. 1992. 5 декабря.

<sup>51</sup> Там же.

<sup>52</sup> Там же.

тех и за других», то есть «за Россию», поскольку «земля эта (спорный Пригородный район. – Д. Т.) – российская», а «люди эти – тоже россияне»<sup>53</sup>.

Анализ сводок военных действий осени 1992 года на страницах многих столичных масс-медиа показывает, что в большей степени роль «воинствующих националистов», то есть нападавшей стороны, для них играли ингуши. Источниками в данном случае выступали пресс-службы федеральных силовых ведомств. Некоторые центральные газеты в сводках из Пригородного района сообщали о попытках ингушских групп при поддержке бронетехники и артиллерии прорваться к Владикавказу, приводили факты зверских убийств ими осетинских милиционеров и гражданских лиц, включая детей, а также поджогов и грабежей частных домовладений, изнасилований женщин, угона скота и сельскохозяйственной техники. Особую роль в негативном восприятии действий ингушей в этой скоротечной войне должны были сыграть попытки захвата ими административных зданий в Пригородном районе и объектов жизнеобеспечения Владикавказа, а также изгнание из населённых пунктов жителей других национальностей, отказ ингушских лидеров от переговоров с осетинами об обмене заложниками и невыполнение ранее достигнутых договорённостей<sup>54</sup>.

Ещё более жёсткой критике действия ингушской стороны подвергались на страницах левой прессы, придерживавшейся оппозиционных по отношению к президенту Б.Н. Ельцину взглядов. Так, после посещения обеих враждующих республик один из лидеров Фронта национального спасения С.Н. Бабурин в интервью агентству ИТАР-ТАСС назвал действия ингушей «агрессией по отношению к осетинскому народу»<sup>55</sup>, а затем в беседе с корреспондентом «Советской России» не только поддержал введение ЧП во враждующих республиках, но и потребовал официально признать Пригородный район составной и неотъемлемой частью Северной Осетии, а местное ингушское население призвал смириться с печальным для него исходом вооружённого конфликта<sup>56</sup>. В данном вопросе точка зрения сторонников и противников российской власти была похожей: на страницах СМИ, поддерживавших

---

<sup>53</sup> Дышев С. Час поступка; Дышев С. Демидовы на Руси – не последние; Фатигаров В. Там, под Черменом...

<sup>54</sup> Подробнее см.: Михайлов В. Снова кровь, снова жертвы // Труд. 1992. 3 ноября; Грачёв А. Ещё одна война. Теперь уже в России // Правда. 1992. 3 ноября; Грачёв А. Кавказ в огне. От национальных пожаров. А пожарные снова приходят последними // Правда. 1992. 4 ноября.

<sup>55</sup> Когда верстался номер... // Правда. 1992. 5 ноября.

<sup>56</sup> Гарифуллина Н. Восемь дней в зоне трагедии. Сергей Бабурин об осетино-ингушском конфликте // Советская Россия. 1992. 11 ноября.

политику Б.Н. Ельцина, также публиковались призывы к сохранению существующих административных границ на Северном Кавказе<sup>57</sup>.

Разница между ними заключалась в более резких оценках действий ингушей левыми партиями. На первой полосе «Правды» констатировался факт вторжения многочисленных отрядов из Ингушетии в Пригородный район Северной Осетии. Владикавказский корреспондент данного издания писал, что боевики прибыли на автомобилях, закрытых бронированными листами, и на армейской бронетехнике, в то время как осетинская сторона якобы располагала только народными ополченцами, ротой казаков, силами республиканской гвардии и МВД. Из-за неравенства сил осетины были вынуждены запросить поддержку федерального Центра, которая была им незамедлительно предоставлена. Вице-премьер российского правительства Г.С. Хижа заявил о «настоящей агрессии» и «вероломном нападении» ингушей на соседнюю республику, добавив, что «Россия не останется в стороне»<sup>58</sup>.

Характерны также две цитаты из репортажа корреспондента «Правды» А. Грачёва о военных действиях в зоне конфликта. Во-первых, он писал о «безграничном горе осетинских матерей, которые ежедневно хоронят своих сыновей»<sup>59</sup>, словно не замечая аналогичного положения на другой стороне межэтнического противостояния. Во-вторых, журналист открыто упомянул, что «командование объединённых вооружённых сил России и Осетии продолжает действия по освобождению Пригородного района»<sup>60</sup>. Тем самым он недвусмысленно давал понять, что федеральные силы осуществляют не миротворческую операцию, а явно и активно помогают одной из сторон конфликта.

Не менее прямолинейно писал в «Советской России» о боях в Пригородном районе и другой их очевидец, житель Владикавказа В. Кашеида. В его изложении, нападение ингушских экстремистов вызвало небывалый патриотический подъём среди осетин, схожий с реакцией советских людей в начальный этап Великой Отечественной войны. Председатель Верховного Совета Северной Осетии А.Х. Галазов обратился к населению с призывом отправиться в военкоматы, вступить в ряды народного ополчения и встать на защиту республики от агрессоров-ингушей. По словам В. Кашеиды, в райсоветах и военкоматах «отбоя от добровольцев не было, шли целыми семьями, дежурили в райсоветах днём и ночью для того, чтобы уйти в народное

---

<sup>57</sup> Снопков С. Опять виновата шестая статья. Закон о реабилитации репрессированных народов грозит хаосом // Литературная газета. 1992. 25 ноября.

<sup>58</sup> Грачёв А. Ещё одна война. Теперь уже в России.

<sup>59</sup> Грачёв А. Кавказ в огне. От национальных пожаров.

<sup>60</sup> Там же.

ополчение»<sup>61</sup>. В жилых кварталах Владикавказа создавались отряды самообороны, которые, несмотря на нехватку оружия, круглосуточно дежурили на улицах.

Между тем говорить о внезапности действий ингушских отрядов можно весьма условно. О том, что ингуши перекрывали подступы к своим сёлам бетонными блоками, строили баррикады, стихийно создавали органы власти и вооружённые пикеты, тот же корреспондент «Правды» А. Грачёв упоминал буквально накануне начала боёв в Пригородном районе. В его же репортаже говорилось об отмене занятий в высших и средних образовательных учреждениях Владикавказа, а также о приведении в состояние повышенной боеготовности не только народного ополчения, республиканской гвардии и местных органов правопорядка, но и даже российских войск<sup>62</sup>. Чуть ранее на возможное скорое начало крупномасштабных военных действий между двумя враждующими этносами указывали премьер-министр Северной Осетии С.В. Хетагуров<sup>63</sup> и министр внутренних дел республики Г.М. Кантемиров<sup>64</sup>. Последний в интервью «Известиям» говорил, что его ведомство было прекрасно осведомлено о подготовке ингушами нападения на Пригородный район и неоднократно сигнализировало об этом в Москву, но неизменно получало в ответ обвинения в нагнетании обстановки<sup>65</sup>.

Ещё 24 октября чрезвычайная объединённая сессия депутатов Назрановского, Сунженского и Малгобекского районов Ингушетии, а также Пригородного района Северной Осетии, прошедшая в Назрани, постановила сформировать отряды самообороны, утвердила их штаб на основе РОВД и ввела дежурства во всех населённых пунктах с ингушским населением. В целях самозащиты народные избранники санкционировали ношение оружия своими соплеменниками и использование ими транспортных и технических средств<sup>66</sup>. Вооружённая блокада ингушами постов ВВ началась 27 октября<sup>67</sup>. Сессия также призывала всех ингушских депутатов выйти из состава Верховного Совета Северной Осетии и приняла обращение к руководству РФ с

---

<sup>61</sup> Цит. по: *Кашеида В.* Пролилась кровь // Советская Россия. 1992. 3 ноября.

<sup>62</sup> *Грачёв А.* Уже дошло до баррикад // Правда. 1992. 31 октября.

<sup>63</sup> См.: *Харламов В.* Мина замедленного действия.

<sup>64</sup> *Дмитриев Ю.* Чем болен Кавказ.

<sup>65</sup> *Яков В., Машатин В.* Северная Осетия: шаткое перемирие сохраняется, но не все заложники освобождены и не все убитые похоронены // Известия. 1992. 7 ноября.

<sup>66</sup> *Гарифуллина Н.* Восемь дней в зоне трагедии...; *Дементьева И.* Ингушская трагедия // Известия. 1992. 1 декабря; *Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. С. 160.

<sup>67</sup> *Антонов-Овсеенко А.* Ситуация в Северной Осетии. Ингуши предложили осетинам пойти на компромисс // Коммерсант. 1992. 29 октября.



требованиями о немедленной передаче Пригородного района («всех отторгнутых сталинским режимом земель») и выводе российских войск из Осетии<sup>68</sup>. Очевидно, что в подобной ситуации захват ингушами поста ГАИ на Черменской трассе 31 октября не мог стать неожиданностью для осетинского или российского руководства. Напротив, некоторыми политическими обозревателями задавались риторические вопросы, почему силовые структуры РФ, владея информацией об эскалации обстановки на Северном Кавказе, не предотвратили вооружённый конфликт<sup>69</sup>.

Нельзя согласиться и с утверждением журналиста «Правды» А. Грачёва о малочисленности вооружённых отрядов Северной Осетии. Упомянутый выше глава МВД республики генерал-майор Г.М. Кантемиров ещё летом 1991 года приложил немалые усилия для повышения боеспособности своих подчинённых. Созданные в то время республиканская гвардия<sup>70</sup> и народное ополчение в общей сложности располагали десятками единиц лёгкой бронетехники, а также большим количеством стрелкового оружия и гранатомётов. Незадолго до начала боёв эти формирования были узаконены соответствующим решением Верховного Совета республики<sup>71</sup>. В 1992 году на службу в органы внутренних дел Северной Осетии были дополнительно приняты 610 новых сотрудников, а на предприятиях Владикавказа началось ускоренное производство оружия для них<sup>72</sup>.

Напротив, осетинские формирования выглядели лучше организованными и вооружёнными на фоне ингушских боевых отрядов. Один из участников военных действий в Пригородном районе с ингушской стороны утверждал, что «вооружение ингушей составляли автоматы, ружья охотничьи, в небольшом количестве гранаты противотанковые и лимонки». Им не хватало боеприпасов, даже гранатомёты считались редкостью, в результате чего бойцы, по их собственным воспоминаниям, ощущали «никчемность» и «беспомощность» при столкновении с армейским тяжёлым вооружением. Некоторые из ингушских комбатантов вообще не были вооружены. Не имея тяжёлого вооружения, они были вынуждены использовать для перемещения различный автотранспорт, легко становившийся мишенью для танков федеральных сил<sup>73</sup>.

<sup>68</sup> Леонтьева Л. Бои с несуществующей республикой. Часы «кавказкой войны» пущены?

<sup>69</sup> См.: Сергеев С. Осенняя российская война. Неделя боёв в Северной Осетии подтвердила, что в политике простые решения не всегда самые разумные // Литературная газета. 1992. 11 ноября.

<sup>70</sup> Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. С. 97.

<sup>71</sup> Дементьева И. Война и мир Пригородного района // Известия. 1994. 25 января.

<sup>72</sup> Жуков Д.А. Войны на руинах СССР. Москва: Яуза; Эксмо, 2009. С. 106.

<sup>73</sup> Дементьева И. Ингушская трагедия.

Численность ингушских боевых групп обычно не превышала 25–30 человек<sup>74</sup>, которые, как признавал министр безопасности РФ генерал армии В. Баранников, не имели единого командования и действовали независимо друг от друга<sup>75</sup>. Его мнение подтверждал офицер штурмовой авиации А. Кошкин, считавший отряды обеих сторон «большими толпами раззадоренных людей»<sup>76</sup>.

Альтернативная, более лояльная к ингушской стороне версия трагических событий осени 1992 года в Пригородном районе была представлена на страницах тех столичных периодических изданий, что традиционно считались сторонниками рыночных реформ, соблюдения прав человека и широкой демократизации в стране. Ещё в разгар боёв в приграничье обозреватель «Известий» писал о двух угрозах, стоящих перед федеральным Центром на Северном Кавказе: дальнейшего разрастания осетино-ингушского конфликта за счёт вероятного участия непризнанной Чеченской республики и превращения его в затяжную войну по образцу противостояния Азербайджана и Армении в Нагорном Карабахе. Как и его коллеги из «Красной звезды», журналист полагал тревожным уроком для российского руководства нерешительность, проявленную в недавнем прошлом М.С. Горбачёвым и его окружением при урегулировании межнациональных конфликтов в Средней Азии и Закавказье, но одновременно предупреждал власти об опасности сугубо силовых способов решения сложных территориальных проблем<sup>77</sup>.

В другой статье, авторами которой выступили директор Центра этнополитических исследований Э.А. Паин и ведущий аналитик того же Центра А.А. Попов, речь шла уже о современных причинах обострения давнего осетино-ингушского конфликта. Учёные полагали таковыми «дилетантизм и безответственность» российских депутатов, принявших в апреле 1991 года закон «О реабилитации репрессированных народов», реализация которого в тех условиях была невозможна. Острой критике с их стороны был подвергнут и принятый в июне 1992 года российским парламентом закон «Об образовании Ингушской республики», который не определил ни границ нового административно-территориального образования, ни сроков избрания её властных органов. Неверными они считали также предвыборные обещания Б.Н. Ельцина решить территориальный спор до истечения 1991 года. Данные ошибки федерального Центра привели к усилению в ингушском обществе

<sup>74</sup> Дементьева И. Война и мир Пригородного района.

<sup>75</sup> Марюха В., Петров А. Конфликт в Северной Осетии продолжается, хотя достигнуто соглашение о прекращении огня с 20.00 4 ноября // Красная звезда. 1992. 6 ноября.

<sup>76</sup> Кошкин А. Штурмовик. Москва: Астрель; Санкт-Петербург: Астрель–СПб; Владимир: ВКТ, 2012. С. 138.

<sup>77</sup> Иванов-Смоленский Г. Несмотря на попытки погасить конфликт, число жертв в Северной Осетии растёт // Известия. 1992. 4 ноября.

позиций радикальных националистов из движения «Нийсхо» («Справедливость»), требовавших немедленного возвращения Пригородного района в состав Ингушетии, и ослаблению авторитета умеренных пророссийских сил. Прямым следствием этого аналитики считали усиление конфронтации между двумя народами, ставшими «жертвами политической безответственности» Москвы. Э.А. Паин и А.А. Попов признавали введение режима ЧП в обеих конфликтующих республиках оправданной мерой, так как «криминальной силе должна быть противопоставлена сила закона» для разоружения боевиков с обеих сторон, нормализации обстановки и последующего начала переговоров<sup>78</sup>.

В реальности, как свидетельствовали репортажи столичных СМИ, обстановка в зоне конфликта была гораздо труднее. Несмотря на публичные заверения представителей силовых структур о том, что российские войска и осетинские отряды контролируют весь Пригородный район<sup>79</sup>, журналисты «Известий» сообщали читателям, что на подступах к Владикавказу продолжаются перестрелки, в силу чего авиарейсы в столицу Северной Осетии отменены, а дороги перекрыты пикетами и бетонными блоками. При этом досмотром личного автотранспорта и проверкой документов водителей во всём городе занимались лишь осетинские ополченцы, в то время как патрули МО или МВД РФ даже не имели достаточного количества людей для контроля за соблюдением комендантского часа и режима чрезвычайного положения. Неудивительно, что именно местные парамилитарные отряды, среди членов которых было немало молодёжи и подростков, «с явным удовольствием» показывали прессе, что они «беспорные хозяева ночного города»<sup>80</sup>. Так как ингушское население уже покинуло Владикавказ, ополченцы шумно отмечали победу. Корреспонденты «Известий» и «Коммерсанта» сообщали о пьяном разгуле в центре города, по ошибке едва не перешедшем в настоящий бой между двумя отрядами осетин. Предотвратить кровопролитие смогли лишь федеральные силы<sup>81</sup>.

Помимо опровержения официальных данных о восстановлении порядка в Пригородном районе, демократическая печать стремилась донести до читателей и ингушскую версию конфликта. В силу этого масс-медиа писали о массовых

---

<sup>78</sup> Паин Э., Попов А. Пламя кавказской войны – расплата за правовые и политические ошибки // Известия. 1992. 6 ноября.

<sup>79</sup> Грачёв А. Канонада боя затихла. Надолго ли? // Правда. 1992. 6 ноября; Российские депутаты в Северной Осетии. Парламент России призвал осетин и ингушей к миру.

<sup>80</sup> Яков В., Машатин В. Северная Осетия: шаткое перемирие сохраняется.

<sup>81</sup> См.: Яков В., Машатин В. Северная Осетия: шаткое перемирие сохраняется; Опрышко В., Кодукаев А. Заметки с осетино-ингушской войны. Война закончилась. Начинается газават? // Коммерсант. 1992. 11 ноября.

нарушениях прав ингушского населения в зоне конфликта со стороны не только осетинских боевых групп, но и российской армии. Обозреватели «Известий» И.А. Дементьева и В.В. Яков описывали погромы в селах Куртат, Карца и Тарское, в ходе которых вооружённые осетины при поддержке бронетехники жгли и грабили ингушские дома, совершали насилие над гражданскими лицами. При этом немногочисленные российские военные не вмешивались в происходящее, так как опасались нападения с обеих сторон и не имели приказа командования о противодействии грабителям. В некоторых случаях военная техника федеральных сил даже обстреливала позиции ингушских боевых отрядов, а затем десантники помогали осетинам проводить «зачистку» населённых пунктов<sup>82</sup>. Аналогичную картину в посёлках Южный, Краснореченск, Чермен и Дачное наблюдали и описывали в серии военных репортажей журналисты «Коммерсанта»<sup>83</sup>, а позднее и некоторых провинциальных изданий<sup>84</sup>. Не отрицал фактов насилия с осетинской стороны и генерал-майор А.С. Куликов, руководивший операциями по разоружению БФ в зоне конфликта<sup>85</sup>.

Свидетелем боевого взаимодействия федеральных сил и осетинских отрядов был и уполномоченный временной администрации в Ингушетии генерал-майор Р.С. Аушев, в те дни находившийся в зоне конфликта. Гибель более чем 350 гражданских лиц во время боёв дала повод Герою Советского Союза назвать подобную политику Центра «уничтожением безоружного населения»<sup>86</sup>. Р.С. Аушев считал, что российские войска должны были разоружить обе стороны конфликта и навести конституционный порядок в Пригородном районе<sup>87</sup>. Косвенно его высказывания подтвердил вице-премьер С.М. Шахрай, признавший на пресс-конференции в Москве 23 декабря отдельные случаи правонарушений и других незаконных действий со стороны российских военных в зоне конфликта, в результате чего властям и военному командованию пришлось принять ряд жёстких мер для повышения дисциплины

---

<sup>82</sup> Яков В., Машатин В. Северная Осетия: шаткое перемирие сохраняется; Дементьева И. Ингушская трагедия.

<sup>83</sup> См.: Опрышко В., Кодукаев А. Осетины и ингуши несут всё большие потери; Опрышко В., Кодукаев А. Стрельба не стихает // Коммерсант. 1992. 6 ноября; Опрышко В., Кодукаев А. Заметки с осетино-ингушской войны.

<sup>84</sup> Барышев Ю. Война под крышами // Северный край. 1993. 24 апреля.

<sup>85</sup> Подробнее см.: Куликов А.С. Тяжёлые звезды. Москва: Война и мир букс, 2002. С. 136–137.

<sup>86</sup> Дементьева И. Ингушская трагедия.

<sup>87</sup> Добровицкий Р. Войну начать нетрудно. Интервью уполномоченного временной администрации в Ингушетии генерала Руслана Аушева // Московские новости. 1992. 13 декабря.



в войсках<sup>88</sup>. Конкретных примеров высокопоставленный чиновник не приводил.

Особое беспокойство центральных СМИ вызывали факты крайней жестокости и массового нарушения прав человека с обеих сторон. Официальные источники утверждали о казни ингушами 23 заложников-осетин в помещении дома культуры в селе Карца, а также о расправах в других населённых пунктах<sup>89</sup>. Данный факт позднее подтверждал и народный депутат С.Н. Бабурин<sup>90</sup>. В свою очередь, в некоторых демократических масс-медиа в те дни публиковались сообщения о насилии, чинимом по отношению к мирному ингушскому населению Пригородного района. В частности, как утверждала корреспондент «Известий», село Куртат было окружено и в течение трёх суток обстреливалось из танков, а гражданский автотранспорт ингушей на Черменском перекрёстке был ошибочно принят военными за колонну бронетехники и уничтожен<sup>91</sup>. Она же сообщала об убийствах или незаконных арестах по национальному признаку ряда высокопоставленных чиновников, работников МВД и прокуратуры Северной Осетии. Все они оказались ингушами<sup>92</sup>. Косвенно о том же свидетельствовали официальные данные МВД РФ, согласно которым в результате боёв в Пригородном районе 89 % его ингушского населения остались без крова<sup>93</sup>, а их недавние соседи-осетины на митингах требовали от властей принять закон о запрете проживания ингушей в Северной Осетии<sup>94</sup>.

Массовый захват противоборствующими сторонами мирных жителей в заложники председатель Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям (ГКЧС), заместитель главы временной администрации в зоне конфликта С.К. Шойгу характеризовал как «варварство» и сравнивал с «самыми дичайшими временами» человеческой истории, поскольку безвинных людей «меняют как картошку – на муку, сахар – на мыло»<sup>95</sup>. Журналисты «Известий» своими глазами наблюдали 375 заложников-ингушей в спортзале дома культуры посёлка Сунжа, причём депутаты Верховного Совета безуспешно пытались уговорить осетинское руководство согласиться на обмен

---

<sup>88</sup> Струговец В. Сергей Шахрай: Всю ответственность за политические решения в районе чрезвычайного положения беру на себя // Красная звезда. 1992. 25 декабря.

<sup>89</sup> Марюха В., Петров А. Конфликт в Северной Осетии продолжается.

<sup>90</sup> Гарифуллина Н. Восемь дней в зоне трагедии.

<sup>91</sup> Дементьева И. Ингушская трагедия.

<sup>92</sup> Там же.

<sup>93</sup> Марюха В., Петров А. Нужен мораторий на пересмотр границ // Красная звезда. 1992. 27 ноября.

<sup>94</sup> Снопков С. Опять виновата шестая статья.

<sup>95</sup> Яков В., Машатин В. Северная Осетия: шаткое перемирие сохраняется.



заложников без предварительных условий<sup>96</sup>. Лишь по официальной информации ГКЧС, уже в первые дни боёв до 1,5 тысяч ингушских беженцев скрывались от возможной расправы со стороны осетин в учебном центре МО РФ<sup>97</sup>. Вскоре после окончания военных действий в военном городке «Спутник» на окраине Владикавказа, уже находились от 5–6 до 12 тысяч беженцев, чьи условия проживания корреспондент И.А. Дементьева сравнивала с гетто<sup>98</sup>. Судьба других ингушей, бежавших в высокогорный Джейрахский район, была трагичнее: среди дошедших до Назрани были обнаружены больные холерой, не менее 6 человек сорвались в пропасть<sup>99</sup>, а ещё несколько десятков погибли от переохлаждения<sup>100</sup>.

Первый заместитель председателя одного из ингушских райсоветов А. Плиев утверждал, что на выборах президента РСФСР летом 1991 года 90 % его соотечественников поддержали кандидатуру Б.Н. Ельцина, мотивируя свое решение следующим: «Мы верили, что нам вернут наши территории»<sup>101</sup>. После событий осени 1992 года политические настроения ингушей резко изменились. Председатель Назрановского райсовета Ш. Могушков обвинял Центр в обмане и предательстве ингушского народа, утверждая, что своими действиями «Ельцин откровенно продемонстрировал, что у России есть сыны и пасынки». Об утрате доверия к федеральным властям в Ингушетии свидетельствовал тот факт, что вскоре после завершения активной фазы боевых действий конфликта Могушков обратился к Конфедерации народов Кавказа с просьбой использовать её вооружённые формирования вместо российских войск для осуществления миротворческой миссии на границе Северной Осетии и Ингушетии<sup>102</sup>. Примечательно, что возмущение односторонними действиями Москвы и лично президента Б.Н. Ельцина на митинге в Малгобеке 2 ноября выразила и русская община, направившая соответствующую телеграмму в редакцию оппозиционной газеты «Правда»<sup>103</sup>. Все вышеуказанные факты впоследствии позволили политическим обозревателям ряда авторитетных

<sup>96</sup> Яков В., Машатин В. Северная Осетия: шаткое перемирие сохраняется.

<sup>97</sup> Пельц А., Фатигаров В., Петров А. Вся надежда на стабилизирующую роль российских войск.

<sup>98</sup> Дементьева И. Ингушская трагедия.

<sup>99</sup> Леонтьева Л., Емельяненко В. Газават в ответ на геноцид. Несколько тысяч ингушей надели на головы белые повязки смертников, объявив газават высшим чинам Северной Осетии и представителям России, «повинным в новом геноциде ингушского народа» // Московские новости. 1992. 15 ноября.

<sup>100</sup> Опрышко В., Кодукаев А. Заметки с осетино-ингушской войны.

<sup>101</sup> Цит. по: Опрышко В., Кодукаев А. Заметки с осетино-ингушской войны.

<sup>102</sup> Леонтьева Л., Емельяненко В. Газават в ответ на геноцид.

<sup>103</sup> Широков В. Хорош родственник... // Правда. 1992. 4 ноября.

столичных СМИ выступить с жёсткой критикой политики федерального Центра в отношении Ингушетии<sup>104</sup>.

### Заключение

Первый в новейшей истории масштабный вооружённый конфликт на российской территории получил достаточно широкое освещение на первых полосах центральных и региональных масс-медиа. Хотя непосредственно в дни боёв журналисты ведущих СМИ в основном не допускались на линию разграничения между осетинами и ингушами, а их издания предпочитали помещать официальные сводки из зоны конфликта, анализ публикаций позволяет выделить три точки зрения на события в Пригородном районе.

Правительственная и ведомственная печать уделяла наибольшее внимание таким аспектам кризиса на Северном Кавказе, как сохранение территориального единства страны, предотвращение новой войны в регионе или честное выполнение воинского долга служащими российских силовых структур. В публикациях «Российской газеты» или «Красной звезды» регулярно рассказывалось о подвигах военнослужащих или милиционеров, при этом противник неизменно выступал в обезличенном образе жестоких боевиков или обманутых людей. Аналитики упомянутых изданий объясняли эскалацию обстановки в Пригородном районе отсутствием войск и органов власти в Ингушетии до осени 1992 года, давая понять читателям, что только российская военная сила способна контролировать этот тревожный регион<sup>105</sup>. В том же ключе рассуждали и высокопоставленные представители федерального Центра<sup>106</sup>, а позднее с тех же позиций велась пропаганда на начальном этапе первой чеченской войны<sup>107</sup>.

<sup>104</sup> См.: *Шевелев М.* Долг колонизатора // Московские новости. 1992. 6 декабря.

<sup>105</sup> *Марюха В.* В горах раздора. Российская армия смогла предотвратить крупномасштабную войну // Красная звезда. 1992. 16 декабря.

<sup>106</sup> См.: Выступление председателя Комитета Верховного Совета по вопросам обороны и безопасности С.В. Степашина на Съезде народных депутатов России 5 декабря // Красная звезда. 1992. 9 декабря; *Боровков А.* Российский солдат пришёл сюда с миром // Красная звезда. 1992. 10 декабря; *Карпов Б.* Без внутренних войск стране не обойтись. Заместителем министра внутренних дел России – командующим внутренними войсками назначен генерал-майор Анатолий Куликов // Красная звезда. 1992. 30 декабря; *Руднев В.* Сергей Степашин: У России нет внешних врагов // Известия. 1992. 24 декабря.

<sup>107</sup> Подробнее см.: *Тумаков Д.В.* Начало первой чеченской войны 1994–1996 гг. в освещении российской официальной печати // Исторический путь России: из прошлого в будущее: материалы международной научной конференции: в 3 т. Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 года / под редакцией С.И. Бугашева, А.С. Минина. Т. 1. Санкт-Петербург: СПбГУПТД, 2021. С. 592–600.

Левая пресса, ранее отличавшаяся непримиримой оппозиционностью по отношению к политическому и социально-экономическому курсу президента Б.Н. Ельцина, на сей раз поддержала его указ о введении режима ЧП в Северной Осетии и Ингушетии, призывала «развести людей» и не допустить развития событий по карабахскому сценарию. Российские власти и силовые ведомства критиковались левыми лишь за то, что данная мера была введена со значительным запозданием<sup>108</sup>. В репортажах оппозиционных СМИ прослеживаются явные симпатии их авторов к осетинской стороне, что можно объяснить широким распространением просоветских настроений в Северной Осетии. В отличие от ингушей, население этой республики положительно оценивало недавнее советское прошлое, включая даже эпоху И.В. Сталина, а к распаду СССР отнеслось негативно<sup>109</sup>. Базисные ценности Перестройки, во многом актуальные и для начала 1990-х гг., не получили широкого отклика среди осетин<sup>110</sup>. Напротив, ингушские политики тех лет выражали симпатии первому президенту соседней Грузии, радикальному националисту З.К. Гамсахурдиа, который был избран почётным гражданином Ингушетии<sup>111</sup>.

СМИ демократической ориентации выражали иную точку зрения. Отметим, что журналисты «Известий» или «Московских новостей» не высказывали явных симпатий той или иной стороне осетино-ингушского конфликта, не отрицали территориальной целостности страны и даже полагали «тяжёлой ошибкой»<sup>112</sup> действия ингушей в Пригородном районе. Осуждению с их стороны подверглись сами по себе насильственные способы решения межнационального вооружённого конфликта и явная поддержка Осетии со стороны Центра. Оговоримся, что ещё президент СССР М.С. Горбачёв в телевизионном обращении к стране по случаю ухода в отставку 25 декабря 1991 года в числе собственных достижений назвал прекращение гонки вооружений, вмешательства Москвы в дела других стран и использования войск за рубежом<sup>113</sup>.

---

<sup>108</sup> Грачёв А., Андреев В. У политиков нет права опаздывать. Конфликт в Северной Осетии должен быть разрешён мирным путём // Правда. 1992. 5 ноября; Гарифуллина Н. Восемь дней в зоне трагедии.

<sup>109</sup> Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. С. 168.

<sup>110</sup> Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. С. 98.

<sup>111</sup> Кочиева И., Маргиев А. Прошло 68 лет... // День катастрофы – 888. Остановленный геноцид в Южной Осетии. Сборник / составители: В. Быкова, Н. Давлетшина. Москва: Европа, 2008. С. 103.

<sup>112</sup> Дементьева И. Ингушская трагедия // Известия. 1992. 1 декабря.

<sup>113</sup> Островский А.М. Говорит и показывает Россия. Путешествие из будущего в прошлое средствами массовой информации. С. 20.

Впоследствии эту линию продолжал и Б.Н. Ельцин. На фоне тяжёлого социально-экономического и политического кризиса начала 1990-х гг. большая часть российского истеблишмента и общества в целом не были готовы к ведению войн даже для защиты прав русскоязычного населения бывших союзных республик<sup>114</sup>. В силу этого журналисты опасались, что масштабное применение военной силы на взрывоопасном Северном Кавказе могло вызвать длительную партизанскую войну и утрату лояльности его жителей. В 1992 году российским властям удалось избежать развития событий по такому сценарию. Подобная расстановка сил на информационном поле сохранила актуальность и во время первой чеченской войны, предвестником которой и стал осетино-ингушский вооружённый конфликт.



<sup>114</sup> См.: *Тризман Д.* История России. От Горбачёва до Путина и Медведева. С. 186–187; *Колтон Т.* Ельцин. С. 332–333.

## Introduction

The relatively bloodless collapse of the Soviet Union at the end of 1991 led to an escalation of a number of already existing and new ethnic conflicts. A contemporary American researcher estimates that these conflicts cost the lives of between 63,000 and 98,000 people.<sup>1</sup> However, the major wars in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Abkhazia, Transnistria, and Tajikistan were then waged in the territories of the newly formed independent states. At the same time, the Ossetian-Ingush armed conflict (between October 31 and November 4, 1992) was the first major military confrontation to take place in post-Soviet Russia on Russian soil. The old dispute between the neighboring peoples over the territorial ownership of the Prigorodny District turned into real military operations that caused a stir in Moscow. Central newspaper journalists wrote in those days, “For the first time since the Great Patriotic War, war has come to Russian soil,”<sup>2</sup> or “War in Russia itself!”<sup>3</sup>

The immediate response of the authorities followed. On November 2, President Boris Yeltsin imposed the state of emergency in the two warring republics.<sup>4</sup> As Colonel-General of Interior Service E. Abramov, first Deputy-Minister of Internal Affairs of the Russian Federation, later reported at a parliamentary session, 11,200 troops of the Ministry of Defense of the Russian Federation and the Ministry of the Interior (MVD) were quickly dispatched to the conflict zone to restore order. In addition, law enforcement ministers of the Federal Government also arrived in the area.<sup>5</sup> More recent records suggest a deployment in North Ossetia of more than 12,400 military men from the Russian Internal Troops of the Ministry of the Interior of the Russian Federation as well as 97 armored vehicles and 59 motor vehicles.<sup>6</sup> A total of over 600 people died in the fighting in autumn 1992, and more than 200 were reported missing. 10 settlements were totally or partially destroyed, and between

---

<sup>1</sup> D. Treisman, *The return: Russia's journey from Gorbachev to Medvedev* [in Russian] (Moscow: Eksmo, 2012), 170.

<sup>2</sup> V. Kharlamov, “Delayed-action mine” [in Russian], *Pravda*, November 4, 1992.

<sup>3</sup> V. Urban and A. Stasovskii, “The state of emergency is declared in Ingushetia and North Ossetia” [in Russian], *Krasnaya zvezda*, November 3, 1992.

<sup>4</sup> “Address by the President of Russia to the citizens of the country” [in Russian], *Rossiiskaya gazeta*, November 4, 1992.

<sup>5</sup> “Russian deputies in North Ossetia. Russian parliament calls on the Ossetian and Ingush people for peace” [in Russian], *Kommersant*, November 7, 1992.

<sup>6</sup> See G.V. Krivosheev, ed., *Russia and the USSR in the wars of the 20<sup>th</sup> century: A statistical study* [in Russian] (Moscow: OLMA-PRESS, 2001), 566; B.V. Gromov, ed., *Wars and armed conflicts of the second half of the 20<sup>th</sup> century* [in Russian] (Moscow: R-Media, 2003), 227.



40,000 and 60,000 residents of the Prigorodny District became refugees.<sup>7</sup> The state of emergency was lifted only in February 1995.<sup>8</sup>

The historical context, as well as the direct causes, the military actions themselves and the prospects for the subsequent resolution of the Ossetian-Ingush armed conflict, have been the subject of studies by such authors as A. Tsyganok,<sup>9</sup> A. Zdravomyslov,<sup>10</sup> A. Tsutsiev,<sup>11</sup> V. Shnirel'man,<sup>12</sup> and M. Pishchuk.<sup>13</sup> At the regional level, the problem was also studied by S. Shokin<sup>14</sup> and D. Tumakov.<sup>15</sup> The works of foreign historians and political writers present the general historical context of the post-Soviet era.<sup>16</sup> At the same time, it must be admitted that against the background of the subsequent wars in Chechnya and Dagestan, the events of 1992 in the Prigorodny District still remain relatively little-known. In particular, little attention has been paid to the perception of the Ossetian-Ingush armed conflict by the leading Russian media. This article is devoted to an analysis of their role in shaping Russian society's view on the events of the armed conflict of 1992.

---

<sup>7</sup> A.G. Zdravomyslov, *The Ossetian-Ingush conflict: Prospects for breaking the deadlock* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 1998), 8.

<sup>8</sup> V.A. Shnirel'man, *Being the Alans: Intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20<sup>th</sup> century* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006), 170, 315.

<sup>9</sup> A.D. Tsyganok, *The military under the Russian flag: A Russian view. 1991–1993* [in Russian] (Moscow: AIRO–XXI, 2012).

<sup>10</sup> Zdravomyslov, *The Ossetian-Ingush conflict: Prospects for breaking the deadlock*.

<sup>11</sup> A.A. Tsutsiev, *The Ossetian-Ingush conflict (1992–...): Its pre-history and factors of development. A historical and sociological essay* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 1998).

<sup>12</sup> Shnirel'man, *Being the Alans: Intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20<sup>th</sup> century*.

<sup>13</sup> M.D. Pishchuk, “‘Echo of 1944’: The activities of the Russian State Committee for National Security to prevent the Ossetian-Ingush conflict” [in Russian], in *Wars in history. Genesis, prerequisites, and causes of international military conflicts in history. Historical documents and topical problems of archaeography, source study, Russian and general modern and postmodern history: Proceedings of the 11<sup>th</sup> International Conference of Young Scientists and Specialists “Clio-2021”*, ed. A.K. Sorokin (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2021), 149–52.

<sup>14</sup> S.D. Shokin, *The North Caucasus in the politics of the Russian state from Ancient Rus' till the beginning of the 21<sup>st</sup> century* [in Russian] (Yaroslavl: YarGU, 2015).

<sup>15</sup> D.V. Tumakov, *Troubled region: Armed conflicts in the North Caucasus in the first half of the 1990s and the Yaroslavl Region* [in Russian] (Yaroslavl: Avers Plus, 2016).

<sup>16</sup> For more, see Treisman, *The return: Russia's journey from Gorbachev to Medvedev*; T. Colton, *Yeltsin. A life* [in Russian] (Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2013); S. Kotkin, *Armageddon averted. The Soviet collapse, 1970–2000* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018); A. Lieven, *Chechnya: Tombstone of Russian power* [in Russian] (Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo. Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2019); A. Ostrovskii, *The invention of Russia: The journey from Gorbachev's freedom to Putin's war* [in Russian], trans. T. Azarkovich (Moscow: Izdatel'stvo AST: CORPUS, 2019).

## Main Body

The situation in the North Caucasus was of certain interest to the Russian press even before the autumn escalation of the Ossetian-Ingush armed conflict, which was caused by an increase in crime in the region. It should also be remembered that in the first post-Soviet decade this problem acquired an all-Russian dimension. According to incomplete data, 269 MVD employees were killed and another 424 were seriously injured by criminals in 1992.<sup>17</sup> However, in the eyes of some media outlets in the capital, even when compared to the rest of the country, the young Ingush Republic looked like a real hotbed of criminality. In September-October 1992 alone, 19 cars with Ossetian number plates were hijacked in the Nazranovsky District, and a major gas pipeline was blown up in North Ossetia on October 20.<sup>18</sup>

Newspaper reports from Nazran provided detailed descriptions of the challenging criminogenic situation in the city. Journalists working on the scene repeatedly heard rounds of machine guns firing up into the air, and their articles referred to the testing of combat weapons. Locals joked that even old women in the republic went to the market with automatic rifles.<sup>19</sup> On the outskirts of Ingushetia's provisional administrative center, there was a market, known among the local people as *Kalashnikov ryad* [Kalashnikov mall] or *Okhotnyi ryad* [Hunters' row]. Various kinds of arms and ammunition were sold openly there. According to V. Strugovets, a correspondent of the newspaper *Krasnaya Zvezda*, the Nazran market could easily supply a unit of 150–200 fighters with arms. According to the MVD operative data, the total number of small arms and light weapons illegally held by the local population was close to 15,000. The journalist mentioned exports from Chechnya and Abkhazia, grabbing weapons of law enforcement officers, and theft from army depots as major channels of arms and ammunition entering Ingushetia.<sup>20</sup> Yu. Dmitriev, a correspondent of the newspaper *Trud*, believed that small arms were kept in every house in Ingushetia and that they were not bought for self-defense only.<sup>21</sup> V. Kharlamov, a special correspondent of the newspaper *Pravda*, cited facts of armored vehicles being held in private courtyards in Nazran. He has also described a fact of armed confrontation between two families in the Nazranovsky District. The

---

<sup>17</sup> “Russian militia suffers losses” [in Russian], *Izvestiya*, December 24, 1992.

<sup>18</sup> S. Snopkov, “War marches throughout Russia” [in Russian], *Moskovskie novosti*, November 15, 1992.

<sup>19</sup> See V. Strugovets, “‘Kalashnikov mall’ in Nazran” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, October 22, 1992; V. Strugovets, “Beslan Station. The train from Derbent to Krasnodar...” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, October 23, 1992; Yu. Dmitriev, “What is wrong with the Caucasus?” [in Russian], *Trud*, October 28, 1992; V. Kharlamov, “Delayed-action mine” [in Russian], *Pravda*, November 4, 1992.

<sup>20</sup> Strugovets, “‘Kalashnikov mall’ in Nazran”.

<sup>21</sup> Dmitriev, “What is wrong with the Caucasus?”

confrontation was a result of blood feud, during which automatic weapons and light armored vehicles were used. Heavily armed militants seized the building of the district council of the Sunzhensky District and dispersed its deputies in autumn 1992.<sup>22</sup>

The complexity of the criminal situation in the region, the absence of authorities and impotence of law enforcement agencies as well as the dominance of armed groups based on clan affiliation were recognized by I. Kostoev, a member of the Supreme Soviet of the Russian Federation from Ingushetia, and also by Prime Minister S. Khetagurov and Interior Minister Major-General G. Kantemirov, the officials of North Ossetia, who were interviewed by Yu. Dmitriev in October 1992. The politicians acknowledged “a flood of unaccounted-for arms and ammunition” in the North Caucasus and believed that in the existing conditions of crisis, “only the lazy ones were not looking for or buying an automatic rifle or a pistol.”<sup>23</sup> At the same time, People’s Deputy I. Kostoev, the Supreme Soviet’s Deputy Plenipotentiary Representative in Ingushetia, explained the situation by an old mountain tradition according to which “a man had to have weapons.”<sup>24</sup> However, the central press did not support this point of view and described the newest subject of the Russian Federation with such epithets as “a strange formation without borders, without territory, without any power structures, without industry, without educational institutions, science, and many other things,” “a political embryo,” or “a not yet implemented. . . republic.”<sup>25</sup> The poverty and powerlessness in the young republic was fully confirmed by V. Snegirev, a personal biographer of the first president of Ingushetia Ruslan Aushev and a close friend of his family.<sup>26</sup> To a large extent, Ingushetia was surviving during that period only because of financial support from the federal center.<sup>27</sup>

Even before the escalation of the Ossetian-Ingush armed conflict, newspaper readers could draw a disappointing conclusion from articles of the central press about the extreme weakness of Russia’s authority and influence in the North Caucasus. Military personnel preferred not to visit the above-mentioned market in Nazran,<sup>28</sup> and city authorities even asked the correspondent of *Krasnaya Zvezda* to leave the Ingush capital before dark, as they could not guarantee the safety of s of the press

<sup>22</sup> Kharlamov, “Delayed-action mine”.

<sup>23</sup> Dmitriev, “What is wrong with the Caucasus?”

<sup>24</sup> Strugovets, “‘Kalashnikov mall’ in Nazran”.

<sup>25</sup> See L. Leont'eva, “Fighting a nonexistent republic. Has the clock of the ‘Caucasian war’ started ticking?” [in Russian], *Moskovskie novosti*, November 1, 1992; I. Dement'eva, “The Ingush tragedy” [in Russian], *Izvestiya*, December 1, 1992.

<sup>26</sup> V.N. Snegirev, *Ruslan: Life story of Ingushetia’s first president, told by himself and his friends* [in Russian] (Moscow: Eterna, 2014), 25, 140, 149–50, 160, 192.

<sup>27</sup> Pishchuk, “Echo of 1944,” 151.

<sup>28</sup> Dmitriev, “What is wrong with the Caucasus?”

representative of the Russian Ministry of Defense during later hours of the day.<sup>29</sup> The representative office of the Supreme Soviet of the Russian Federation in Nazran was located in a two-storey building of the former Communist Party District Committee with an armored personnel carrier (APC) in the yard and concrete bollards on the perimeter. Traces of machine gun rounds on the wall of the residence eloquently illustrated instability in Ingushetia.<sup>30</sup> The ground floor of the residence was occupied by the military men of the MVD special purpose division and the servicemen of the special purpose unit Vityaz headed by Major O. Kublin, who were on guard duty and always ready for combat. General V. Ermakov, a representative of the Russian Parliament and former commander of the 40<sup>th</sup> Army in Afghanistan, and the above-mentioned People's Deputy I. Kostoev were stationed on the first floor of the residence.<sup>31</sup> It is noteworthy that while acknowledging the obvious fact of weapons trafficking in the region, M. Belousov, Advisor to the Plenipotentiary Representative of the Russian Parliament for Security Affairs, was forced to state that “the local law enforcement agencies were not able to solve this problem by themselves,” but the center's abilities to do so were also rather limited.<sup>32</sup>

The Ossetian-Ingush armed conflict of autumn 1992 was presented by official sources as a burst of radical nationalism that the federal center was obliged to resolutely fight against. President Yeltsin personally set that tone in his assessment of the events in the North Caucasus. In the text of his address to the military men of Russia, the armed conflict in the North Caucasus was described as “the hour of a new ordeal for our Motherland,” linked to the fact that “militant nationalists” were threatening the constitutional order, security, and territorial integrity of the country.<sup>33</sup> The latter point seemed rather controversial, since none of the small North Caucasian republics fighting over the Prigorodny District expressed separatist intentions. It is also noteworthy that the nationality of the adversary of the federal forces in that conflict was never mentioned in the document. The head of the state called on the military men and militia to “show high sense of duty” and to ensure “honor and dignity of Russia.”<sup>34</sup> It is no coincidence that acting Prime Minister E. Gaidar, who arrived in Vladikavkaz upon the acute phase of the crisis, stated that “the army had

---

<sup>29</sup> Strugovets, “‘Kalashnikov mall’ in Nazran”.

<sup>30</sup> Kharlamov, “Delayed-action mine”.

<sup>31</sup> Dmitriev, “What is wrong with the Caucasus?”

<sup>32</sup> Ibid.

<sup>33</sup> “The Address by the President of the Russian Federation to the commanders of formations and units, officers, warrant officers, top sergeants, sergeants, and soldiers of the Russian armed forces, and internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, November 3, 1992.

<sup>34</sup> Ibid.



done its duty,” so the search for a political solution to the Ossetian-Ingush armed conflict would be long and difficult but “no longer bloody.”<sup>35</sup>

Boris Yeltsin’s new address to the citizens of Russia on November 3 was similarly emphatic. The President denied the existence of an inter-ethnic conflict in North Ossetia and again placed the blame for the outbreak of hostilities on certain “militant nationalists,” whose ambitions had in fact taken the two neighboring peoples hostage. According to Yeltsin, the aim of the “gigantic adventure” in the Prigorodny District was to draw other republics and peoples of southern Russia into the conflict. The Russian leader did not name the direct organizers of this campaign, but as an alternative he suggested that the Ossetian and Ingush people show restraint and start negotiations.<sup>36</sup> The address of the Supreme Soviet of Russia as of November 6 contained a similar appeal.<sup>37</sup> Subsequently, the position of the authorities did not change. On November 23, at a board meeting of the Russian Ministry of Defense, President Yeltsin said, “We will not allow fratricidal conflicts to spread and destabilize Russia,” stressing the need for mobile, highly professional army units that would be capable of handling any such crisis in the future.<sup>38</sup> A day later, at a meeting of the heads of Russia’s national republics, Yeltsin called for a decisive seizure of arms and ammunition from Ossetian and from Ingush combatant groups as well as from the local population. The meeting fully supported this measure.<sup>39</sup>

The army command assessed the situation in the North Caucasus in a similar way. For example, Major-General A. Chindarov, Deputy Commander of the Russian Airborne Forces, claimed that in the Prigorodny District, the army was carrying out “tasks on restraining nationalist gangs encroaching on the lives of Russian citizens and violating the territorial integrity of the state.”<sup>40</sup> His words were picked up by other officials of the army. In the editorial of November 3, *Krasnaya Zvezda*, the main newspaper of the Russian military, also called for immediate disarmament of the bandit formations (BF), ensuring the territorial integrity of the country and

---

<sup>35</sup> “The temporary border between Chechnya and Ingushetia established” [in Russian], *Izvestiya*, November 12, 1992.

<sup>36</sup> “The only goal of the Russian military is to restore peace in the conflict zone. Address by the President to the citizens of Russia” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, November 5, 1992.

<sup>37</sup> “Russian deputies in North Ossetia. Russian parliament calls on the Ossetian and Ingush people for peace”.

<sup>38</sup> V. Maryukha and A. Petrov, “The situation will be normalized only after all weapons have been withdrawn” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, November 26, 1992.

<sup>39</sup> *Ibid.*

<sup>40</sup> Cited in A. Pel'ts, V. Fatigarov, and A. Petrov, “Our only hope is the stabilizing role of Russian troops. Chronicle of events in the area of the Ingush-Ossetian conflict” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, November 4, 1992.



security of its citizens, demanding from the military men and law enforcers to show uncompromising attitude and resoluteness.<sup>41</sup>

The use of military force by the Soviet authorities to eliminate interethnic conflicts (i.e. in Nagorno-Karabakh, South Ossetia) or suppress separatism (in Lithuania) was so ineffective that it led to a sense of insecurity and to a certain “mistrust syndrome” in the military towards the political leadership of the country. With this in mind, Deputy Prime Minister of Russia G. Khizha assured the armed forces that the president’s point of view on the North Caucasus issue remained unchanged and called on the public to “guarantee the army and law enforcement forces full support and protection,” as they were doing “their duty to the people.”<sup>42</sup> Later, at the 7<sup>th</sup> Congress of Peoples’ Deputies, Minister of Defense Pavel Grachev spoke about the fulfilment of military duty in the North Caucasus by his subordinates and the risks involved in achieving “a sole purpose of preventing mass bloodshed.”<sup>43</sup> That is why rejected any doubts expressed by the media about the army’s actions in the region.

As proof of the people’s support for the Kremlin’s military actions, the newspaper included comments on the events in the Prigorodny District by serving or retired officers from different regions of the country. These people believed that in the North Caucasus, the highest authorities were being tested for their ability to act decisively and also saw radical nationalism as the main enemy of the Russian state in that troubled region. They considered Yeltsin’s ability to suppress an armed insurgency to be much greater than that of his predecessor Gorbachev, who used to restore to half-measures in a similar situation at the turn of the 1980s and 1990s.<sup>44</sup> Not only did the military men repeat the main theses of official propaganda but they also warned the head of the state against any possible protracted war in the North Caucasus. For example, Major N. Talyzin from Smolensk even called on top officials to publicly express their condolences to the families of the soldiers who had died “for all of us, for peace, and for stability in Russia” and to give them other military honors.<sup>45</sup>

The journalists of the *Krasnaya Zvezda* newspaper did not undertake an in-depth analysis of the historical causes of the Ossetian-Ingush armed conflict, preferring to construct a heroic and at the same time peacekeeping image of the Russian army. The

---

<sup>41</sup> Urban and Stasovskii, “The state of emergency is declared in Ingushetia and North Ossetia”.

<sup>42</sup> O. Odnokolenko, “Society must guarantee its support to the army” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, November 18, 1992.

<sup>43</sup> “Speech by the Russian Defense Minister, Army General P.S. Grachev at the 7<sup>th</sup> Congress of People’s Deputies of Russia on December 5” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, December 8, 1992.

<sup>44</sup> For more, see “On the feedback telephone” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, November 4, 1992.

<sup>45</sup> “On the feedback telephone” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, November 5, 1992.

actions of the Russian army never were the subject of criticism in the pages of the periodical and were considered to be beyond any doubt. The journalists were of the opinion that the military men acted as true patriots of Russia because they did not allow a civil war to begin in its territory. For this reason, the casualties of the combined contingent of the Ministry of Defense and the MVD did not appear to have been in vain. Just after the end of active military operations, an article by B. Soldatenko, a correspondent of *Krasnaya Zvezda* listed the names of the military men and cadets killed in the conflict and also expressed gratitude to their parents who “had raised real men who were not afraid to look death in the face when their Motherland needed it.” The war journalist blamed the deaths of young soldiers of the Ministry of Defense and the MVD on “those who were trying to make the peoples of Russia turn against each other in a bloodbath” but assured the readers and subscribers that “the hand that raised arms against its own people would be stopped.”<sup>46</sup> The Russian law enforcement officers subsequently took credit for preventing a full-scale war in North Ossetia and Ingushetia on the model of Nagorno-Karabakh or even Afghanistan.<sup>47</sup>

In the midst of the fighting, the central press organ of the Russian Ministry of Defense did not report directly from the front lines. However, when the fighting was over, its front pages immediately published extensive material about the distinguished military men who fought in the region. All the articles were devoted to the officers and soldiers of the Russian Airborne Forces who took part in the combat against the Ingush military formations near the villages of Chermen and Dachnoe in the Prigorodny District. Thus, a week or so after the acute phase of the conflict was over, the newspaper *Krasnaya Zvezda* published an article about the commander of the 234<sup>th</sup> Guards Airborne Regiment of the 76<sup>th</sup> Guards Airborne Assault Division Colonel I. Komar, who headed the actions of federal forces in that battle. Military journalist S. Dyshev acknowledged that Russian paratroopers lost three men in the battle, seven were wounded and suffered contusions, and two armored vehicles were lost.<sup>48</sup> The journalist claimed that the actions of the Russian Airborne Forces were a response to the attack and actually accused the Ingush side of treachery: at first, they promised to let through the Russian convoy that was coming from Vladikavkaz, but then they started shooting at the military men. The correspondent did not give any

---

<sup>46</sup> B. Soldatenko, “Let Russia remember their names. A word about the fallen soldiers” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, November 5, 1992.

<sup>47</sup> For more, see Yu. Baryshev, “Roadside checks” [in Russian], *Severnyi Krai*, April 27, 1993; A. Murzo, “Hidden war. The fortified district of Nazran” [in Russian], *Severnyi krai*, February 8, 1994; A. Vladimirova, “The Caucasus patrol” [in Russian], *Zolotoe kol'tso*, February 4, 1994; V. Orlov, “One more national disaster” [in Russian], *Zolotoe kol'tso*, August 20, 1999.

<sup>48</sup> See also V. Opryshko and A. Kodukaev, “The Ossetian and Ingush people suffer even heavier losses” [in Russian], *Kommersant*, November 5, 1992.

reasons for the attack. The result of the clash was not in favor of the militants who lost most of their armored vehicles and as a result were partially destroyed and partially driven back.<sup>49</sup> Later, the same newspaper published three similar reportages about other participants in the battle near Chermen. The authors of these publications emphasized the courage and self-sacrifice of Russian paratroopers and their honest service in the “hot spot” during an ongoing military confrontation.<sup>50</sup>

The media did not publish any reports from the positions of the Ossetian or Ingush militant groups, which is why the enemy of the Russian army appeared featureless in the publications of the *Krasnaya Zvezda*. Some militants did not seem to have any nationality at all and were characterized as individuals who “for the most part were either deceived or overwhelmed by emotions.”<sup>51</sup> Journalist V. Fatigarov even tried to reassure the invisible opponents that the attackers may have considered the paratroopers as aggressors encroaching on their land. In his opinion, the Russian troops wanted “to stop them and to sober them up” because otherwise “there would have been not rivulets but streams of blood.”<sup>52</sup> Accordingly, in the battle near Chermen, Russian soldiers had to use force neither against the Ossetians nor against the Ingush, but on the contrary, for “both the peoples” because “that land (the disputed Prigorodny District – *Author*) belonged to Russia” and “those people were also Russian.”<sup>53</sup>

An analysis of such reports on the military operations in the autumn of 1992 published in many Moscow periodicals shows that the role of “militant nationalists,” i.e. the attacking side, was for the most part played by the Ingush. The sources in this case were the press services of the federal power structures. In their reportages from the Prigorodny District, some central newspapers reported that that the Ingush military groups supported by armored vehicles and artillery had made attempts to break into Vladikavkaz. These publications also reported facts of brutal murders of the Ossetian law enforcers and civilians including children as well as of arson and robbery of private houses, rape of women, stolen cattle and agricultural machinery. Attempts to seize administrative buildings and infrastructure in the Prigorodny District and Vladikavkaz, the expulsion of residents of other nationalities from the villages, the refusal of the Ingush leaders to negotiate with the Ossetians over the

---

<sup>49</sup> See S. Dyshev, “To the health of the regiment commander” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, November 14, 1992.

<sup>50</sup> S. Dyshev, “The hour of action” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, November 28, 1992; S. Dyshev, “The Demidovs are not the last in Russia” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, December 3, 1992; V. Fatigarov, “There, near Chermen...” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, December 5, 1992.

<sup>51</sup> Ibid.

<sup>52</sup> Ibid.

<sup>53</sup> Ibid.

exchange of hostages, and non-compliance with previous played a particular role in the negative perception of any Ingush actions in this short war.<sup>54</sup>

The actions of the Ingush side were criticized even more severely by the left-wing press, whose point of view was in opposition to that of Boris Yeltsin. For example, after his visit to both of the warring republics, in an interview to the ITAR-TASS news agency, S. Baburin, the leader of the National Salvation Front, called the actions of the Ingush side “aggression against the Ossetian people.”<sup>55</sup> In an interview to *Sovetskaya Rossiya* later, not only did Baburin support the imposition of the state of emergency in the warring republics, but he also demanded that the Prigorodny District should be officially recognized as an inseparable part of North Ossetia and called on the local Ingush population to come to terms with the outcome of the armed conflict.<sup>56</sup> In this matter, the views of the supporters and the opponents of the Russian authorities were similar. The representatives of the pro-Yeltsin media also published calls for the preservation of the existing administrative borders in the North Caucasus.<sup>57</sup>

The difference between the views of the supporters and the opponents of the Russian authorities lay in the harsher assessments of the actions of the Ingush side by the left-wing parties. The front page of the newspaper *Pravda* stated that numerous units from Ingushetia had entered the Prigorodny District of North Ossetia. A correspondent of this newspaper from Vladikavkaz wrote that the militants arrived in cars covered with armored sheets and also used armored military vehicles, while the Ossetian side allegedly had only the people’s militia, the support of one company of Cossacks, the forces of the Republican Guard and of the MVD. Due to the disparity of forces, the Ossetian side was forced to ask the federal center for support which was provided immediately. Deputy Prime Minister of the Russian government Georgy Khizha stated a fact of “real aggression” and a “treacherous attack” on the neighboring republic by the Ingush side and added that “Russia would not stand aside.”<sup>58</sup>

Two quotations from the reportage by the *Pravda* correspondent A. Grachev about the military actions in the conflict zone are also quite typical in this regard. Firstly, he wrote about “boundless grief of Ossetian mothers who buried their sons

---

<sup>54</sup> For more, see V. Mikhailov, “New blood, new victims” [in Russian], *Trud*, November 3, 1992; A. Grachev, “Another war. This time – in Russia” [in Russian], *Pravda*, November 3, 1992; A. Grachev, “The Caucasus is burning. From national fires. And firemen are again the last to arrive” [in Russian], *Pravda*, November 4, 1992.

<sup>55</sup> “While the issue was being made up...” [in Russian], *Pravda*, November 5, 1992.

<sup>56</sup> N. Garifullina, “Eight days in the tragedy zone. Sergei Baburin on the Ossetian-Ingush conflict” [in Russian], *Sovetskaya Rossiya*, November 11, 1992.

<sup>57</sup> S. Snopkov, “Article 6 is to blame again. The law ‘On the Rehabilitation of Repressed Peoples’ threatens chaos” [in Russian], *Literaturnaya Gazeta*, November 25, 1992.

<sup>58</sup> Grachev, “Another war. This time – in Russia”.



every single day”<sup>59</sup> as if he did not notice a similar situation on the other side of the inter-ethnic confrontation. Secondly, the journalist openly mentioned that “the command of the Russian and Ossetian armed forces continued to act together in order to liberate the Prigorodny District.”<sup>60</sup> Therefore, he made it clear that the federal forces were not just carrying out a peacekeeping operation but were clearly and actively assisting one of the sides in the conflict.

V. Kasheida, a resident of Vladikavkaz and another eyewitness of the conflict, wrote in *Sovetskaya Rossiya* about the fighting in the Prigorodny District in no less straightforward terms. In his words, the attack of the Ingush extremists caused unprecedented patriotic enthusiasm among the Ossetian people, similar to the reaction of the Soviet people in the early stages of the Great Patriotic War. The chairman of the Supreme Council of North Ossetia A. Galazov appealed to the population to go to the military registration and enlistment offices, to join the people’s militia, and to defend the republic against the Ingush aggressors. According to Kasheida, “there was no shortage of volunteers at the district councils and military enlistment offices, whole families were arriving; they were keeping watch at the district council day and night in order to join the people’s militia.”<sup>61</sup> Self-defense units were formed in the neighborhoods of Vladikavkaz, and despite the shortage of weapons, they were on duty in the streets around the clock.

Meanwhile, the actions of the Ingush detachments can only tentatively be called sudden or unexpected. The fact that the Ingush side blocked the approaches to their villages with concrete blocks, erected barricades, and spontaneously set up government bodies and armed pickets was mentioned by the *Pravda* correspondent A. Grachev just before the beginning of fighting in the Prigorodny District. His reportage also mentioned the cancellation of classes at Vladikavkaz higher and secondary educational institutions and putting the people’s militia, the Republican Guard, the local law enforcement bodies, and even the Russian military units on high alert.<sup>62</sup> Earlier, a warning of a possible outbreak of large-scale hostilities between the two warring ethnic groups was voiced by Prime Minister of North Ossetia S. Khetagurov<sup>63</sup> and Minister of the Interior of the republic G. Kantemirov.<sup>64</sup> In an interview to *Izvestiya*, the latter said that the Ministry of the Interior was well aware that the Ingush side was preparing an attack on the Prigorodny District and had

---

<sup>59</sup> A. Grachev, “The Caucasus is burning. From national fires. And firemen are again the last to arrive”.

<sup>60</sup> Ibid.

<sup>61</sup> Cited in V. Kasheida, “Blood has been shed” [in Russian], *Sovetskaya Rossiya*, November 3, 1992.

<sup>62</sup> A. Grachev, “It comes to the barricades” [in Russian], *Pravda*, October 31, 1992.

<sup>63</sup> See Kharlamov, “Delayed-action mine”.

<sup>64</sup> Dmitriev, “What is wrong with the Caucasus?”



repeatedly signaled this to Moscow but invariably received only accusations of escalating the situation in response.<sup>65</sup>

On October 24, an extraordinary joint session of representatives of the Nazranovsky, Sunzhensky, and Malgobeksky districts of Ingushetia and the Prigorodny District of North Ossetia took place in Nazran. During the session, it was decided to form self-defense squads, establish their headquarters on the basis of the militia departments, and introduce vigils in all neighborhoods where the Ingush population lived. For the purposes of self-defense, the people's deputies sanctioned carrying of arms by their compatriots and the use of military vehicles and equipment.<sup>66</sup> An armed siege of the checkpoints of the Russian Internal Troops of the Ministry of the Interior by the Ingush began on October 27.<sup>67</sup> The session also called on all Ingush deputies to withdraw from the Supreme Soviet of North Ossetia and passed an appeal to the Russian leadership demanding the immediate transfer of the Prigorodny District ("all lands expropriated by the Stalinist regime") and withdrawal of all Russian troops from North Ossetia.<sup>68</sup> It is obvious that in this situation the seizure of the Ingush traffic police checkpoint on the Chermen road on October 31 could not have come as a surprise to the Ossetian or Russian leaders. On the contrary, some political observers asked rhetorical questions why the Russian security services, being well aware of the escalating situation in the North Caucasus, had not prevented an armed conflict in the area.<sup>69</sup>

One cannot agree with the statement of the *Pravda* journalist A. Grachev that North Ossetia's armed detachments were rather few in number. The above-mentioned head of the republic's Ministry of the Interior Major-General G. Kantemirov made significant efforts to increase the combat efficiency of his subordinates in the summer of 1991. The Republican Guard and the people's militia established at that time had dozens of light armored vehicles and large number of small arms and grenade launchers.<sup>70</sup> Shortly before the start of the fighting, these formations had been

---

<sup>65</sup> V. Yakov and V. Mashatin, "North Ossetia: A fragile truce maintained, but not all hostages released and not all of the killed buried" [in Russian], *Izvestiya*, November 7, 1992.

<sup>66</sup> Garifullina, "Eight days in the tragedy zone. Sergei Baburin on the Ossetian-Ingush conflict"; I. Dement'eva, "The Ingush tragedy" [in Russian], *Izvestiya*, December 1, 1992; Tsutsiev, *The Ossetian-Ingush conflict*, 160.

<sup>67</sup> A. Antonov-Ovseenko, "Situation in North Ossetia. The Ingush offer the Ossetians a compromise" [in Russian], *Kommersant*, October 29, 1992.

<sup>68</sup> Leont'eva, "Fighting a nonexistent republic. Has the clock of the 'Caucasian war' started ticking?"

<sup>69</sup> See S. Sergeev, "The Autumn War of Russia. The week of fighting in North Ossetia confirmed that simple solutions in politics are not always the most sensible ones" [in Russian], *Literaturnaya Gazeta*, November 11, 1992.

<sup>70</sup> Tsutsiev, *The Ossetian-Ingush conflict*, 97.

legalized by the decision of the Supreme Soviet of the republic.<sup>71</sup> 610 new officers were added to the North Ossetian internal affairs bodies in 1992, and Vladikavkaz enterprises started to produce weapons for them.<sup>72</sup>

On the contrary, the Ossetian military formations seemed to be better organized and better armed than the Ingush ones. One of the Ingush participants in the hostilities in the Prigorodny District claimed that “the Ingush were armed with submachine guns, hunting rifles, and a small number of anti-tank grenades and hand grenades.” They were short of ammunition, even grenade launchers were considered rarities, which, as the fighters recalled, made them feel “worthless” and “helpless” when facing the heavy weaponry of the army. Some of the Ingush combatants were not armed at all. Lacking heavy weaponry, they were forced to use various means of transport that were easy targets for the tanks of the federal forces.<sup>73</sup> The Ingush fighting groups usually consisted of not more than 25–30 people.<sup>74</sup> According to General V. Barannikov, Minister of Security of the Russian Federation, those fighting groups had no unified command and operated independently of one another.<sup>75</sup> His opinion was confirmed by A. Koshkin, an Assault Aviation officer, who considered the units of both sides to be just “large crowds of over-excited people.”<sup>76</sup>

An alternative version of the tragic events of the autumn of 1992 in the Prigorodny District, which was more loyal to the Ingush side, was presented in the central press that was traditionally regarded as supporter of market reforms, respect for human rights, and broad democratization in the country. During the military actions in the border regions, a correspondent of *Izvestiya* wrote about the federal center facing two serious threats in the North Caucasus. Those were the further escalation of the Ossetian-Ingush armed conflict through the likely involvement of the unrecognized Chechen Republic and the transformation of the local conflict into a protracted war similar to the was between Azerbaijan and Armenia in Nagorno-Karabakh. Just like his colleagues at the newspaper *Krasnaya Zvezda*, the journalist considered the indecision shown in the recent past by Mikhail Gorbachev and his entourage in resolving inter-ethnic conflicts in Central Asia and Transcaucasia to be

---

<sup>71</sup> I. Dement'eva, “War and peace of the Prigorodny District” [in Russian], *Izvestiya*, January 25, 1994.

<sup>72</sup> D.A. Zhukov, *Wars on the ruins of the USSR* [in Russian] (Moscow: Yauza; Eksmo, 2009), 106.

<sup>73</sup> Dement'eva, “The Ingush tragedy”.

<sup>74</sup> Dement'eva, “War and peace of the Prigorodny District”.

<sup>75</sup> V. Maryukha and A. Petrov, “The armed conflict in North Ossetia continues, although a ceasefire due to begin at 20.00 on November has been agreed” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, November 6, 1992.

<sup>76</sup> A. Koshkin, *Stormtrooper* [in Russian] (Moscow: Astrel'; St Petersburg: Astrel'–SPb; Vladimir: VKT, 2012), 138.

an alarming lesson for the Russian leadership. At the same time, he warned the authorities against the dangers of resolving complex territorial problems by force alone.<sup>77</sup>

Another article, written by the director of the Centre for Ethno-Political Studies E. Pain and the lead analyst of the same Centre for Ethno-Political Studies A. Popov, investigated the contemporary causes of the worsening of the long-standing Ossetian-Ingush armed conflict. The scientists thought it was pure “amateurism and irresponsibility” of Russian parliamentarians who passed the law “on the Rehabilitation of Repressed Peoples” in April 1991, which was impossible to implement under those circumstances. They also sharply criticized the law on the formation of the Ingush Republic that was passed by the Russian parliament in June 1992. The law did not define either the boundaries of the new administrative territorial entity or the timing of the election of its governing bodies. They also considered the promises to resolve the territorial dispute before 1991 made by Yeltsin during his election campaign to be untrue. These mistakes of the federal center strengthened the position of the radical national movement *Nijskho* [Justice] that demanded the immediate return of the Prigorodny District to Ingushetia in the Ingush society and weakened the influence of moderate pro-Russian forces. The analysts believed the escalating confrontation between the two peoples who were the “victims of Moscow’s political irresponsibility” to be a direct consequence of Moscow’s political irresponsibility. E. Pain and A. Popov recognized the introduction of the state of emergency in both conflicting republics as a justified measure, since “the criminal force had to be opposed by the force of law” in order to disarm radicals on both sides, to normalize the situation, and then to start negotiations.<sup>78</sup>

In reality, according to reportages published in the central media, the situation in the conflict zone was much more difficult. Despite public assurances by representatives of the security forces that Russian troops and Ossetian units were controlling the entire Prigorodny District,<sup>79</sup> the *Izvestiya* journalists reported to their readers that exchange of fire continued on the outskirts of Vladikavkaz, which is why all flights to the North Ossetian capital were cancelled and roads were blocked with pickets and concrete blocks. At the same time, the Ossetian forces were inspecting private cars and checking drivers’ documents in the city while guards of the Russian Ministry of Defense and the Ministry of Interior were not even sufficiently staffed to

---

<sup>77</sup> G. Ivanov-Smolenskii, “Despite attempts to extinguish the conflict, the number of victims in North Ossetia is growing” [in Russian], *Izvestiya*, November 4, 1992.

<sup>78</sup> E. Pain and A. Popov, “The flames of the Caucasian War – retribution for legal and political mistakes” [in Russian], *Izvestiya*, November 6, 1992.

<sup>79</sup> A. Grachev, “The cannonade of battle has fallen silent. But for how long?” [in Russian], *Pravda*, November 6, 1992; “Russian deputies in North Ossetia. Russian parliament calls on the Ossetian and Ingush people for peace”.

enforce the curfew and the state of emergency in the region. Unsurprisingly, the local paramilitary units, which included many young people and even teenagers, took “the obvious pleasure” in demonstrating to the press that they were “the unquestionable masters of the city after dark.”<sup>80</sup> As the Ingush population had left Vladikavkaz, the militia men noisily celebrated the victory. The *Izvestiya* and *Kommersant* correspondents reported a real drunken rampage in the city center, which almost turned into a real fight between two Ossetian squads by mistake. It was the federal forces that were able to prevent the possible bloodshed.<sup>81</sup>

In addition to disproving official information about the restoration of order in the Prigorodny District, the democratic press also sought to present the Ingush point of view on the conflict. For this reason, the media wrote about mass violations of the rights of the Ingush population in the conflict zone not only by the local Ossetian military groups but also by the Russian army. The observers of *Izvestiya* I. Dement'eva and V. Yakov described pogroms in the villages of Kurtat, Kartsa, and Tarskoe, during which armed Ossetians supported by armored vehicles burned and robbed Ingush houses and abused civilians. At the same time, a small number of Russian soldiers who were present on site did not intervene, as they were afraid of attacks from both sides and had no command order to stop the robbers. In some cases, federal troops even fired at the positions of the Ingush units. After that, paratroopers helped the Ossetians to clean up the settlements.<sup>82</sup> A similar situation in the villages of Yuzhny, Krasnorechensk, Chermen, and Dachnoe was seen and described in a series of war reportages written by the journalists of *Kommersant*<sup>83</sup> and some regional publications later on.<sup>84</sup> Major-General A. Kulikov, who was in charge of the disarmament operations in the conflict zone, also did not deny violence on the Ossetian side.<sup>85</sup>

Major-General R. Aushev, Commissioner of the Provisional Administration in Ingushetia, who was in the conflict zone in those days, also witnessed the military

---

<sup>80</sup> Yakov and Mashatin, “North Ossetia: A fragile truce maintained, but not all hostages released and not all of the killed buried”.

<sup>81</sup> See Yakov and Mashatin, “North Ossetia: A fragile truce maintained, but not all hostages released and not all of the killed buried”; V. Opryshko and A. Kodukaev, “News from the Ossetian-Ingush War. The war is over. Ghazwa begins?” [in Russian], *Kommersant*, November 11, 1992.

<sup>82</sup> Yakov and Mashatin, “North Ossetia: A fragile truce maintained, but not all hostages released and not all of the killed buried”; Dement'eva, “The Ingush tragedy”.

<sup>83</sup> See Opryshko and Kodukaev, “The Ossetian and Ingush people suffer even heavier losses”; V. Opryshko and A. Kodukaev, “The shooting does not stop” [in Russian], *Kommersant*, November 6, 1992; Opryshko and Kodukaev, “News from the Ossetian-Ingush War. The war is over. Ghazwa begins?”

<sup>84</sup> Yu. Baryshev, “War under the roofs” [in Russian], *Severnyi Krai*, April 24, 1993.

<sup>85</sup> For more, see A.S. Kulikov, *Heavy stars* [in Russian] (Moscow: Voina i mir buks, 2002), 136–37.



interaction between the federal forces and the Ossetian units. The deaths of more than 350 civilians gave the Hero of the Soviet Union a reason to call such policy of the center nothing but “the destruction of unarmed population.”<sup>86</sup> R. Aushev believed that the Russian troops should have disarmed both sides of the conflict and should have brought constitutional order to the Prigorodny District.<sup>87</sup> His assertions were indirectly confirmed by Deputy Prime Minister S. Shakhrai. At a press conference in Moscow on December 23, he admitted that there had been isolated cases of violations and other illegal actions by the Russian military formations in the conflict zone, as a result of which the authorities and the military command had to take several harsh measures to improve discipline in the troops.<sup>88</sup> However, the high-ranking official did not give any specific examples.

The central media were particularly worried about the extreme violence and massive human rights violations on both sides. Official sources alleged that the Ingush executed 23 Ossetian hostages in the House of Culture in the village of Kartsa and organized massacres in other settlements.<sup>89</sup> This fact was later confirmed by People’s Deputy S. Baburin.<sup>90</sup> In turn, in those days, some democratic media published reportages confirming violence against the peaceful Ingush population of the Prigorodny District. In particular, as one of the *Izvestia* correspondents proclaimed, the village of Kurtat had been surrounded and bombarded from tanks for three days, and the Ingush civilian vehicles at the Chermensky crossing were mistaken by the military for an armored column and destroyed.<sup>91</sup> The same correspondent also reported murders or illegal arrests of several high-ranking officials, employees of the Ministry of Interior and the Prosecutor’s Office of North Ossetia on ethnic grounds. All of them turned out to be Ingush.<sup>92</sup> Indirectly, this was also confirmed by the official data from the MVD of the Russian Federation, according to which fighting in the Prigorodny District left 89 per cent of the Ingush

---

<sup>86</sup> Dement'eva, “The Ingush tragedy”.

<sup>87</sup> R. Dobrovitsky, “It is not difficult to start a war. Interview with General Ruslan Aushev, Commissioner of the Provisional Administration in Ingushetia” [in Russian], *Moskovskie novosti*, December 13, 1992.

<sup>88</sup> V. Strugovets, “Sergei Shakhrai: I take full responsibility for political decisions in the emergency area” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, December 25, 1992.

<sup>89</sup> Maryukha and Petrov, “The armed conflict in North Ossetia continues, although a ceasefire due to begin at 20.00 on November has been agreed”.

<sup>90</sup> Garifullina, “Eight days in the tragedy zone. Sergei Baburin on the Ossetian-Ingush conflict”.

<sup>91</sup> Dement'eva, “The Ingush tragedy”.

<sup>92</sup> Ibid.



population homeless<sup>93</sup> while their North Ossetian neighbors demanded that the authorities pass a law banning the Ingush population from living in North Ossetia.<sup>94</sup>

The opposing sides were concurrently taking civilians hostage. This fact was described by the chairman of the State Committee for Emergency Situations (GKChS), Deputy Head of the Provisional Administration in the conflict zone, S. Shoigu as “pure barbarity.” He compared the situation to “the darkest times” in human history because innocent people were “exchanged like potatoes for flour; like sugar, for soap.”<sup>95</sup> The *Izvestia* journalists saw with their own eyes 375 hostages held by the Ingush people in the gym of the House of Culture located in the village of Sunzha. They also saw how the deputies of the Supreme Soviet failed to persuade the Ossetian leadership to agree to an exchange of hostages without any pre-conditions.<sup>96</sup> The official information of the State Committee for Emergency Situations revealed that during the first days of fighting, up to 1,500 Ingush refugees were hiding from possible reprisals by Ossetians at the training center of the Russian Ministry of Defense.<sup>97</sup> Soon after the end of hostilities, the military town of Sputnik, located on the outskirts of Vladikavkaz, was hosting between 5,000 and 12,000 refugees. Correspondent I. Dement'eva compared their living conditions to those in a ghetto.<sup>98</sup> The fate of the Ingush people who fled to the mountainous Jeirakhsky District was even more tragic. Among those who reached Nazran, there were people who had caught cholera, at least six persons fell into the abyss,<sup>99</sup> and several dozen died of hypothermia.<sup>100</sup>

A. Pliev, the first Deputy Chairman of one of the Ingush district councils, claimed that in the elections of the President of the RSFSR in summer 1991, 90% of his compatriots supported the candidacy of Boris Yeltsin. They explained their decision

---

<sup>93</sup> V. Maryukha and A. Petrov, “A moratorium on border revision is needed” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, November 27, 1992.

<sup>94</sup> Snopkov, “Article 6 is to blame again. The law ‘On the Rehabilitation of Repressed Peoples’ threatens chaos”.

<sup>95</sup> Yakov and Mashatin, “North Ossetia: A fragile truce maintained, but not all hostages released and not all of the killed buried”.

<sup>96</sup> Ibid.

<sup>97</sup> Pel'ts, Fatigarov, and Petrov, “Our only hope is the stabilizing role of Russian troops. Chronicle of events in the area of the Ingush-Ossetian conflict”.

<sup>98</sup> Dement'eva, “The Ingush tragedy”.

<sup>99</sup> L. Leont'eva and V. Emel'nenko, “Ghazwa in response to genocide. Several thousand Ingush put white suicide headbands on their heads to declare a holy war to the highest ranks of North Ossetia and representatives of Russia, ‘guilty of the new genocide of the Ingush people’” [in Russian], *Moskovskie novosti*, November 15, 1992.

<sup>100</sup> Opryshko and Kodukaev, “News from the Ossetian-Ingush War. The war is over. Ghazwa begins?”

as follows, “We believed that we would get our territories back.”<sup>101</sup> After the events of autumn 1992, the political sentiments of the Ingush people changed drastically. The chairman of the Nazranovsky District Council, Sh. Mogushkov, accused the center of deceiving and betraying the Ingush people. He stated that with his actions, “Yeltsin openly demonstrated that Russia had sons and stepchildren.” Loss of confidence in the federal authorities in Ingushetia became obvious soon after the active phase of hostilities ended, when Mogushkov requested the Confederation of Peoples of the Caucasus to use its armed forces instead of Russian troops in order to carry out the peacekeeping mission on the border of North Ossetia and Ingushetia.<sup>102</sup> It is also noteworthy that the local Russian community expressed indignation at the unilateral actions of Moscow and personally President Yeltsin during the rally in Malgobek on November 2. The Russian community sent a telegram to the editorial office of the opposition newspaper *Pravda*.<sup>103</sup> All of the facts mentioned above subsequently allowed political observers from a number of respected metropolitan media to harshly criticize the federal center’s policy towards Ingushetia.<sup>104</sup>

### Conclusion

The first in recent history large-scale armed conflict on Russian soil received extensive front-page coverage in the central and regional media. Although during the actual fighting, journalists of the key Russian media were prevented from entering the demarcation line between the Ossetian and Ingush people, and their newspapers preferred to publish official reports from the conflict zone, the conducted analysis of the articles provides three points of view on the events in the Prigorodny District.

The government and the departmental press focused mostly on such aspects of the crisis in the North Caucasus as preserving the territorial integrity of the country, preventing a new war in the region, and honest fulfilment of military duty by the Russian security forces. Articles in such newspapers as *Rossiyskaya Gazeta* and *Krasnaya Zvezda* regularly highlighted exploits of soldiers or militia men, while the enemy was invariably presented as an impersonal collective image of brutal radicals or deceived people. The analysts of these publications explained escalation of the situation in the Prigorodny District by the absence of any military formations and authorities in Ingushetia before the fall of 1992. These publications persuaded their

---

<sup>101</sup> Cited in Opryshko and Kodukaev, “News from the Ossetian-Ingush War. The war is over. Ghazwa begins?”

<sup>102</sup> Leont'eva and Emelianenko, “Ghazwa in response to genocide. Several thousand Ingush put white suicide headbands on their heads to declare a holy war to the highest ranks of North Ossetia and representatives of Russia, ‘guilty of the new genocide of the Ingush people’”.

<sup>103</sup> V. Shirokov, “A relative in name only...” [in Russian], *Pravda*, November 4, 1992.

<sup>104</sup> See M. Shevelev, “The colonizer’s duty” [in Russian], *Moskovskie novosti*, December 6, 1992.

readers that only Russian military force was able to control that troubled region.<sup>105</sup> The same reasoning was used by the high-ranking representatives of the federal center.<sup>106</sup> A little bit later, the same propaganda was also used in the initial stage of the first Chechen war.<sup>107</sup>

The left-wing press, which previously irreconcilably opposed the political and socio-economic course of President Yeltsin, this time supported his decree introducing the state of emergency in North Ossetia and Ingushetia and called for a “separation” of the two peoples in order to prevent events from developing the way they did in Nagorno-Karabakh. The Russian authorities and law enforcement agencies were criticized by the left-wing publications for introducing this measure after the apparent delay.<sup>108</sup> The opposition media clearly favored the Ossetian side, which can be explained by the widespread pro-Soviet moods in North Ossetia. Unlike the Ingush people, the Ossetians saw the recent Soviet past including the era of Joseph Stalin in a positive way and did not support the collapse of the USSR.<sup>109</sup> The basic values of perestroika, which were very much alive in the early 1990s, were not widely shared by the Ossetian people.<sup>110</sup> On the contrary, the Ingush politicians of those years expressed sympathy for the first president of Georgia Z. Gamsakhurdia, a radical nationalist who was elected an honorary citizen of Ingushetia.<sup>111</sup>

The representatives of the democratic media expressed a different point of view. It should be noted that the journalists from such periodicals as *Izvestiya* and

---

<sup>105</sup> V. Maryukha, “In the mountains of discord. The Russian army was able to prevent a large-scale war” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, December 16, 1992.

<sup>106</sup> See “Speech by S.V. Stepashin, Chairman of the Council Committee on Defense and Security, at the Congress of People’s Deputies of Russia on December, 5” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, December 9, 1992; A. Borovkov, “Russian soldiers came here in peace” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, December 10, 1992; B. Karpov, “The country cannot cope without internal troops. Major-General Anatolii Kulikov was appointed Deputy Minister of Internal Affairs of Russia, Commander of Internal Troops” [in Russian], *Krasnaya Zvezda*, December 30, 1992; V. Rudnev, “Sergei Stepashin: Russia has no external enemies” [in Russian], *Izvestiya*, December 24, 1992.

<sup>107</sup> For more, see D.V. Tumakov, “The beginning of the First Chechen War of 1994–1996 as covered by the Russian official press” [in Russian], in *Historical path of Russia: from the past to the future: Proceedings of the International Scientific Conference, St Petersburg, April 2, 2021*, ed. S.I. Bugashev and A.S. Minin: 3 vols, vol. 1 (St Petersburg: SPbGUPTD, 2021), 592–600.

<sup>108</sup> A. Grachev and V. Andreev, “Politicians have no right to be late. The armed conflict in North Ossetia must be resolved peacefully” [in Russian], *Pravda*, November 5, 1992; Garifullina, “Eight days in the tragedy zone. Sergei Baburin on the Ossetian-Ingush conflict”.

<sup>109</sup> Shnirel'man, *Being the Alans*, 168.

<sup>110</sup> Tsutsiev, *The Ossetian-Ingush conflict*, 98.

<sup>111</sup> I. Kochieva and A. Margiev, “68 years have passed...” [in Russian], in *Day of the Catastrophe – 888. The stopped Genocide in South Ossetia. A collection*, comp. V. Bykova and N. Davletshina (Moscow: Evropa, 2008), 103.

*Moskovskie novosti* did not openly sympathize with one or the other side of the Ossetian-Ingush armed conflict. They did not deny the territorial integrity of the country and even considered the Ingush actions in the Prigorodny District to be a “grave mistake.”<sup>112</sup> They condemned all violent methods of resolving the inter-ethnic armed conflict and the center’s clear support for North Ossetia. It should also be noted that in his public address to the country on the occasion of his resignation on December 25, 1991, President of the Soviet Union M. Gorbachev listed among his own political achievements the cessation of the arms race, interference of Moscow in affairs of other countries, and sending Russian troops abroad.<sup>113</sup>

Subsequently, President B. Yeltsin continued to follow the same ideology. Against the background of serious socio-economic and political crisis in the early 1990s, much of the Russian establishment and society in general were not prepared to wage any wars even in order to defend the rights of the Russian-speaking population of the former Soviet republics.<sup>114</sup> Journalists therefore feared that a large-scale use of military force in the hot-tempered North Caucasus could trigger a prolonged guerilla war and the loss of loyalty of the North Caucasus inhabitants. In 1992, the Russian authorities managed to avoid such a scenario. Such balance of power in the media remained the same during the first Chechen war, of which the Ossetian-Ingush armed conflict was a precursor.

### Список литературы

Войны и вооружённые конфликты второй половины XX века / под редакцией Б.В. Громова. Москва: Р–Медиа, 2003. 248 с.

Жуков Д.А. Войны на руинах СССР. Москва: Яуза; Эксмо, 2009. 256 с.

Здравомыслов А.Г. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. Москва: РОССПЭН, 1998. 128 с.

Колтон Т. Ельцин. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013. 752 с.

Коткин С. Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 240 с.

Кочиева И., Маргиев А. Прошло 68 лет... // День катастрофы – 888. Остановленный геноцид в Южной Осетии. Сборник / составители: В. Быкова, Н. Давлетшина. Москва: Европа, 2008. С. 53–152.

Кошкин А. Штурмовик. Москва: Астрель; Санкт-Петербург: Астрель-СПб; Владимир: ВКТ, 2012. 251 с.

Куликов А.С. Тяжёлые звезды. Москва: Война и мир букс, 2002. 568 с.

Ливен А. Чечня: трагедия российской мощи. Первая чеченская война. Москва: Университет Дмитрия Пожарского; Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. 560 с.

---

<sup>112</sup> Dement'eva, “The Ingush tragedy”.

<sup>113</sup> Ostrovsky, *The invention of Russia*, 20.

<sup>114</sup> See Treisman, *The return*, 332–33.



*Островский А.* Говорит и показывает Россия. Путешествие в прошлое средствами массовой информации / перевод Т. Азаркович. Москва: АСТ: CORPUS, 2019. 540 с.

*Пищук М.Д.* «Эхо 44-го»: деятельность Госкомнаца России по предотвращению осетино-ингушского конфликта // Войны в истории. Генезис, предпосылки, причины международных военных конфликтов в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Одиннадцатой международной конференции молодых учёных и специалистов «Сlio-2021» / под редакцией А.К. Сорокина. Москва: Политическая энциклопедия, 2021. С. 149–152.

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / под редакцией Г.В. Кривошеева. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.

*Снегирёв В.Н.* Руслан: История жизни первого президента Ингушетии, рассказанная им самим и его друзьями. Москва: Этерна, 2014. 248 с.

*Тризман Д.* История России. От Горбачёва до Путина и Медведева. Москва: Эксмо, 2012. 416 с.

*Тумаков Д.В.* Тревожный регион: вооружённые конфликты на Северном Кавказе в первой половине 1990-х гг. и Ярославская область. Ярославль: Аверс Плюс, 2016. 180 с.

*Тумаков Д.В.* Начало первой чеченской войны 1994–1996 гг. в освещении российской официальной печати // Исторический путь России: из прошлого в будущее: материалы международной научной конференции: в 3 т. Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 года / под редакцией С.И. Бугашева, А.С. Минина. Т. 1. Санкт-Петербург: СПбГУПТД, 2021. С. 592–600.

*Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. Москва: РОССПЭН, 1998. 200 с.

*Цыганок А.Д.* Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991–1993. Москва: АИРО–XXI, 2012. 432 с.

*Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.

*Шокин С.Д.* Северный Кавказ в политике Российского государства от Древней Руси до начала XXI века. Ярославль: ЯрГУ, 2015. 108 с.

## References

Colton, T. *El'tsin* [Yeltsin. A life]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2013. (In Russian)

Kochieva, I., and A. Margiev. "Proshlo 68 let..." [68 years have passed...]. In *Den' katastrofy – 888. Ostanovlennyyi genotsid v Yuzhnoi Osetii. Sbornik* [Day of the Catastrophe – 888. The stopped Genocide in South Ossetia. A collection], compiled by V. Bykova and N. Davletshina, 53–152. Moscow: Evropa, 2008. (In Russian)

Koshkin, A. *Shturmovik* [Stormtrooper]. Moscow: Astrel'; St Petersburg: Astrel'–SPb; Vladimir: VKT, 2012. (In Russian)

Kotkin, S. *Predotvrashchennyi Armageddon. Raspad Sovetskogo Soyuz, 1970–2000* [Armageddon averted. The Soviet collapse, 1970–2000]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. (In Russian)

Kulikov, A.S. *Tyazhelye zvezdy* [Heavy stars]. Moscow: Voina i mir buks, 2002. (In Russian)



Lieven, A. *Chechnya: tragediya rossiiskoi moshchi. Pervaya chechenskaya voina* [Chechnya: Tombstone of Russian power]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo; Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2019. (In Russian)

Ostrovsky, A. *Govorit i pokazyvaet Rossiya. Puteshestvie v proshloe sredstvami massovoi informatsii* [The invention of Russia: The journey from Gorbachev's freedom to Putin's war]. Translated by T. Azarkovich. Moscow: Izdatel'stvo AST: CORPUS, 2019. (In Russian)

Pishchuk, M.D. “‘Ekho 44-go’: deyatel'nost' Goskomnatsa Rossii po predotvrashcheniyu osetino-ingushskogo konflikta” [‘Echo of 1944’: The activities of the Russian State Committee for National Security to prevent the Ossetian-Ingush conflict]. In *Voiny v istorii. Genezis, predposylki, prichiny mezhdunarodnykh voennykh konfliktov v istorii. Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arkheografii, istochnikovedeniya, rossiiskoi i vseobshchei istorii novogo i noveishego vremeni: Sbornik materialov Odinnadsatoi mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov “Clio–2021”* [Wars in history. Genesis, prerequisites, and causes of international military conflicts in history. Historical documents and topical problems of archaeography, source study, Russian and general modern and postmodern history: Proceedings of the 11<sup>th</sup> International Conference of Young Scientists and Specialists “Clio–2021”], edited by A.K. Sorokin, 149–52. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2021. (In Russian)

*Rossiya i SSSR v voynakh 20 veka: Statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the wars of the 20<sup>th</sup> century: A statistical study], под редакцией Г.В. Кривошеева. Moscow: OLMA-PRESS, 2001. (In Russian)

Shnirel'man, V.A. *Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being the Alans: Intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20<sup>th</sup> century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. (In Russian)

Shokin, S.D. *Severnyi Kavkaz v politike Rossiiskogo gosudarstva ot Drevnei Rusi do nachala XXI veka* [The North Caucasus in the politics of the Russian state from Ancient Rus' till the beginning of the 21<sup>st</sup> century]. Yaroslavl: YarGU, 2015. (In Russian)

Snegirev, V.N. *Ruslan: Istoriya zhizni pervogo prezidenta Ingushetii, rasskazannaya im samim i ego druz'yami* [Ruslan: Life story of Ingushetia's first president, told by himself and his friends]. Moscow: Eterna, 2014. (In Russian)

Treisman, D. *Istoriya Rossii. Ot Gorbacheva do Putina i Medvedeva* [The return: Russia's journey from Gorbachev to Medvedev]. Moscow: Eksmo, 2012. (In Russian)

Tsutsiev, A.A. *Osetino-ingushskii konflikt (1992–...): ego predystoriya i faktory razvitiya. Istoriko-sotsiologicheskii ocherk* [The Ossetian-Ingush conflict (1992–...): Its pre-history and factors of development. A historical and sociological essay]. Moscow: ROSSPEN, 1998. (In Russian)

Tsyganok, A.D. *Voennye pod Rossiiskim flagom: russkii vzglyad. 1991–1993* [The military under the Russian flag: a Russian view. 1991–1993]. Moscow: AIRO–XXI, 2012. (In Russian)

Tumakov, D.V. “Nachalo pervoi chechenskoj voiny 1994–1996 gg. v osveshchenii rossiiskoi ofitsial'noi pechati” [The beginning of the First Chechen War of 1994–1996 as covered by the Russian official press]. In *Istoricheskii put' Rossii: iz proshlogo v budushchee: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 3 t. Sankt-Peterburg, 2 aprelya 2021 goda* [Historical path of Russia: from the past to the future: Proceedings of the International Scientific Conference: 3 vols, St Petersburg, April 2, 2021], edited by S.I. Bugashev and A.S. Minin, vol. 1, 592–600. St Petersburg: SPbGUPTD, 2021. (In Russian)

Tumakov, D.V. *Trevozhnyi region: vooruzhennye konflikty na Severnom Kavkaze v pervoi polovine 1990-kh gg. i Yaroslavskaya oblast'* [Troubled region: Armed conflicts in the North

Caucasus in the first half of the 1990s and the Yaroslavl Region]. Yaroslavl: Avers Plus, 2016. (In Russian)

Gromov, B.V., ed. *Voiny i vooruzhennye konflikty vtoroi poloviny XX veka* [Wars and armed conflicts of the second half of the 20<sup>th</sup> century]. Moscow: R-Media, 2003. (In Russian)

Zdravomyslov, A.G. *Osetino-ingushskii konflikt: perspektivy vykhoda iz tupikovoii situatsii* [The Ossetian-Ingush conflict: Prospects for breaking the deadlock]. Moscow: ROSSPEN, 1998. (In Russian)

Zhukov, D.A. *Voiny na ruinaakh SSSR* [Wars on the ruins of the USSR]. Moscow: Yauza; Eksmo, 2009. (In Russian)

### **Информация об авторах**

**Денис Васильевич Тумаков** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии; <https://orcid.org/0000-0001-8569-7246>, [denistumakov@yandex.ru](mailto:denistumakov@yandex.ru), Ярославский государственный медицинский университет (150000 Россия, Ярославская обл., Ярославль, ул. Революционная, д. 5)

### **Information about the author**

**Denis V. Tumakov** – PhD, Associate Professor of the Department of History and Philosophy; <https://orcid.org/0000-0001-8569-7246>, [denistumakov@yandex.ru](mailto:denistumakov@yandex.ru), Yaroslavl State Medical University (5, ul. Revolutsionnaya, Yaroslavl, Yaroslavl oblast, 150000, Russia)

---

Статья поступила в редакцию 24.08.2021; одобрена после рецензирования 29.10.2021; принята к публикации 05.11.2021.

The article was submitted 24.08.2021; approved after reviewing 29.10.2021; accepted for publication 05.11.2021.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 485–538  
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 2 (2022): 485–538

Научная статья  
УДК 327-057.54  
<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-4>

## Украинская внешнеполитическая экспертиза и военная безопасность России в Черноморском регионе

**Олег Владимирович Онопко,**  
Донецкий национальный университет,  
Донецк, Донецкая Народная Республика,  
[onopko.oleg@gmail.com](mailto:onopko.oleg@gmail.com); <https://orcid.org/0000-0001-5569-8256>

**Oleg V. Onopko,**  
Donetsk National University,  
Donetsk, Donetsk People's Republic,  
[onopko.oleg@gmail.com](mailto:onopko.oleg@gmail.com); <https://orcid.org/0000-0001-5569-8256>



**Аннотация.** В статье впервые в политической науке осуществлена попытка определить специфику потенциального влияния на военную безопасность России представлений, существующих о ней и о Черноморском регионе в геополитической картине мира экспертов основных аналитических центров Украины, занимающихся российскими и черноморскими исследованиями. С использованием синтетической методологии, в основе которой лежат отдельные принципы и положения критической геополитики, теории «эпистемных сообществ» П. Хааса и теории секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера, автором изучены тексты аналитических продуктов институтов внешнеполитической экспертизы, которые увидели свет в 2014–2020 гг. Это позволило установить секьюритизированные представления о России и Черноморском регионе, характерные для украинских экспертов, а исследование их рекомендаций органам государственной власти Украины дало возможность определить потенциально проистекающие из них угрозы военной безопасности России. Для понимания того, как секьюритизированные представления и рекомендации экспертов учитываются правящим на Украине режимом, были проанализированы тексты украинских доктрин и стратегий в сфере военной и внешней политики (утверждённые либо находившиеся на стадии обсуждения в 2014–2021 гг.). Всё это позволило автору прийти к ряду выводов, касающихся обеспечения военной безопасности России в Черноморском регионе. Установлено, что российскими и черноморскими исследованиями на Украине занимается целый пул институтов внешнеполитической экспертизы, который имеет все

© Онопко О.В., 2022

© Onopko O., 2022

признаки «эпистемного сообщества». Его члены транслируют украинской власти иррациональные секьюритизированные представления о России, содержащиеся в их геополитической картине мира: они описывают российскую внешнюю и оборонную политику через стремление к экспансии и восстановлению Советского Союза, а также ксенофобские антирусские политические мифы. Этим эксперты обосновывают абсолютно реалистские по своей сути меры, которые, во-первых, направлены на формирование в Черноморском регионе антироссийской системы коллективной безопасности, а во-вторых, могут привести к вооружённому конфликту в нём с участием в т.ч. и нечерноморских государств.

**Ключевые слова:** внешнеполитическая экспертиза, аналитические центры, военная безопасность, геополитическая картина мира, Россия, Украина, Черноморский регион

**Для цитирования:** *Онопко О.В. Украинская внешнеполитическая экспертиза и военная безопасность России в Черноморском регионе // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 485–538, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-4>*

### Ukrainian foreign policy expertise and Russia's military security in the Black Sea region

**Abstract.** This article is the first attempt in political science to determine the specifics of potential influence on Russia's military security that may be exerted by the existing views on Russia and on the Black Sea region in the geopolitical worldview of the experts from the main Ukrainian think-tanks engaged in Russian and Black Sea studies. Using synthetic methodology based on certain principles and provisions of critical geopolitics, the theory of epistemic communities by Peter Haas, and securitization theory by Barry Buzan and Olle Wæver, the author studied the texts of analytical products of the institutions of foreign policy expertise that appeared in Ukraine in 2014–20. This allowed the author to establish securitized perceptions of Russia and the Black Sea region, typical for Ukrainian experts. The study of their recommendations to Ukrainian state authorities provided an opportunity to determine the potential threats to the military security of Russia. In order to understand how securitized perceptions and expert recommendations are considered by the ruling regime in Ukraine, the texts of Ukrainian military and foreign policy doctrines and strategies (approved or under discussion in 2014–21) were analyzed. All this allowed the author to come to a number of conclusions regarding the provision of Russia's military security in the Black Sea region. It has been established that a whole pool of institutions of foreign policy expertise is engaged in Russian and Black Sea studies in Ukraine, and this pool of institutions has all the signs of an epistemic community. Its members broadcast to the Ukrainian authorities the irrational securitized ideas about Russia contained in their geopolitical worldview. They describe Russian foreign and defense policy through the desire for expansion and restoration of the Soviet Union as well as through xenophobic anti-Russian political myths. With this, these experts justify the measures that are absolutely realistic in their essence and, firstly, are aimed at creating an anti-Russian collective security system in the Black Sea region, and secondly, can lead to an armed conflict in the region with the participation of the states outside the Black Sea region.

**Key words:** foreign policy expertise, think tanks, military security, geopolitical worldview, Russia, Ukraine, Black Sea region

**For citation:** Onopko, O.V. “Ukrainian foreign policy expertise and Russia’s military security in the Black Sea region.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2 (2022): 485–538. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-4>

### Предисловие выпускающего редактора

Статья политолога из Донецка Олега Владимировича Онопко была получена редакцией в июле 2021 года. Автор, опираясь на значительное количество источников, постарался оценить угрозы военной безопасности России, как обозначенные в доктринальных официальных документах руководства Украины, так и описанные в работах украинских официальных экспертов, представляющих институты внешнеполитической экспертизы. Но политические процессы, происходящие в современном мире, отличаются крайним динамизмом. Исследователи, пытающиеся спрогнозировать будущие политические события и явления, иногда просто не в силах предсказать их развитие, настолько быстро они протекают, приводя к тем результатам, появление которых не ожидалось в столь короткие сроки. Так бывает, что практика иногда может опережать теорию. Автор статьи предупреждал о враждебных настроениях, которыми пропитаны аналитические документы украинских экспертов, формирующих отношение к России как к врагу. Может показаться, что в настоящее время предлагаемая статья потеряла актуальность, поскольку руководство России приняло решение о проведении специальной военной операции, направленной на устранение угроз, идущих из Украины, а реализация задач денацификации и демилитаризации этой страны должна отбить охоту у враждебных для России политических сил сделать из Украины «Анти-Россию». Однако, значение и актуальность статьи Олега Владимировича Онопко состоит в том, что аналитический материал, собранный автором, позволяет познакомиться с теми способами и методами, с помощью которых в национальном общественном сознании Украины постепенно формировался фундамент, на котором затем была построена русофобская внешнеполитическая доктрина.

**Примечание редакции.** Публикация и цитирование источников рассматриваются автором как доказательная база последующих действий и политической (идеологической) позиции украинских властей.

Формулировки, представленные в статье, использованы исключительно для выстраивания логики исследования.



## Введение

После свержения В. Януковича и установления в стране евроатлантически ориентированного националистического политического режима Украина без преувеличения стала наиболее враждебным России государством Черноморского региона. Оспаривая новый международно-правовой и политический статус Крыма и Керченского пролива, не признавая границы в Азовском и Чёрном морях, а также стремясь вовлечь Россию в полномасштабный и прямой вооружённый конфликт, она представляет собой ключевую угрозу региональной и международной безопасности в Черноморье. Конфликтогенный характер украинской внешней политики неоднократно подтверждался как в дипломатическом – посредством саботажа выполнения Минских соглашений, а также договорённостей, достигнутых в рамках Нормандского формата, – так и в военном плане – посредством периодических провокаций и актов агрессии, подобных Керченскому кризису ноября 2018 г. или созданию напряжённости на Донбассе и у границ России в апреле 2021 г. При этом в основе такой политики лежат не спонтанные политические решения, но последовательный и продуманный антироссийский курс правящего режима, значительный вклад в формирование геополитической картины мира<sup>1</sup> представителей которого внесён частью украинского экспертного сообщества, специализирующейся на вопросах внешней политики и международных отношений. Исходя из своих идеологических убеждений и установок, украинские эксперты-международники и сотрудники аналитических центров консультируют органы государственной власти и предоставляют им оценки текущей международно-политической ситуации, а также рекомендации по ведению внешней и военной политики Украины. В этих условиях актуальными задачами для российской политической науки и практики являются понимание видения России и вопросов военной безопасности в Черноморском регионе, свойственного украинской системе внешнеполитической экспертизы, а также выработка вариантов стратегии противодействия Украине в данном геополитическом пространстве, которые учитывают указанное понимание.

В современной отечественной политологии вопросы международных отношений и безопасности России в Черноморском регионе изучены достаточно подробно. На сегодняшний день с позиций политических наук черноморскими исследованиями в России занимаются такие учёные, как

---

<sup>1</sup> Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4: Региональное измерение политического процесса. С. 31–52.

Н. Александрова-Арбатова<sup>2</sup>, А. Баранов<sup>3</sup>, А. Гаврила<sup>4</sup>, П. Гудев<sup>5</sup>, А. Ирхин<sup>6</sup>, А. Ишин<sup>7</sup>, Э. Ислямова<sup>8</sup>, А. Макарычев<sup>9</sup>, Д. Малышев<sup>10</sup>, Г. Нурышев<sup>11</sup>, В. Петров<sup>12</sup>, И. Юрченко<sup>13</sup> и др. Их работы затрагивают самые разнообразные аспекты происходящего в Черноморье: от общего анализа геополитического положения региона<sup>14</sup> до изучения конкретных политических ситуаций, возникающих в нём<sup>15</sup>. При этом практически все авторы так или иначе отмечают особое значение Украины в создании военно-политической нестабильности в Черноморье. Диаметрально противоположная точка зрения у

---

<sup>2</sup> *Alexandrova-Arbatova N.* Security Relations in the Black Sea Region: Russia and the West after the Ukrainian Crisis // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2015. No. 15 (2). P. 129–139. DOI: 10.1080/14683857.2015.1060015

<sup>3</sup> *Баранов А.В.* Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2018. Т. 4 (14), № 2. С. 5–18.

<sup>4</sup> *Гаврила А.* Роль Черноморского региона в региональном и глобальном контексте // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9, № 1–2. С. 44–47.

<sup>5</sup> *Гудев П.А.* Новые риски и угрозы безопасности России в Азово-Черноморском регионе // *Пути к миру и безопасности*. 2017. № 2 (53). С. 37–45.

<sup>6</sup> *Ирхин А.А., Нелина Л.П., Чихарев И.А.* Россия и Большое Средиземноморье (1920–2014) // *Парадигмы истории и общественного развития*. 2018. № 12. С. 58–68.

<sup>7</sup> *Ишин А.В.* О геополитической стратегии НАТО в Черноморском бассейне // *Проблемы постсоветского пространства*. 2020. Т. 7, № 2. С. 219–226.

<sup>8</sup> *Ислямова Э.Э.* Черноморский регион в контексте политики национальной безопасности Российской Федерации: вопросы теории // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2019. Т. 46, № 2. С. 375–383.

<sup>9</sup> *Baltic-Black Sea Regionalisms / edited by O. Bogdanova, A. Makarychev.* Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-24878-9

<sup>10</sup> *Малышев Д.В.* Керченский кризис и статус Азовского моря // *Постсоветские исследования*. 2019. Т. 2, № 2. С. 982–989.

<sup>11</sup> *Нурышев Г.Н.* Современное Причерноморье в геополитическом измерении // *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. 2016. № 2–2 (14). С. 16–21.

<sup>12</sup> *Петров В.П.* Геополитическое значение Крыма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2018. Т. 20, № 1. С. 21–30.

<sup>13</sup> *Юрченко И.В.* Геополитические особенности Черноморского региона в контексте обеспечения безопасности Юга России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2008. № 3. С. 18–24.

<sup>14</sup> *Ишин А.В.* О геополитической ситуации в Черноморском регионе: крымский взгляд // *Проблемы постсоветского пространства*. 2016. № 1 (7). С. 38–46.

<sup>15</sup> *Баранов А.В.* Геополитический конфликт в Керченском проливе и Азовском море: причины, интересы участников, динамика // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2019. № 1 (58). С. 89–94.

иностранных учёных Ю. Будзовича<sup>16</sup>, Е. Горюновой<sup>17</sup>, С. Кайзера<sup>18</sup>, Ш. Кросс<sup>19</sup>, К. Мартен<sup>20</sup>, В. Наумеску<sup>21</sup>, Б. Парахонского<sup>22</sup>, Д. Сандерс<sup>23</sup> и др. Многие из них – и особенно исследователи из Украины – рассматривают Россию как главную угрозу интересам своих государств в Черноморье, пытаются искать любые пути и возможности противодействия ей. Автор убеждён, что в этом заключается одно из фундаментальных различий между, с одной стороны, украинскими и западными прикладными политическими исследованиями проблем Черноморского региона и, с другой стороны, российскими, которые ориентированы на поиск исключительно правовых и дипломатических средств урегулирования существующих или потенциальных конфликтов и противоречий. Так или иначе ни отечественные, ни зарубежные политологи при анализе политических, военных и иных процессов в Черноморье практически не принимают во внимание фактор внешнеполитической экспертизы в тех государствах, которые в этих процессах участвуют. Среди позитивных исключений в этом отношении следует упомянуть работы В. Коньшева «Безопасность в Черноморском регионе в оценках “мозговых центров” США»<sup>24</sup> и А. Ирхина и О. Москаленко «Черноморско-Средиземноморский регион в современной западной аналитике»<sup>25</sup>.

---

<sup>16</sup> Будзович Ю. ГУАМ в контексті забезпечення безпеки та співробітництва Чорноморського регіону // Вісник Прикарпатського університету. Серія: Політологія. 2015. Вип. 9. С. 80–88.

<sup>17</sup> Горюнова Є.О. Анексія Криму як загроза безпеці Балто-Чорноморського регіону // Інтермарум: історія, політика, культура. 2017. № 4. С. 8–17.

<sup>18</sup> Kayser S. Geopolitics of the Black Sea // Maritime security center of excellence. URL: <https://www.marseccoe.org/marsec/upload/files/202006/5ed7a3131bed8-1591190291.pdf> (дата обращения: 11.05.2021).

<sup>19</sup> Cross S. NATO–Russia security challenges in the aftermath of Ukraine conflict: Managing Black Sea security and beyond // Southeast European and Black Sea Studies. 2015. No. 15 (2). P. 151–177. DOI: 10.1080/14683857.2015.1060017

<sup>20</sup> Marten K. NATO Enlargement: evaluating its consequences in Russia // International Politics. 2020. No. 57. P. 401–426. DOI: 10.1057/s41311-020-00233-9

<sup>21</sup> Naumescu V. NATO in the Black Sea region: Unpredictability and different levels of commitment among the three coastal allies // The journal of cross-regional dialogues. 2020. Special Issue. P. 131–152. DOI: 10.25518/2593-9483.141

<sup>22</sup> Парахонський Б.О. Регіональні наслідки глобальних суперечностей: Чорноморський регіон // Стратегічна панорама: Науково-практичний журнал. 2016. № 2. С. 10–16.

<sup>23</sup> Sanders D. Maritime Power in the Black Sea (1<sup>st</sup> ed.). London: Routledge, 2014. DOI: 10.4324/9781315593920

<sup>24</sup> Коньшев В.Н. Безопасность в Черноморском регионе в оценках «мозговых центров» США // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы Международной научно-практической конференции / под редакцией

Совсем без внимания остаётся украинская внешнеполитическая экспертиза. Вместе с тем на Украине создана её большая и разветвлённая система, включающая в себя множество государственных, неправительственных и академических аналитических центров и институтов. Исследования данной системы ведутся крайне спорадично. На Украине к ним можно отнести работы О. Маевской<sup>26</sup>, П. Миненковой<sup>27</sup>, Е. Олейника<sup>28</sup>, А. Плюща<sup>29</sup>, Н. Ржевской<sup>30</sup>, В. Рубанова<sup>31</sup>, О. Федорчук<sup>32</sup> и др., которые преимущественно направлены на теоретическое изучение зарубежного опыта функционирования аналитических центров и возможностей использования отдельных его элементов в условиях украинского экспертного сообщества. Проблема же влияния украинской внешнеполитической экспертизы на курс своего государства в международной среде, в частности, в плане вопросов, связанных с Черноморским регионом, так и осталась неисследованной. В России исследования украинской внешнеполитической экспертизы практически отсутствуют – этой проблематики лишь отчасти касаются учёные, изучающие украинские

---

А.В. Баранова, В.В. Касьянова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 32–35.

<sup>25</sup> *Ирхин А.А., Москаленко О.А.* Черноморско-Средиземноморский регион в современной западной аналитике // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань»: материалы научно-практической конференции, Севастополь, 20–21 сентября 2019 года / под редакцией Е.А. Барминой. Севастополь: СевГУ, 2019. С. 319–324.

<sup>26</sup> *Маєвська О.* Діяльність «мозкових центрів» на сучасному етапі: загрози та виклики // Вісник Львівського університету. Серія: Філософсько-політологічні студії. 2019. Вип. 26. С. 145–151. DOI: 10.30970/2307-1664.2019.26.18

<sup>27</sup> *Міненко П.В.* Концептуальні засади та категоріальне визначення поняття «мозкові центри»: наукове переосмислення традиційних підходів // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Політологія. Соціологія. Право. 2018. № 1. С. 17–22.

<sup>28</sup> *Олійник Є.Ю.* Роль аналітичних недержавних політологічних центрів України в розвитку політичної науки // Гілея. 2011. Вип. 51. С. 473–478.

<sup>29</sup> *Плющ О.* Просування експертними організаціями дискурсу політичних суб'єктів // Соціальна психологія. 2012. № 1–2 (51–52). С. 204–214.

<sup>30</sup> *Ржевська Н.* «Мозкові центри» як суб'єкти експертного середовища: функціональний аналіз // Політичний менеджмент. 2012. № 1–2. С. 161–169.

<sup>31</sup> *Рубанов В.В.* Институционализация – базовое понятие характеристики процесса становления и развития политической аналитики в Украине // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2012. № 4 (14). С. 165–169.

<sup>32</sup> *Федорчук О.* Недержавні аналітичні центри України як сегмент політичної науки // Вісник Львівського університету. Серія: Філософсько-політологічні студії. 2017. Вип. 10. С. 182–187.

политологические аналитические центры: К. Курылев, К. Гаврикова, Е. Поспелова<sup>33</sup>, В. Солодкий<sup>34</sup>, И. Фокин<sup>35</sup> и др.

Принимая во внимание наработки в сфере изучения внешнеполитической экспертизы указанных выше исследователей, автор преследовал цель определить специфику потенциального влияния на военную безопасность России представлений о ней и о Черноморском регионе, существующих в геополитической картине мира экспертов основных аналитических центров Украины, занимающихся российскими и черноморскими исследованиями. Для достижения поставленной цели автором был применён синтетический теоретико-методологический подход, объединяющий отдельные принципы и положения критической геополитики<sup>36</sup>, теории «эпистемных сообществ» П. Хааса<sup>37</sup> и теории секьюритизации Б. Бузана<sup>38</sup> и О. Уэвера<sup>39</sup>. Сочетая их, украинскую систему внешнеполитической экспертизы можно представить как эпистемное сообщество –

сеть профессионалов с признанным опытом и компетенцией в определённой области и авторитетными претензиями на политически значимые знания в этой области или проблемном вопросе<sup>40</sup>

(в данном случае – в сфере внешней политики Украины). Члены этого сообщества, участвуя в геополитическом дискурсе, транслируют правящему

---

<sup>33</sup> Курылев К.П., Гаврикова К.В., Поспелова Е.А. Экспертно-аналитические центры на Украине: характер и особенности // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15, № 3. С. 99–109.

<sup>34</sup> Солодкий В.А. Фонд имени Разумкова как инструмент политики «мягкой силы» Запада на Украине // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. № 23. С. 53–57. DOI: 10.5281/zenodo.1164053

<sup>35</sup> Фокин И.А. Институциональная инфраструктура политической науки в современной Украине // Политическая наука. 2015. № 3: Социальные и политические функции академических и экспертных сообществ. С. 252–266.

<sup>36</sup> Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России. С. 31–52.

<sup>37</sup> Haas P.M. Introduction: Epistemic communities and international policy coordination // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 1. Knowledge, Power, and International Policy Coordination. P. 1–35.

<sup>38</sup> Albert M., Buzan B. Securitization, sectors and functional differentiation // Security Dialogue. 2011. № 42 (4–5). P. 413–425. DOI: 10.1177/0967010611418710

<sup>39</sup> Wæver O. Securitization and desecuritization // On Security, edited by Ronnie D. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.

<sup>40</sup> Haas P.M. Introduction: Epistemic communities and international policy coordination. P. 3.



режиму, его лидерам, а также институтам «внешнеполитической триады»<sup>41</sup> секьюритизированные представления о России, содержащиеся в их геополитической картине мира, тем самым влияя на внешнюю политику Украины и создавая угрозы для военной безопасности<sup>42</sup> России в Черноморском регионе.

Указанный исследовательский подход к проблеме обусловил постановку и решение следующих задач: 1) определение основных институтов внешнеполитической экспертизы Украины, занимающихся исследованиями политики России и стран Черноморского региона; 2) установление секьюритизированных представлений о России и Черноморском регионе, существующих в геополитической картине мира экспертов указанных центров; 3) определение главных угроз для военной безопасности России, потенциально проистекающих из рекомендаций украинских экспертов правящему режиму по ведению российско-украинских отношений, а также внешней и военной политики в Черноморье; 4) анализ текстов украинских доктрин и стратегий в сфере военной и внешней политики (утверждённых либо находившихся на стадии обсуждения в 2014–2021 гг.), в которых нашли применение данные рекомендации.

### **Аналитические центры Украины, исследующие Россию и Черноморский регион**

С 2014 г. среди украинских институтов внешнеполитической экспертизы неуклонно растёт интерес к политическим процессам в России и Черноморском регионе. В настоящее время можно выделить три основных группы аналитических центров, которые в своей экспертной деятельности так или иначе касаются данных тем:

1. *Аналитические центры, ведущие фундаментальные исследования.* К ним после деструктивного для системы внешнеполитической экспертизы Украины президентства В. Януковича (2010–2014 гг.) теперь относятся только Национальный институт стратегических исследований (НИСИ) и Институт всемирной истории Национальной академии наук Украины (ИВИ НАН). НИСИ фокусируется на изучении геополитических основ украинской политики в Черноморье, а также на поиске геостратегических методов и средств противодействия России. С 2014 г. институтом проделана значительная работа по созданию и распространению среди украинской политической элиты и

---

<sup>41</sup> Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. Москва: НОФМО, 2008. С. 36.

<sup>42</sup> Военная доктрина Российской Федерации // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения: 14.06.2021).

экспертного сообщества политического мифа о «мировой гибридной войне» России против Запада и Украины. Такая точка зрения представлена как в научных статьях<sup>43</sup> и монографиях<sup>44</sup>, так и в аналитических продуктах<sup>45</sup>, которые НИСИ готовит для президента и Совета национальной безопасности и обороны. При этом меры стратегического противодействия России эксперты института предлагают, руководствуясь принципами политического реализма. Несмотря на то, что у НИСИ пока еще нет собственного единого стратегического видения геополитического будущего Черноморского региона, там сходятся во мнении о необходимости формирования в нём новой региональной системы коллективной безопасности на основе широкой антиросийской коалиции с участием как черноморских, так и нечерноморских стран. Фундаментальные исследования, связанные с актуальной российской и черноморской проблематикой, ведутся также и в ИВИ НАН, однако в силу научного профиля института они малочисленны и спорадичны. Основное внимание в них уделяется историческому анализу политических процессов на постсоветском пространстве<sup>46</sup> и ситуации с Крымом<sup>47</sup>.

2. *Специализированные аналитические центры*, занимающиеся собственно российскими и черноморскими исследованиями. К ним относятся Одесский филиал НИСИ, Центр исследования России, Центр глобалистики «Стратегия XXI». И если о деятельности первого, начиная с 2020 г., мало что известно, то

<sup>43</sup> Горбулін В.П., Власюк О.С., Кононенко С.В. Російсько-українська війна в термінах теорії реалізму // Суспільно-політичні процеси. 2016. Вип. 2. С. 70–96; Горбулін В.П., Власюк О.С., Лібанова Е.М., Ляшенко О.М. Збройний конфлікт в Україні у термінах геополітики // Суспільно-політичні процеси. 2016. Вип. 3. С. 61–86; Парахонський Б.О. Регіональні наслідки глобальних суперечностей: Чорноморський регіон // Стратегічна панорама: Науково-практичний журнал. 2016. № 2. С. 10–16.

<sup>44</sup> Горбулін В.П. Світова гібридна війна: український фронт. Київ: НІСД, 2017; Парахонський Б.О., Яворська Г.М. Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл. Київ: НІСД, 2019.

<sup>45</sup> Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України: аналіт. доп. Київ: НІСД, 2020; Парахонський Б.О. Системна криза міжнародної безпеки: Близькосхідно-Чорноморський простір: аналіт. доп. Київ: НІСД, 2016.

<sup>46</sup> Країни пострадянського простору в умовах формування багатополюсного світу: історичні уроки та перспективи: збірник наукових праць. Київ: ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2016; Інтеграційні виміри трансформації пострадянського простору. Київ: ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2020; Історичні передумови становлення зовнішньополітичної орієнтації країн пострадянського простору: збірник наукових праць. Київ: ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2020.

<sup>47</sup> Кудряченко А.І., Швед В.О., Солошенко В.В., Самойленко С.Г. Міжнародні аспекти інтеграції Донбасу і Криму в політико-правовий і соціокультурний простір України: аналітична доповідь. Київ: ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2019.

последний по праву может считаться ведущим внешнеполитическим экспертным институтом по проблемам Черноморья. Он на постоянной основе издаёт аналитический журнал «Черноморская безопасность»<sup>48</sup>, регулярно готовит достаточно качественные, глубокие и информативные аналитические записки по этой тематике<sup>49</sup>, а также реализует проект «Содействие безопасности в Черноморском регионе путём большей вовлеченности неправительственных игроков» при поддержке Черноморского Трастового Фонда Немецкого фонда Маршалла. Что касается Центра исследования России, то эта экспертная организация претендует на то, чтобы стать первым на Украине аналитическим центром, занимающимся комплексным изучением российской внешней, внутренней и оборонной политики. Вместе с тем на данном этапе она представляет собой лишь сетевую платформу, объединяющую представителей других институтов внешнеполитической экспертизы и их аналитические и публицистические материалы, связанные с Россией<sup>50</sup>. В целом для аналитики специализированных центров характерны видение российско-украинских отношений сквозь ту же призму политического мифа о «мировой гибридной войне» и в то же время относительно прагматичные и выполненные в рамках реалистского подхода рекомендации по противодействию России.

3. *Аналитические центры широкого профиля.* К ним относятся Институт мировой политики, Международный центр перспективных исследований, Одесский центр по вопросам нераспространения, Совет внешней политики «Украинская призма», Украинский институт будущего, Центр исследований армии, конверсии и разоружения, Центр Разумкова и др. Общими чертами данных институтов внешнеполитической экспертизы являются по большей части некоммерческий характер деятельности, наличие тесных связей с западными политическими и экспертными структурами (порой до такой степени, что их можно считать агентами влияния последних на Украине), а также ориентация на выработку практических рекомендаций в сфере внешней и военной политики, политики безопасности. В своих работах аналитические

---

<sup>48</sup> Чорноморська безпека // Geostrategy. URL: <https://geostrategy.org.ua/chornomorska-bezpeka> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>49</sup> Аналітичний звіт: «Тенденції безпекової ситуації у Чорноморському регіоні» // Geostrategy. URL: <https://geostrategy.org.ua/analitika/analitichna-zapyska/analitichnyy-zvit-tendenciyi-bezpekovoji-sytuaciyi-u-chornomorskomu-regioni> (дата обращения: 14.06.2021); Стан чорноморської безпеки в нових умовах // Geostrategy. URL: <https://geostrategy.org.ua/analitika/analitichna-zapyska/stan-chornomorskoyi-bezpeky-v-novyh-umovah> (дата обращения: 14.06.2021); и др.

<sup>50</sup> Статті // Центр дослідження Росії. URL: [http://r-studies.org/cms/index.php?action=category/browse&site\\_id=8&lang=ukr&category\\_id=20](http://r-studies.org/cms/index.php?action=category/browse&site_id=8&lang=ukr&category_id=20) (дата обращения: 14.06.2021).

центры широкого профиля периодически затрагивают проблемы Черноморского региона, при этом они также демонстрируют реализм в предложениях по противодействию России, но иррациональность в восприятии мотивов её внешней политики. Регион рассматривается ими в контексте либо конкретных политических и военно-политических ситуаций (например, Керченский кризис 2018 г.<sup>51</sup>), либо внешней политики Украины в целом<sup>52</sup>, либо отдельных – нечерноморских – её направлений (например, евроатлантического<sup>53</sup>).

### Представления о России и Черноморском регионе

Несмотря на то, что украинские аналитические центры уделяют значительное внимание России и её активности в Черноморском регионе, в российской политической науке до сих пор практически отсутствуют научные работы, направленные на выявление специфики того, какое отражение находит эта активность в их геополитической картине мира. Вместе с тем уже первые попытки исследований в этой сфере позволяют утверждать, что украинские эксперты-международники активно формулируют свои достаточно целостные и последовательные скрипты геополитических историй России и Черноморского региона, которые успешно передаются украинскому политикуму в целом и правящему на Украине режиму в частности через готовящиеся для них аналитические продукты. Изучение текстов последних позволяет выделить следующие секьюритизированные представления.

*Россия* рассматривается экспертами украинских аналитических центров по умолчанию как враждебное Украине государство, ведущее против неё и коллективного Запада «мировую гибридную войну». Для них она – «евразийская империя зла», обладающая «низкой стратегической культурой»<sup>54</sup>, но при этом стремящаяся к реваншу<sup>55</sup>, «разделению Европы на сферы влияния,

<sup>51</sup> Самуль М. Російська агресія в Керченській протоці – тест для сучасної системи міжнародних відносин // Центр досліджень армії, конверсії та роззброєння. URL: <https://cacds.org.ua/?p=4886> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>52</sup> Українська призма: Зовнішня політика 2020. Аналітичне дослідження. Київ: ГО «Рада зовнішньої політики “Українська призма”», Фонд ім. Ф. Еберта, 2021; Україна 2020–2021: невинуваті очікування, неочікувані виклики (аналітичні оцінки). Київ: Центр Разумкова, 2020.

<sup>53</sup> Шелест Г. Чи існує чорноморська політика НАТО? // Українська призма. URL: <http://prismua.org.tilda.ws/blackseanato> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>54</sup> Власюк О.С., Кононенко С.В. Кремлівська агресія проти України: роздуми в контексті війни. Київ: НІСД, 2017. С. 162.

<sup>55</sup> Горбулін В.П. Світова гібридна війна: український фронт. С. 94.

реинкарнации Советского Союза»<sup>56</sup>. Вполне закономерно, что политической элите Украины не предоставляется никаких рациональных объяснений того, зачем это всё нужно России, вместо этого утверждается, что «понять смысл российской агрессивной войны против Украины через рациональные объяснения невозможно, поскольку никаких причин или формальных оснований для войны вообще не существует»<sup>57</sup>. В качестве же иррациональных аргументов украинские эксперты приводят устоявшиеся ксенофобские антирусские мифы. В частности, они отмечают, что «в текущей нестабильной ситуации на международной арене виновата именно русская ментальность»<sup>58</sup>, а также утверждают, что в основе мотивов современной российской внешней политики лежат

глубинные слои народного подсознания, где всегда дремлет противостояние «своих и чужих». Соответственно, в критическое время властями разжигается вражда против того, кто якобы ненавидит Россию, хочет покорить и захватить её богатства. В качестве такого врага исторически выступает Запад. Вместе с тем подспудно раздувается ненависть и к тем, кто просто живёт лучше или хочет жить лучше, чем Великая Россия. В наше время в эту категорию попала Украина, которая захотела жить «как в Европе» и начала двигаться в её сторону<sup>59</sup>.

В текстах аналитических продуктов периодически также встречается тезис о том, что

российское влияние на положение в Украине стремится быть всеобъемлющим и монопольным, поэтому [Россия] не гнушается ни одной общественно значимой сферы – не только политической, финансовой или энергетической, но и спорта, кино, телевидения, социальных сетей. Но главной стратегической целью этого влияния является установление контроля над украинским государством<sup>60</sup>.

---

<sup>56</sup> Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2017 році». Київ: НІСД, 2017. С. 242.

<sup>57</sup> Парахонський Б.О., Яворська Г.М. Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл. С. 297.

<sup>58</sup> Інтеграційні виміри трансформації пострадянського простору. С. 292.

<sup>59</sup> Там же. С. 300.

<sup>60</sup> Російський спрут у дії. Кейс «Україна» // Geostrategy. URL: <https://geostrategy.org.ua/analitika/doslidzhennya/rosiyskyu-sprut-u-diyi-keys-ukrayina/zavantazhyty-doslidzhennya-rosiyskyu-sprut-u-diyi-keys-ukrayina> (дата обращения: 14.06.2021).



Таким образом, в геополитической картине мира экспертов украинских аналитических центров Россия – это иррационально действующий, а потому непредсказуемый актер, представляющий угрозу для украинской национальной и международной безопасности, по умолчанию стремящийся к экспансии и пересмотру существующего мирового порядка.

*Черноморский регион* рассматривается как главное геополитическое пространство, где происходит столкновение между Россией, с одной стороны, странами Запада и Украиной – с другой. У украинских экспертов нет единого подхода к концептуализации регионального геополитического пространства Черноморья. Оно рассматривается ими как минимум в семи различных вариациях: от просто «Черноморского региона» до «Междуморья»<sup>61</sup> и «Ближневосточно-Черноморского региона»<sup>62</sup>. При этом эксперты убеждены, что для России этот регион – «мягкое подбрюшье», защитить которое она способна «только путём доминирования»<sup>63</sup>. По мнению украинских экспертов, первый шаг в этом направлении был сделан в 2014 г., когда, установив контроль над Крымом, Россия кардинально изменила «геополитический ландшафт» региона и Европы в целом<sup>64</sup>. В настоящее время она якобы также продолжает реализовывать свою «стратегию доминирования»<sup>65</sup>, цель которой – «создание собственной сферы влияния»<sup>66</sup> путём «милитаризации» Крыма и Черноморья в целом, а также «гибридных угроз» для государств региона. В основе этой стратегии, считают на Украине, лежат шаги по ограничению доступа постсоветских стран к Чёрному морю<sup>67</sup>, а также меры, направленные на вытеснение из его региона США, Великобритании и других нечерноморских

<sup>61</sup> Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2016 році». Київ: НІСД, 2016. С. 127.

<sup>62</sup> Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2017 році». С. 16.

<sup>63</sup> *Литвиненко О.* Чорноморська безпека: основні тренди 2030 // Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <https://niss.gov.ua/sites/default/files/2020-09/bsr-ukr.pdf> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>64</sup> Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2015 році». Київ: НІСД, 2015. С. 420; Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2017 році». С. 219.

<sup>65</sup> Аналітичний звіт: «Тенденції безпекової ситуації у Чорноморському регіоні» // Geostrategy.

<sup>66</sup> *Александров О., Филипенко А., Власенко Р.* Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 26.

<sup>67</sup> *Александров О., Филипенко А., Власенко Р.* Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 26.

государств. При этом у стран, входящих в регион, нет ни общего подхода, ни общего стремления противодействовать российской активности в Черноморье. В этих условиях главную ценность для внешней и военной политики Украины, по мнению её экспертов-международников, представляют Китай<sup>68</sup>, «страны-члены НАТО, которые вовлечены в патрулирование и помощь в сфере безопасности в Черноморском регионе, в первую очередь, США и Великобритания»<sup>69</sup>, а также Румыния и – главное – Турция:

Для Турции приоритетом является контроль Чёрного моря и конкуренция с РФ. Невозможно объективно оценить военно-морской потенциал Турции и РФ в Чёрном море из-за наличия баз и группировок и за его пределами и возможности переброски соответствующих платформ и сил в случае необходимости к Чёрному морю<sup>70</sup>.

При этом определяющее влияние на готовность Турции вмешиваться в военно-политические процессы в Черноморском регионе, по мнению украинских экспертов, имеет т.н. «черноморский консенсус» – неформальное, непубличное и во многом интуитивное соглашение с Россией, по которому Турция активно не противодействует ей в Черноморье и стремится к поддержанию существующего статус-кво, получая взамен больше возможностей для реализации своих национальных интересов на других геостратегических направлениях:

в Черноморском регионе ... Россия и Турция развивают партнерские отношения по развитию транзитной сети для транспортировки энергоресурсов. Милитаризация акватории Чёрного моря Российской Федерацией дестабилизирует ситуацию, но пока Анкара не демонстрирует желания активно противостоять Москве по этому вопросу<sup>71</sup>.

Таким образом, в геополитической картине мира экспертов украинских аналитических центров Черноморский регион – это пространство, где их страна сталкивается с максимально полным спектром российских как чисто военных, так и «гибридных угроз», при этом ей фактически не на кого опереться в этом «противостоянии».

<sup>68</sup> Литвиненко О. Чорноморська безпека: основні тренди 2030.

<sup>69</sup> Шелест Г. Чорноморська безпека: спроможності сусідів України на морі. Аналітична записка // Українська призма. URL: <http://prismua.org/03-02-2021/> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>70</sup> Шелест Г. Чорноморська безпека: спроможності сусідів України на морі.

<sup>71</sup> Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 15.

### Рекомендации украинских аналитических центров: угрозы для России

Секьюритизированные представления о Черноморье и России, существующие в геополитической картине мира экспертов-международников украинских аналитических центров, обуславливают меры, которые те предлагают принимать правящему на Украине политическому режиму в целях противодействия российским национальным интересам в регионе. Обобщая и систематизируя эти рекомендации украинской системы внешнеполитической экспертизы, можно выделить ряд потенциальных военных угроз<sup>72</sup> для России, которые могут возникнуть в случае их реализации.

*1. Угроза регионального вооружённого конфликта с участием в т.ч. нечерноморских государств.* Не обладая достаточной военной мощью для самостоятельного и эффективного обеспечения собственной безопасности в Черноморском регионе и противодействия России в нём, Украина стремится привлечь в него максимально возможные силы нечерноморских государств (в первую очередь США), равно как и добиться от черноморских государств, во-первых, увеличения их военных потенциалов, а во-вторых, готовности реально противостоять российской активности. Этот стратегический курс черноморского направления украинской внешней и военной политики основывается и периодически подкрепляется следующими рекомендациями аналитических центров:

– активизировать участие Украины в военных проектах НАТО в Черноморском регионе, начать брать на себя инициативу в вопросах как стратегического планирования, так и оперативной работы. В частности, украинские эксперты считают необходимым

предложить НАТО рассмотреть возможность привлечения Украины к разработке Стратегии Альянса в Черноморском регионе, а также активизировать участие Украины в мероприятиях по оценке ситуации безопасности в регионе<sup>73</sup>,

усилить обмен оперативной разведывательной информацией, в том числе по освещению подводной, надводной обстановки, радиоперехватов и т.д., в Черноморском регионе. Проанализировать возможность разработки совместной системы ПВО-мониторинга<sup>74</sup>,

---

<sup>72</sup> Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>73</sup> Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 34.

<sup>74</sup> Шелест Г. Чи існує Чорноморська стратегія НАТО?

рекомендовать Североатлантическому альянсу продолжить усиление военно-морского присутствия в Черноморском регионе для противостояния российской военной агрессии и обеспечения там необходимого баланса сил (в том числе за счёт формирования постоянной военно-морской группировки, размещения систем ПВО / ПРО, ударных комплексов, проведения учений по созданию собственной региональной А2 / АД-зоны в Чёрном море)<sup>75</sup>.

Это может привести к общему повышению степени милитаризации Черноморья, а привлечение представителей Украины к работе структур НАТО – к организации антироссийских провокаций, но уже с участием сил Альянса;

– интенсифицировать взаимодействие и повысить уровень готовности к проведению совместных военных операций с военно-морскими силами стран НАТО: Великобритании, Германии, Румынии, США, Турции. Отмечается, что

для Украины сегодня остаётся приоритетным сотрудничество в военно-морской сфере с двумя черноморскими государствами, Турцией и Румынией, и странами-членами НАТО, которые вовлечены в патрулирование и помощь в сфере безопасности в Черноморском регионе, в первую очередь, с США и Великобританией. Украина активно участвует во всех учениях в Чёрном море, главным из которых являются ежегодные американо-украинские учения «Си Бриз», которые привлекают представителей всех стран-партнеров. Последние 3 года важным элементом [сотрудничества между Украиной и Румынией] являются общие украино-румынские учения на Дунае «Riverine». Кроме того, в Чёрном море постоянно проходят учения типа PASSEX, в которых ВМС Украины активно участвуют<sup>76</sup>.

В настоящее время именно такие учения формируют выгодные условия и повышают вероятность реального прямого боевого столкновения с российскими вооружёнными силами. Во-первых, в ходе данных мероприятий кратковременно резко повышается степень милитаризации Черноморского региона, а соответственно, и уровень готовности Черноморского флота России противодействовать военным угрозам, во-вторых, создаются дополнительные возможности для Украины и её союзников организовывать и осуществлять провокации, буквально подставляя под удар свои силы. Показательным примером может служить ситуация с британским эсминцем «Defender», который в преддверии учений «Sea Breeze 2021» вторгся в российские воды в

<sup>75</sup> Аналітичний звіт: «Тенденції безпекової ситуації у Чорноморському регіоні».

<sup>76</sup> Шелест Г. Чорноморська безпека: спроможності сусідів України на морі.

районе м. Фиолент и был изгнан из них только с помощью предупредительного огня и авиаударов.

2. *Угроза создания региональной антироссийской системы коллективной безопасности.* Справедливо отмечая, что на сегодняшний день у государств Черноморья нет единого видения России и, как следствие, общего стремления и тем более подхода к противодействию ей, украинские эксперты считают решение этой «проблемы» одной из важнейших задач украинских властей во внешнеполитической сфере. С этой целью они предлагают властям Украины следующие рекомендации:

– усилить партнёрские связи с государствами Черноморского региона, входящими в НАТО, а также их союзниками из сопредельных регионов. В частности, речь идёт об

интенсификации партнёрства в сфере безопасности в трёхстороннем формате (Украина – Турция – Азербайджан) с перспективами его договорного оформления, с целью преобразования такого партнёрства в фактор стабилизации Черноморско-Каспийского пространства<sup>77</sup>.

Подобное сотрудничество впервые активизировалось ещё весной 2018 г., когда в Баку состоялись первые консультации на уровне заместителей министров иностранных дел<sup>78</sup>, в дальнейшем оно получило правовую поддержку в ст. 36 «Стратегии национальной безопасности Украины», утверждённой указом президента №392/2020 от 14 сентября 2020 г.<sup>79</sup>. Кроме Турции, большое значение для украинских экспертов имеет партнёрство с Румынией. И если первая интересна Украине прежде всего в плане военного сотрудничества и давления на Россию по крымскому вопросу, то вторая – в плане развития приграничных территорий и «сотрудничества по вопросам информационной и кибербезопасности, защиты критической инфраструктуры, безопасности судоходства, реагирования в чрезвычайных ситуациях»<sup>80</sup>. Такие акценты во многом могут быть обусловлены тем, что украинские эксперты

---

<sup>77</sup> Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 36.

<sup>78</sup> Україна, Азербайджан і Туреччина провели у Баку тристоронні консультації // Укрінформ. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/2454208-ukraina-azerbajdzan-i-tureccina-proveli-u-baku-tristoronni-konsultacii.html> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>79</sup> Указ Президента України № 392/2020 «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 14 вересня 2020 року «Про Стратегію національної безпеки України» // President.gov.ua. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/3922020-35037> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>80</sup> Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 36.



осознают, что в настоящее время румынские вооружённые силы, особенно флот, пока ещё не в полной мере готовы для активного и, главное, эффективного сотрудничества в военной сфере:

Большинство румынских кораблей были построены в 1970–1980 гг. В последние годы Румыния начала обновление своего флота, что связано как с российской агрессией против Украины, так и с желаниями иметь весомую позицию внутри НАТО. Именно с оглядкой на последнее Румыния и планирует развитие своих ВМС, которые должны иметь способности действовать не только в Чёрном море, но и за его пределами<sup>81</sup>.

При этом украинские эксперты считают, что их стране следует отказаться от региональной конкуренции с Румынией<sup>82</sup>, в частности по вопросам, связанным со статусом о. Змеиный и прилегающих к нему вод. Наиболее проблемным, но оттого не менее значимым для внешней политики Украины, является сотрудничество с Болгарией. Исторические связи болгарского и русского народов вызывают значительное беспокойство у украинских экспертов<sup>83</sup>, поскольку не способствуют легитимному привлечению страны к антироссийским инициативам Украины, НАТО и ЕС, в частности в плане ужесточения санкций<sup>84</sup>. Для снижения влияния данных связей украинские аналитические центры предлагают в своих докладах особое внимание уделять сфере информационной безопасности

с целью противодействия российским информационным воздействиям и разведывательной деятельности; увеличению присутствия [Украины] в болгарском информационном пространстве; укреплению гуманитарных связей, прежде всего между высшими учебными заведениями, научными

---

<sup>81</sup> Шелест Г. Чорноморська безпека: спроможності сусідів України на морі.

<sup>82</sup> Аналітична доповідь Національного інституту стратегічних досліджень до позачергового Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України у сфері національної безпеки». Київ: НІСД, 2014. С. 132; Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2015 році». С. 412; Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2016 році». С. 130.

<sup>83</sup> Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2017 році». С. 245.

<sup>84</sup> Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2018 році». Київ: НІСД, 2018. С. 176.

учреждениями и общественными организациями; поощрению болгарских исследователей к изучению политики и истории Украины<sup>85</sup>.

Также, вероятнее всего, с Болгарией, которая чуть было не запретила в 2014 г. реализовать международный энергетический проект «Южный поток», связаны предложения украинских экспертов по принятию мер, заставляющих черноморские страны

воздерживаться от реализации совместных с РФ инфраструктурных проектов, которые Москва использует для расширения своей экспансии<sup>86</sup>,

сформировав таким образом единый с Грузией и Молдавией подход к двусторонним отношениям с Россией. «Общность исторической судьбы» Украины и этих стран периодически подчёркивается в украинских аналитических документах<sup>87</sup> (хотя в отдельных случаях молдавская проблематика рассматривается исключительно в привязке к румынскому направлению украинской внешней политики<sup>88</sup>), история и текущее состояние их отношений с Россией, неизменный евроатлантический и европейский вектор интеграции, а также общие проблемы в сфере обороны и безопасности естественным образом обуславливают максимально тесное сотрудничество между ними. И хотя прямо это не заявляется, украинские эксперты рекомендуют перейти от сотрудничества к союзничеству и организации объединения государств, «пострадавших от российской агрессии», предусматривающего 1) общую внешнеполитическую позицию по отношению к России; 2) общие инициативы «по выводу российских войск и вооружений из оккупированных частей [Донбасса]»; 3) общую политику по «созданию условий для диверсификации источников энергоносителей и уменьшения

<sup>85</sup> Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 37.

<sup>86</sup> Аналітичний звіт: «Тенденції безпекової ситуації у Чорноморському регіоні».

<sup>87</sup> Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2018 році». С. 175–176; Україна та Молдова: нові виклики та можливості у двосторонніх відносинах // Українська призма. URL: <https://clck.ru/iJUJj> (дата обращения: 14.06.2021); Двосторонні відносини у регіоні: Грузія // Українська призма. URL: <http://prismua.org/ear-ua-ge/> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>88</sup> Аналітична доповідь Національного інституту стратегічних досліджень до щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє і зовнішнє становище України». Київ: НІСД, 2020. С. 17.

энергетической зависимости» от России; 4) «совместное противодействие деструктивным информационным воздействиям» России<sup>89</sup>.

### **Воплощение рекомендаций в государственной политике Украины**

Проанализированные выше угрозы российской военной безопасности в Черноморье становятся всё более значимыми по мере того, как начинают учитываться и воплощаться на практике лежащие в их основе рекомендации украинских институтов внешнеполитической экспертизы в военной и внешней политике, политике безопасности Украины. В период президентства П. Порошенко и В. Зеленского был разработан ряд стратегий и доктрин, определяющих основы данных направлений государственной политики.

29 ноября 2018 г. была представлена Стратегия военно-морских сил вооружённых сил Украины (ВМС ВСУ) 2035. По словам адмирала И. Воронченко, командовавшего в тот период украинским флотом, данный документ был создан «командованием военно-морских сил вместе с украинскими и иностранными экспертами»<sup>90</sup>. Текст Стратегии действительно содержит множество элементов, типичных для геополитической картины мира украинских экспертов-международников: это тезисы о стремлении России к «доминированию» в Черноморье, о «милитаризации» региона, о «противодействии» нечерноморским государствам и т.д.; в документе также нашли отражение и рекомендации по взаимодействию с НАТО и странами-партнёрами Украины в регионе<sup>91</sup>. Стратегия предполагает формирование к 2035 г. полностью боеспособных и готовых к реальному масштабному военному противостоянию с Россией ВМС Украины. Вместе с тем с приходом к власти в стране В. Зеленского, снявшего И. Воронченко (креатуру П. Порошенко) с должности главкома ВМС, Стратегия стала менее актуальной для правящего на Украине режима.

4 сентября 2020 г. В. Зеленский своим указом № 392/2020 утвердил Стратегию национальной безопасности Украины<sup>92</sup> – ключевой документ, который определяет фундаментальные основания политики безопасности

---

<sup>89</sup> Александров О., Филипенко А., Власенко Р. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України. С. 36.

<sup>90</sup> Презентована «Стратегія Військово-Морських Сил Збройних Сил України 2035» // Міністерство оборони України. URL: <https://www.mil.gov.ua/news/2018/11/29/vijskovo-morski-sili-zbrojnih-sil-ukraini-prezentovana-strategiya-rozvitku/> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>91</sup> Стратегія Військово-Морських Сил Збройних Сил України 2035 // Міністерство оборони України. URL: <https://navy.mil.gov.ua/strategiya-vijskovo-morskyh-syl-zbrojnyh-syl-ukrayiny-2035/> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>92</sup> Указ президента України № 392/2020 Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 14 вересня 2020 року «Про Стратегію національної безпеки України».

государства. Базовый проект Стратегии разрабатывался сотрудниками НИСИ<sup>93</sup>. Данный документ – это одновременно и канал влияния экспертов на политику, и его результат. Стратегия является продуктом уже одобренного и принятого властями политического решения, разработанного самими экспертами, а потому на её примере можно проследить, какие именно представления из их геополитической картины мира стали частью официальной геополитической картины мира правящего режима, основанием его государственной политики в сфере безопасности. Для Стратегии, как и для аналитических документов НИСИ, характерно 1) видение России в качестве «государства-агрессора – источника долгосрочных системных угроз национальной безопасности Украины», региональной и международной безопасности; 2) отсутствие единого подхода к концептуализации черноморского геополитического пространства: оно рассматривается то как самостоятельное, то в привязке к балтийскому или каспийскому; 3) отношение к Черноморью как к главному пространству, где происходит противостояние с Россией<sup>94</sup>. В документе находят отражение рекомендации, связанные с евроатлантической интеграцией Украины и вовлечением стран НАТО в военно-политические процессы в Черноморском регионе, а также подчёркивается необходимость всестороннего сотрудничества с Великобританией, США и Турцией.

25 марта 2021 г. указом президента №121/2021 была утверждена Стратегия военной безопасности Украины<sup>95</sup>. Данный документ сохраняет аналогичные секьюритизированные представления о России и Черноморском регионе. Отмечается, что российская

агрессивная внешняя и военная политика ... угрожает национальной безопасности Украины и других государств Балтийского и Черноморского регионов, может привести к дальнейшей эскалации вооружённой агрессии против Украины и спровоцировать международный вооружённый конфликт в Европе<sup>96</sup>.

---

<sup>93</sup> Президент України Володимир Зеленський затвердив Стратегію національної безпеки України // Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <https://niss.gov.ua/news/novini-nisd/prezident-ukraini-volodimir-zelenskiy-zatverdiv-strategiyu-nacionalnoi-bezpeki> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>94</sup> Указ президента України № 392/2020 Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 14 вересня 2020 року «Про Стратегію національної безпеки України».

<sup>95</sup> Указ президента України № 121/2021 Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 25 березня 2021 року «Про Стратегію воєнної безпеки України» // President.gov.ua. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/1212021-37661> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>96</sup> Там же.

Документ также подтверждает курс на максимальную готовность к кооперации с НАТО, участию в военных миссиях блока,

достижению совместимости Вооружённых Сил Украины, других составляющих сил обороны с соответствующими структурами государств – членов НАТО, введению в действие новых военных уставов (доктрин) на основе евроатлантических принципов<sup>97</sup>.

Большое внимание в Стратегии уделено военно-морским вопросам: обеспечению контроля над «ближней морской зоной», развитию ВМС, защите национальных интересов Украины в Азовском и Чёрном морях. В целом Стратегия рассчитана на долгосрочное и системное противостояние с Россией в Черноморье и в полной мере соответствует рекомендациям украинских аналитических центров.

В марте 2021 г. был официально опубликован для общественного обсуждения проект Стратегии информационной безопасности Украины. В нём отмечается, что

политика Российской Федерации остаётся долгосрочной угрозой не только для Украины, но и большинства демократических стран. Российские информационные специальные операции, которые являются составной [частью] военных операций, направлены на все ключевые демократические практики (в том числе избирательные), а российские специальные службы пытаются усилить внутренние противоречия в странах демократического лагеря<sup>98</sup>.

В соответствии с таким секьюритизированным образом России документ предлагает широкий спектр стратегических мер по противодействию ей: от антироссийской пропаганды, адресованной зарубежной аудитории, до «войн памяти»<sup>99</sup> с самой Россией.

В апреле 2021 г. была завершена работа над Доктриной ВМС вооружённых сил Украины, в которой принимали участие Институт ВМС Национального университета «Одесская морская академия», кафедра ВМС Национального

---

<sup>97</sup> Указ президента України №121/2021 «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 25 березня 2021 року «Про Стратегію військової безпеки України».

<sup>98</sup> Указ президента України «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України «Про Стратегію інформаційної безпеки» // Міністерство культури та інформаційної політики. URL: <https://mkip.gov.ua/files/pdf/45698712365.pdf> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>99</sup> Чураков Д.О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей / под редакцией К.А. Пахалюка. Санкт-Петербург: Нестор–История, 2018. С. 421–431.



университета обороны Украины им. И. Черняховского и командование ВМС ВСУ. И хотя на момент подготовки статьи данный документ отсутствовал в открытом доступе, комментарии официальных представителей украинских ВМС на его счёт не вызывают сомнения в том, что он подготовлен на основании той же геополитической картины мира и тех же рекомендаций в сфере внешней и военной политики, что и другие подобные акты в сфере военной политики и политики безопасности. В частности, представляя Доктрину, новый главком ВМС Украины контр-адмирал А. Неижпапа отметил, что

будущее Украины как суверенного государства напрямую зависит от способности свободно использовать море в рамках международного права, соблюдение которого в Черноморском регионе могут обеспечить прежде всего страны-члены НАТО и непосредственно само членство Украины в Североатлантическом альянсе<sup>100</sup>.

### Заключение

По итогам проведённого исследования представляется возможным сделать следующие выводы:

1. В настоящее время на Украине сформировано и эффективно функционирует направление внешнеполитической экспертизы, занимающееся российскими и черноморскими исследованиями. Институты, входящие в него, представляют как государственный, так и частный, и неправительственный экспертные секторы. Проблемы российско-украинских отношений и российской политики в Черноморье изучаются на Украине системно: одни аналитические центры фокусируются на фундаментальной науке (прежде всего, геополитике) и выработке стратегии долгосрочного противодействия национальным интересам России в Черноморском регионе, другие – на прикладных политических исследованиях, направленных на поиск подходящих методов и тактик в сфере внешней и военной политики.

2. Изучаемое направление украинской внешнеполитической экспертизы имеет черты «эпистемного сообщества», поскольку входящие в него аналитические центры: 1) обладают общей геополитической картиной мира, 2) продуцируют и транслируют политической элите страны и правящему режиму общие секьюритизированные представления о России и Черноморском регионе, 3) склонны к иррациональному объяснению мотивов российской

---

<sup>100</sup> В Україні вперше розроблено Доктрину ВМС ЗСУ – Міноборони // Інтерфакс-Україна. URL: <https://ua.interfax.com.ua/news/general/740742.html> (дата обращения: 14.06.2021).

внешней и оборонной политики и реалистскому подходу к выработке рекомендаций по противодействию ей.

3. Черноморский регион занимает центральное место в геополитической картине мира экспертов-международников, представляющих основные аналитические центры Украины, а Россия рассматривается в их текстах как главная, системная и экзистенциальная угроза национальной безопасности их государства, региональной и международной безопасности. По их мнению, Россия – это иррациональный и реваншистски настроенный актер международной политики. В основе секьюритизированных представлений о России и Черноморском регионе лежит политический миф о «мировой гибридной войне», который создаётся и развивается самими аналитическими центрами и в первую очередь НИСИ. Они не могут найти подходящего для политики правящего на Украине режима рационального объяснения действиям России в Черноморье и в международной среде в целом, а потому склонны прибегать также и к ксенофобским мифам о русском народе.

4. Украинские эксперты убеждены, что в борьбе с Россией в Черноморском регионе их стране фактически не на кого положиться: входящие в него страны не имеют единого видения «российской угрозы» и не готовы активно противодействовать ей. Среди них особое внимание украинские эксперты уделяют Румынии и Турции, при этом первая может считаться более перспективным союзником, вторая же ограничена в своих возможностях «черноморским консенсусом» с Россией.

5. Рекомендации аналитических центров Украины органам государственной власти не только имеют жёсткий и последовательный антироссийский характер, но и создают реальные угрозы военной безопасности России в Черноморском регионе. С одной стороны, они направлены на провоцирование «здесь и сейчас» прямого вооружённого конфликта регионального масштаба, в котором союзниками Украины должны выступить в первую очередь нечерноморские страны: Великобритания, США, Германия и другие. С другой стороны, аналитические эксперты рекомендуют властям Украины идти по пути создания в Черноморском регионе двухуровневой антироссийской системы коллективной безопасности. Главным её уровнем должно стать военно-политическое партнёрство со странами – членами НАТО, а вторым – де-факто альянс с Грузией и Молдавией. В этих условиях Черноморье станет абсолютно враждебным для России геополитическим пространством, в котором точечные, ситуационные угрозы будут сочетаться с активным и непрерывным стратегическим противостоянием с НАТО и его партнёрами, в совокупности контролирующими большую часть береговой линии и акватории Чёрного моря.

6. Аналитические продукты украинских институтов внешнеполитической экспертизы, занимающихся черноморскими и российскими исследованиями, –

это не «работа в стол», но тщательно подготовленный фундамент для государственной политики. Исследование текстов доктрин и стратегий, принятых руководством Украины или же разработанных и находящихся на стадии принятия, свидетельствует о том, что они в полной мере воспроизводят геополитическую картину мира, присущую текстам экспертных организаций по той же проблематике. Рекомендации же, связанные с противодействием России в Черноморском регионе и сотрудничеством со странами – членами НАТО и другими антироссийски настроенными силами, безусловно принимаются во внимание украинскими военными и политиками. Это особенно показательно в случае с недавно принятой на Украине Стратегией национальной безопасности, которая разработана на основании видения вопросов российско-украинских отношений и ситуации в Черноморье, присущего НИСИ.

7. Противодействие попыткам Украины создавать угрозы военной безопасности России в Черноморском регионе должно в обязательном порядке учитывать геополитическую картину мира, которую транслируют правящему режиму украинские аналитические центры, а также рекомендации, которые они ему предоставляют. «Эпистемное сообщество», специализирующееся на черноморских и российских исследованиях на Украине, представляет угрозу для отечественных национальных интересов в целом и в Черноморье в частности, поскольку рассматривает Россию исключительно как врага и предлагает вполне эффективные меры по нанесению ей ущерба. В этих условиях актуальной задачей украинского направления российской внешней политики должна стать выработка концептуального и долгосрочного подхода к работе с экспертным сообществом Украины, который бы снизил его эффективность и легитимность как внутри страны, так и на международном уровне.



## Introduction

After the overthrow of Viktor Yanukovich and the establishment of a Euro-Atlantic nationalist political regime in the country, Ukraine is, without exaggeration, the most hostile state to Russia in the whole Black Sea region. Questioning the new international legal and political status of Crimea and the Kerch Strait, not recognizing the borders in the Sea of Azov and the Black Sea, and seeking to engage Russia in a

full-scale and direct armed conflict, it poses a fundamental threat to regional and international security in the Black Sea region. The conflictogenic nature of Ukrainian foreign policy has been repeatedly confirmed both diplomatically (by sabotaging the implementation of the Minsk agreements and the agreements reached during the Normandy format meetings) and militarily (through periodic provocations and acts of aggression, such as the Kerch crisis in November 2018 or the creation of tension in Donbas and near Russian borders in April 2021). At the same time, this policy is not based on spontaneous political decisions, but it stems from the consistent and well-thought-out anti-Russian course of the ruling regime. A significant contribution to the formation of the existing geopolitical worldview of the ruling regime's representatives was made by a certain part of the Ukrainian expert community specializing in foreign policy and international relations.<sup>1</sup> Based on their ideological beliefs and attitudes, Ukrainian experts in international affairs and employees of think tanks instruct and advise state authorities and provide them with assessments of the current international political situation and recommendations on the conduct of foreign and military policy of Ukraine. Under these conditions, the urgent tasks for Russian political science and practice are to understand the vision of Russia and military security issues in the Black Sea region, peculiar to the Ukrainian system of foreign policy expertise and to develop options for countering Ukraine in this geopolitical space, which consider this understanding.

In modern Russian political science, the issues of international relations and Russia's security in the Black Sea region have been studied in sufficient detail. Today, from the standpoint of political science, the following scientists are engaged in the studies of the Black Sea region: N. Alexandrova-Arbatova,<sup>2</sup> A. Baranov,<sup>3</sup> A. Gavrilva,<sup>4</sup> P. Gudev,<sup>5</sup> A. Irkhin,<sup>6</sup> A. Ishin,<sup>7</sup> E. Islyamova,<sup>8</sup> A. Makarychev,<sup>9</sup>

---

<sup>1</sup> V.A. Kolosov, "Critical geopolitics: Fundamentals of the concept and experience of its application in Russia" [in Russian], *Politicheskaya nauka*, no. 4, *Regional'noe izmerenie politicheskogo protsessa* [Regional dimension of the political process] (2011): 31–52.

<sup>2</sup> N. Alexandrova-Arbatova, "Security Relations in the Black Sea region: Russia and the West after the Ukrainian crisis," *Southeast European and Black Sea studies*, no. 15 (2) (2015): 129–39, <https://doi.org/10.1080/14683857.2015.1060015>

<sup>3</sup> A.V. Baranov, "Changes in the geopolitical balance of power in the Black Sea region in the context of the reunification of Crimea with Russia" [in Russian], *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, vol. 4 (14), no. 2 (2018): 5–18.

<sup>4</sup> A. Gavrilva, "The role of the Black Sea region in the regional and global context" [in Russian], *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l'*, vol. 9, no. 1–2 (2017): 44–47.

<sup>5</sup> P.A. Gudev, "New risks and threats to Russia's security in the Azov-Black Sea region" [in Russian], *Puti k miru i bezopasnosti*, no. 2 (53) (2017): 37–45.

<sup>6</sup> A.A. Irkhin, L.P. Nelina, and I.A. Chikharev, "Russia and the Mediterranean macro-region (1920–2014)" [in Russian], *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya*, no. 12 (2018): 58–68.

D. Malyshev,<sup>10</sup> G. Nuryshev,<sup>11</sup> V. Petrov,<sup>12</sup> I. Yurchenko,<sup>13</sup> et al. Their works focus on diverse aspects of what is happening in the Black Sea region, from general analysis of the geopolitical position of the region<sup>14</sup> to the study of specific political situations that arise there.<sup>15</sup> At the same time, almost all authors one way or another point out the importance of Ukraine in creating military and political instability in the Black Sea region. The foreign scientists Yu. Budzovych,<sup>16</sup> Ye. Horyunova,<sup>17</sup> S. Kayser,<sup>18</sup> S. Cross,<sup>19</sup> K. Marten,<sup>20</sup> V. Naumescu,<sup>21</sup> B. Parahons'kii,<sup>22</sup> D. Sanders,<sup>23</sup>

---

<sup>7</sup> A.V. Ishin, "On the geopolitical strategy of NATO in the Black Sea basin" [in Russian], *Problemy postsovetskogo prostranstva*, vol. 7, no. 2 (2020): 219–26.

<sup>8</sup> E.E. Islyamova, "The Black Sea region in the context of the National Security policy of the Russian Federation: Theory issues" [in Russian], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*, vol. 46, no. 2 (2019): 375–83.

<sup>9</sup> O. Bogdanova and A. Makarychev, eds., *Baltic-Black Sea regionalisms* (Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2020), <https://doi.org/10.1007/978-3-030-24878-9>

<sup>10</sup> D.V. Malyshev, "The Kerch Crisis and the status of the Sea of Azov" [in Russian], *Postsovetskie issledovaniya*, vol. 2, no. 2 (2019): 982–89.

<sup>11</sup> G.N. Nuryshev, "Modern Black Sea coast: geopolitical dimension" [in Russian], *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie*, no. 2–2 (14) (2016): 16–21.

<sup>12</sup> V.P. Petrov, "Geopolitical significance of Crimea" [in Russian], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, vol. 20, no. 1 (2018): 21–30.

<sup>13</sup> I.V. Yurchenko, "Geopolitical features of the Black Sea region in the context of ensuring the security of the South of Russia" [in Russian], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3 (2008): 18–24.

<sup>14</sup> A.V. Ishin, "On the geopolitical situation in the Black Sea region: a Crimean view" [in Russian], *Problemy postsovetskogo prostranstva*, no. 1 (7) (2016): 38–46.

<sup>15</sup> A.V. Baranov, "Geopolitical conflict in the Kerch Strait and the Sea of Azov: Causes, interests of participants, dynamics" [in Russian], *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, no. 1 (58) (2019): 89–94.

<sup>16</sup> Yu. Budzovych, "GUAM in the context of security and cooperation of the Black Sea region" [in Ukrainian], *Visnyk Prykarpats'koho universytetu, Politologiya*, no. 9 (2015): 80–88.

<sup>17</sup> Ye.O. Horyunova, "Annexation of Crimea as a threat to the security of the Baltic-Black Sea region" [in Ukrainian], *Intermarum: istoriya, polityka, kul'tura*, no. 4 (2017): 8–17.

<sup>18</sup> S. Kayser, "Geopolitics of the Black Sea," Maritime security center of excellence, accessed May 11, 2021, <https://www.marseccoe.org/wp-content/uploads/2021/08/Geopolitics-of-the-Black-Sea.pdf>

<sup>19</sup> S. Cross, "NATO–Russia security challenges in the aftermath of Ukraine conflict: Managing Black Sea security and beyond," *Southeast European and Black Sea Studies*, no. 15 (2) (2015): 151–77, <https://doi.org/10.1080/14683857.2015.1060017>

<sup>20</sup> K. Marten, "NATO enlargement: Evaluating its consequences in Russia," *International politics*, no. 57 (2020): 401–26, <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00233-9>

<sup>21</sup> V. Naumescu, "NATO in the Black Sea region: unpredictability and different levels of commitment among the three coastal allies," *The journal of cross-regional dialogues*, special issue (2020): 131–52, <https://doi.org/10.25518/2593-9483.141>



and others share a diametrically opposite point of view on this matter. Many of them – and especially the researchers from Ukraine – consider Russia as the main threat to the interests of their states in the Black Sea region, trying to look for any ways and possibilities to stand against it. The author is convinced that this is one of the fundamental differences between the Ukrainian and Western applied political research into the problems in the Black Sea region and the Russian research that is focused exclusively on the search of legal and diplomatic means of resolving existing or potential conflicts and contradictions. In any case, neither Russian nor foreign political scientists analyzing political, military, and other processes in the Black Sea region take into consideration the factor of foreign policy expertise in the states that are involved in these processes. Among the positive exceptions in this regard, we should mention the work by V. Konyshev “Security in the Black Sea region in the estimates of ‘think tanks’ of the United States”<sup>24</sup> and the work by A. Irkhin and O. Moskalenko “The Mediterranean and Black Sea region in modern Western analytics.”<sup>25</sup>

The Ukrainian foreign policy expertise is not being considered at all. However, Ukraine has a large and ramified system of foreign policy expertise, including many state, non-governmental, and academic analytical centers, think tanks, and institutes. The studies devoted to this system are extremely unsystematic. In Ukraine, they include the works by O. Mayevska,<sup>26</sup> P. Minenkova,<sup>27</sup> E. Oliinyk,<sup>28</sup> A. Plyushch,<sup>29</sup>

---

<sup>22</sup> B.O. Parahons'kii, “Regional consequences of global contradictions: the Black Sea region” [in Ukrainian], *Stratehichna panorama: Naukovo-praktychnyi zhurnal*, no. 2 (2016): 10–16.

<sup>23</sup> D. Sanders, *Maritime power in the Black Sea*, 1<sup>st</sup> ed. (London: Routledge, 2014), <https://doi.org/10.4324/9781315593920>

<sup>24</sup> V.N. Konyshev, “Security in the Black Sea region in the estimates of ‘think tanks’ of the United States” [in Russian], in *Black Sea-Mediterranean region in the system of national interests of Russia: history and modernity: to the 80<sup>th</sup> anniversary of the Great Patriotic War: Proceedings of the international scientific and practical conference*, ed. A.V. Baranov and V.V. Kas'yanov (Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2021), 32–35.

<sup>25</sup> A.A. Irkhin and O.A. Moskalenko, “The Mediterranean and Black Sea region in modern Western analytics” [in Russian], in *Humanitarian readings ‘Sevastopol Harbor’: Proceedings of the scientific practical conference, Sevastopol, September 20–21, 2019*, ed. E.A. Barmina (Sevastopol: SevGU, 2019), 319–24.

<sup>26</sup> O. Mayevska, “Activities of think tanks at the current stage: threats and challenges” [in Ukrainian], *Visnyk L'vivs'kogo universytetu. Seriya: Filosofs'ko-politohichni studiyi*, no. 26 (2019): 145–51, <https://doi.org/10.30970/2307-1664.2019.26.18>

<sup>27</sup> P.V. Minenkova, “Conceptual principles and categorical definition of the concept of think tanks: a scientific rethinking of traditional approaches” [in Ukrainian], *Visnyk Natsional'nogo tekhnichnoho universytetu Ukrayini ‘Kyyivs'kii politekhnichniyi instytut’. Politohihiya. Sotsiolohiya. Pravo*, no.1 (2018): 17–22. [https://doi.org/10.20535/2308-5053.2018.1\(37\).152816](https://doi.org/10.20535/2308-5053.2018.1(37).152816)

<sup>28</sup> E.Yu. Oliinyk, “The role of Ukrainian non-governmental political science think tanks in the development of political science” [in Ukrainian], *Hileya*, no. 51 (2011): 473–78.

N. Rzhevs'ka,<sup>30</sup> V. Rubanov,<sup>31</sup> O. Fedorchuk,<sup>32</sup> and others. These publications are mainly aimed at theoretical study of foreign experience of think tanks and possibilities of using its individual elements by the Ukrainian expert community. The problem of influence of Ukrainian foreign policy expertise on the political course of Ukraine in international environment, in particular, in terms of the issues related to the Black Sea region, remain unexplored. In Russia, there is hardly any research into Ukrainian foreign policy expertise. This problem is only partially mentioned in the works by the scientists studying Ukraine's political think tanks, such as K. Kurylev, K. Gavrikova, E. Pospelova,<sup>33</sup> V. Solodkii,<sup>34</sup> I. Fokin,<sup>35</sup> et al.

Considering the achievements of foreign policy expertise of the above-mentioned researchers, the author aimed to determine the specifics of potential influence on the military security of Russia by the perception of Russia and the Black Sea region existing in the geopolitical worldview of the experts of the most important Ukrainian think tanks engaged in Russian and Black Sea studies. In order to achieve this goal, the author used synthetic theoretical and methodological approach that combines separate principles and provisions of critical geopolitics,<sup>36</sup> the theory of epistemic communities by P. Haas,<sup>37</sup> and securitization theory by B. Buzan<sup>38</sup> and O. Wæver.<sup>39</sup>

---

<sup>29</sup> O. Plyushch, "Promotion of the discourse of political subjects by expert organizations" [in Ukrainian], *Sotsial'na psykholohiya*, no. 1–2 (51–52) (2012): 204–14.

<sup>30</sup> N. Rzhevs'ka, "'Think tanks' as subjects of the expert environment: a functional analysis" [in Ukrainian], *Politychnyi menedzhment*, no. 1–2 (2012): 161–69.

<sup>31</sup> V.V. Rubanov, "Institutionalization as the basic concept of the characteristics of the process of political analytics formation and development in Ukraine" [in Russian], *Visnyk Natsional'noho universytetu 'Yurydychna akademiya Ukrayiny imeni Yaroslava Mudroho'. Seriya: Filosofiya, filosofiya prava, politolohiya, sotsiolohiya*, no. 4 (14) (2012): 165–69.

<sup>32</sup> O. Fedorchuk, "Non-governmental analytical centers of Ukraine as a segment of political science" [in Ukrainian], *Visnyk L'vivskoho universytetu. Seriya: Filosofs'ko-politolohichni studiyi*, no. 10 (2017): 182–87.

<sup>33</sup> K.P. Kurylev, K.V. Gavrikova, and E.A. Pospelova, "Expert think tanks in Ukraine: format and features" [in Russian], *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 15, no. 3 (2015): 99–109.

<sup>34</sup> V.A. Solodkii, "The Razumkov Foundation as an instrument of Western 'soft power' policy in Ukraine" [in Russian], *Prichernomor'e. Istorija, politika, kul'tura*, no. 23 (2017): 53–57, <https://doi.org/10.5281/zenodo.1164053>

<sup>35</sup> I.A. Fokin, "The institutional infrastructure of political science in modern Ukraine" [in Russian], *Politicheskaya nauka*, no. 3, *Sotsial'nye i politicheskie funktsii akademicheskikh i ekspertnykh soobshchestv* (2015): 252–66.

<sup>36</sup> Kolosov, "Critical geopolitics: fundamentals of the concept and experience of its application in Russia": 31–52.

<sup>37</sup> P.M. Haas, "Introduction: epistemic communities and international policy coordination," *International Organization*, vol. 46, no. 1, *Knowledge, power, and international policy coordination* (1992): 1–35.

Combining these principles and provisions, the Ukrainian system of foreign policy expertise can be presented as an epistemic community,

a network of professionals with recognized experience and competence in a particular domain and an authoritative claim to policy-relevant knowledge in that domain or issue-area<sup>40</sup>

(in this case, in the sphere of Ukrainian foreign policy). Participating in geopolitical discourse, the members of this community transmit securitized notions about Russia contained in their geopolitical worldview to the ruling regime and its leaders as well as to the institutions of the “foreign policy triad.”<sup>41</sup> In doing so, they influence Ukrainian foreign policy and create certain threats to Russian military security in the Black Sea region.<sup>42</sup>

The approach to the abovementioned problem determined the statement and solution of the following tasks: 1) to identify the main institutions of Ukrainian foreign policy expertise engaged in studying the policies of Russia and the Black Sea countries; 2) to reveal securitized perceptions of Russia and the Black Sea region that exist in the geopolitical worldview of the experts of the abovementioned institutions; 3) to identify the main threats to Russia's military security potentially arising from the recommendations of Ukrainian experts to the ruling regime on Russian-Ukrainian relations and foreign and military policy in the Black Sea region; 4) to analyze the texts of Ukrainian military and foreign policy doctrines and strategies (approved or under discussion in the period between 2014 and 2021) that took these recommendations into account.

### **Ukrainian think tanks studying Russia and the Black Sea region**

Since 2014, Ukrainian foreign policy think tanks have been steadily increasing their interest in political processes in Russia and the Black Sea region. At present, three main groups of think tanks can be distinguished. All of them, in one way or another, cover the above-mentioned topics in their professional activities.

---

<sup>38</sup> M. Albert and B. Buzan, “Securitization, sectors and functional differentiation,” *Security Dialogue*, no. 42 (4–5) (2011): 413–25, <https://doi.org/10.1177/0967010611418710>

<sup>39</sup> O. Wæver, “Securitization and desecuritization”. In *On Security*, edited by Ronnie D. Lipschutz (New York: Columbia University Press, 1995), 46–86.

<sup>40</sup> Haas, “Introduction: Epistemic communities and international policy coordination,” 3.

<sup>41</sup> M.A. Khrustalev, *Analysis of international situations and political expertise: essays on theory and methodology* [in Russian] (Moscow: NOFMO, 2008), 36.

<sup>42</sup> “The Military Doctrine of the Russian Federation” [in Russian], *Sovet Bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii*, accessed June 14, 2021, <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/>

1. *Think tanks conducting fundamental research.* After Viktor Yanukovich's presidency (2010–14) that proved to be destructive for Ukraine's system of foreign policy expertise, this list only includes the National Institute for Strategic Studies (NISS) and the Institute of World History of the National Academy of Sciences of Ukraine (IWH NAS). The NISS focuses on studying the geopolitical foundations of Ukrainian policy in the Black Sea region as well as the search for geostrategic methods and means of countering Russia. Since 2014, the institute has done significant work to create and disseminate among the Ukrainian political elite and expert community the political myth of the “global hybrid war” Russia is waging against the West and Ukraine. This point of view is presented in various academic articles,<sup>43</sup> monographs,<sup>44</sup> and in analytical products<sup>45</sup> that the NISS prepares for the President and the National Security and Defense Council of Ukraine. The experts of the Institute offer measures of strategic counteraction to Russia, following the principles of political realism. Despite the fact that the National Institute for Strategic Studies does not have its own unified strategic vision of the geopolitical future of the Black Sea region, its experts agree that it is necessary to form a new regional system of collective security based on a broad anti-Russian coalition including the countries of the Black Sea region as well as the countries outside the region. Fundamental research of the topical issues connected both to Russia and to the Black Sea region is also conducted at the Institute of World History of the National Academy of Sciences of Ukraine. However, due to the scientific profile of the institute, this research is sporadic and not extensive. Main attention is paid to the historical analysis of political processes in the post-Soviet space<sup>46</sup> and to the situation with Crimea.<sup>47</sup>

---

<sup>43</sup> V.P. Horbulin, O.S. Vlasyuk, and S.V. Kononenko, “Russian-Ukrainian war in terms of the theory of realism” [in Ukrainian], *Suspil'no-politychni protsesy*, no. 2 (2016): 70–96; V.P. Horbulin, et al., “Armed conflict in Ukraine in terms of geopolitics” [in Ukrainian], *Suspil'no-politychni protsesy*, no. 3 (2016): 61–86; B.O. Parahons'kii, “Regional consequences of global contradictions: the Black Sea region” [in Ukrainian], *Stratehichna panorama: Naukovo-praktychnyi zhurnal*, no. 2 (2016): 10–16.

<sup>44</sup> V.P. Horbulin, *The world hybrid war: Ukrainian forefront* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2017); B.O. Parahons'kii and G.M. Yavors'ka, *The ontology of war and peace: security, strategy, meaning: a monograph* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2019).

<sup>45</sup> O. Alexandrov, A. Filipenko, and R. Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region: threats and challenges for Ukraine: an analytical report* [in Ukrainian] (NISD, 2020); B.O. Parahons'kii, *Systemic crisis of international security: Middle East and Black Sea region: an analytical report* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2016).

<sup>46</sup> *Countries of the post-Soviet space in the conditions of formation of the multipolar world: historical lessons and perspectives: a collection of scientific works* [in Ukrainian] (Kiev: DU “Institut vsesvitn'oyi istoriyi NAN Ukrayiny”, 2016); *Integration dimensions of the transformation of post-Soviet space* [in Ukrainian] (Kiev: DU “Institut vsesvitn'oyi istoriyi NAN Ukrayiny”, 2020); *Historical preconditions for the formation of the foreign policy orientation of the post-Soviet space:*



2. *Special-purpose think tanks* conducting research devoted to Russia and the Black Sea region. They include the Odessa Branch of the National Institute for Strategic Studies, the Center for Russian Studies, and the Center for Global Studies “Strategy XXI.” Little has been known about the activities of the former since 2020, but the latter can rightfully be considered as the leading foreign policy expertise institute on the problems of the Black Sea region. It publishes the analytical *Black Sea Security* journal on a permanent basis,<sup>48</sup> regularly produces sufficiently thorough and informative briefs of high quality on the subject,<sup>49</sup> and implements the project under the title “Promoting security in the Black Sea region through the greater involvement of non-governmental actors” under the support of the Black Sea Trust for Regional Cooperation, which is part of the German Marshall Fund. As for the Centre for Russian Studies, this expert organization claims to be Ukraine’s first think tank dedicated to comprehensive research of Russian foreign, domestic, and defense policy. However, at the present stage, it just a networking platform bringing together representatives of other institutions of foreign policy expertise and aggregating their analytical materials and articles related to Russia.<sup>50</sup> Typically, in the analyses conducted by special-purpose think tanks Russian-Ukrainian relations are seen through the prism of the political myth of Russian “global hybrid war.” At the same time, such think tanks apply a realist approach to their relatively pragmatic recommendations on countering Russia.

3. *Multifunctional think tanks*. The list of such think tanks includes the Institute of World Politics, the International Center for Advanced Studies, the Odessa Center for Non-Proliferation, the Ukrainian Foreign Policy Council “Ukrainian Prism,” the Ukrainian Institute of the Future, the Center for Army, Conversion and Disarmament Studies, the Razumkov Center, etc. The common features of these institutions of foreign policy expertise include non-commercial nature of their activities, close ties

---

*a collection of scientific papers* [in Ukrainian] (Kiev: DU “Institut vsesvitn'oyi istoriyi NAN Ukrayiny”, 2020).

<sup>47</sup> A.I. Kudryachenko, et al., *International aspects of the integration of Donbas and Crimea in the political, legal and socio-cultural space of Ukraine: an analytical report* [in Ukrainian] (Kiev: DU “Instytut vsesvitn'oyi istoriyi NAN Ukrayiny”, 2019).

<sup>48</sup> “Black Sea security” [in Ukrainian], *Geostrategy*, accessed June 14, 2021, <https://geostrategy.org.ua/chornomorska-bezpeka>

<sup>49</sup> Analytical report “Security trends in the Black Sea region” [in Ukrainian], *Geostrategy*, accessed June 14, 2021, <https://geostrategy.org.ua/analytika/analychna-zapyska/analychnyy-zvit-tendenciyi-bezpekovoyi-sytuaciyi-u-chornomorskemu-regioni>; “The state of Black Sea security in the new conditions” [in Ukrainian], *Geostrategy*, accessed on June 14, 2021, <https://geostrategy.org.ua/analytika/analychna-zapyska/stan-chornomorskoyi-bezpeky-v-novyh-umovah>; et al.

<sup>50</sup> Articles, *Centre for Russian Studies*, accessed June 14, 2021, [http://r-studies.org/cms/index.php?action=category/browse&site\\_id=8&lang=ukr&category\\_id=20](http://r-studies.org/cms/index.php?action=category/browse&site_id=8&lang=ukr&category_id=20)



with Western political and expert structures (sometimes to such an extent that they can be considered their agents of influence in Ukraine), and a focus on the development of practical recommendations in the field of foreign, military, and security policy. In their works, such multifunctional think tanks periodically engage in studying the problems of the Black Sea region. They demonstrate certain realism in their proposals to counter Russia but irrationality in their perception of the motives of Russian foreign policy. They consider the region in the context of specific political and politico-military situations (e.g. the Kerch Crisis of 2018<sup>51</sup>), Ukraine's foreign policy as a whole,<sup>52</sup> or certain (not related to the Black Sea region) directions of Ukraine's foreign policy (e.g. the Euro-Atlantic area<sup>53</sup>).

### Perceptions of Russia and the Black Sea region

Despite the fact that Ukrainian think tanks pay considerable attention to Russia and its activity in the Black Sea region, in Russian political science there are still hardly any scientific works aimed at revealing the specifics of how this activity is reflected in their geopolitical worldview. However, the first attempts of research in this field allow us to state that Ukrainian experts in international relations actively formulate their rather coherent and consistent scripts of geopolitical histories of Russia and the Black Sea region, which are successfully transmitted to Ukrainian politicians in general and the ruling regime of Ukraine in particular through the analytical reports prepared for them. An examination of these texts allows us to highlight the following securitized perceptions.

*Russia* is unreservedly viewed by the experts in Ukrainian think tanks as a state hostile to Ukraine, which is waging the “global hybrid war” against it and the collective West. For them, it is “the Evil Empire of Eurasia” with a “low strategic culture”<sup>54</sup> that seeks revenge,<sup>55</sup> “division of Europe into spheres of influence, and reincarnation of the Soviet Union.”<sup>56</sup> It is quite natural that the political elite of

---

<sup>51</sup> M. Samus', “CACDS: Russian aggression in the Kerch Strait – a test for the modern system of international relations” [in Ukrainian], accessed June 14, 2021, <https://cacds.org.ua/?p=4886>

<sup>52</sup> *Ukrainian prism: Foreign policy 2020. Analytical research* [in Ukrainian] (Kiev: GO “Rada zovnishn'oyi polityky ‘Ukrayin'ska Pryzma’”, Fond im. F. Eberta, 2021); *Ukraine 2020–2021: unjustified expectations, unexpected challenges (analytical assessments)* [in Ukrainian] (Kiev: Tsentrazumkova, 2020).

<sup>53</sup> G. Shelest, “Is there a Black Sea policy for NATO?” [in Ukrainian], *Ukrainian prism*, accessed June 14, 2021, <http://prismua.org.tilda.ws/blackseanato>

<sup>54</sup> O.S. Vlasyuk and S.V. Kononenko, *Kremlin aggression against Ukraine: reflections in the context of the war* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2017), 162.

<sup>55</sup> Horbulin, *The world hybrid war*, 94.

<sup>56</sup> *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in 2017’* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2017), 242.

Ukraine is not given any rational explanations as to why Russia needs all this, but instead it is claimed that “it is impossible to understand the meaning of Russia’s aggressive war against Ukraine through rational explanations, as there are no reasons or formal grounds for the war at all.”<sup>57</sup> As irrational arguments, the Ukrainian experts cite well-established xenophobic anti-Russian myths. In particular, they note that “it is the Russian mentality that is to blame for the current unstable situation in the international arena.”<sup>58</sup> They also claim that the motives behind Russia’s current foreign policy are based on

the deepest layers of the people’s subconscious mind, where there is always a slumbering confrontation between “us” and “them.” Accordingly, in critical times, the authorities seek to encourage enmity against those who allegedly hate Russia and want to conquer and seize its treasures. The West has historically been viewed as such an enemy. At the same time, hatred is also implicitly provoked against those who simply live better or want to live better than Great Russia. In our time, this category includes Ukraine, which wanted to live “like in Europe” and has already started moving towards it.<sup>59</sup>

From time to time, the texts of analytical products contain the point that

Russian influence in Ukraine seeks to be all-encompassing and monopolistic, which is why [Russia] does not disdain any single publicly significant sphere of interest – not only politics, finance, or energy sector, but also sports, cinema, television, and social media. But the main strategic goal of this influence is to take control of the Ukrainian state.<sup>60</sup>

Thus, in the geopolitical worldview of Ukrainian think tank experts, Russia is an irrational and therefore unpredictable actor that poses a threat to Ukrainian national and international security and seeks to expand and overhaul the existing world order.

*The Black Sea region* is seen as the main geopolitical space where there is an open confrontation between Russia on one side and Western countries and Ukraine on the other. The Ukrainian experts have no unified approach to conceptualization of the regional geopolitical space of the Black Sea region. There are at least seven different variations of how they see it: simply the “Black Sea region,”

---

<sup>57</sup> Parahons'kii and Yavors'ka, *The ontology of war and peace*, 297.

<sup>58</sup> *Integration dimensions of the transformation of post-Soviet space*, 292.

<sup>59</sup> *Integration dimensions of the transformation of post-Soviet space*, 300.

<sup>60</sup> “Russian octopus in action. Case ‘Ukraine’” [in Ukrainian], *Geostrategy*, accessed June 14, 2021, <https://geostrategy.org.ua/analitika/doslidzhennya/rosiyskyy-sprut-u-diyi-keys-ukrayina/zavantazhyty-doslidzhennya-rosiyskyy-sprut-u-diyi-keys-ukrayina>

“Intermarium,”<sup>61</sup> or even the “Middle East – Black Sea region.”<sup>62</sup> The Ukrainian experts are convinced that for Russia, this region is a “soft underbelly,” which it can defend “only through full domination” in the region.<sup>63</sup> According to the same Ukrainian experts, the first step in this direction was taken in 2014, when, having established control over Crimea, Russia radically changed the “geopolitical landscape” of the region and of Europe as a whole.<sup>64</sup> Currently, it also allegedly continues to pursue its “strategy of domination,”<sup>65</sup> which aims to “create its own sphere of influence.”<sup>66</sup> This is done through the “militarization” of Crimea and of the Black Sea region as a whole, as well as through “hybrid threats” to other countries of the region. This strategy, according to Ukraine, is based on certain steps aimed at limiting access of post-Soviet countries to the Black Sea,<sup>67</sup> as well as on measures aimed at ousting the United States, the United Kingdom and other countries situated outside the Black Sea region from this area. At the same time, the countries that belong to the Black Sea region have neither a common approach nor a common desire to counter any Russian activity in this area. Under these conditions, the main value for Ukraine’s foreign and military policy, in the opinion of its experts in international relations, are such countries as China,<sup>68</sup> “NATO member countries, which are involved in guarding and assisting with security in the Black Sea region, first of all the United States, the United Kingdom,”<sup>69</sup> as well as Romania and, most importantly, Turkey.

Turkey’s priority is to control the Black Sea and compete with Russia. It is not possible to objectively assess the naval capabilities of Turkey and Russia in the Black Sea because of the presence of bases and alignments outside the Black Sea

---

<sup>61</sup> *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in 2016’* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2016), 127.

<sup>62</sup> *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in 2017’*, 16.

<sup>63</sup> O. Lytvynenko, *Black Sea security: main trends 2030* [in Ukrainian], *National Institute for Strategic Studies*, accessed June 14, 2021, <https://niss.gov.ua/sites/default/files/2020-09/bsr-ukr.pdf>

<sup>64</sup> *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in 2015’* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2015), 420; *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the Internal and External Situation of Ukraine in 2017’*, 219.

<sup>65</sup> Analytical report “Security trends in the Black Sea region.”

<sup>66</sup> Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 26.

<sup>67</sup> Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 26.

<sup>68</sup> Lytvynenko, “Black Sea security: main trends 2030.”

<sup>69</sup> G. Shelest, “Black Sea security: capabilities of Ukraine’s neighbors at sea. An analytical note” [in Ukrainian], *Ukrainian prism*, accessed June 14, 2021, <http://prismua.org/03-02-2021/>

region and the possibility of transferring relevant platforms and forces to the Black Sea if necessary.<sup>70</sup>

According to Ukrainian experts, the determining influence on Turkey's readiness to interfere in military and political processes in the Black Sea region is the so-called "Black Sea consensus," an informal, non-public, and largely intuitive agreement with Russia, under which Turkey does not actively oppose Russia in the Black Sea and aims to maintain the existing status quo, receiving in return more opportunities for the realization of its national interests in other geostrategic directions:

in the Black Sea region . . . Russia and Turkey are developing a partnership aimed at developing a transit network for energy transportation. Militarization of the Black Sea by the Russian Federation is destabilizing the situation, but Ankara has shown no desire to actively confront Moscow on the issue so far.<sup>71</sup>

Thus, in the geopolitical worldview of Ukrainian think tank experts on international relations, the Black Sea region is a space where their country faces the fullest possible spectrum of Russian threats, both military threats proper and "hybrid threats," having no one to ask for support in this "confrontation."

### **Ukrainian think tank recommendations: threats to Russia**

Securitized perceptions of the Black Sea region and of Russia that exist in the geopolitical worldview of the experts on international relations representing Ukrainian think tanks are reflected in the measures they suggest to the ruling political regime in Ukraine to counteract Russian national interests in the region. Summarizing and systematizing these recommendations of the Ukrainian system of foreign policy expertise, a number of potential military threats<sup>72</sup> to Russia can be identified that might arise if such recommendations are implemented.

1. *The threat of an armed conflict in the region involving, among others, non-Black Sea states.* Having no sufficient military power to independently and effectively ensure its own security in the Black Sea region and to counteract Russia there, Ukraine seeks to attract maximum possible forces of non-Black Sea states (primarily the USA) to the region as well as coerce the Black Sea states, firstly, to increase their military potentials and secondly, to be ready to actually counteract Russian activity in the region. This strategic course of Ukrainian foreign and military policy for the Black Sea region is based and periodically supported by the following recommendations of Ukrainian think tanks:

---

<sup>70</sup> Shelest, "Black Sea security: capabilities of Ukraine's neighbors at sea."

<sup>71</sup> Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 15.

<sup>72</sup> "The Military Doctrine of the Russian Federation."

– to intensify Ukraine's participation in NATO's military projects in the Black Sea region; to start taking the lead in strategic planning and operational work. In particular, Ukrainian experts consider it necessary

to propose NATO to consider a possibility of involving Ukraine in the development of the Alliance's Black Sea Strategy and to enhance Ukraine's participation in the assessment of the security situation in the region,<sup>73</sup>

to intensify the exchange of operational intelligence, including the data on the underwater and surface situation, radio intercepts, etc., in the Black Sea region; to analyze the possibility of developing a joint air defense system,<sup>74</sup>

to recommend to the North Atlantic Alliance to continue strengthening its naval presence in the Black Sea region in order to counter Russian military aggression and ensure the necessary balance of power there (inter alia, by establishing a permanent naval constellation in region, deploying air defense / missile defense systems, deploying missile systems, and conducting military exercises to create its own regional A2 / AD-zone in the Black Sea).<sup>75</sup>

This can lead to a general increase in the militarization of the Black Sea region. The involvement of Ukrainian representatives in the work of NATO structures, in its turn, can result in anti-Russian provocations, but with the involvement of the Alliance's forces;

– to intensify mutual cooperation and improve preparedness for joint military operations with the navies of NATO countries: Great Britain, Germany, Romania, the United States, and Turkey. It is noted that

for Ukraine, cooperation in the naval sphere with two states of the Black Sea region, Turkey and Romania, and with NATO member states involved in guarding and assisting security in the Black Sea region, primarily the United States and the United Kingdom, remains a priority today. Ukraine actively participates in all military exercises in the Black Sea. The most important of them is the annual US–Ukrainian exercise “Sea Breeze,” which attracts representatives from all partner countries. For the last 3 years, the common Ukrainian–Romanian exercise “Riverine” in the Danube Basin has been an important element [of the cooperation between Ukraine and Romania]. In addition, PASSEX-type exercises, in which the Ukrainian Navy is actively involved, are constantly held in the Black Sea.<sup>76</sup>

---

<sup>73</sup> Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 34.

<sup>74</sup> Shelest, “Is there a Black Sea policy for NATO?”

<sup>75</sup> Analytical report “Security trends in the Black Sea region.”

<sup>76</sup> Shelest, “Black Sea security: capabilities of Ukraine's neighbors at sea.”



At the moment, these military exercises form favorable conditions and increase the likelihood of a possible direct military confrontation with Russian armed forces. First, these events briefly dramatically increase the level of militarization of the Black Sea region, and consequently the level of readiness of the Russian Black Sea Fleet to counter any military threats. Second, these exercises create additional opportunities for Ukraine and its allies to organize and conduct provocations, literally exposing their own forces to possible attack. An example is the situation with the British destroyer *Defender*, which intruded into Russian waters near Cape Fiolent (Crimea) on the eve of the *Sea Breeze 2021* exercise and was driven out only by warning fire and air strikes.

2. *The threat of the creation of a regional anti-Russian collective security system.* The states of the Black Sea region currently have no common perception of Russia and, as a consequence, no common aspiration and, especially, no common approach to counter it. Rightly noting this, Ukrainian experts consider solving this “problem” one of the most important tasks of the Ukrainian authorities in the foreign policy sphere. To this end, they offer the following recommendations to the Ukrainian authorities:

– to strengthen any partnerships with NATO member states in the Black Sea region and with their allies from neighboring regions. In particular, these include

intensification of the security partnership in the trilateral format (Ukraine–Turkey–Azerbaijan) with the prospect of its contractual formalization, with a view to transforming such a partnership into a stabilizing factor in the Black Sea – Caspian Sea space.<sup>77</sup>

Such cooperation first intensified in the spring of 2018, when the first consultations were held in Baku at the level of deputy ministers for foreign affairs,<sup>78</sup> and was later legally supported by Article 36 of the National Security Strategy of Ukraine approved by the Decree of the President of Ukraine of September 14, 2020, no. 392/2020.<sup>79</sup> In addition to Turkey, the partnership with Romania is also of great importance for Ukrainian experts. While Turkey is of interest to Ukraine primarily in terms of military cooperation and pressure on Russia in the matter of Crimea,

---

<sup>77</sup> Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 36.

<sup>78</sup> “Ukraine, Azerbaijan and Turkey held tripartite consultations in Baku” [in Ukrainian], *Ukrinform*, accessed June 14, 2021, <https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/2454208-ukraina-azerbajdzan-i-tureccina-proveli-u-baku-tristoronni-konsultacii.html>

<sup>79</sup> Decree of the President of Ukraine as of September 14, 2020, no. 392/2020 “On the decision of the National Security and Defense Council of Ukraine ‘On the National Security Strategy of Ukraine’” [in Ukrainian], *President.gov.ua*, accessed June 14, 2021, <https://www.president.gov.ua/documents/3922020-35037>

Romania is of interest mainly in terms of development of border territories and “cooperation on information and cyber security, protection of critical infrastructure, security of navigation, and response in emergencies.”<sup>80</sup> Such emphases may mostly be set due to the fact that Ukrainian experts are aware that the Romanian armed forces, especially the navy, are currently not fully prepared for any active and, most importantly, effective cooperation in the military sphere:

Most Romanian ships were built between 1970 and 1980. In recent years, Romania has begun renewing its navy, which is related both to Russian aggression against Ukraine and to its desire to have a stronger position within NATO. It is with the latter in mind that Romania is planning the development of its navy, which should have the ability to operate not only in the Black Sea region but also beyond it.<sup>81</sup>

At the same time, Ukrainian think tank experts believe that their country should give up regional competition with Romania,<sup>82</sup> in particular on the issues related to the status of the Snake Island and its adjacent waters. The most problematic and therefore no less important for Ukraine's foreign policy is cooperation with Bulgaria. The historical ties between the Bulgarian and Russian peoples are of great concern to Ukrainian experts,<sup>83</sup> as they are not conducive to legitimate involvement of Bulgaria in anti-Russian initiatives by Ukraine, NATO, and the EU, particularly in terms of tougher sanctions against Russia.<sup>84</sup> To reduce the impact of these ties, Ukrainian think tanks propose in their reports to focus on information security

in order to counter Russian information influences and intelligence activities; to increase [Ukraine's] presence in the Bulgarian information space; to strengthen humanitarian ties, especially among higher education institutions, academic

---

<sup>80</sup> Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 36.

<sup>81</sup> Shelest, “Black Sea security: capabilities of Ukraine's neighbors.”

<sup>82</sup> *Analytical report of the National Institute for Strategic Studies to the Extraordinary Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in the sphere of national security’* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2014), 132; *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in 2015’*, 412; *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the Internal and External Situation of Ukraine in 2016’*, 130.

<sup>83</sup> *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the Internal and External Situation of Ukraine in 2017’*, 245.

<sup>84</sup> *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the Internal and External Situation of Ukraine in 2018’* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2018), 176.

institutions, and public organizations; and to encourage Bulgarian researchers to study Ukrainian politics and history.<sup>85</sup>

Most likely, other proposals of Ukrainian experts are also related to Bulgaria, which almost banned the international South Stream pipeline project in 2014. These proposals offer certain measures to force the Black Sea countries

to abstain from implementing any joint infrastructure projects together with Russia, which Moscow is using for its expansion;<sup>86</sup>

– together with Georgia and Moldova, to form a common approach to bilateral relations with Russia. The “common historical fate” of Ukraine and these countries is periodically emphasized in Ukrainian analytical documents<sup>87</sup> (although in some cases the Moldovan issue is considered exclusively in connection with the Romanian direction of Ukrainian foreign policy).<sup>88</sup> The history and current state of their relations with Russia, the established Euro-Atlantic and European integration vector, and common problems in the sphere of defense and security naturally determine the closest possible cooperation between these countries. Although it is not explicitly stated in any documents, Ukrainian experts recommend moving from cooperation to alliance and organization of an association of states “affected by Russian aggression.” This would lead to 1) a common foreign and security policy towards Russia; 2) common initiatives “to withdraw Russian troops and weapons from occupied territories [in the Donbas region]”; 3) a common policy on “creating conditions for diversification of energy sources and reduction of energy dependence” on Russia; 4) “joint counteraction to Russia’s destructive informational influences.”<sup>89</sup>

### **Translating recommendations into public policy of Ukraine**

The threats to Russian military security in the Black Sea region analyzed above are becoming more and more significant as the underlying recommendations of

---

<sup>85</sup> Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 37.

<sup>86</sup> Analytical report “Security trends in the Black Sea region.”

<sup>87</sup> *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the Internal and External Situation of Ukraine in 2018’*, 175–76; “Ukraine and Moldova: new challenges and opportunities in bilateral relations” [in Ukrainian], *Ukrainian prism*, accessed June 14, 2021, <http://prismua.org/україна-та-молдова-нові-виклики-та-мож/>; “Bilateral relations in the region: Georgia” [in Ukrainian], *Ukrainian prism*, accessed June 14, 2021, <http://prismua.org/eap-ua-ge/>

<sup>88</sup> *Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine ‘On the internal and external situation of Ukraine in 2020’* [in Ukrainian] (Kiev: NISD, 2020), 17.

<sup>89</sup> Alexandrov, Filipenko, and Vlasenko, *Russian policy in the Black Sea region*, 36.

Ukrainian institutions of foreign policy expertise in Ukrainian military policy and foreign and security policy begin to be considered and put into practice. During the presidency of Pyotr Poroshenko and Volodymyr Zelensky, a number of strategies and doctrines that define the foundations of these public policies were developed.

On November 29, 2018, the Strategy of the Naval Forces of the Armed Forces of Ukraine until 2035 was presented. According to Admiral Igor Voronchenko, commander of the Ukrainian Navy at that time, this document was created “by the command of the naval forces together with Ukrainian and foreign experts.”<sup>90</sup> The text of the document does indeed contain many elements typical for the geopolitical worldview of the Ukrainian experts on international relations. These are the theses about Russia’s desire for “dominance” in the Black Sea region, “militarization” of the region, “opposing” the states outside the Black Sea region, etc. The Strategy also reflects recommendations on interaction with NATO and Ukraine’s partner countries in the region.<sup>91</sup> The strategy assumes the formation by 2035 of the Ukrainian Navy that would be fully combat-ready and prepared for a real large-scale military confrontation with Russia. When V. Zelensky came to power in the country, he removed I. Voronchenko (Poroshenko’s protégé) from the post of Commander-in-Chief of the Navy and the Strategy became less relevant for the ruling regime in Ukraine.

On 4 September 2020, Zelensky’s decree no. 392/2020 approved the National Security Strategy of Ukraine,<sup>92</sup> a key document that defines the essential foundations of the state’s security policy. The basic draft of the Strategy was developed by the staff of the National Institute for Strategic Studies.<sup>93</sup> This document was both a channel for experts to influence the state policy and also the outcome of their influence. The National Security Strategy of Ukraine is a product of the already approved political decision adopted by the authorities that was developed by the experts. Therefore, by its example, it is possible to find out which of the ideas from their geopolitical worldview have become part of the official geopolitical worldview of the ruling regime and laid the foundations for the state policy in the sphere of

---

<sup>90</sup> “The Strategy of the Naval Forces of Ukraine until 2035’ presented” [in Ukrainian], *Ministry of Defense of Ukraine*, accessed on June 14, 2021, <https://www.mil.gov.ua/news/2018/11/29/vijskovo-morski-sili-zbrojnih-sil-ukraini-prezentovana-strategiya-rozvitku/>

<sup>91</sup> “The Strategy of the Naval Forces of Ukraine until 2035” [in Ukrainian], *Ministry of Defense of Ukraine*, accessed on June 14, 2021, <https://navy.mil.gov.ua/strategiya-vijskovo-morskyh-syl-zbrojnyh-syl-ukrayiny-2035/>

<sup>92</sup> Decree of the President of Ukraine no. 392/2020.

<sup>93</sup> “President of Ukraine Volodymyr Zelensky approved the National Security Strategy of Ukraine” [in Ukrainian], *National Institute for Strategic Studies*, accessed June 14, 2021, <https://niss.gov.ua/news/novini-NISS/prezident-ukraini-volodimir-zelenskiy-zatverdiv-strategiyu-nacionalnoi-bezpeki>

security. The Strategy, as well as analytical documents of the NISS, is characterized by 1) perception of Russia as “an aggressor state, a source of long-term systemic threats to national security of Ukraine,” regional and international security; 2) lack of a common approach to conceptualization of the Black Sea geopolitical space that is viewed either separately or in connection with the Baltic or Caspian geopolitical space; 3) attitude towards the Black Sea region as the main territory where confrontation with Russia takes place.<sup>94</sup> The document reflects recommendations related to Ukraine's Euro-Atlantic integration and the involvement of NATO countries in politico-military processes in the Black Sea region. In addition, it emphasizes the need for comprehensive cooperation with the United Kingdom, the United States, and Turkey.

On 25 March 2021, the Ukrainian Military Security Strategy was approved by Presidential Decree no. 121/2021.<sup>95</sup> This document maintains similar securitized perceptions of Russia and the Black Sea region. It is noted that the Russian

aggressive foreign and military policy . . . threatens the national security of Ukraine and other states in the Baltic Sea and Black Sea regions, as it may lead to further escalation of armed aggression against Ukraine and provoke an international armed conflict in Europe.<sup>96</sup>

The document also confirms the course for maximum readiness to cooperate with NATO and participate in the military missions of the Alliance,

to achieve compatibility of the Armed Forces of Ukraine and other components of the defense forces with the relevant structures of NATO member states and to enact new military regulations (doctrines) based on Euro-Atlantic principles.<sup>97</sup>

Much attention in the Military Security Strategy is paid to the issues related to the Navy: ensuring control over the “near sea zone,” development of the navy, and protection of Ukraine's national interests in the Sea of Azov and in the Black Sea. Overall, the Strategy is designed for long-term and systemic confrontation with Russia in the Black Sea and is fully in line with the abovementioned recommendations of Ukrainian think tanks.

---

<sup>94</sup> Decree of the President of Ukraine no. 392/2020.

<sup>95</sup> Decree of the President of Ukraine no. 121/2021 as of March 25, 2021 “On the decision of the National Security and Defense Council of Ukraine ‘On the National Security Strategy of Ukraine’” [in Ukrainian], *President.gov.ua*, accessed June 14, 2021, <https://www.president.gov.ua/documents/1212021-37661>

<sup>96</sup> Decree of the President of Ukraine no. 121/2021.

<sup>97</sup> Decree of the President of Ukraine no. 121/2021.



In March 2021, the draft of the Information Security Strategy of Ukraine was officially published for public discussion. It notes that

Russian Federation policy remains a long-term threat not only to Ukraine but also to most democracies. Russian special information operations, which are part of military operations, target all key democratic practices (including electoral ones), and Russian special services try to reinforce internal contradictions in the bloc of democratic countries.<sup>98</sup>

In line with this securitized image of Russia, the document proposes a wide range of strategic measures to counter it, from anti-Russian propaganda aimed at foreign audiences to “memory wars”<sup>99</sup> with Russia.

In April 2021, the Doctrine of the Navy of the Armed Forces of Ukraine was finalized with the participation of the Naval Institute of the National University “Odessa Maritime Academy,” the Department of Naval Studies of the National Defense University of Ukraine named after Ivan Chernyakhovsky, and the Navy Command of the Ukrainian Armed Forces. Unfortunately, this document was not publicly available at the time of preparation of this article. However, comments by Ukrainian naval officials available on this matter raise no doubt that it was based on the same geopolitical worldview and the same foreign and military policy recommendations as other similar acts in the field of military and security policy. In particular, when presenting the Doctrine, the new chief of the Ukrainian navy, Rear Admiral Oleksiy Neizhpapa, noted that

the future of Ukraine as a sovereign nation depends directly on its ability to freely use the sea within the framework of international law, which can be enforced in the Black Sea region first and foremost by NATO member states and by Ukraine’s membership in the North Atlantic Alliance itself.<sup>100</sup>

## Conclusion

The following conclusions can be drawn from the research conducted by the author:

---

<sup>98</sup> Decree of the President of Ukraine “On the decision of the National Security and Defense Council of Ukraine ‘On the Information Security Strategy’” [in Ukrainian], *Ministry of Culture and Information Policy*, accessed June 14, 2021, <https://mkip.gov.ua/files/pdf/45698712365.pdf>

<sup>99</sup> D.O. Churakov, “‘Memory Wars’ and local conflicts of our time” [in Russian], in *Teaching military history in Russia and abroad: a collection of articles*, ed. K.A. Pakhalyuk (St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018), 421–31.

<sup>100</sup> “The Doctrine of the Navy of the Armed Forces of Ukraine was developed for the first time in Ukraine, says the Ministry of Defense” [in Ukrainian], *Interfax-Ukraine*, accessed June 14, 2021, <https://ua.interfax.com.ua/news/general/740742.html>

1. Foreign policy expertise studying Russia and the Black Sea region has been formed and is functioning effectively in Ukraine. Its member institutions, think tanks, represent state, private, and non-governmental sectors. The problems of Russian-Ukrainian relations and Russian policy in the Black Sea region are studied systematically in Ukraine. Some think tanks focus on fundamental science (primarily geopolitics) and the development of a strategy for possible long-term counteraction to Russian national interests in the Black Sea region; others focus on applied political research aimed at finding suitable methods and tactics in the field of foreign and military policy.

2. The direction of Ukrainian foreign policy expertise under research has the features of an epistemic community, as its member think tanks: 1) possess a common geopolitical worldview, 2) produce and transmit common securitized ideas about Russia and the Black Sea region to the political elite and the ruling regime of the country, 3) are prone to irrational explanation of motives of Russian foreign and defense policy and a realist approach to elaborating recommendations to counter it.

3. The Black Sea region is central to the geopolitical worldview of experts on international relations representing Ukraine's main think tanks. In their texts, Russia is seen as a major systemic and existential threat to the national security of their state and to their regional and international security. In their view, Russia is an irrational and revanchist actor in international politics. Securitized perceptions of Russia and the Black Sea region are based on the political myth about the "global hybrid war," which is created and developed by the Ukrainian think tanks themselves, primarily by the National Institute for Strategic Studies (NISS). They cannot find a rational explanation for Russia's actions in the Black Sea region and in the international environment as a whole that would be suitable for the policy of the ruling regime in Ukraine. Therefore, they tend to refer to xenophobic myths about the Russian people.

4. Ukrainian experts are convinced that their country has virtually no one to rely on in their fight against Russia in the Black Sea region. The member states of the Black Sea region do not have a common vision of the "Russian threat" and are not ready to actively counter it. Among these states, the Ukrainian experts pay particular attention to Romania and Turkey, the former being considered a more promising ally and the latter having limited in its capabilities by the existing "Black Sea consensus" with Russia.

5. Recommendations of the Ukrainian think tanks to state authorities are of a harsh and consistent anti-Russian nature. They also create real threats to Russia's military security in the Black Sea region. On the one hand, they are aimed at provoking a direct armed conflict on a regional scale "here and now," in which non-Black Sea states (Great Britain, the US, Germany and others) should be Ukraine's allies. On the other hand, think tank experts recommend the Ukrainian authorities to follow the path of creating a two-tiered anti-Russian collective security system in the

Black Sea region. Its main level should be a politico-military partnership with NATO member states; its second level, a de facto alliance with Georgia and Moldova. Under these conditions, the Black Sea region will become an absolutely hostile geopolitical space for Russia. Situational threats in this region will be combined with active and continuous strategic confrontation with NATO and its partners, controlling together most of the Black Sea coastline and water area.

6. The analytical materials of Ukrainian institutions for foreign policy expertise engaged in the studies of Russia and the Black Sea region were not written “to be kept in the desk drawer” with no intention to publish them. On the contrary, they were carefully prepared as a foundation for the country’s national policy. The study of the texts of doctrines and strategies adopted by the leadership of Ukraine or in the process of adoption shows that they fully reproduce the geopolitical worldview inherent in the texts of expert organizations on the same subject matter. Recommendations related to countering Russia in the Black Sea region and to cooperation with NATO member states and other anti-Russian forces were certainly considered by the Ukrainian military and the Ukrainian politicians. It is particularly illustrative in the case of Ukraine’s recently adopted National Security Strategy, which is based on the NISS’s vision of the issues of Russian-Ukrainian relations and the situation in the Black Sea region.

7. In countering Ukraine’s attempts to create threats to Russia’s military security in the Black Sea region, it is necessary to consider the geopolitical worldview that is broadcast to the ruling regime by Ukrainian think tanks as well as the recommendations they provide to the authorities. The epistemic community specializing in the studies of Russia and the Black Sea region in Ukraine poses a threat to Russian national interests in general and in the Black Sea region in particular because it views Russia exclusively as an enemy and proposes quite effective measures to damage it. Under these circumstances, the urgent task of the Ukrainian vector of Russian foreign policy should be to develop a conceptual and long-term approach to work with the Ukrainian expert community, which would reduce its effectiveness and legitimacy both in Ukraine and internationally.

### Список литературы

*Александров О., Филипенко А., Власенко Р.* Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України: аналітична доповідь. Київ: НІСД, 2020. 37 с.

*Баранов А.В.* Геополитический конфликт в Керченском проливе и Азовском море: причины, интересы участников, динамика // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 89–94.

*Баранов А.В.* Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14), № 2. С. 5–18.

*Будзович Ю.* ГУАМ в контексті забезпечення безпеки та співробітництва Чорноморського регіону // Вісник Прикарпатського університету. Серія: Політологія. 2015. Вип. 9. С. 80–88.

*Власюк О.С., Кононенко С.В.* Кремлівська агресія проти України: роздуми в контексті війни. Київ: НІСД, 2017. 304 с.

*Гаврила А.* Роль Черноморского региона в региональном и глобальном контексте // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 1–2. С. 44–47.

*Горбулін В.П.* Світова гібридна війна: український фронт. Київ: НІСД, 2017. 496 с.

*Горбулін В.П., Власюк О.С., Кононенко С.В.* Російсько-українська війна в термінах теорії реалізму // Суспільно-політичні процеси. 2016. Вип. 2. С. 70–96.

*Горбулін В.П., Власюк О.С., Лібанова Е.М., Ляшенко О.М.* Збройний конфлікт в Україні у термінах геополітики // Суспільно-політичні процеси. 2016. Вип. 3. С. 61–86.

*Горюнова Є.О.* Анексія Криму як загроза безпеці Балто-Чорноморського регіону // Інтермарум: історія, політика, культура. 2017. № 4. С. 8–17.

*Гудев П.А.* Новые риски и угрозы безопасности России в Азово-Черноморском регионе // Пути к миру и безопасности. 2017. № 2 (53). С. 37–45.

*Ирхин А.А., Москаленко О.А.* Черноморско-Средиземноморский регион в современной западной аналитике // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань»: материалы научно-практической конференции, Севастополь, 20–21 сентября 2019 года / под редакцией Е.А. Барминой. Севастополь: СевГУ, 2019. С. 319–324.

*Ирхин А.А., Нелина Л.П., Чихарев И.А.* Россия и Большое Средиземноморье (1920–2014) // Парадигмы истории и общественного развития. 2018. № 12. С. 58–68.

*Ислямова Э.Э.* Черноморский регион в контексте политики национальной безопасности Российской Федерации: вопросы теории // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46, № 2. С. 375–383.

*Ишин А.В.* О геополитической ситуации в Черноморском регионе: крымский взгляд // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 1 (7). С. 38–46.

*Ишин А.В.* О геополитической стратегии НАТО в Черноморском бассейне // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7, № 2. С. 219–226.

*Колосов В.А.* Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4: Региональное измерение политического процесса. С. 31–52.

*Коньшев В.Н.* Безопасность в Черноморском регионе в оценках «мозговых центров» США // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы Международной научно-практической конференции / под редакцией А.В. Баранова, В.В. Касьянова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 32–35.

*Кудряченко А.І., Швед В.О., Солошенко В.В., Самойленко С.Г.* Міжнародні аспекти інтеграції Донбасу і Криму в політико-правовий і соціокультурний простір України: аналітична доповідь. Київ: ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2019. 70 с.

Курьлев К.П., Гаврикова К.В., Поспелова Е.А. Экспертно-аналитические центры на Украине: характер и особенности // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15, № 3. С. 99–109.

Литвиненко О. Чорноморська безпека: основні тренди 2030 // Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <https://niss.gov.ua/sites/default/files/2020-09/bsr-ukr.pdf> (дата звернення: 14.06.2021).

Маєвська О. Діяльність «мозкових центрів» на сучасному етапі: загрози та виклики // Вісник Львівського університету. Серія: Філософсько-політологічні студії. 2019. Вип. 26. С. 145–151. DOI: 10.30970/2307-1664.2019.26.18

Мальшев Д.В. Керченский кризис и статус Азовского моря // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2, № 2. С. 982–989.

Міненко П.В. Концептуальні засади та категоріальне визначення поняття «мозкові центри»: наукове переосмислення традиційних підходів // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Серія: Політологія. Соціологія. Право. 2018. № 1. С. 17–22. DOI: 10.20535/2308-5053.2018.1(37).152816

Нурьшев Г.Н. Современное Причерноморье в геополитическом измерении // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 2–2 (14). С. 16–21.

Олійник С.Ю. Роль аналітичних недержавних політологічних центрів України в розвитку політичної науки // Гілея. 2011. Вип. 51. С. 473–478.

Парахонський Б.О. Регіональні наслідки глобальних суперечностей: Чорноморський регіон // Стратегічна панорама: Науково-практичний журнал. 2016. № 2. С. 10–16.

Парахонський Б.О. Системна криза міжнародної безпеки: Близькосхідно-Чорноморський простір: аналітична доповідь. Київ: НІСД, 2016. 52 с.

Парахонський Б.О., Яворська Г.М. Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл: монографія. Київ: НІСД, 2019. 560 с.

Петров В.П. Геополитическое значение Крыма // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Т. 20, № 1. С. 21–30.

Плющ О. Просування експертними організаціями дискурсу політичних суб'єктів // Соціальна психологія. 2012. № 1–2 (51–52). С. 204–214.

Ржевська Н. «Мозкові центри» як суб'єкти експертного середовища: функціональний аналіз // Політичний менеджмент. 2012. № 1–2. С. 161–169.

Російський спрут у дії. Кейс «Україна» // Geostrategy. URL: <https://geostrategy.org.ua/analitika/doslidzhennya/rosiyskyu-sprut-u-diyi-keys-ukrayina/zavantazhyty-doslidzhennya-rosiyskyu-sprut-u-diyi-keys-ukrayina> (дата звернення: 14.06.2021).

Рубанов В.В. Институционализация – базовое понятие характеристики процесса становления и развития политической аналитики в Украине // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2012. № 4 (14). С. 165–169.

Самусь М. ЦДАКР: Російська агресія в Керченській протоці – тест для сучасної системи міжнародних відносин // Центр досліджень армії, конверсії та роззброєння. URL: <https://cacds.org.ua/?p=4886> (дата звернення: 14.06.2021).

Солодкий В.А. Фонд имени Разумкова как инструмент политики «мягкой силы» Запада на Украине // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. № 23. С. 53–57. DOI: 10.5281/zenodo.1164053



Федорчук О. Недержавні аналітичні центри України як сегмент політичної науки // Вісник Львівського університету. Серія: Філософсько-політологічні студії. 2017. Вип. 10. С. 182–187.

Фокин И.А. Институциональная инфраструктура политической науки в современной Украине // Политическая наука. 2015. № 3: Социальные и политические функции академических и экспертных сообществ. С. 252–266.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. Москва: НОФМО, 2008. 232 с.

Чураков Д.О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей / под редакцией К.А. Пахалюка. Санкт-Петербург: Нестор–История, 2018. С. 421–431.

Шелест Г. Чи існує чорноморська політика НАТО? // Українська призма. URL: <http://prismua.org.tilda.ws/blackseanato> (дата обращения: 14.06.2021).

Шелест Г. Чи існує Чорноморська стратегія НАТО? // Українська призма. URL: <http://prismua.org.tilda.ws/blackseanato#rec246964356> (дата обращения: 14.06.2021).

Шелест Г. Чорноморська безпека: спроможності сусідів України на морі. Аналітична записка // Українська призма. URL: <http://prismua.org/03-02-2021/> (дата обращения: 14.06.2021).

Юрченко И.В. Геополитические особенности Черноморского региона в контексте обеспечения безопасности Юга России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2008. № 3. С. 18–24.

Albert M., Buzan B. Securitization, sectors and functional differentiation // Security Dialogue. 2011. № 42 (4–5). P. 413–425. DOI: 10.1177/0967010611418710

Alexandrova-Arbatova N. Security relations in the Black Sea region: Russia and the West after the Ukrainian crisis // Southeast European and Black Sea Studies. 2015. No. 15 (2). P. 129–139. DOI: 10.1080/14683857.2015.1060015

Baltic-Black Sea regionalisms / edited by O. Bogdanova, A. Makarychev. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2020. DOI:10.1007/978-3-030-24878-9

Cross S. NATO–Russia security challenges in the aftermath of Ukraine conflict: Managing Black Sea security and beyond // Southeast European and Black Sea Studies. 2015. No. 15 (2). P. 151–177. DOI: 10.1080/14683857.2015.1060017

Haas P.M. Introduction: Epistemic communities and international policy coordination // International Organization. 1992. Vol. 46, no. 1. Knowledge, Power, and International Policy Coordination. P. 1–35.

Kayser S. Geopolitics of the Black Sea // Maritime security center of excellence. URL: <https://www.marseccoe.org/marsec/upload/files/202006/5ed7a3131bed8-1591190291.pdf> (дата обращения: 11.05.2021).

Marten K. NATO enlargement: evaluating its consequences in Russia // International politics. 2020. No. 57. P. 401–426. DOI: 10.1057/s41311-020-00233-9

Naumescu V. NATO in the Black Sea region: Unpredictability and different levels of commitment among the three coastal allies // The journal of cross-regional dialogues. 2020. Special Issue. P. 131–152. DOI: 10.25518/2593-9483.141

Sanders D. Maritime power in the Black Sea (1<sup>st</sup> ed.). London: Routledge, 2014. DOI: 10.4324/9781315593920

Wæver O. Securitization and desecuritization // On Security, edited by Ronnie D. Lipschutz. New York, Columbia University Press, 1995. P. 46–86.

## References

- Albert M., and B. Buzan. "Securitization, sectors and functional differentiation." *Security Dialogue*, no. 42 (4–5) (2011): 413–25. <https://doi.org/10.1177/0967010611418710>
- Alexandrov, O., A. Filipenko, and R. Vlasenko. *Rosii's'ka polityka v Chornomors'komu rehioni: zagrozy i vyklyky dlya Ukrainy: analitychna dopovid'*. [Russian policy in the Black Sea region: threats and challenges for Ukraine: an analytical report]. Kiev: NISD, 2020. (In Ukrainian)
- Alexandrova-Arbatova, N. "Security relations in the Black Sea Region: Russia and the West after the Ukrainian crisis." *Southeast European and Black Sea studies*, no. 15 (2) (2015): 129–39. <https://doi.org/10.1080/14683857.2015.1060015>
- Baranov, A.V. "Geopoliticheskii konflikt v Kerchenskom prolive i Azovskom more: prichiny, interesy uchastnikov, dinamika" [Geopolitical conflict in the Kerch Strait and the Sea of Azov: causes, interests of participants, dynamics]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, no. 1 (58) (2019): 89–94. (In Russian)
- Baranov, A.V. "Izmeneniya geopoliticheskogo balansa sil v Prichernomor'e v usloviyakh vossoedineniya Kryma s Rossiei" [Changes in the geopolitical balance of power in the Black Sea region in the context of the reunification of Crimea with Russia]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, vol. 4 (14), no. 2 (2018): 5–18. (In Russian)
- Bogdanova, O., and A. Makarychev, eds. *Baltic-Black Sea regionalisms*. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-24878-9>
- Budzovych, Yu. "HUAM v konteksti zabezpechennya bezpeky ta spivrobitnytstva Chornomors'koho rehionu" [GUAM in the context of security and cooperation of the Black Sea region]. *Visnyk Prykarpats'koho universytetu. Seriya: Politologiya*, no. 9 (2015): 80–88. (In Ukrainian)
- Churakov, D.O. "'Voiny pamyati' i lokal'nye konflikty sovremennosti" ['Memory Wars' and local conflicts of our time]. In *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom: sbornik statei* [Teaching military history in Russia and abroad: a collection of articles], edited by K.A. Pakhalyuk, 421–31. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. (In Russian)
- Cross, S. "NATO–Russia security challenges in the aftermath of Ukraine conflict: managing Black Sea security and beyond." *Southeast European and Black Sea Studies*, no. 15 (2) (2015): 151–77. <https://doi.org/10.1080/14683857.2015.1060017>
- Fedorchuk, O. "Nederzhavni analitychni tsenyri Ukrainy yak sehment politychnoyi nauky" [Non-governmental analytical centers of Ukraine as a segment of political science]. *Visnyk L'vivs'koho universytetu. Seriya: Filosofs'ko-politologichni studiyi*, no. 10 (2017): 182–87. (In Ukrainian)
- Fokin, I.A. "Institutsional'naya infrastruktura politicheskoi nauki v sovremennoi Ukraine" [The institutional infrastructure of political science in modern Ukraine]. *Politicheskaya nauka*, no. 3, *Sotsial'nye i politicheskie funktsii akademicheskikh i ekspertnykh soobshchestv* [Social and political functions of academic and expert communities] (2015): 252–66. (In Russian)
- Gavrila, A. "Rol' Chernomorskogo regiona v regional'nom i global'nom kontekste" [The role of the Black Sea region in the regional and global context]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, vol. 9, no. 1–2 (2017): 44–47. (In Russian)
- Horyunova, Ye.O. "Aneksiya Krymu yak zahroza bezpetsi Balto-Chornomors'koho rehionu" [Annexation of Crimea as a threat to the security of the Baltic-Black Sea region]. *Intermarum: istoriya, polityka, kul'tura*, no. 4 (2017): 8–17. (In Ukrainian)

Gudev, P.A. “Novye riski i ugrozy bezopasnosti Rossii v Azovo-Chernomorskom regione” [New risks and threats to Russia's security in the Azov-Black Sea region]. *Puti k miru i bezopasnosti*, no. 2 (53) (2017): 37–45. (In Russian)

Haas, P.M. “Introduction: epistemic communities and international policy coordination.” *International Organization*, vol. 46, no. 1, *Knowledge, power, and international policy coordination* (1992): 1–35.

Horbulin, V.P. “Svitova hibrydna viina: ukrayins'kii front” [The world hybrid war: Ukrainian forefront]. Kiev: NISD, 2017. (In Ukrainian)

Horbulin, V.P., O.S. Vlasyuk, and S.V. Kononenko. “Rosii's'ko-ukrayins'ka viina v terminakh teorii realizmu” [Russian-Ukrainian war in terms of the theory of realism]. *Suspil'no-politychni protsesy*, no. 2 (2016): 70–96. (In Ukrainian)

Horbulin, V.P., O.S. Vlasyuk, E.M. Libanova, and O.M. Lyashenko. “Zbroinyi konflikt v Ukrayini u terminakh heopolityky” [Armed conflict in Ukraine in terms of geopolitics]. *Suspil'no-politychni protsesy*, no. 3 (2016): 61–86. (In Ukrainian)

Irkhin, A.A., and O.A. Moskalenko. “Chernomorsko-Sredizemnomorskii region v sovremennoi zapadnoi analitike” [The Mediterranean and Black Sea region in modern Western analytics]. In *Gumanitarnye chteniya “Sevastopol'skaya gavan’”: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sevastopol', 20–21 sentyabrya 2019 goda* [Humanitarian readings ‘Sevastopol Harbor’: Proceedings of the scientific practical conference, Sevastopol, September 20–21, 2019], edited by E.A. Barmina, 319–24. Sevastopol: SevGU 2019). (In Russian)

Irkhin, A.A., L.P. Nelina, and I.A. Chikharev, “Rossiya i Bol'shoe Sredizemnomor'e (1920–2014)” [Russia and the Mediterranean macro-region (1920–2014)]. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya*, no. 12 (2018): 58–68. (In Russian)

Ishin, A.V. “O geopoliticheskoi situatsii v Chernomorskom regione: krymskii vzglyad” [On the geopolitical situation in the Black Sea region: a Crimean view]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, no. 1 (7) (2016): 38–46. (In Russian)

Ishin, A.V. “O geopoliticheskoi strategii NATO v Chernomorskom basseine” [On the geopolitical strategy of NATO in the Black Sea basin]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, vol. 7, no. 2 (2020): 219–26. (In Russian)

Islyamova, E.E. “Chernomorskii region v kontekste politiki natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: voprosy teorii” [The Black Sea region in the context of the National Security policy of the Russian Federation: theory issues]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*, vol. 46, no. 2 (2019): 375–83. (In Russian)

Kayser, S. “Geopolitics of the Black Sea.” *Maritime security center of excellence*. Accessed May 11, 2021. <https://www.marseccoe.org/wp-content/uploads/2021/08/Geopolitics-of-the-Black-Sea.pdf>

Khrustalev, M.A. *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza: ocherki teorii i metodologii* [Analysis of international situations and political expertise: essays on theory and methodology]. Moscow: NOFMO, 2008. (In Russian)

Kolosov, V.A. “Kriticheskaya geopolitika: osnovy kontseptsii i opyt ee primeneniya v Rossii” [Critical geopolitics: Fundamentals of the concept and experience of its application in Russia]. *Politicheskaya nauka*, no. 4, *Regional'noe izmerenie politicheskogo protsessa* [Regional dimension of the political process] (2011): 31–52. (In Russian)

Konyshev, V.N. “Bezopasnost' v Chernomorskom regione v otsenkakh ‘mozgovykh tsentrov’ SShA” [Security in the Black Sea region in the estimates of ‘think tanks’ of the United States]. In

*Chernomorsko-Sredizemnomorskii region v sisteme natsional'nykh interesov Rossii: istoriya i sovremennost': k 80-letiyu nachala Velikoi Otechestvennoi voiny: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Black Sea-Mediterranean region in the system of national interests of Russia: history and modernity: to the 80<sup>th</sup> anniversary of the Great Patriotic War: Proceedings of the international scientific and practical conference], edited by A.V. Baranov and V.V. Kas'yanov, 32–35. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2021. (In Russian)

Kudryachenko, A.I., V.O. Shved, V.V. Soloshenko, and S.G. Samoilenko. *Mizhnarodni aspekti intehtratsiyi Donbasu i Krymu v polityko-pravovyi i sotsiokul'turnyi prostir Ukrayiny: analitychna dopovid'* [International aspects of the integration of Donbas and Crimea in the political, legal and socio-cultural space of Ukraine: an analytical report]. Kiev: DU “Instytut vsesvitn'oyi istoriyi NAN Ukrayiny”, 2019. (In Ukrainian)

Kurylev, K.P., K.V. Gavrikova, and E.A. Pospelova. “Ekspertno-analiticheskie tsentry na Ukraine: kharakter i osobennosti” [Expert think tanks in Ukraine: format and features]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 15, no. 3 (2015): 99–109. (In Russian)

Lytvynenko, O. “Chornomors'ka bezpeka: osnovni trendy 2030” [Black Sea security: main trends 2030]. *National Institute for Strategic Studies*. Accessed June 14, 2021. <https://niss.gov.ua/sites/default/files/2020-09/bsr-ukr.pdf> (In Ukrainian)

Malyshev D.V. “Kerchenskii krizis i status Azovskogo morya” [The Kerch Crisis and the status of the Sea of Azov]. *Postsovetskie issledovaniya*, vol. 2, no. 2 (2019): 982–89. (In Russian)

Marten, K. “NATO enlargement: evaluating its consequences in Russia.” *International politics*, no. 57 (2020): 401–26. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00233-9>

Mayevs'ka, O. “Diyal'nist' ‘mozkovikh tsentriv’ na suchasnomu etapi: zahrozy ta vikliky” [Activities of think tanks at the current stage: threats and challenges]. *Visnyk L'vivs'kogo universytetu. Seriya: Filosofs'ko-politolozhichni studiyi*, no. 26 (2019): 145–51. <https://doi.org/10.30970/2307-1664.2019.26.18> (In Ukrainian)

Minenkova, P.V. “Kontseptual'ni zasady ta katehorial'ne vyznachennya ponyattya ‘mozkovi tsentry’: naukove pereosmyslennya tradytsiinykh pidkhodiv” [Conceptual principles and categorical definition of the concept of think tanks: a scientific rethinking of traditional approaches]. *Visnyk Natsional'nogo tekhnichnoho universytetu Ukrayini ‘Kyyivs'kii politekhnichnyi instytut’. Seriya: Politolohiya. Sotsiolohiya. Pravo*, no.1 (2018): 17–22. [https://doi.org/10.20535/2308-5053.2018.1\(37\).152816](https://doi.org/10.20535/2308-5053.2018.1(37).152816) (In Ukrainian)

Naumescu, V. “NATO in the Black Sea region: unpredictability and different levels of commitment among the three coastal allies.” *The journal of cross-regional dialogues*, special issue (2020): 131–52. <https://doi.org/10.25518/2593-9483.141>

Nuryshchev, G.N. “Sovremennoe Prichernomor'e v geopoliticheskom izmerenii” [Modern Black Sea coast: geopolitical dimension]. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie*, no. 2–2 (14) (2016): 16–21. (In Russian)

Oliinyk, Ye.Yu. “Rol' analitychnykh nederzhavnykh politolozhichnykh tsentriv Ukrayiny v rozvytku politychnoyi nauky” [The role of Ukrainian non-governmental political science think tanks in the development of political science]. *Hileya*, no. 51 (2011): 473–78. (In Ukrainian)

Parahons'kii, B.O. “Rehional'ni naslidky hlobal'nykh superechnosti: Chornomors'kyi rehion” [Regional consequences of global contradictions: the Black Sea region]. *Stratehichna panorama: Naukovo-praktychnyi zhurnal*, no. 2 (2016): 10–16. (In Ukrainian)

Parahons'kii, B.O. *Systemna kryza mizhnarodnoyi bezpeky: Blyz'koskhidno-Chornomors'kyi prostir: analitychna dopovid'* [Systemic crisis of international security: Middle East and Black Sea region: an analytical report]. Kiev: NISD, 2016. (In Ukrainian)



Parahons'kii, B.O., and G.M. Yavors'ka. *Ontolohiya viiny i myru: bezpeka, stratehiya, smysl: monohrafiya* [The ontology of war and peace: security, strategy, meaning: a monograph]. Kiev: NISD, 2019. (In Ukrainian)

Petrov, V.P. "Geopoliticheskoe znachenie Kryma" [Geopolitical significance of Crimea]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*, vol. 20, no. 1 (2018): 21–30. (In Russian)

Plyushch, O. "Prosvannya ekspertnykh orhanizatsiyamy dyskursu politychnykh sub'yektiv" [Promotion of the discourse of political subjects by expert organizations]. *Sotsial'na psykholohiya*, no. 1–2 (51–52) (2012): 204–14. (In Ukrainian)

"Rosiy'skyi sprut u diyi. Keis 'Ukrayina'" [Russian octopus in action. Case 'Ukraine']. *Geostrategy*. Accessed June 14, 2021. <https://geostrategy.org.ua/analytika/doslidzhennya/rosiyskyy-sprut-u-diyi-keys-ukrayina/zavantazhyty-doslidzhennya-rosiyskyy-sprut-u-diyi-keys-ukrayina>. (In Ukrainian)

Rubanov, V.V. "Institutsionalizatsiya – bazovoe ponyatie kharakteristiki protsessa stanovleniya i razvitiya politicheskoi analitiki v Ukraine" [Institutionalization as the basic concept of the characteristics of the process of political analytics formation and development in Ukraine]. *Visnyk Natsional'noho universytetu 'Yurydychna akademiya Ukrayiny imeni Yaroslava Mudroho.'* Seriya: *Filosofiya, filosofiya prava, politolohiya, sotsiolohiya*, no. 4 (14) (2012): 165–69. (In Russian)

Rzhevs'ka, N. "'Mozkovi tsentry' yak sub'yekty ekspertnoho seredovyshcha: funktsional'nyi analiz" ['Think tanks' as subjects of the expert environment: a functional analysis]. *Politychnyi menedzhment*, no. 1–2 (2012): 161–69. (In Ukrainian)

Samus', M. "TsDAKR: Rosiis'ka ahresiya v Kerchens'kii prototsi – test dlya suchasnoyi systemy mizhnarodnykh vidnosyn" [CACDS: Russian aggression in the Kerch Strait – a test for the modern system of international relations]. Center for Army Conversion and Disarmament Studies. Accessed June 14, 2021. <https://cacds.org.ua/?p=4886> (In Ukrainian)

Sanders, D. *Maritime power in the Black Sea*. 1<sup>st</sup> ed. London: Routledge, 2014. <https://doi.org/10.4324/9781315593920>

Shelest, G. "Chornomors'ka bezpeka: spromozhnosti susidiv Ukrayiny na mori. Analitychna zapyska" [Black Sea security: capabilities of Ukraine's neighbors at sea. An analytical note]. *Ukrainian prism*. Accessed June 14, 2021. <http://prismua.org/03-02-2021/> (In Ukrainian)

Shelest, G. "Chy isnuye chornomors'ka polityka NATO?" [Is there a Black Sea policy for NATO?]. *Ukrainian prism*. Accessed June 14, 2021. <http://prismua.org.tilda.ws/blackseanato#rec246964356> (In Ukrainian)

Shelest, G. "Chy isnuye chornomors'ka stratehiya NATO?" [Is there a Black Sea strategy for NATO?]. *Ukrainian prism*. Accessed June 14, 2021. <http://prismua.org.tilda.ws/blackseanato> (In Ukrainian)

Solodkii, V.A. "Fond imeni Razumkova kak instrument politiki 'myagkoi sily' Zapada na Ukraine" [The Razumkov Foundation as an instrument of Western 'soft power' policy in Ukraine]. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*, no. 23 (2017): 53–57. <https://doi.org/10.5281/zenodo.1164053> (In Russian)

Vlasyuk, O.S., and S.V. Kononenko. *Kremlivs'ka ahresiya proty Ukrayiny: rozdumy v konteksti viiny* [Kremlin aggression against Ukraine: reflections in the context of the war]. Kiev: NISD, 2017. (In Ukrainian)

Wæver, O. "Securitization and desecuritization". In *On Security*, edited by Ronnie D. Lipschutz, 46–86. New York: Columbia University Press, 1995.

Yurchenko, I.V. "Geopoliticheskie osobennosti Chernomorskogo regiona v kontekste obespecheniya bezopasnosti Yuga Rossii" [Geopolitical features of the Black Sea region in the



context of ensuring the security of the South of Russia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3 (2008): 18–24. (In Russian)

### **Информация об авторе**

**Олег Владимирович Онопко** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, <https://orcid.org/0000-0001-5569-8256>, [onopko.oleg@gmail.com](mailto:onopko.oleg@gmail.com), Донецкий национальный университет (283001 Донецкая Народная Республика, Донецк, ул. Университетская, д. 24)

### **Information about the author**

**Oleg V. Onopko** – Candidate of Political Sciences (PhD), Associate Professor at the Department of Political Science, <https://orcid.org/0000-0001-5569-8256>, [onopko.oleg@gmail.com](mailto:onopko.oleg@gmail.com), Donetsk National University (24, ul. Universitetskaya, Donetsk, 283001, Donetsk People's Republic)

---

Статья поступила в редакцию 24.08.2021; одобрена после рецензирования 08.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 24.08.2021; approved after reviewing 08.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 539–580  
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 2 (2022): 539–80

Научная статья

УДК 94.4 (470.53)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-5>

## Исторические образы как конструкт идентичности территории: актуальные тенденции Пермского края

**Виталий Ярославович Призюк,**

Пермский государственный  
национальный исследовательский университет,  
Пермь, Россия,

[vetal\\_prizuk@mail.ru](mailto:vetal_prizuk@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0001-8273-104X>



**Vitalii Ya. Prizyuk,**

Perm State University,  
Perm, Russia,

[vetal\\_prizuk@mail.ru](mailto:vetal_prizuk@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0001-8273-104X>

**Аннотация.** В статье исследуется актуальный вопрос использования исторических образов, где память выступает в роли конструкта, с акцентированием внимания на том, каким образом и с какой целью с ней взаимодействуют федеральные и региональные власти. Установлено, что на сегодняшний день нет эффективного механизма выявления ключевого исторического образа, но изучение региональной идентичности и включение результатов выявления исторических образов в региональные программные стратегии способны продвинуть исследования в данном направлении. В практиках публичной истории и мероприятиях фиксируется преобладание дореволюционных исторических образов, что объясняется, с одной стороны, ностальгией по «золотому веку», а с другой – растущим запросом аудитории на нематериальную культуру регионов. На примере Пермского края показано, как конструирование исторических образов может стать залогом развития территории и фактором формирования идентичности. Кейс реализации проекта «Усолъе Строгановское» раскрывает Усолъе как исторический образ, развитый на локальном муниципальном уровне, который в перспективе может стать конструктом на уровне региона.

**Ключевые слова:** политика памяти, исторический образ, публичная история, региональная идентичность, Пермский край, «Усолъе Строгановское»

**Для цитирования:** Призюк В.Я. Исторические образы как конструкт идентичности территории: актуальные тенденции Пермского края // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 539–580, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-5>

## Historical images as a construct of territory identity: current trends in Perm Krai

**Abstract.** The article examines the topical issue of using historical images in which memory acts as a construct, focusing on how and for what purpose federal and regional authorities interact with it. It has been established that today there is no effective mechanism for identifying a key historical image, studies of regional identity and the inclusion of the results of historical images identification in regional program strategies can advance research in this direction. The predominance of pre-revolutionary historical images is recorded in the practices of public history and events, which can be explained, on the one hand, by nostalgia for “the golden age,” and on the other hand, by the growing demand of the audience for the non-material culture of the regions. On the example of Perm Krai, it is shown how the construction of historical images can become a guarantee of the development of the territory and a factor in the formation of identity. The case of the implementation of the Usolye Stroganovskoe project shows how a historical image elaborated at the local level can become a construct at the regional level in the future.

**Keywords:** politics of memory, historical image, public history, regional identity, Perm Krai, Usolye Stroganovskoe

**For citation:** Prizyuk, V.Ya. “Historical images as a construct of the territory identity: current trends in Perm Krai,” *Historia provinciae – a Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2 (2022): 539–80, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-5>

### Прошлое как конструкт

В последние годы все большее внимание исследователей занимают вопросы актуализации политики памяти, возможностей прошлого, открывающихся для настоящего. Прошлое в данном случае выступает в роли конструкта, «ресурса для легитимации и пересборки современных идентичностей»<sup>1</sup>. Как на федеральном, так и на региональном уровне мы можем наблюдать возвращение исторических названий улиц, установку новых мемориальных объектов, связанных с памятью прошлого, которые в современном контексте получают новые смыслы. К актуальным примерам можно отнести установку памятников князю Владимиру в Москве и П.А. Столыпину в Саратове как символов державности и сильного государства, мемориальных досок А.В. Колчаку и К. Маннергейму в Санкт-Петербурге (впрочем, вскоре демонтированных), призванных, по словам экс-министра культуры РФ В. Мединского, «преодолеть в канун столетия русской революции трагический раскол в нашем обществе»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Воробьева О.В., Николаи Ф.В. Политика памяти, вызовы идентичности и стратегии преодоления социокультурных угроз в оценках российских и англоязычных исследований культуры // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2020. № 4. С. 173–180.

<sup>2</sup> У каждого была своя правда. Сергей Иванов открыл мемориальную доску в честь Карла Маннергейма // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2016/06/16/reg-szfo/v-peterburge-ustanovili-pamiatnuiu-dosku-mannergejmu.html> (дата обращения: 20.02.2021).

Общественный резонанс, который возник после установки памятника Ивану Грозному в Орле в 2016 г., а также жаркие дискуссии, связанные с возможностью восстановления памятника Ф.Э. Дзержинскому на Лубянке (или компромиссной замены его на памятник Александру Невскому), в 2021 г. лишь демонстрируют тот факт, что в обществе еще не сформировалось единое мнение о прошлом и его влиянии на современность.

За последние годы был опубликован ряд исследований в области политики памяти<sup>3</sup>. В частности, А. Миллер понимает ее как совокупность «различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти»<sup>4</sup>, направленных на сохранение памяти о значимых событиях прошлого. В данные процессы входят и коммеморативные практики, где сама же политика «работает не с прошлым, а с социальными представлениями о прошлом»<sup>5</sup>.

Особый исследовательский интерес ученых, работающих в этой области, связан с темой взаимоотношения политики памяти и региональной идентичности<sup>6</sup>. Региональные стратегии, включающие в себя действия по сохранению памяти, становятся предметом рассмотрения в качестве отдельных кейсов, имеющих свои отличительные особенности. В такой ситуации федеральному центру становится все труднее применить к регионам универсальный подход, предложить некие общие смыслы, не учитывающие местную специфику.

Из этого следует, что в региональных исследованиях продуктивной становится трактовка французского историка Ф. Броделя, где регион является

---

<sup>3</sup> История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Кругъ, 2006; Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019; История и историческая память: межвузовский сборник научных трудов / под редакцией А.В. Гладышева. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2010. Вып. 1.

<sup>4</sup> Миллер А. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. Т. 13, № 3–4. С. 6–13.

<sup>5</sup> Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / ответственные редакторы А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. Москва; Санкт-Петербург: Нестор–История, 2018. С. 27–53.

<sup>6</sup> Головнева Е.В. Региональная идентичность и идентичность региона // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12, № 3 (167). С. 182–189; Сыров В.Н., и др. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019; Фадеева Л.А. Психологические и культурные основания конструирования идентичности: пермский кейс // Перспективы развития политической психологии: новые направления: материалы Международной научной конференции (22–23 октября 2010 г. МГУ им. М.В. Ломоносова) / под редакцией Е.Б. Шестопал. Москва: Издательство Московского университета. 2012. С. 206–214.

аналогом особого «мира» с присущими только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением<sup>7</sup>. В таких вопросах, как определение исторического образа территории и выбор центральной исторической фигуры, требуется всесторонний подход, основанный на политике памяти региона. При этом, возникновение в ходе реализации политики памяти новых исторических образов и символов или восстановление старых призваны служить объединению людей, формированию идентичности. Исследование возможностей подобных образов и символов сегодня также является предметом научного исследования с перспективой возможного включения полученных результатов в государственную и региональную историческую политику<sup>8</sup>.

Следует заметить, что после 90-х гг. XX века актуальным стало обращение к досоветскому прошлому, связанному с именами русских императоров, известных дворянских фамилий, в тех тональностях, которые ранее были невозможны:

...прошлое, предшествовавшее советскому, не только сохранилось в категории «полезного», но и было значительно идеализировано и приближено, в том числе символически ... а пантеон «годных» образов был пополнен новыми культовыми фигурами, например, Романовыми, Столыпиным, лидерами Белого движения и другими персонажами, призванными символизировать «Россию, которую мы потеряли»<sup>9</sup>.

При этом, такого рода ностальгия возрождает интерес не только к дореволюционному прошлому своей семьи, выражающийся в изучении фамильных архивов и ощущении сопричастности с малой родиной, но и в целом к прошлому. По словам Л.П. Репиной,

... в ностальгическом ключе прошлое не просто консервируется, но и разыгрывается вновь ..., причем его, как правило (хотя и не всегда),

---

<sup>7</sup> Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XVII–XVIII вв. Т. 3: Время мира. Москва: Весь мир, 2007. С. 41.

<sup>8</sup> Игнатьева О.В., Лысенко О.В. Символические ландшафты городского пространства // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под редакцией О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой. Пермь: ПГГПУ, 2013. С. 100–132.

<sup>9</sup> Хмелевская Ю.Ю. Историка и полезное прошлое: к вопросу о дисциплинарных границах и дисциплинирующих функциях истории в современном обществе // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1. С. 166.



изображают в наиболее привлекательном свете. <...> Через процесс избирательной амнезии прошлое превращается в «золотой век»<sup>10</sup>.

Таким образом, прошлое, которое представляется наполненным героическими образами и событиями, высокой культурой и традициями, становится ресурсом решения тех проблем, с которыми сталкивается настоящее. Коллектив исследователей из Томского университета пришел к выводу, что сегодня «основным ресурсом российской модернизации выступает не будущее, а прошлое»<sup>11</sup>. Они отмечают, что социокультурный потенциал социальной памяти, связанный с ностальгическими общественными настроениями, может быть использован для конфигурирования современного общественного устройства.

В связи с этим, в нашем исследовании мы используем методологический подход, где память рассматривается прежде всего в качестве конструкта, акцентируя внимание на возможных целях и способах взаимодействия с ней, ибо «...память не размещена в определенном месте или полностью содержится в ком-то; вместо этого она реализует себя через ее применение»<sup>12</sup>. Вслед за П. Нора, мы понимаем «места памяти» в широком смысле, как единство духовного и материального, которое становится символическим элементом наследия. В нашей работе мы рассматриваем данное становление как результат действий власти в отношении традиций, согласно Э. Хобсбауму:

«Изобретенная традиция» — это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения<sup>13</sup>.

Таким образом, власть изобретает традиции, способные поддерживать национальную идентичность, с помощью праздничных церемоний и ритуалов, минут молчания, шествий, возложения венков и т.п.

В последние годы действия государственной власти в области традиций во многом связаны с обращением к истории Великой Отечественной войны 1941–

---

<sup>10</sup> Ретина Л.П. Культурная память и проблемы историописания: (историографические заметки). Москва: ГУ ВШЭ, 2003. С. 32.

<sup>11</sup> Сыров В.Н., и др. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. С. 164.

<sup>12</sup> Schmidt S.J. Memory and Remembrance: a constructivist approach // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook / edited by A. Erll, A. Nunning. Berlin, New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 196.

<sup>13</sup> Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 48.

1945 г. Вполне очевидно, что их пик пришелся на 2020 г., когда в России широко праздновали 75-летие победы. К данной годовщине были приурочены не только марши победы (которые, несмотря на пандемию, не были отменены, а лишь перенесены с 9 мая на 24 июня), но и рекордное количество мероприятий и проектов. Так, в 2020 г. в стране был проведен всенародный конкурс, по результатам которого 20 городов России получили статус «город трудовой доблести», для чего региональными и федеральными властями была организована большая информационная кампания, проводилось интернет-голосование, в котором приняли участие миллионы людей. Очевидно, что давая огромному числу людей возможность участия в конкурсных мероприятиях и голосовании о почетном статусе города трудовой доблести, власти стремились привлечь максимальное количество граждан России к идее общенациональной идентичности.

В то же время, на фоне следования тем смыслам, которые формирует государство, регионы стремятся разрабатывать собственную идентичность. Региональные власти в последнее время осознают, что в действенной политике памяти и тех возможностях, которые она предоставляет, заинтересован прежде всего сам регион. Румынская исследовательница Л.Е. Беженару приводит в подтверждение следующее высказывание представителей Крымского геопоэтического клуба:

Регион с богатой мифологией (исторически достоверной или целиком сочиненной) привлекает <...> его жизнь становится более богатой, потому «регион просит ребрендинга»<sup>14</sup>.

Таким образом, важной задачей региона становится сопоставление своей исторической политики с общегосударственной, для того, чтобы исторические образы могли сосуществовать друг с другом, объединяя, а не разъединяя его жителей.

Например, в небольшом поселке Лотошино Московской области, вся историческая память которого на протяжении последних десятилетий была сконцентрирована вокруг Битвы за Москву, проходившей в том числе на его землях, сегодня разрабатывают политику памяти, включающую новые смыслы. Так, в историческом музее поселка была открыта экспозиция, посвященная роду князей Мещерских, чьим родовым именем было село Лотошино, а в скором времени планируется установка памятника князю А.В. Мещерскому

---

<sup>14</sup> Беженару Л.Е. Регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геопоэтики // *Historia Provinciae* – Журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 3. С. 977.

(1822–1900). На презентации проекта памятника глава городского округа Е. Долгасова отметила:

Род князей Мещерских сделал очень многое для развития Лотошинского края. Сооружение этого памятника будет восстановлением исторической справедливости и признанием заслуг этой семьи<sup>15</sup>.

Появление новых персонифицированных исторических образов внутри регионов – также одна из тенденций современной политики памяти. Во многом это объясняется «конкуренцией с другими регионами за присвоение наиболее рентабельных (в большей степени в политическом, нежели в экономическом значении) исторических сюжетов»<sup>16</sup>. Достаточно ярко данный процесс можно проследить на примере федерального конкурса «Великие имена России», который проводился в 2019 г. По всей стране в рамках данного конкурса начали массово выбирать героев, которых можно было бы назвать центральными историческими фигурами определенных регионов, с тем, чтобы потом их имена присвоить региональным аэропортам. Согласно информации на официальном сайте проекта, в голосовании приняло участие 6 млн россиян<sup>17</sup>. Несмотря на столь значительное количество голосовавших, для жителей целого ряда регионов стало неожиданностью, что их реальная историческая идентичность по существу осталась неучтенной, а победителями стали персоны, соответствующие политическим представлениям властей. Так, например, ключевой исторической фигурой для Калининграда стала императрица Елизавета Петровна, а не И. Кант – *genius loci*, дух 750-летнего города (по определению исторического раздела сайта администрации Калининграда<sup>18</sup>). В Мурманске аэропорт назвали именем императора Николая II, так же фигуры общероссийского масштаба, непосредственно с самим городом связанной весьма условно. Таким образом, даже такой демократичный способ выбора центрального исторического образа территории как общенародное интернет-голосование трудно назвать оптимальным.

---

<sup>15</sup> Проект памятника князю Мещерскому презентовали в Лотошинском музее // Сайт администрации городского округа Лотошино Московской области. URL: <https://www.лотошинье.рф/news/get/12371/> (дата обращения: 20.02.2021).

<sup>16</sup> Сыров В.Н., и др. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. С. 153.

<sup>17</sup> Подведены итоги конкурса: 46 аэропортов получают великие имена // Великие имена России. URL: <https://великиеимена.рф/> (дата обращения: 20.02.2021).

<sup>18</sup> Кант – Кенигсберг – Калининград // Сайт администрации г. Калининград. URL: [https://www.klgd.ru/city/history/almanac/a5\\_13.php](https://www.klgd.ru/city/history/almanac/a5_13.php) (дата обращения: 20.02.2021).

В том же 2019 г. проводился другой федеральный проект «Живое наследие», курировавшийся Общественной палатой РФ и Фондом Президентских грантов. В рамках данного проекта была составлена национальная карта локальных культурных брендов России, где в каждом регионе определялись основные «номинации»: персоны, образы, даты и события. Лидеров определяло экспертное жюри, при выборе персон учитывались мнения местных экспертов, а в некоторых городах собирались круглые столы для обсуждения возможных брендов. Тем не менее, и такой способ выбора не был лишен недостатков: так, в Пермском крае, несмотря на то, что ключевыми историческими персонами были выбраны Строгановы, Б.Л. Пастернак и В.Н. Татищев, единоличным лидером стал Б. Пастернак, так как, согласно ключевому критерию конкурса, человек со статусом Нобелевского лауреата автоматически попадал в «избранный корпус локальных брендов»<sup>19</sup>. Было бы преувеличением считать Нобелевскую премию определяющим для большинства жителей региона фактором в вопросе выбора исторической персоны. Позиции Б. Пастернака в этом качестве для Перми теоретически возможны, но скорее благодаря ассоциациям города Юртин в романе «Доктор Живаго» с Пермью, а не наличию статуса Нобелевского лауреата. Однако в данном случае именно этот фактор сыграл решающую роль.

Все это говорит о том, что для демонстрации эффективности при определении ключевых исторических образов и интернет-голосование, и работа экспертов должны быть включены в региональную политику памяти. В свою очередь регионам необходимо найти баланс между следованием по пути общей национальной идентичности государства и развитием своей уникальности, которая даст им конкурентные преимущества перед другими регионами. В этом процессе мы можем наблюдать возросший интерес к образам и персонам прошлого, в особенности дореволюционным, как следствие ностальгических чувств по утраченному «золотому веку». Используя их для конструирования идентичности, власть получает широкие возможности, при этом ключевыми принципами должны оставаться историческая достоверность и аутентичность. В противном случае, если исторические образы станут результатом политического конструирования без стратегической проработки, возникнет перспектива того, что они подвергнутся изменениям вслед за сменой правящего курса, что уже не раз демонстрировала история.

---

<sup>19</sup> Исследование и систематизация корпуса локальных культурных брендов Российской Федерации // Живое наследие. URL: <https://livingheritage.ru/files/brands-study-selection.pdf> (дата обращения: 20.02.2021).

### Поиск образов прошлого на территории Пермского края

В сентябре 2020 г. в Перми прошла первая Межрегиональная туристическая ярмарка, где пермским Туристским информационным центром были представлены основные бренды Пермского края. Ранее, в 2016 г. на официальном сайте туристского центра была опубликована статья под названием «Бренды Пермского края. Основные бренды территории»<sup>20</sup>. Материалы центра вполне возможно считать отражением официальной позиции региональной власти, так как он был создан в 2013 г. по инициативе Министерства физической культуры, спорта и туризма Пермского края с целью развития и популяризации внутреннего и въездного туризма в регионе.

Создание региональных туристических центров – общероссийская практика последнего десятилетия. Помимо осуществления основной информационной деятельности, они также являются проводниками региональной политики в области культуры, формируя образ региона. В связи с этим, обращает на себя внимание тот факт, что за четыре года список претерпел значительные изменения: некоторые бренды были добавлены, а другие удалены из него.

Таблица 1

#### Сравнение позиционирования брендов Пермского края в тексте на официальном сайте пермского Туристского информационного центра (2016 г.) и презентации на Межрегиональной туристической ярмарке в Перми (2020 г.)

№	2016 г.	2020 г.
1.	Пермский звериный стиль	Пермский период
2.	Пермские театры	Пермяк – соленые уши
3.	Соляная столица России – Родина солеварения	Пермские боги
4.	Чайная столица Российской империи	Русские сезоны
5.	Пермь Великая Чердынь	Пермская кухня
6.	Пермский период	Пермь активная
7.	Пермские деревянные боги	Династия Строгановых
8.	–	Великая экспедиция Беринга
9.	–	Кама-река

Появление таких брендов, как «Пермь активная» и «Кама-река» можно объяснить стремлением развивать активный и круизный отдых, о чем дополнительно свидетельствует выпуск туристским центром в 2019 г. специализированных карт по данной тематике. В то же время, интересно заметить внесение в список брендов двух персонифицированных историй –

<sup>20</sup> Бренды Пермского края // Великая Пермь. URL: <http://visitperm.ru/press/articles/brendy-permskogo-kraja/> (дата обращения: 20.02.2021).



«Династия Строгановых» и «Великая экспедиция Беринга», а также удаление бренда «Пермский звериный стиль», в 2016 г. занимавшего первую строчку. Вместе с ним покинули список «Чайная столица» и «Пермь Великая Чердынь». Мы видим достаточно существенные перестановки в исторических брендах региона, произошедшие за короткий отрезок времени, что говорит о несформированности позиции региональной власти по вопросу продвижения региона, отсутствию единого исторического образа. После «Культурной революции» в Перми 2008–2012 гг. и возвращения к консервативным стратегиям культурного развития, регион продолжает находиться в процессе поиска своей идентичности.

Обращает на себя внимание также и то, что акцент в культурном позиционировании региона делается на исторических образах: на информационных стендах, размещенных в городах Пермского края, все туристические маршруты имеют историческую основу. Так, каждый из маршрутов, изображенных на стенде у краеведческого музея г. Оса Пермского края и охватывающих основные туристские районы региона, так или иначе носит исторический характер<sup>21</sup>.

Таблица 2

**Соотношение туристических маршрутов Пермского края,  
представленных на информационном стенде в г. Оса (2019 г.),  
с картой туристских районов Пермского края (2020 г.)**

<b>Туристические маршруты</b>	<b>Туристские районы Пермского края</b>
«Пермь Великая», «Императорский маршрут»	Северный Урал
«Древняя Парма и коми-пермяки»	Парма
«Соляные столицы»	Верхняя Кама
«Наследие династии Строгановых», «Хохловка – центр деревянного зодчества»	Средняя Кама
«Великая Северная экспедиция»	Нижняя Кама
«Горнозаводская цивилизация»	Горнозаводской Урал
«Чайная столица Урала», «Императорский маршрут»	Предуралье

Данные маршруты предполагают самостоятельное посещение туристами музеев, связанных с заданной темой. На территориях, входящих в туристские

<sup>21</sup> Карта «Туризм» // География Пермского края. Атлас: учебно-справочное пособие / под редакцией А.А. Зайцева, С.В. Пьянкова, Н.В. Бажуковой. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 46.

маршруты, проводятся масштабные культурные события, имеющие исторический контекст: этно-ландшафтный фестиваль «Зов Пармы» (Северный Урал), фестиваль исторической реконструкции «Большие маневры на Хохловских холмах» (Средняя Кама), фестивали «Строгановская седмица» (Верхняя Кама), «Оса – акватория Беринга» (Нижняя Кама) и др. Для жителей территорий, на которых проводятся эти мероприятия, многие из них являются центральными, знаковыми, главными в году, что позволяет собирать большую зрительскую аудиторию. Вполне вероятно, что регату, катания на моторных лодках, кэмпинг или серию музыкальных концертов, которые проводятся в рамках данных фестивалей, можно было бы провести и без привязки к историческим образам, однако историческая составляющая мероприятий востребована. Фестивали проводятся не только для развлечения публики и получения коммерческой выгоды, но и для формирования идентичности региона – они встроены в культурную политику.

Проводимые в рамках формирования идентичности региона мероприятия выявляют проблему ключевого исторического образа для региона: как выбрать наиболее подходящий, когда каждый из них соответствует своей территории и социальной группе? В.В. Абашев пишет, что все образы (знаки Перми) образуют единое целое, составляя так называемый пермский словарь, где «Стефан Пермский», «пермский период», «Дягилев», «Пастернак» и др. – «словарные единицы». Каждая из единиц, по мнению В. Абашева, имеет свою востребованность:

Они не равнозначны, у каждого есть свой радиус действия <...> Есть знаки формирующие центр, ядро пермской парадигматики, и знаки, находящиеся на ее периферии<sup>22</sup>.

---

<sup>22</sup> Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Пермский государственный университет, 2008. С. 62.



Верхний ряд: Фестиваль «Строгановская седмица», «Романовские дни» в Ныробе.

Нижний ряд: Фестиваль «Оса – акватория Беринга», театрализованная экскурсия  
в музее г. Очер.

Источник: коллаж автора.

Работая над конструированием образа, заинтересованные группы способны увеличить степень его востребованности, следствием чего может стать перемещение образа с периферии ближе к ядру. Так, в ряде случаев, благодаря программной работе, традиция почитания исторических героев становится частью большого федерального проекта, повышая свой статус.

В поселке Ныроб Чердынского района Пермского края с 2007 г. ежегодно проводятся акции, посвященные памяти боярина Михаила Никитича Романова (1560–1602). Выбор места связан с тем, что в Ныроб опальный боярин был сослан в 1601 г. и здесь же закончил свои дни. В поселке существует музей Михаила Романова, а в дни его памяти на протяжении многих лет проводятся

научно-практические конференции, театрализованные представления. Традиция почитания М.Н. Романова не является изобретенной, скорее восстановленной. Особое отношение к этому месту в России сформировалось уже давно. Так, Г.Н. Чагин отмечает, что в 1913 г. «реальные исторические события явились поводом по-особому ... отметить в Ныробе 300-летие царствования Романовых»<sup>23</sup>. После революции публичное почитание представителя Дома Романовых стало невозможным, а часовня, построенная над ямой, где содержали дядю первого царя из рода Романовых, была уничтожена. Спустя почти столетие, по желанию местного населения и поддержке региональных властей традиция почитания была возрождена.

С 2020 г. Ныроб стал частью федерального проекта «Императорский маршрут», посвященного местам памяти Дома Романовых в России. Двумя годами ранее, в 2018 г., Пермь стала важной частью этого проекта, реализуемого Министерством культуры РФ совместно с Фондом содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», что было обусловлено пребыванием и гибелью на пермской земле великого князя Михаила Александровича (1878–1918) и великой княгини Елизаветы Фёдоровны (1864–1918). К 2020 г. проект объединил 19 регионов России – мест пребывания и памяти членов Дома Романовых. На сайте Федерального агентства по туризму задача проекта «Императорский маршрут» раскрывается следующим образом:

Национальный историко-культурный туристический проект «Императорский маршрут» дает возможность по-новому взглянуть на нашу историю и приобщить подрастающее поколение к непрерывной цепи исторических событий в России<sup>24</sup>.

Если в стратегии государственной политики памяти проект «Императорский маршрут» является образцом реконструкции досоветского образа прошлого, то другой пример из Пермского края можно считать отчасти конструированием нового образа (правда, на основе старого).

В городе Оса, основанном в 1591 г., хранится память о многих исторических событиях, происходивших на этой земле за четыре столетия. На протяжении советского времени центральным историческим событием Осы считалась крестьянская война 1773–1775 гг., а ключевым историческим

<sup>23</sup> Чагин Г.Н. Исторические знания народов Урала в XIX – начале XXI века. Екатеринбург: Сократ, 2011. С. 138

<sup>24</sup> 19 регионов стали участниками национального туристического проекта «Императорский маршрут» // Федеральное агентство по туризму. URL: <https://tourism.gov.ru/news/16395/> (дата обращения: 20.02.2021).



героем – Е. Пугачев, взявший Осу в 1774 г. При этом, еще до событий крестьянской войны Оса стала свидетелем другого общегосударственного дела: в 1733 г. в Осе останавливался В. Беринг во время Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.). Несмотря на то, что данное событие всегда оставалось в памяти горожан, Оса как «место памяти» экспедиции и самого В. Беринга начала позиционироваться совсем недавно. С 2017 г. Оса стала частью федерального проекта «Маршрутами Великой Северной экспедиции», состоящего из серии туров на пути следования Великой Северной экспедиции XVIII века под руководством В. Беринга и А. Чирикова. Организатором проекта является И. Маматов, уроженец Осы. За последние годы в Осе установлен памятный знак Берингу, обустроен сквер, оформлена новая музейная экспозиция, заложена традиция проведения ежегодного фестиваля «Оса – акватория Беринга».

Благодаря данному проекту город получает новую стратегию для продвижения. Имя Беринга всегда оставалось в памяти дореволюционной и советской России (так, например, в 1970 г. вышел известный фильм «Баллада о Беринге и его друзьях»). Но едва ли за пределами Осы кто-нибудь ассоциировал этот город с именем Беринга. В наши дни, в результате конструирования нового образа, складывается новая идентичность, становящаяся общепринятой.

В массовых мероприятиях последнего времени в Пермском крае четко прослеживается тенденция сближения с историей дореволюционного прошлого: с его атмосферой, церемониальными практиками, одеждами. Так, в 2016 г. на открытии памятника графу П.А. Строганову в пос. Павловский ряд гостей праздника были одеты в костюмы, стилизованные под моду XVIII–XIX вв.), играла классическая музыка. Библиотекарь-краевед Т.М. Степанова объясняла происходившее на церемонии тем, что современные люди таким путем «хотят стать частью благородной истории»<sup>25</sup>. Подобных примеров в Пермском крае немало: в г. Очер популярностью пользуются театрализованные экскурсии в духе «Золотого века», а в пос. Ильинское в бывшем доме управляющего проводятся костюмированные балы.

---

<sup>25</sup> Экспертное интервью с Т.М. Степановой, сотрудником музея-библиотеки в пос. Павловский. Записано в пос. Павловский 23.07.2016 автором статьи.





Открытие памятника графу Павлу Строганову в пос. Павловский,  
Пермский край, 23.07.2016.  
Источник: фото автора.

В марте 2021 г. консалтинговая компания «Стрелка» рассчитала индекс туристической привлекательности регионов России, основанный на впечатлениях путешественников (было проанализировано более 6 млн публикаций в социальных сетях). Эксперты пришли к выводу, что «нематериальное наследие – преимущество на туристическом рынке»<sup>26</sup>. В результате их исследования было выявлено, что уникальная нематериальная культура регионов – музыка, танец, кулинария, язык, традиции, ремесла, религия – сегодня опережает по количеству упоминаний памятники архитектуры, исторические достопримечательности и другие элементы материального наследия, а по доле позитивных текстов нематериальная культура уступает только впечатлениям о природе. Все это объясняет растущую популярность реконструкции образов прошлого через сближение с их практиками: нарядами и церемониями. Конструирование исторической памяти должно подкрепляться практиками публичной истории, через которые возможно включение людей в те смыслы, которые заложены в местах памяти. Более того, с помощью символических действий и практик публичной истории образы прошлого получают новое звучание и новые возможности для применения.

---

<sup>26</sup> КБ Стрелка рассчитала индекс туристической привлекательности регионов России // Strelka Mag. URL: <https://strelkamag.com/ru/news/kb-strelka-rasschital-indeks-turisticheskoi-privlekatelnosti-regionov-rossii> (дата обращения: 22.03.2021).

### **«Усолье Строгановское» как «квинтэссенция исторического образа» и «полифония историко-культурных пересечений»**

В большинстве случаев региональные стратегии по конструированию исторической памяти ограничиваются набором культурно-массовых мероприятий с историческим окрасом, установкой памятников, переименованием объектов, расширением музейных экспозиций. В отдельных случаях потенциал исторического образа для региона считается настолько высоким, что может стать брендом всей территории, а потому нуждается в особых средствах конструирования. В качестве исторического обоснования (возможно, мифологизированного) регионам необходимы материальные объекты историко-культурного наследия, имеющие потенциал к сакрализации, а также целый комплекс мероприятий, привлекающий к конструированию бренда общественно-политические силы региона. Таким объектом может стать небольшой исторический город, центром которого является историко-архитектурный заповедник. Подобный город концентрирует на себе исторический образ и сам производит смыслы, работающие на продвижение этого образа.

Исследователи из Томского университета в 2019 г. рассмотрели кейс по «возрождению» Болгара и Свияжска в республике Татарстан как новейший опыт конструирования исторической памяти в условиях региональной политической ситуации. Для региональных властей было важно подчеркнуть историческую и религиозную преемственность между историческими городами-символами: Болгар – татарской и исламской культуры, Свияжск – русской и православной. Для этого была проведена большая работа по реализации необходимых смыслов, начало которой было положено в 2010 году президентом Татарстана М.Ш. Шаймиевым. В результате сегодня Свияжск представляет собой музей-заповедник федерального значения «Остров-град Свияжск», а в Болгаре организован Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Все проведенные с этой целью работы были частью комплексного проекта «Культурное наследие: остров-град Свияжск и Древний Болгар», включающего как реставрацию архитектурных памятников, так и развитие туристической инфраструктуры.

Данные примеры говорят о том, что прошлое при наличии исторического обоснования может стать продуктивным ресурсом для формирования идентичности региона и продвижения его на государственном уровне. Исторический образ может быть ранее не использован в качестве конструкта идентичности, как, например, экспедиция В. Беринга в Осе, или может быть вновь включен в политику памяти, как образ М. Романова в Ныробе. Однако, когда на одной территории исторических образов много, возникают трудности.

Туристический центр каждые несколько лет перебирает список исторических брендов Пермского края, а в Перми, несмотря на многократные попытки утвердить что-то одно (общие образы «Культурная столица», «Соль земли», «Врата в Европу», «Новый пермский период» или персонифицированные «Строгановы», «Дягилев», «Татищев», «Ермак» и др.), ни один из брендов не был утвержден на долгий срок. По мнению руководителя проектного офиса «Усолье Строгановское» О.Н. Сафрошенко, высказанному в интервью автору исследования:

В Перми нет квинтэссенции образа Строгановых. Их много и они растянуты. Чем богаче наследие, тем труднее его использовать<sup>27</sup>.

Но способен ли исторический образ, собранный в «квинтэссенцию» в одном месте (в одной отдельно взятой территории региона, городе, музее-заповеднике) оказывать идеологическое влияние на всю идентичность региона? Кейс с возрождением Болгара подтверждает подобную возможность. Город стал местом памяти, общепринятой точкой отсчета, откуда началась исламизация региона в 922 г. Сегодня данное значение Болгара является определяющим для идентичности всей республики Татарстан.

Подобным кейсом в Пермском крае может стать возрождение Усолья Строгановского, которое при выполнении ряда условий в широкой перспективе также имеет потенциал определять идентичность региона. Исходные данные между двумя территориями схожи: в Болгаре проживает чуть более 8 000 человек (в Республике Татарстан – более 3.5 млн), а в Усолье – чуть более 6 000 (в Пермском крае – более 2.5 млн), в обоих местах до определенного момента историческое наследие считалось неоспоримо важным для региона, но проекты получили развитие только после того, как оказались вовлечены в культурную политику региональных властей.

Усолье было основано в 1606 г. как центр солеваренной промышленности Прикамья на месте слободы Новое Усолье. До конца XVIII века Новое Усолье было главным селением Строгановых на Каме. Сегодня на территории Усолья действует музей-заповедник «Усолье Строгановское», а с 2019 г. существует проект восстановления историко-культурного комплекса и развития территории. Основной задачей проекта является формирование музейно-туристского комплекса, что может стать возможным благодаря созданию обеспечивающей инфраструктуры и реставрации объектов культурного наследия. Также немаловажной задачей является обеспечение такого

---

<sup>27</sup> Экспертное интервью с О.Н. Сафрошенко, руководителем проектного офиса «Усолье Строгановское». Записано автором статьи в Перми 19.11.2020.

событийного ряда, который бы презентовал регион. Согласно положениям нового мастер-плана Усолья Строгановского, историко-архитектурный комплекс «является якорным объектом для реализации стратегии развития туризма в Пермском крае»<sup>28</sup>. К реализации данного проекта подключились российские организации, работающие с наследием Строгановых: Государственный Эрмитаж, Русский музей, Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова, филиал Государственного Русского музея – «Строгановский дворец», Пермская государственная художественная галерея, Пермский краеведческий музей, муниципальные музеи. По признанию создателей проекта, предыдущий губернатор Пермского края М.Г. Решетников собирался данный проект сделать «своей быстрой победой». Несмотря на смену руководства, стратегические планы на Усолье не изменились. Разве что только теперь победа не планируется столь быстрой – реализация мастер-плана рассчитана на 15 лет.

УСОЛЬЕ – ПРЕДПРОЕКТНОЕ РЕШЕНИЕ.  
ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ФУНКЦИОНАЛ ОКН



УСОЛЬЕ. ИДЕОЛОГИЯ. ПРИОРИТЕТЫ 7

«Усолье Строгановское», проект восстановления историко-культурного комплекса.

Источник: Сайт губернатора и Правительства Пермского края<sup>29</sup>.

<sup>28</sup> Мастер-план Усольского историко-архитектурного комплекса «Возрождение Усолья» 2020 г., не опубликован, для внутреннего пользования. Любезно предоставлен автору статьи руководителем проектного офиса «Усолье Строгановское» О.Н. Сафрошенко для научного исследования 18.01.2021.

<sup>29</sup> «Усолье Строгановское», проект восстановления историко-культурного комплекса // Сайт губернатора и Правительства Пермского края. URL: <https://clck.ru/iKNBV> (дата обращения: 20.02.2021).



Согласно данным SWOT-анализа территории, полученным на основании результатов опросов жителей Березников и Усожья, которые осуществлялись рабочей группой мастер-плана, к сильным сторонам Усожья отнесены проводимые там на сегодняшний день мастер-классы и мероприятия, а также архитектура. Это подтверждает и устойчивый рост количества туристов, посещающих достопримечательности Усольского района, который в период с 2015 по 2017 г. составил около 22 %. Постоянно увеличивается количество экскурсантов: с 2012 по 2016 г. количество посещений выросло с 27 000 до 54 350 чел. Так, наиболее привлекательной формой посещения комплекса является историко-культурный и событийный туризм, что соотносится и другими проектами территорий: проект, посвященный памяти В. Беринга, в Осе достигает пика вовлечения населения на «Акватории» в июле, а М. Романова – на Романовских днях в сентябре. При этом в мастер-плане было отмечено, что в Усолье мастер-классы и мероприятия люди посещают более охотно, чем музеи. Вероятно, это связано с тем, что на протяжении последних десятилетий ситуация с музеями не меняется, функционируют лишь те из них, что были созданы на первой волне переосмысления исторического наследия, новые же – не появляются.

Обращает на себя внимание, что проект называется не просто «Усолье» по названию населенного пункта, а «Усолье Строгановское», что обусловлено преобладанием исторического наследия Строгановых на данной территории. Однако, на этих землях оставили заметный след и представители других известных дворянских фамилий, которые, как знаки, согласно В. Абашеву, должны сложиться в связный текст:

Целостность текста предполагает его внутреннюю связность, способность отдельных элементов вступать в синтагматические сюжетообразующие отношения, формировать устойчивые смысловые структуры, в дальнейшем влияющие на культурную практику<sup>30</sup>.

В этом вопросе в Усолье был найден компромиссный вариант между образами Строгановых и другими историческими персонами, чье наследие представлено на территории заповедника. Согласно положениям мастер-плана, главная идея развития музея —

представить территорию как полифонию культурно-исторических, социально-экономических пересечений, где найдется место Строгановым, Голицыным,

<sup>30</sup> Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. С. 62.



Абамелек-Лазаревым, Шуваловым, Шаховским и другим значимым фигурам усольской истории<sup>31</sup>.

От того, каким образом и насколько успешно в Усолье будут осуществлены практики по обеспечению «полифонии историко-культурных пересечений», во многом будут зависеть перспективы их применения в Пермском крае в целом. В крае данных пересечений намного больше и они сложнее, как вследствие исторических, так и географических, и социальных факторов. Опыт последних десятилетий показывает, что найти доминирующий исторический образ, объединяющий жителей юга и севера Пермского края, рабочих Перми и интеллигенцию – задача трудная. Однако те конструктивные шаги, которые будут сделаны в Усолье, могут стать полезными в данном направлении.

Одной из важных мер для того, чтобы история места не перешла в категорию развлечений, а стала фактором формирования идентичности жителей, укрепляя их связь с малой Родиной, является формирование комплекса Усолья как научно-образовательного центра. В данном контексте большая роль отводится практикам публичной истории, рассчитанным на разные целевые аудитории, среди которых можно выделить ряд основных. На детей рассчитаны творческие конкурсы и летние лагеря. Для школьной аудитории предполагается развивать волонтерское движение, программы мастер-классов, уроки краеведения на территории, летние экспедиции и лагеря. Студенчество планируется вовлекать через музейно-исследовательские проекты, студенческие практики на территории. Для преподавателей, ученых, исследователей будут организованы исследовательские лаборатории и творческие мастерские. Отдельно следует отметить, что местному населению планируется предложить современный проект по сторителлингу, который ляжет в основу музейных квестов и спектаклей.

Научно-просветительское направление основывается на трансляции Строгановского исторического образа. Кроме продолжения проведения научной конференции «Строгановские чтения», предполагается акцентировать на строгановском наследии образовательные программы: «строгановская иконопись», «строгановская школа пения», «строгановское золотное шитье» и др. При этом устоявшиеся перечисленные строгановские направления могут быть дополнены новыми, такими, как «строгановская финансово-экономическая модель» или «строгановские университеты и меценатство».

Конечно, было бы излишне оптимистично утверждать, что реализация всех научно-образовательных программ и музейных проектов в Усолье станет примером для распространения строгановского исторического образа во всем

<sup>31</sup> *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. С. 62.

регионе. Однако, учитывая, что задачей максимум проекта является создание сети «Строгановских мест» (которые занимают всю центральную часть Пермского края) и включение бренда «Усолъе Строгановское» в европейский культурный маршрут, это может стать реальным. Таким образом, кейс проекта «Усолъе Строгановское» может продемонстрировать, как исторический проект, развитый на локальном уровне, имеет перспективы стать конструктом идентичности на уровне края.

### **Заключение**

Для сегодняшнего дня в регионах характерна тенденция востребованности исторических образов: их использование предоставляет возможности для развития исторической политики, имиджевого продвижения, их применение может стать конкурентным преимуществом перед другими регионами в плане туристической привлекательности.

В то же время, определение ключевого исторического образа для региона сталкивается с рядом трудностей: необходимо соблюсти баланс между политикой федерального центра и региональной стратегией. Кроме того, на сегодняшний день не существует универсального способа выявления единого исторического образа. Всенародное интернет-голосование и экспертные фокус-группы могут быть эффективны, но в том случае, если они будут включены в программы региональной политики памяти и культурные стратегии.

Возросший интерес к образам и персонам прошлого закономерно приводит к тому, что они становятся частью публичной истории и событийной повестки регионов. В Пермском крае мы фиксируем преобладание дореволюционных образов в ряде событий, связанных с именами Романовых, Строгановых, В. Беринга и др. в местах их памяти, что объясняется с одной стороны ностальгическими чувствами по «золотому веку», а с другой – повышающимся запросом на нематериальную культуру регионов. Исторические образы сегодня сосредоточены не столько вокруг архитектурных сооружений, сколько вокруг культурного наследия: традиций, музыки, ремесел и т.д. Таким образом, выявление ключевого исторического образа для региона напрямую зависит от того, как культурные направления, связанные с ним, будут развиваться внутри территории. Это позволяет пересмотреть значение практик публичной истории, которые работают с культурным наследием, и отвести им более заметное место в региональной культурной политике, выработать новые идеи и подходы в этом направлении.

Масштабные региональные исторические проекты, такие, как «Усолъе Строгановское», которые затрагивают все сферы жизни населенного пункта, становятся уникальной площадкой для изучения влияния исторического образа на развитие территории. Факт, что на сегодняшний день проект «Усолъе

Строгановское» находится на начальной стадии реализации, позволяет поэтапно анализировать все процессы, связанные с формированием идентичности внутри города, и исследовать его влияние на весь регион.



### The Past as a Construct

In recent years, more and more attention has been paid by researchers to the issues of updating the politics of memory and the opportunities of the past that are opening up for the present. In this case, the past acts as a construct, “a resource for legitimizing and reassembling the present-day identities.”<sup>1</sup> Both at the federal and at the regional level, we can observe the return of historical street names and installation of new memorial objects associated with the memory of the past, which in the modern context receive new meanings. Relevant examples include the installation of the monuments to Prince Vladimir in Moscow and to P. Stolypin in Saratov as symbols of greatness of authority and strong state; memorial plaques to A. Kolchak and C. Mannerheim in St Petersburg (dismantled after a short while) that according to ex-Minister of Culture of the Russian Federation V. Medinsky, were designed “to overcome the tragic split in our society on the eve of the centenary of the Russian Revolution.”<sup>2</sup> The public response that arose after the installation of the monument to Ivan the Terrible in Orel in 2016 and heated discussions of the possibility of restoring the monument to F. Dzerzhinsky in Lubyanka (or replacing it with a monument to Alexander Nevsky as a compromise) in 2021 only demonstrate the fact that society has not yet formed a unified opinion about the past and its impact on the present.

Over the last few years, a number of studies have been published in the field of the politics of memory.<sup>3</sup> In particular, A. Miller understands it as a set of “various

---

<sup>1</sup> O.V. Vorob'eva and F.V. Nikolai, “Politics of memory, challenges to identity and strategies for overcoming social and cultural threats in Russian and English-speaking cultural studies” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 4 (2020): 173–80.

<sup>2</sup> “Everyone had their own truth. Sergei Ivanov unveiled a memorial plaque in honor of Karl Mannerheim” [in Russian], *Rossiyskaya Gazeta*, accessed February 20, 2021, <https://rg.ru/2016/06/16/reg-szfo/v-peterburge-ustanovili-pamiatnuiu-dosku-mannergejmu.html>

<sup>3</sup> L.P. Repina, ed., “History and memory: Historical culture of Europe before the beginning of the Modern Era” [in Russian] (Moscow: Krug", 2006); Yu.A. Safronova, *Historical memory: an introduction: a textbook* (St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge,

social practices and norms related to the regulation of collective memory”<sup>4</sup> aimed at preserving the memory of significant events of the past. These processes also include the commemorative practices where politics “works with social ideas about the past, but not with the past itself.”<sup>5</sup>

Particular research interest of scientists working in this field is related to the relationship between the politics of memory and regional identity.<sup>6</sup> Regional strategies that include actions to preserve memory become the subject of consideration as separate cases with their own distinctive features. In such a situation, it is becoming more and more difficult for the federal center to apply a universal approach to the regions and to offer some general meanings that do not take local peculiarities into account.

This means that the interpretation offered by the French historian F. Braudel is becoming productive in regional studies and the region is viewed as an analogue of a special world with its own mentality, way of thinking, traditions, worldview, and perception.<sup>7</sup> In such matters as shaping the historical image of a territory and choosing a central historical figure, it is necessary to apply a comprehensive approach based on the politics of memory in the region. At the same time, the emergence of new historical images and symbols during the implementation of the memory policy or the restoration of the old ones are meant to unite people and to form their identity. The study of the opportunities of such images and symbols is also the subject of

---

2019); A.V. Gladyshev, ed., *History and historical memory: interuniversity collection of scientific works* [in Russian], is. 1 (Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2010).

<sup>4</sup> A. Miller, “Russia: power and history” [in Russian], *Pro et contra*, vol. 13, no. 3–4 (2009): 6–13.

<sup>5</sup> O.Yu. Malinova, “Politics of memory as a branch of symbolic politics” [in Russian], in *Methodological issues of studying politics of memory*, ed. A.I. Miller and D.V. Efremenko (Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018), 27–53.

<sup>6</sup> E.V. Golovneva, “Regional identity and identity of the region” [in Russian], *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki*, 2017, vol. 12, no. 3 (167) (2017): 182–89; V.N. Syrov, et al., *Conceptual grounds of the politics of memory and prospects of post-national identity* [in Russian] (Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019); L.A. Fadeeva, “Psychological and cultural grounds for identity construction: Perm case” [in Russian], in *Prospects for the development of political psychology: new directions: proceedings of the international scientific conference (October 22–23, 2010, Lomonosov Moscow State University)*, ed. E.B. Shestopal (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2012), 206–14.

<sup>7</sup> F. Braudel, *Civilization and capitalism, 15<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> century* [in Russian], vol. 3, *World time* (Moscow: Ves' mir, 2007), 41.

scientific research today with the prospect of possible inclusion of the results obtained in state and regional historical policy.<sup>8</sup>

It should be noted that after the 1990s, the trend arose of referring to the pre-Soviet past associated with the names of Russian emperors and famous noble families, in the manner that had been impossible in previous years:

... the past that preceded the Soviet past was not only preserved in the category of “usable” but was also significantly idealized and approximated, among other things, symbolically. . . and the pantheon of “suitable” images was replenished with new cult figures, such as the Romanovs, Stolypin, leaders of the White movement, and other characters that were to symbolize “Russia that we have lost.”<sup>9</sup>

At the same time, this kind of nostalgia revives interest not only in the pre-revolutionary past of one’s own family, expressed in the study of family archives and a sense of belonging to a small homeland, but also interest in the past in general. According to L. Repina,

... in a nostalgic way, the past is not just preserved, but played out again. . . , and it is usually (though not always) portrayed in the most attractive light. . . . Through the process of selective amnesia, the past turns into a “golden age.”<sup>10</sup>

Therefore, the past, which seems to be filled with heroic images and events as well as high culture and traditions, becomes a resource for solving the problems that the present is facing. A team of researchers from Tomsk University came to the conclusion that “not the future, but the past is the main resource of Russian modernization”<sup>11</sup> today. They note that the sociocultural potential of social memory associated with nostalgic public sentiments can be used to configure the modern social order.

In this regard, in our study we use the methodological approach that considers memory primarily as a construct, focusing on possible goals and ways of interacting with it, since memory is not located in a certain place and not completely contained

---

<sup>8</sup> O.V. Ignat'eva and O.V. Lysenko, “Symbolic landscapes of urban space” [in Russian], in *Perm as style. Presentations of Perm urban identity*, ed. O.V. Lysenko and E.G. Tregubova (Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2013), 100–32.

<sup>9</sup> Yu.Yu. Khmelevskaya, “Historians and the usable past: on disciplinary limits and disciplining functions of history in contemporary society” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istorija*, no. 1 (2016): 162–73.

<sup>10</sup> L.P. Repina, *Cultural memory and problems of historiography: (historiographical sketches)*, [in Russian] (Moscow: GU VShE, 2003), 32.

<sup>11</sup> Syrov, et al., *Conceptual grounds of the politics of memory*, 164.



in someone; instead, it realizes itself through its application.<sup>12</sup> Following P. Nora, we understand places of memory in a broad sense, as a unity of the spiritual and the material that becomes a symbolic element of heritage. In our work, we consider this formation as a result of the actions of the authorities in relation to traditions, according to E. Hobsbawm,

An ‘invented tradition’ is taken to mean a set of practices, normally governed by overtly or tacitly accepted rules and of a ritual or symbolic nature, which seek to inculcate certain values and norms of behavior by repetition, which automatically implies continuity with the past.<sup>13</sup>

Thus, the authorities invent traditions that are capable of maintaining national identity, doing so by means of festive ceremonies and rituals, minutes of silence, processions, laying wreaths, etc.

In recent years, the actions of state authorities in the field of traditions have been largely associated with the appeal to the history of the Great Patriotic War of 1941–45. It is quite obvious that their peak was attained in 2020, when the 75<sup>th</sup> Victory anniversary was widely celebrated in Russia. Victory marches (which, despite the pandemic, were not canceled but only postponed from May 9 to June 24) as well as a record number of events and projects were timed to coincide with the anniversary. For instance, a nationwide competition was held in the country in 2020. As a result of the competition, 20 cities of Russia received the status of “the city of labor valor,” and in the course of the competition a large information campaign was organized by regional and federal authorities and an Internet vote was held, in which millions of people took part. Obviously, by giving a huge number of people an opportunity to participate in competitive events and to vote for the honorary status of the city of labor valor, the authorities sought to attract the maximum number of Russian citizens to the idea of the national identity.

At the same time, against the background of following the meanings that the state forms, the regions tend to develop their own identities. Regional authorities have recently realized that the region itself is primarily interested in an effective memory policy and the opportunities it provides. Romanian researcher L. Bejenaru confirms this idea citing the representatives of the Crimean Geopoetic Club:

---

<sup>12</sup> S.J. Schmidt, “Memory and remembrance: a constructivist approach,” in *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*, ed. A. Erll and A. Nunning (Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008), 196.

<sup>13</sup> E. Hobsbawm, “The invention of tradition” [in Russian], *Vestnik Evrazii*, no. 1 (2000): 48.

The region with its rich mythology (historically authentic or fictional) attracts attention, . . . its life becomes richer, that is why “the region asks for rebranding.”<sup>14</sup>

Thus, an important task of the region is to compare its historical policy with the nationwide one so that historical images could coexist with each other, uniting rather than dividing the residents.

For example, in the small village of Lotoshino in Moscow Oblast, where in the past decades the entire historical memory has been concentrated around the Battle of Moscow, which took place in its territory, a new politics of memory including new meanings is being developed. For instance, an exposition dedicated to the family of Meshchersky, the princes whose family estate was located in the village of Lotoshino, was opened in the historical museum of the village, and soon it is planned to erect a monument to Prince A. Meshchersky (1822–1900). At the presentation of the design of the monument, the head of the urban locality E. Dolgasova noted:

The family of Princes Meshchersky did a lot for the development of the Lotoshino land. The erection of this monument will signify restoration of historical justice and recognition of the merits of this family.<sup>15</sup>

The emergence of new personalized historical images within the regions is also one of the trends of present-day politics of memory. This is largely due to “the competition with other regions for the conferment of most profitable (politically rather than economically) historical narratives.”<sup>16</sup> This process can be clearly seen on the example of the federal contest “Great Names of Russia,” which was held in 2019. Within the framework of this competition, central historical figures of certain regions were to be voted for throughout the country so that regional airports could then be named after them later on. According to the information on the official website of the project, 6 million Russians took part in the vote.<sup>17</sup> Despite such a significant number of voters, it came as a surprise to the residents of a number of regions that their real historical identity remained essentially unaccounted for, and the persons corresponding to the political views of the authorities became the winners. For example, the key historical figure for Kaliningrad was the Empress Elizabeth I,

---

<sup>14</sup> L. Bejenaru, “Region as a subcultural locus of cultural regionalism and regional geopoetics,” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 3 (2019): 977.

<sup>15</sup> “The design of the monument to Prince Meshchersky was presented at the Lotoshinsky Museum” [in Russian], Website of the administration of the urban locality of Lotoshino, Moscow Oblast, accessed February 20, 2021, <https://www.лотошинье.рф/news/get/12371/>

<sup>16</sup> Syrov, et al., *Conceptual grounds of the politics of memory*, 153.

<sup>17</sup> “The results of the competition have been summed up: 46 airports will receive great names” [in Russian], *Velikie imena Rossii*, accessed February 20, 2021, <https://великиеимена.рф/>

but not I. Kant – *genius loci*, the spirit of the 750-year-old city (according to the definition of the historical section of the Kaliningrad administration website.<sup>18</sup>) In Murmansk, the airport was named after Emperor Nicholas II, the other figure of all-Russian scale, very vaguely connected with the city itself. Thus, even such a democratic way of choosing the central historical figure of a territory as a nationwide Internet voting can hardly be described as optimal.

In the same 2019, another federal project “Living Heritage” was implemented under the supervision of the Civic Chamber of the Russian Federation and the Presidential Grants Foundation. As part of this project, a national map of local cultural brands of Russia was compiled, where the main “nominations” were determined in each region: persons, images, dates, and events. The leaders were determined by an expert jury, the opinions of local experts were taken into account when choosing people, and round tables were held in some cities to discuss possible brands. However, this method of selection was not without drawbacks: for example, in Perm Krai, despite the fact that the Stroganovs, B. Pasternak, and V. Tatishchev were chosen as key historical figures, B. Pasternak became the sole leader because according to the key criterion of the competition, a person with the status of a Nobel laureate automatically fell into the “selected corpus of local brands.”<sup>19</sup> It would be an exaggeration to consider the Nobel Prize as the determining factor for the majority of the residents of the region in choosing a historical person. Boris Pasternak’s position in this capacity is theoretically possible for Perm, but rather due to the associations of the city of Yuryatin in the novel *Doctor Zhivago* with Perm than to the status of a Nobel laureate. However, in this case, it was this factor that played a crucial role.

All this suggests that in order to demonstrate effectiveness in identifying key historical images, both online voting and the work of experts must be included in the regional politics of memory. In turn, the regions need to find a balance between following the path of a common national identity of the state and developing their uniqueness that will give them a competitive advantage over other regions. In this process, we can observe an increased interest in the images and persons of the past, especially pre-revolutionary ones, as a result of nostalgic feelings for the lost “golden age”. Using them to construct identity, the authorities get ample opportunities but historical accuracy and authenticity should remain the key principles. Otherwise, if historical images become the result of political construction without strategic

---

<sup>18</sup> “Kant – Königsberg – Kaliningrad” [in Russian], Website of the administration of the city of Kaliningrad, accessed February 20, 2021, [https://www.klgd.ru/city/history/almanac/a5\\_13.php](https://www.klgd.ru/city/history/almanac/a5_13.php)

<sup>19</sup> “Research and systematization of the corpus of local cultural brands of the Russian Federation” [in Russian], *Living heritage*, accessed February 20, 2021, <https://livingheritage.ru/files/brands-study-selection.pdf>

elaboration, there will be a prospect that they will undergo changes following a change in the ruling course, as history has repeatedly demonstrated.

### Search for images of the past in the territory of Perm Krai

In September 2020, Perm hosted the first Interregional Tourism Fair, where Perm Tourist Information Center presented the main brands of Perm Krai. Earlier, in 2016, an article entitled “Brands of Perm Krai. The main brands of the territory”<sup>20</sup> was published on the official website of the tourist center. The materials of the center may well be considered as a reflection of the official position of the regional authorities, since the center was established in 2013 at the initiative of the Ministry of Physical Culture, Sports and Tourism of Perm Krai in order to develop and popularize domestic and inbound tourism in the region.

The establishment of regional tourist centers is an all-Russian practice of the last decade. In addition to carrying out the main information activities, they are also the agents of regional policy in the field of culture, forming the image of the region. In this regard, it is noteworthy that the list underwent significant changes in four years: some brands were added, and others were removed from the list.

Table 1

#### Comparison of the positioning of Perm Krai’s brands in the text on the official website of the Perm Tourist Information Centre (2016) and in the presentation at the Interregional Tourism Fair in Perm (2020)

No.	2016	2020
1.	Perm animal style	Permian period
2.	Perm theatres	Permyak Salty Ears
3.	The salt capital of Russia, the birthplace of salt production	Perm gods
4.	Tea Capital of the Russian Empire	Russian seasons
5.	Perm the Great Cherdyn	Perm cuisine
6.	Permian period	Active Perm
7.	Perm wooden gods	The Stroganov Dynasty
8.	–	Bering’s Great Expedition
9.	–	Kama River

The emergence of such brands as Active Perm and Kama River can be explained by the desire to develop active rest and cruises, which is additionally evidenced by the release of specialized maps on this topic by the tourist center in 2019. At the same

<sup>20</sup> “Brands of Perm Krai” [in Russian], *Great Perm*, accessed February 20, 2021, <http://visitperm.ru/press/articles/brendy-permskogo-kraya/>

time, it is interesting to note the addition of two personalized stories to the list of brands (The Stroganov Dynasty and Bering's Great Expedition) and the removal of the Perm Animal Style brand, which occupied the first line in 2016. The Tea Capital of the Russian Empire and Perm the Great Cherdyn were removed from the list as well. We can see quite significant changes in the historical brands of the region that occurred over a short period of time, which indicates a shapeless position of the regional authorities on the promotion of the region and the absence of a single historical image. After the "cultural revolution" in Perm in 2008–12 and the return to conservative strategies of cultural development, the region continues to be in search of its identity.

It is also noteworthy that the emphasis in the cultural positioning of the region is on historical images: on the information stands placed in the cities of Perm Krai, all tourist routes have a historical basis. For instance, each of the routes on the stand at the Local History Museum of the town of Osa in Perm Krai, covering the main tourist areas of the region, is of a historical nature one way or another.<sup>21</sup>

Table 2

**The correlation of tourist routes in Perm Krai presented on the information stand in Osa (2019) with a map of tourist areas of Perm Krai (2020)**

Tourist routes	Tourist areas of Perm Krai
Great Perm; The Imperial Route	Northern Ural
Ancient Parma and Komi-Permyaks	Parma
"Salt Capital"	Upper Kama
The legacy of the Stroganov dynasty; Khokhlovka, the center of wooden architecture	Middle Kama
Great Northern Expedition	Lower Kama
Mining Civilization	Mining Urals
Tea Capital of the Urals; The Imperial Route	Cis-Urals

Tourists are supposed to travel along these routes independently visiting museums related to a given topic. In the territories included in the tourist routes, large-scale cultural events with a historical context are held: the ethno-landscape festival "The Call of Parma" (Northern Urals), the festival of historical reconstruction "Big Maneuvers on the Khokhlov Hills" (Middle Kama), the festivals "Stroganov

<sup>21</sup> A.A. Zaitsev, S.V. P'yankova, and N.V. Bazhukova, "Map 'Tourism'," in *Geography of Perm Krai. Atlas: educational and reference manual* [in Russian] (Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2020), 46.



Week” (Upper Kama), “Osa, Bering’s water area” (Lower Kama), etc. For residents of the territories where they are held, many of these events are central and iconic, being the main events of the year, due to which a large audience can be gathered. The regatta, motor boating, camping, and a series of musical concerts that are held within the framework of these festivals could be held without reference to historical images, but the historical component of the events is in high demand. The festivals are held not only for the entertainment of the public and commercial gain but also for the formation of the identity of the region. They are built into cultural policy.



Top row from left to right: the Festivals “Stroganov Week” and “The Romanovs’ Days” in Nyrob. Bottom row: the festival “Osa, Bering’s water area,” a theatrical tour in the museum of the town of Ocher.

Source: photo collage by the author of the article.

The events held as part of the region's identity formation reveal the problem of choosing the key historical image for the region: how to choose the most suitable one, when each of them corresponds to its territory and social group? V. Abashev writes that all images (signs of Perm) form a single whole, making up the so-called Perm dictionary, where "Stefan of Perm," "Permian period," "Diaghilev," "Pasternak," etc. are "dictionary entries." Each of these signs, according to V. Abashev, is in demand:

They are not equivalent, each has its own range. . . . There are signs that form the center, the core of the Permian paradigmatics, and signs located on its periphery.<sup>22</sup>

By working on the construction of an image, the concerned groups are able to increase the degree of its demand, which may result in moving the image from the periphery closer to the core. In some cases, thanks to the program work, the tradition of honoring historical heroes becomes part of a large federal project, thus promoting its status.

Since 2007, the events dedicated to the memory of boyar Mikhail Nikitich Romanov (1560–1602) have been held annually in the village of Nyrob, Cherdynsky Raion of Perm Krai. The choice of the place is connected with the fact that the disgraced boyar was exiled to Nyrob in 1601 and ended his days there. There is a museum of Mikhail Romanov in the village, and scientific and practical conferences and theatrical performances have been held for many years in the days of his memory. The tradition of honoring M. Romanov is restored rather than invented. A special attitude to this place in Russia was formed a long time ago. G. Chagin notes that in 1913, "real historical events were an occasion. . . to celebrate the 300<sup>th</sup> anniversary of the Romanovs' reign in Nyrob in a special way."<sup>23</sup> After the revolution, public reverence of the representative of the House of Romanov became impossible, and the chapel built over the pit where the uncle of the first Romanov tsar was kept was destroyed. Almost a century later, at the request of the local population and with the support of the regional authorities, the tradition of reverence was revived.

In 2020, Nyrob became part of the federal project "The Imperial Route" dedicated to the places of memory of the House of Romanov in Russia. Two years earlier, in 2018, Perm became an important part of this project, which is implemented by the Ministry of Culture of the Russian Federation together with the Elisabeth-Sergius Educational Society Foundation for the Revival of the Traditions of Mercy and

---

<sup>22</sup> V.V. Abashev, *Perm as text. Perm in Russian culture and literature of the 20<sup>th</sup> century* [in Russian] (Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2008), 62.

<sup>23</sup> G.N. Chagin, *Historical knowledge of the peoples of the Urals in the 19<sup>th</sup> – early 21<sup>st</sup> centuries* [in Russian] (Yekaterinburg: Sokrat, 2011), 138.

Charity. It was due to the stay and death in Perm of Grand Duke Mikhail Aleksandrovich of Russia (1878–1918) and Grand Duchess Elizabeth Feodorovna of Russia (1864–1918). By 2020 the project had united 19 regions of Russia – places of residence and memory of the members of the House of Romanov. On the website of the Federal Agency for Tourism, the task of the Imperial Route project is described as follows:

The national historical and cultural tourism project “The Imperial Route” gives an opportunity to take a fresh look at our history and introduce the younger generation to the continuous chain of historical events in Russia.<sup>24</sup>

While the Imperial Route project is an example of reconstructing the pre-Soviet image of the past within the strategy of the state’s politics of memory, another example from Perm Krai can be considered as the construction of a new image (though based on the old one).

The town of Osa, founded in 1591, preserves the memory of many historical events that has taken place in this land over four centuries. During the Soviet period, the central historical event of Osa was the Peasant War of 1773–75, and the key historical hero was E. Pugachev, who took Osa in 1774. Even before the Peasant War, Osa witnessed another nationwide affair: in 1733, V. Bering stayed in Osa during the Second Kamchatka Expedition (1733–43). Despite the fact that this event has always remained in the memory of the townspeople, Osa as a place of memory of the expedition and V. Bering himself has come forward quite recently. Since 2017, Osa has become part of the federal project “The Routes of the Great Northern Expedition” that includes a series of tours along the route of the Great Northern Expedition of the 18<sup>th</sup> century under the leadership of V. Bering and A. Chirikov. I. Mamatov, a native of Osa, is the organizer of the project. In recent years, a memorial sign to Bering has been installed in Osa, a public garden has been equipped, a new museum exposition has been designed, and the tradition of holding the annual “Osa, Bering’s Water Area” festival has been laid.

Thanks to this project, the town receives a new strategy for its promotion. Bering’s name has always remained in the memory of pre-revolutionary and Soviet Russia (for example, in 1970 the famous film *The Ballad of Bering and His Friends* was released). But hardly anyone outside of Osa associated this town with the name of Bering. Nowadays, as a result of the construction of a new image, a new identity is being formed, which is getting generally accepted.

---

<sup>24</sup> “19 regions have become participants in the national tourism project ‘Imperial Route’” [in Russian], *Federal Agency for Tourism*, accessed February 20, 2021, <https://tourism.gov.ru/news/16395/>



Recent mass events in Perm Krai clearly tend to draw closer to the history of the pre-revolutionary past with its atmosphere, ceremonial practices, and garments. For instance, a number of guests were wearing costumes stylized in the fashion of the 18<sup>th</sup>–19<sup>th</sup> centuries and classical music was playing at the opening of the monument to Count P. Stroganov in the village of Pavlovsky in 2016. Expert in local historian, librarian T. Stepanova explained that what was happening at the ceremony was connected with the fact that today people “want to become part of a noble history.”<sup>25</sup> There are a lot of similar examples in Perm Krai: theatrical excursions in the style of the “golden age” are very popular in Ocher, and costume balls are held in the former steward’s house in the village of Ilyinskoe.



Opening of the monument to Count Pavel Stroganov in Pavlovsky,  
Perm Oblast, July 23, 2016.

Source: photo by the author of the article.

In March 2021, the Strelka consulting company calculated the index of tourist attractiveness of Russian regions based on the impressions of travellers (more than 6 million publications on social networks were analyzed). Experts came to the conclusion that “intangible heritage is an advantage in the tourist market.”<sup>26</sup> As a result of their research, it was revealed that today the unique intangible culture of the

---

<sup>25</sup> Expert interview with T.M. Stepanova, an employee of the museum and library in the urban locality of Pavlovsky, recorded in Pavlovsky on July 23, 2016 by the author of the article.

<sup>26</sup> “Strelka Institute calculated the index of tourist attractiveness of Russian regions” [in Russian], *Strelka Mag*, accessed March 22, 2021, <https://strelkamag.com/ru/news/kb-strelka-rasschital-indeks-turisticheskoi-privlekatelnosti-regionov-rossii>

regions – music, dance, cooking, language, traditions, crafts, religion – takes the lead over architectural monuments, historical sights, and other elements of material heritage in terms of the number of mentions; and in terms of the share of positive texts, intangible culture is a runner-up to the impressions from nature. All this explains the growing popularity of reconstructing images of the past through rapprochement with their practices: outfits and ceremonies. The construction of historical memory should be supported by the practices of public history, through which it is possible to include people in the meanings that are embedded in the places of memory. Moreover, with the help of symbolic actions and practices of public history, the images of the past receive a new voice and new opportunities for application.

### **“Usolye Stroganovskoe” as “the quintessence of a historical image” and “polyphony of historical and cultural intersections”**

In most cases, regional strategies for the construction of historical memory are limited to a set of cultural events with a historic connotation, the installation of monuments, the renaming of objects, and the expansion of museum expositions. In some cases, the potential of a historical image for a region is considered so high that it can become a brand of the entire territory and therefore requires special tools for construction. As a historical justification (possibly mythologized), the regions need material objects of historical and cultural heritage that have the potential for sacralization as well as a whole range of activities that involve the socio-political forces of the region in the construction of the region’s brand. A small historical town or city with a historical and architectural reserve in the center can be such an object. Such a city concentrates a historical image and produces meanings that work to promote this image.

In 2019, researchers from Tomsk University considered the case of the revival of Bolgar and Sviyazhsk in the Republic of Tatarstan as the latest experience in constructing historical memory in the conditions of a regional political situation. For the regional authorities, it was important to emphasize the historical and religious continuity between the historical symbolic towns: Bolgar, symbolizing Tatar and Islamic culture, and Sviyazhsk, a symbol of Russian and Orthodox cultures. In order to achieve this, much work was done to implement the necessary meanings. This work was commenced in 2010 by President of Tatarstan M. Shaimiev. As a result, today Sviyazhsk is a museum-reserve of federal significance “Island-town of Sviyazhsk,” and the Bulgarian State Historical and Architectural Museum-Reserve was organized in Bolgar. All the work carried out for this purpose was part of the complex project “Cultural Heritage: the island-town of Sviyazhsk and Ancient



Bolgar,” which includes both the restoration of architectural monuments and the development of tourism infrastructure.

These examples suggest that given a historical justification, the past can become a productive resource for shaping the identity of the region and its promotion at the state level. The historical image may not have been previously used as an identity construct, as, for example, V. Bering’s expedition in Osa, or it may be re-included in the politics of memory, as the image of M. Romanov in Nyrob. However, when there are many historical images in one territory, difficulties arise. The tourist center goes through the list of historical brands of Perm Krai every few years, and despite repeated attempts to approve one of them in Perm (the general images “The Cultural Capital,” “Salt of the Earth,” “Gateway to Europe,” “New Permian Period,” or the personalized images “The Stroganovs,” “Diaghilev,” “Tatishchev,” “Yermak”, etc.), none of the brands was approved for a long time. In an interview to the author of this study, O. Safroshenko, head of the Usolye Stroganovskoe project office, said:

There is no quintessence of the Stroganov image in Perm. There are a lot of them but they are stretched. The richer the legacy, the more difficult it is to use it.<sup>27</sup>

However, is a historical image, assembled into “quintessence” in one place (in one separate territory of the region, city, museum-reserve) capable of exerting an ideological influence on the entire identity of the region? The case of the revival of Bolgar confirms this possibility. The town became a place of memory, a generally accepted reference point from which the Islamization of the region began in 922. Today, this meaning of Bolgar is decisive for the identity of the entire Republic of Tatarstan.

The revival of Usolye Stroganovskoe could be a similar case in Perm Krai. If a number of conditions are met, it has the potential to determine the identity of the region in a broader perspective. The initial data concerning the two territories are similar: a little over 8,000 people live in Bolgar (more than 3.5 million in the Republic of Tatarstan) and just over 6,000 in Usolye (more than 2.5 million in Perm Krai); historical heritage in both places was considered undeniably important for the region up to a certain point, but projects were developed only after they were involved in the cultural policy of regional authorities.

Usolye was founded in 1606 as the center of the salt industry of the Kama region on the site of the settlement of Novoe Usolye. Until the end of the 18<sup>th</sup> century, Novoe Usolye was the main settlement of the Stroganovs on the Kama. Today, the Usolye Stroganovskoe Museum-Reserve operates on the territory of Usolye, and

---

<sup>27</sup> Expert interview with O.N. Safroshenko, head of the Usolye Stroganovskoye project office, recorded in Perm on November 19, 2020 by the author of the article.

since 2019 there has been a project to restore the historical and cultural complex and develop the territory. The main objective of the project is the formation of a museum and tourist complex, which can be made possible through the creation of supporting infrastructure and restoration of cultural heritage sites. One more important task is to provide a series of events that would present the region. According to the provisions of the new master plan of Usolye Stroganovskoe, the historical and architectural complex “is an anchor object for the implementation of the tourism development strategy in Perm Krai.”<sup>28</sup> Russian organizations working with the Stroganov heritage have joined the project. Among them are the State Hermitage Museum, the Russian Museum, Moscow Stroganov State Academy of Arts and Industry, the Stroganov Palace (branch of the State Russian Museum), Perm State Art Gallery, Perm Museum of Local Lore, and some municipal museums. According to the creators of the project, M. Reshetnikov, the previous governor of Perm Krai, was going to make this project “his quick victory.” Despite the change of leadership, the strategic plans for Usolye have not changed. But now the victory is not planned to be so fast, as the implementation of the master plan is scheduled for 15 years.

## УСОЛЬЕ – ПРЕДПРОЕКТНОЕ РЕШЕНИЕ.

## ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ФУНКЦИОНАЛ ОКН



№	Название	Функционал	№	Название	Функционал
1	Колокольня с торговыми рядами	РПЦ/торговая	8	Типография Тарасова	Инвестпроект
2	Спассо-Преображенский собор	РПЦ	9	Господский дом Строгановых (усадеб)	Инвестпроект – дом приемов
3	Палаты Строгановых	Музей	10	Аптека	Инвестпроект – хостел
4	Усадьба Голицыных	Музей	11	Дом и флигель А. Мальцева	Инвестпроект
5	Дом Амабелек-Лазарева	Музей/объект показа	13	Дом священнослужителя	Музей/адм. здание
6	Дом Брагина	Музей/адм. здание	14	Церковная лавка	Инвестпроект-торговая
7	Часовня Спаса Убруса	Объект показа	15	Больница (комплекс)	Инвестпроект
12	Пекарня Перемотина	Визит-центр/кафе	16	Никольский храм	РПЦ

УСОЛЬЕ. ИДЕОЛОГИЯ. ПРИОРИТЕТЫ 7

Usolye Stroganovskoe, a project for the restoration of the historical and cultural complex.

Source: Website of the Governor and the Government of Perm Krai.<sup>29</sup>

<sup>28</sup> Master plan of the Usolye historical and architectural complex “Revival of Usolye” as of 2020 has not been published, for internal use only, a courtesy of O.N. Safroshenko, granted to the author of the article for scientific research on January 18, 2021.

<sup>29</sup> “Usolye Stroganovskoe”, a project for the restoration of the historical and cultural complex” [in Russian], Website of the Governor and the Government of Perm Krai, accessed February 20, 2021, <https://clck.ru/iKNBV>

According to the SWOT analysis of the territory based of the results of surveys of Berezniki and Usolye residents, conducted by the master plan working group, the strengths of Usolye include architecture as well as the workshops and events held there today. This is confirmed by the steady growth in the number of tourists visiting the sights of the Usolye district, which in the period from 2015 to 2017 amounted to about 22%. The number of tourists is constantly increasing: from 2012 to 2016, the number of visitors increased from 27,000 to 54,350 people. The most attractive form of visiting the complex is historical, cultural, and event tourism, which correlates with other projects of the territories: the project dedicated to the memory of V. Bering in Osa reaches the peak of population involvement in the water area in July; M. Romanov, on the Romanov Days in September. At the same time, it was noted in the master plan that people attend workshops and events in Usolye more willingly than museums. This is probably due to the fact that over the past decades the situation with museums has not changed. Only those museums that were created on the first wave of rethinking the historical heritage operate but while new ones do not appear.

It is noteworthy that the project is called not just “Usolye” after the name of the settlement but “Usolye Stroganovskoe,” which is due to the predominance of the historical heritage of the Stroganovs in this area. However, representatives of other well-known noble families left a noticeable mark in these lands, which, according to V. Abashev, should form into a coherent text as symbols:

The integrity of the text implies its internal coherence, the ability of individual elements to enter into syntagmatic plot-forming relationships, to form stable semantic structures that further influence cultural practice.<sup>30</sup>

In this matter, a compromise was found in Usolye between the images of the Stroganovs and other historical figures whose heritage is represented in the territory of the reserve. According to the provisions of the master plan, the main idea for the development of the museum is

to present the territory as a polyphony of cultural, historical, socio-economic intersections, where there is a place for the Stroganovs, the Golitsyns, the Abamelek-Lazarevs, the Shuvalovs, the Shakhovskois, and other significant figures of Usolye history.<sup>31</sup>

The prospects of their application in Perm Krai as a whole will largely depend on what way and how successfully the practices to ensure the “polyphony of historical and cultural intersections” will be implemented in Usolye. In the region, these

---

<sup>30</sup> Abashev, *Perm as text*, 62.

<sup>31</sup> Abashev, *Perm as text*, 62.

intersections are much larger and more complex due to historical and geographical as well as social factors. The experience of recent decades shows that it is a difficult task to find a dominant historical image that would unite the residents of the south and the north of Perm Krai, Perm workers, and intelligentsia. However, the constructive steps that will be taken in Usolye may be useful in this area.

The formation of the Usolye complex as a scientific and educational center is one of the important measures to ensure that the history of the place does not pass into the category of entertainment but becomes a factor in the formation of the identity of its residents, strengthening their connection with their small homeland. In this context, a large role is assigned to the practices of public history designed for different target audiences. Creative contests and summer camps are intended for children. It is planned to develop a volunteer movement, workshop programs, local history lessons, summer expeditions, and camps for schools. Students are planned to be involved through museum research projects and student internships in the territory. Research laboratories and creative workshops will be organized for teachers, scientists, and researchers. It should be noted separately, that it is planned to offer a modern storytelling project to the local population, which will form the basis of museum quests and performances.

Scientific and educational orientation is based on broadcasting Stroganov's historical image. In addition to continuing the scientific conference "Stroganov Readings," it is planned to focus on the Stroganov heritage educational programs "Stroganov Icon Painting," "Stroganov Singing School," "Stroganov Gold Embroidery," etc. At the same time, the well-established Stroganov areas listed above can be supplemented with the new ones, such as the "Stroganov Financial and Economic model" or "Stroganov Universities and Patronage."

Of course, it would be overly optimistic to say that the implementation of all scientific and educational programs and museum projects in Usolye will become an example for the promotion of the Stroganov historical image throughout the region. However, given that the top task of the project is to create a network of Stroganov sites (which occupy the entire central part of Perm Krai) and the inclusion of the Usolye Stroganovskoe brand in the European cultural route, it may become real. Thus, the case of the Usolye Stroganovskoe project can demonstrate how a historical project that is being developed at the local level has prospects of becoming an identity construct at the regional level.

## Conclusion

Today, historical images tend to be in demand in the regions: their use provides opportunities for the development of historical policy and image promotion, and becomes a competitive advantage over other regions in terms of tourist attractiveness.

At the same time, determining the key historical image for the region faces a number of difficulties. It is necessary to maintain a balance between the policy of the federal center and the regional strategy. In addition, there is no universal way to identify a single historical image these days. Popular Internet voting and expert focus groups can be effective, but on condition that they are included in the program of regional politics of memory and cultural strategies.

The increased interest in the images and persons of the past naturally leads to the fact that they become part of the public history and event agenda of the regions. In Perm Krai, we record the predominance of pre-revolutionary images in a number of events associated with the names of the Romanovs, Stroganovs, Bering, and others in places of their memory, which is explained, on the one hand, by nostalgic feelings for the “golden age,” and on the other hand, by the increasing demand for non-material culture of the regions. Historical images today are concentrated not so much around architecture as around cultural heritage (traditions, music, crafts, etc.). Thus, the identification of a key historical image for a region directly depends on how the cultural trends associated with it will develop within the territory. This allows us to reconsider the importance of public history practices that work with cultural heritage, to give them a more prominent place in regional cultural policy, and to develop new ideas and approaches in this direction.

Large-scale regional historical projects, such as Usolye Stroganovskoe, which affect all spheres of life in a settlement, become a unique platform for studying the influence of a historical image on the development of the territory. The fact that today the Usolye Stroganovskoe project is at the initial stage of implementation makes it possible to make a step-by-step analysis of all the processes associated with the formation of identity within the city and explore its impact on the entire region.

### Список литературы

*Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Изд. 2-е, доп. Пермь: Пермский государственный университет, 2008. 496 с.

*Беженару Л.Е.* Регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геоэтики // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 3. С. 975–1026.

*Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XVII–XVIII вв. Т. 3: *Время мира*. Москва: Весь мир, 2007. 732 с.

*Воробьева О.В., Николаи Ф.В.* Политика памяти, вызовы идентичности и стратегии преодоления социокультурных угроз в оценках российских и англоязычных исследований культуры // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2020. № 4. С. 173–180.

*Головнева Е.В.* Региональная идентичность и идентичность региона // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. 2017. Т. 12, № 3 (167). С. 182–189.



Игнатьева О.В., Лысенко О.В. Символические ландшафты городского пространства // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под редакцией О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой. Пермь: Пермский государственный университет, 2013. С. 100–132.

История и историческая память: межвузовский сборник научных трудов / под редакцией А.В. Гладышева. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2010. Вып. 1. 280 с.

История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Кругъ, 2006. 768 с.

Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / ответственные редакторы А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. С. 27–53.

Миллер А. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. Т. 13, № 3–4. С. 6–13.

Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания: (историографические заметки). Москва: ГУ ВШЭ, 2003. 43 с.

Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.

Сыров В.Н., и др. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 224 с.

Фадеева Л.А. Психологические и культурные основания конструирования идентичности: пермский кейс // Перспективы развития политической психологии: новые направления: материалы Международной научной конференции (22–23 октября 2010 г., МГУ им. М.В. Ломоносова) / под редакцией Е.Б. Шестопал. Москва: Издательство Московского университета, 2012. С. 206–214.

Хмелевская Ю.Ю. Историки и полезное прошлое: к вопросу о дисциплинарных границах и дисциплинирующих функциях истории в современном обществе // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1. С. 162–173.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

Чагин Г.Н. Исторические знания народов Урала в XIX – начале XXI века. Екатеринбург: Сократ, 2011. 256 с.

Brooks V.W. On creating a usable past // The Dial. 1918. Vol. 64, is. 11. P. 337–341.

Schmidt S.J. Memory and Remembrance: a constructivist approach // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook / edited by A. Erll, A. Nunning. Berlin, New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 191–201.

## References

Abashev, V.V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as text. Perm in Russian culture and literature of the 20<sup>th</sup> century]. 2<sup>nd</sup> ed. Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2008. (In Russian)

Bejenaru, L. “Region as a subcultural locus of cultural regionalism and re-gional geopoetics.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 3 (2019): 975–1026. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-5>

Braudel, F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XVII–XVIII vv.* [Civilization and capitalism, 15<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> century]. Vol. 3, *Vremya mira* [World time]. Moscow: Ves' mir, 2007. (In Russian)

Brooks, V.W. “On creating a usable past.” *The Dial*, vol. 64, no. 11 (1918): 337–41.

Chagin, G.N. *Istoricheskie znaniya narodov Urala v XIX – nachale XXI veka* [Historical knowledge of the peoples of the Urals in the 19<sup>th</sup> – early 21<sup>st</sup> centuries]. Yekaterinburg: Sokrat, 2011. (In Russian)

Fadeeva, L.A. “Psikhologicheskie i kul'turnye osnovaniya konstruirovaniya identichnosti: permskii keis” [Psychological and cultural grounds for identity construction: a Perm case]. *Perspektivy razvitiya politicheskoi psikhologii: novye napravleniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (22–23 oktyabrya 2010 g., MGU im. M.V. Lomonosova)* [Prospects for the development of political psychology: new directions: proceedings of the international scientific conference (October 22–23, 2010, Lomonosov Moscow State University)], 206–14. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2012. (In Russian)

Gladyshev, A.V., ed. *Istoriya i istoricheskaya pamyat': Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [History and historical memory: interuniversity collection of scientific works]. Is. 1. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2010. (In Russian)

Golovneva, E.V. “Regional'naya identichnost' i identichnost' regiona” [Regional identity and identity of the region]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki*, 2017, vol. 12, no. 3 (167) (2017): 182–89. (In Russian)

Hobsbawm, E. “Izobretenie traditsii” [The invention of tradition]. *Vestnik Evrazii*, no. 1 (2000): 47–62. (In Russian)

Ignat'eva, O.V., and O.V. Lysenko. “Simvolicheskie landshafty gorodskogo prostranstva” [Symbolic landscapes of urban space]. In *Perm' kak stil'. Prezentatsii permskoi gorodskoi identichnosti* [Perm as style. Presentations of Perm urban identity], edited by O.V. Lysenko and E.G. Tregubova, 100–32. Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2013. (In Russian)

Khmelevskaya, Yu.Yu. “Istoriki i poleznoe proshloe: k voprosu o distsiplinarnykh granitsakh i distsipliniruyushchikh funktsiyakh istorii v sovremennom obshchestve” [Historians and the usable past: on disciplinary limits and disciplining functions of history in contemporary society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 1 (2016): 162–73. (In Russian)

Malinova, O.Yu. “Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki” [Politics of memory as a branch of symbolic politics]. In *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying politics of memory], edited by A.I. Miller and D.V. Efremenko, 27–53. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. (In Russian)

Miller, A. “Rossiya: vlast' i istoriya” [Russia: power and history]. *Pro et contra*, vol. 13, no. 3–4 (2009): 6–13. (In Russian)

Repina L.P., ed. *Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and memory: Historical culture of Europe before the beginning of the Modern Era]. Moscow: Krug", 2006. (In Russian)

Repina, L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya: (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historiography: (historiographical sketches)]. Moscow: GU VShE, 2003. (In Russian)

Safronova, Yu.A. *Istoricheskaya pamyat': vvedenie: uchebnoe posobie* [Historical memory: an introduction: a textbook]. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. (In Russian)

Schmidt, S.J. “Memory and remembrance: a constructivist approach.” In *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*, edited by A. Erll and A. Nunning, 191–201. Berlin, New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008.

Syrov, V.N., et. al. *Kontseptual'nye osnovaniya politiki pamyati i perspektivy postnatsional'noi identichnosti* [Conceptual grounds of the politics of memory and prospects of post-national identity]. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. (In Russian)

Vorob'eva, O.V., and F.V. Nikolai. "Politika pamyati, vyzovy identichnosti i strategii preodoleniya sotsiokul'turnykh ugroz v otsenkakh rossiiskikh i angloyazychnykh issledovanii kul'tury" [Politics of memory, challenges to identity and strategies for overcoming social and cultural threats in Russian and English-speaking cultural studies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 4 (2020): 173–80. (In Russian)

### Информация об авторе

**Виталий Ярославович Призюк** – помощник ректора ПГНИУ, секретарь Правления Пермского землячества, редактор журналов «Университет» и «Пермское землячество», <https://orcid.org/0000-0001-8273-104X>, [vetal\\_prizuk@mail.ru](mailto:vetal_prizuk@mail.ru), Пермский государственный национальный исследовательский университет (614068 Россия, Пермский край, Пермь, ул. Букирева, д. 15), Пермское землячество (614068 Россия, Пермский край, Пермь, ул. Генкеля 8, каб. 108)

### Information about the author

**Vitalii Ya. Prizyuk** – Assistant to the Rector of Perm State University, Secretary of the Board of the Permское Zemlyachestvo, editor of the journals *Universitet* and *Permskoe zemlyachestvo*, <https://orcid.org/0000-0001-8273-104X>, [vetal\\_prizuk@mail.ru](mailto:vetal_prizuk@mail.ru), Perm State University (15, ul. Bukireva, Perm, Perm Krai, 614068, Russia), Permское Zemlyachestvo (off. 108, d. 8, ul. Genkelya, Perm, Perm Krai, 614068, Russia)

---

Статья поступила в редакцию 31.03.2021; одобрена после рецензирования 27.04.2021; принята к публикации 05.05.2021.

The article was submitted 31.03.2021; approved after reviewing 27.04.2021; accepted for publication 05.05.2021.

# HISTORIA

PROVINCIAE-  
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ



МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ  
ДИСКУССИОННАЯ  
ПЛОЩАДКА

---

INTERDISCIPLINARY  
DISCUSSION PLATFORM

2022 · Vol. 6 · № 2

Научная статья

УДК 930.2

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-6>

## **Варшавский университет в системе высшего (университетского) образования Российской империи в первой трети XIX в.**

**Ольга Сергеевна Каштанова,**

Институт славяноведения Российской академии наук,  
Москва, Россия,  
[kashtanova-o@mail.ru](mailto:kashtanova-o@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0002-7053-461X>

**Olga S. Kashtanova,**

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russia,  
[kashtanova-o@mail.ru](mailto:kashtanova-o@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0002-7053-461X>



**Аннотация.** Статья посвящена истории создания в 1816 г. Варшавского университета и его развития до 1831 г., когда после подавления польского восстания 1830–1831 гг. университет был закрыт. Специфика Варшавского университета определялась тем, что в тот период присоединенное в 1815 г. к России Царство (Королевство) Польское являлось автономной территориальной единицей и имело отдельную образовательную систему, не подчиненную Министерству народного просвещения в Петербурге. Как в российской, так и польской историографии ввиду обособленного статуса Варшавского университета в 1816–1831 гг. его комплексное сравнение с российскими высшими учебными заведениями практически не проводилось. В работе предпринята попытка на основе документов, регламентирующих деятельность Варшавского и российских университетов, выявить сходства и отличия в функционировании этих высших учебных заведений. Сравниваются устройство и организация Варшавского университета и остальных университетов империи, коллегиальные органы управления, бюджет, жалование профессоров, условия поступления и сроки обучения студентов, их численность, порядок присвоения ученых степеней и т.д. Непопулярные мероприятия властей Царства Польского в области образования в 1820-е гг., сопровождавшиеся усилением контроля над студентами и профессорами университета, попытками ограничения его автономии и разделения на отдельные высшие школы, показаны на фоне общего реакционного курса в отношении университетов. Сопоставительный анализ позволяет сделать следующие выводы: принципы организации Варшавского университета и

---

© Каштанова О.С., 2022

© Kashtanova O., 2022



возникших в начале XIX в. российских университетов носили немало общих черт, что было связано с заимствованиями образцов от высших учебных заведений Германии и частично Франции; структурные, кадровые и другие отличия рассматриваемых учебных заведений обуславливались национальной спецификой и традициями польского образования, бóльшим сходством Варшавского университета с университетами Западной Европы. Полученные результаты способствуют представлению развития Варшавского университета в 1816–1831 гг. на более широком фоне, а также доставляют новый иллюстративный материал для сравнения российских университетов с существующими в рамках империи «национальными» университетами.

**Ключевые слова:** Царство Польское, Российская империя, Варшавский университет, высшее образование, учебные заведения

**Для цитирования:** Каштанова О.С. Варшавский университет в системе высшего (университетского) образования Российской империи в первой трети XIX в. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 582–628, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-6>

## The University of Warsaw in the system of higher (university) education of the Russian Empire in the first third of the 19<sup>th</sup> century

**Abstract.** The article is devoted to the history of the establishment of the University of Warsaw in 1816 and its development until 1831 when the university was closed after the suppression of the November Uprising of 1830–31. The specificity of the University of Warsaw was determined by the fact that during that time the Congress Kingdom of Poland that had been annexed to Russia in 1815 was an autonomous territorial entity and had a separate educational system that was not subordinate to the Ministry of National Education in St Petersburg. Neither Russian nor Polish historiography has made a comprehensive comparison of the University of Warsaw with Russian higher educational institutions due to the isolated status of the former in 1816–31. The article makes an attempt to identify similarities and differences in the functioning of these higher educational institutions on the basis of the documents that regulated the activities of Warsaw and Russian universities. A comparison is made between the structure and organization of the University of Warsaw and other universities of the empire, their collegiate governing bodies, budgets, salaries of professors, admission and terms of study of students, their number, the procedure for awarding academic degrees, etc. The unpopular measures taken by the authorities of the Congress Kingdom of Poland in the field of education in the 1820s, which were accompanied by the increased control over the students and the professors of the university and the attempts to limit its autonomy and divide it into separate higher schools, are shown against the background of the general reactionary policy towards universities. A comparative analysis allows us to draw the following conclusions: the principles of organization of the University of Warsaw and Russian universities that were founded at the beginning of the 19<sup>th</sup> century had a number of common features, which was associated with borrowing the models of higher educational institutions from Germany and partly from France. Structure, staff and other differences between the educational institutions under consideration were determined by the national features and traditions of Polish education and by greater similarity between the University of Warsaw and the universities of Western Europe. The results obtained contribute to presenting the development of the University of Warsaw in 1816–31

against a broader background and also provide new illustrative material for comparing Russian universities with the “national” universities that existed within the empire.

**Key words:** Congress Poland, Russian Empire, University of Warsaw, higher education, educational institutions

**For citation:** Kashtanova, O.S. “The University of Warsaw in the system of higher (university) education of the Russian Empire in the first third of the 19<sup>th</sup> century.” *Historia provinciae – The Journal of Local History*, vol. 6, no. 2 (2022): 582–628. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-6>

## Введение

В российской историографии Варшавскому университету в первой трети XIX в. посвящено мало исследований. В конце XIX – начале XX в. краткие очерки развития университета были даны в работах его профессоров И.П. Щелкова и В.В. Есипова, касавшихся высшего образования в Царстве Польском<sup>1</sup>. В советских исторических исследованиях этот вопрос практически не затрагивался. В современный период интерес к истории Варшавского университета несколько усилился. Общие сведения об университете и отдельных его факультетах содержатся в энциклопедических изданиях, трудах по истории и культуре Польши, работах, посвященных университетскому образованию в Ростове-на-Дону, куда в 1915 г. был эвакуирован Варшавский университет<sup>2</sup>. В настоящее время наметилась тенденция к изучению истории российских университетов на фоне развития высшего образования в Европе. Однако ввиду обособленного положения Варшавского университета в системе высших учебных заведений Российской империи в первой трети XIX в. он, как

---

<sup>1</sup> Щелков И.П. Очерк истории высших учебных заведений в Варшаве до открытия императорского Варшавского университета // Варшавские университетские известия. 1893. Т. VIII. С. 1–32; Есипов В.В. Материалы к истории императорского Варшавского университета. Биографические очерки. Вып. II. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1915. С. 5–8.

<sup>2</sup> Иванов А.Е. Варшавский университет // Большая российская энциклопедия. Т. 4. Москва: Издательство БРЭ, 2006. С. 618–619; Каштанова О.С. Развитие просвещения и культуры в Королевстве Польском (1815–1830) // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / ответственный редактор С.М. Фалькович. Москва: Индрик, 2010. С. 429–468; Краковский К.П. Нить времени. Часть 2. История юридического факультета Варшавского – Донского – Ростовского университета. Т. 1. 1808–1924 гг. Ростов-на-Дону: Юг, 2005. С. 30–42; Крамская С.В., Шлык С.В. Исторический путь: от Варшавского университета до Ростовского государственного медицинского университета // Южно-Российский журнал терапевтической практики. 2020. № 1 (2). С. 12–14.

правило, не попадает в сферу внимания исследователей. Сравняются лишь два других национальных университета – Виленский и Дерптский<sup>3</sup>. В польской историографии деятельность Варшавского университета в 1816–1831 гг. представлена гораздо шире. Первый обзор его истории появился в середине 1840-х гг. на страницах польской периодической печати, выходившей в Великом герцогстве Познанском<sup>4</sup>. В начале XX в. она стала предметом научного рассмотрения в фундаментальной монографии Ю. Белинского<sup>5</sup>. В годы существования ПНР деятельность Варшавского университета получила отражение в трудах по истории университета до начала XX в., а также в изданиях, посвященных изучению польской науки в дореволюционный период<sup>6</sup>. Для современной польской историографии характерно усиление внимания к роли университета в культурной жизни Варшавы 1810–1820-х гг.<sup>7</sup> Двухсотлетний юбилей университета был отмечен появлением обширной коллективной монографии, в которой его деятельности в интересующий нас период отведен большой раздел, написанный М. Мыцельским<sup>8</sup>. В польских

---

<sup>3</sup> См., например: *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. Москва: Издательство Московского университета, 2002. С. 227–245; *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. Москва: Знак, 2009. С. 372–407; *Жарова Е.Ю.* Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268–290. DOI: 10.17323/1814-9545-2011-4-268-290

<sup>4</sup> *J. J.* Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830 // *Przyjaciel ludu*. 1845. R. 11. Nr 41. S. 322–326, Nr 42. S. 334–335, Nr 44. S. 345–350, Nr 45. S. 353–357, Nr 46. S. 362–366, Nr 47. S. 370–372, Nr 48. S. 379–383, Nr 49. S. 388–391, Nr 50. S. 395–399, Nr 51. S. 401–404, Nr 52. S. 411–416; R. 12. Nr 1. S. 3–4, Nr 2. S. 10–12, Nr 3. S. 18–21, Nr 4. S. 30–32.

<sup>5</sup> *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). T. 1–3. Warszawa: [s. n.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1907–1912.

<sup>6</sup> *Wawrykowa M.* Uniwersytet Warszawski w latach 1816–1831 // *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego, 1807–1915* / pod redakcją S. Kieniewicz. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1981. S. 60–200; *Michalski J.* Warunki rozwoju nauki polskiej w latach 1795–1862 // *Historia nauki polskiej: 10 t. T. III. 1795–1862* / redaktor tomu J. Michalski. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1977. S. 24–58.

<sup>7</sup> *Kultura artystyczna Uniwersytetu Warszawskiego. Ars et educatio* / redakcja naukowa i koncepcja tomu J. Miziołek. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2003; *Miziołek J.* Uniwersytet Warszawski: dzieje i tradycja. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005; см. также англоязычную версию: *Miziołek J.* The University of Warsaw: history and traditions / translation K. Michałowicz and J. Miziołek. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2017.

<sup>8</sup> *Mycielski M.* Uniwersytet Królewski, 1816–1831 // *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915* / redaktor naukowy T. Kizwalter. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. S. 53–361.

исторических исследованиях Варшавский университет также не рассматривается в сопоставлении с высшей школой империи, в основном он сравнивается с другими польскими университетами – Виленским и Краковским.

В настоящей статье предпринята попытка, используя сравнительно-исторический метод, на основе документов, регламентировавших деятельность Варшавского университета – указа об учреждении 1816 г., положения об его устройстве 1818 г., других правительственных распоряжений, а также уставов российских университетов 1803–1804 гг., показать сходства и отличия в функционировании этих высших учебных заведений.

### Основная часть

Проведенная в начале XIX в. реформа образования в России способствовала упорядочению системы управления народным просвещением. Территория империи была разделена на шесть учебных округов, руководимых попечителями. Центрами округов являлись университеты: наряду с уже существующими Московским, Виленским и Дерптским, появились университеты в Харькове и Казани, а позднее – в Петербурге. Они должны были контролировать процесс обучения в гимназиях, а те в свою очередь – в уездных и приходских училищах<sup>9</sup>. Эта иерархическая подчиненность низших школ высшим была заимствована из опыта деятельности Эдукационной комиссии Речи Посполитой. Реформа осуществлялась под эгидой Министерства просвещения Главным правлением училищ, в состав которого наряду с прочими вошли лица, хорошо знакомые с традициями польского образования. Члены Правления стали во главе учебных округов, ближайший сподвижник Александра I князь А.Е. Чарторыйский был назначен куратором Виленского учебного округа, граф С. Потоцкий – Харьковского. После присоединения к России Великого княжества Финляндского (1809) и Царства Польского (1815) в империи прибавилось два новых университета, но поскольку данные административные единицы обладали политической автономией, на их территории не было образовано учебных округов. Университет в Або (Турку), затем перенесенный в Гельсингфорс, возник в 1640 г. Варшава же не имела традиций университетского образования, хотя мысль о создании там университета зародилась еще в царствование последнего монарха Речи Посполитой Станислава Августа (причем не исключалась

---

<sup>9</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1864. Т. 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825. Ст. 14–16, 45–46, 199–200, 296, 301, 318–319, 327.

возможность перевода в столицу Краковской академии), затем к ней возвращались в период существования Великого герцогства Варшавского, когда ее реализации помешало отсутствие достаточных денежных средств<sup>10</sup>.

К числу первых проектов, разработанных правительственной Комиссией (министерством) вероисповеданий и общественного просвещения под председательством С.К. Потоцкого, принадлежал проект учреждения в Варшаве университета, который был высочайше утвержден Александром I 19 ноября 1816 г. В указе императора говорилось об основании Главной школы под названием королевского университета,

в которой юношество, приобретая познания по разным отраслям наук, соответственно своим способностям и будущему званию, приготавливалось бы сделаться полезными слугами и гражданами государства<sup>11</sup>.

Учебное заведение создавалось на базе уже образованных в 1808–1811 гг. высших школ – права и административных наук и медицинской, которые стали соответствующими факультетами, с присоединением трех новых – математических и физических наук, богословского, изящных наук и искусств. Структура Варшавского университета была близка к структуре университетов империи, состоящих из четырех факультетов – физико-математического, словесного (в Дерптском университете преподавание естественных и гуманитарных дисциплин было объединено на философском факультете), медицинского и юридического. Однако существовало два отличия. Первое заключалось в том, что в российских университетах не было богословского факультета (за исключением Дерптского, а в Виленском его заменяла действующая при университете семинария для католического и униатского духовенства), поскольку обучение будущих священников велось в духовных семинариях<sup>12</sup>. Следует отметить, что в более ранних проектах создания

---

<sup>10</sup> *Barycz H. Zagadnienie uniwersyteckie w epoce Oświecenia // Pamiętnik VII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich we Wrocławiu 19–22 września 1948. T. II. Z. 1. Warszawa: Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1948. S. 83–91; Leśnodorski B. Uniwersytety w epoce Oświecenia // Kwartalnik Historyczny. 1964. T. LXXI. Z. 4. S. 905; Bartnicka K. Szkolnictwo wyższe w koncepcjach edukacyjnych Stanisława Staszica // Rozprawy z Dziejów Oświaty. 2006. T. XLV. S. 43–46, 49–50.*

<sup>11</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство просвещения. Варшава: Типография С. Оргельбранда, 1868. Т. VI. Высшие и вспомогательные учебные заведения. С. 82–83.

<sup>12</sup> А.Ю. Андреев приводит данные о том, что первоначально проект устава Московского университета, составленный М.Н. Муравьевым, подразумевал наличие богословского



Варшавской главной школы богословский факультет также отсутствовал<sup>13</sup>. Другим отличием стало присоединение к словесному отделению преподавания художественных специальностей под влиянием немецких и французских образцов. Первоначально оно было введено в Виленском университете, а затем принято в Варшавском и Краковском, что являлось актуальным в условиях отсутствия польских высших художественных заведений<sup>14</sup>. В российских университетах по штату полагался учитель рисования<sup>15</sup>, который знакомил студентов с основами предмета. Профессиональных живописцев, скульпторов, граверов и архитекторов готовила петербургская Академия художеств.

Указ гарантировал традиционные права и привилегии университетов: право присвоения всех научных степеней и право цензуры произведений обучающихся в нем преподавателей. Важным моментом было повышение социального статуса преподавателей, в основном не принадлежавших к благородному сословию: по примеру польского короля Сигизмунда (Зыгмунта) I<sup>16</sup> Александр I даровал им личное дворянство, которое после десятилетней службы становилось наследственным<sup>17</sup>. В этом смысле их положение не сильно отличалось от статуса российских университетских преподавателей по уставам

---

факультета. См.: *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 54, 271.

<sup>13</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 82–85; *Bartnicka K.* Szkolnictwo wyższe w koncepcjach edukacyjnych Stanisława Staszica. S. 43–46, 49–50; *Winiarz A.* Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. S. 491–500.

<sup>14</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 54; *Bieliński J.* Uniwersytet Wileński (1579–1831). Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1899–1900. Т. II. S. 220–223, 736–765; *Bartnicka K.* Polskie szkolnictwo artystyczne na przełomie XVIII i XIX wieku (1764–1831). Wrocław; Warszawa, Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1971. S. 54–80, 91–253; История Вильнюсского университета (1579–1979) / ответственный редактор С. Лазутка. Вильнюс: Мокслас, 1979. С. 44, 55–57, 65, 88; *Chamcówna M., Mrozowska K.* Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1765–1850 // Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego. Т. II. Cz. 1: praca zbiorowa pod redakcją K. Opałka. Kraków: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1965. S. 151, 177.

<sup>15</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 143, 1268, Штаты и приложения. С. 12.

<sup>16</sup> Речь шла о привилегии 1535 г., в соответствии с которой магистры и доктора Краковской академии пользовались теми же правами, что и шляхта, а после 20 лет преподавания получали наследственное дворянство, так же, как это было принято в государствах Священной Римской империи.

<sup>17</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 84–85; *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Warszawa: [s. n.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1907. Т. I. S. 13–14, 19–24.

1803–1804 гг., привязанного к «Табели о рангах». Выпускник, окончивший университет со степенью кандидата, уже приобретал чин 12-го класса, дававший право на личное дворянство (с 1822 г. он присваивался любому выпускнику, а юноши, достигшие значительных успехов в науках, при вступлении на службу становились чиновниками 10-го класса). Ученому, защитившему докторскую диссертацию, полагался чин 8-го класса, который гарантировал его дворянские наследственные права, в то время как магистру – 9-го класса. Ординарные профессора состояли в 7-м классе, а ректор в период исполнения им должности – в 5-м<sup>18</sup>.

В конце декабря 1816 г. был создан Общий совет Главной варшавской школы во главе с видным польским государственным деятелем С. Стащицем, который приступил к организации университета и выработке его устава, имея в качестве образца статут Краковского университета 1814 г., подготовленный еще в период существования Герцогства Варшавского. В состав Общего совета вошли члены Комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, деканы и заместители деканов. В феврале 1817 г. были открыты три новых факультета<sup>19</sup>. 2 марта 1818 г. состоялись выборы ректора университета, на которых большинство голосов получил декан богословского факультета В. Швейковский. К этому моменту в штате учебного заведения было 44 преподавателя. 14 мая 1818 г. в костеле св. Креста произошло торжественное открытие университета и инаугурация ректора<sup>20</sup>.

15 апреля 1818 г. С.К. Потоцкий подписал «Временное внутреннее устройство Варшавского королевского университета», которое действовало до конца существования этого учебного заведения с некоторыми изменениями, вносимыми постановлениями ведомства просвещения, несмотря на разработку в 1821 г. проекта статута комиссией из чиновников этого ведомства и членов Совета университета под председательством примаса архиепископа С. Головчица. Руководство Комиссии вероисповеданий и общественного просвещения желало сначала убедиться в эффективности принятого устава, поэтому он не был представлен на утверждение императору<sup>21</sup>. «Временное

<sup>18</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 40–41, 127, 257–258.

<sup>19</sup> Księga protokołów Rady Ogólnej Uniwersytetu Warszawskiego 1817–1819 / wydał i objaśnieniami opatrzył R. Gerber. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1958. S. 5–7, 17–101, 177–178.

<sup>20</sup> Księga protokołów Rady Ogólnej Uniwersytetu Warszawskiego 1817–1819. S. 8–11, 205–220; Gazeta Warszawska. 19.V.1818. Nr 40. Dodatek. S. 1065–1068; Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Warszawa: [s. n.]; Kraków: W.L. Anczyz i spółka, 1912. T. III. S. 754–772.

<sup>21</sup> Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). T. I. S. 27–31.

внутреннее устройство» закрепило в составе университета пять существующих факультетов, но были внесены определенные нюансы. Факультет математических и физических наук (с математическим, естественным и философским отделениями) теперь стал называться философским. Но поскольку на факультете за все время был лишь один профессор, преподававший философские дисциплины, функционировали только два первых отделения<sup>22</sup>.

Согласно уставу, профессора разделялись на ординарных, «принятых» (экстраординарных) и «уполномоченных» (доцентов). Ординарные профессора должны были иметь докторскую степень, они являлись штатными преподавателями и получали фиксированное жалованье. «Принятые» и «уполномоченные» профессора обладали, по крайней мере, степенью магистра. Труд «принятых» профессоров оплачивался на основе временных распоряжений правительственной Комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, а «уполномоченные» преподаватели читали лекции бесплатно, либо, с разрешения Комиссии и по соглашению со студентами, получали от них плату за проведенные занятия<sup>23</sup>. В апреле 1820 г. последовало новое разделение обучающего персонала на постоянных и временных (экстраординарных) профессоров, лекторов (магистров и докторов) и учителей. При этом требования к научной квалификации ординарных и экстраординарных профессоров повышались: первые должны были получить известность «своим преподаванием или изданными сочинениями», вторые обязывались иметь докторскую степень<sup>24</sup>. В отличие от Варшавского университета в российских высших учебных заведениях жалованье профессоров и учителей определялось на основе неизменных штатов. В отношении состава преподавателей в разных университетах присутствовала своя специфика. В Московском, Харьковском и Казанском университетах они делились на ординарных, экстраординарных профессоров, адъюнктов и учителей. В Дерптском университете не предполагалось адъюнктов, а в Виленском, в соответствии с уставом, – экстраординарных профессоров, но делались исключения для известных

---

<sup>22</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 86–87; *J. J. Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830 // Przyjacieł ludu. 1845. R. 11. Nr 45. S. 354.*

<sup>23</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 98–101.

<sup>24</sup> Там же. С. 184–185. Требование докторской степени для экстраординарных профессоров действовало и в Дерптском университете. См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 140.

иностранных ученых<sup>25</sup>. Как и в российских университетах (за исключением Дерптского)<sup>26</sup>, в Варшавском официально не предусматривалось приват-доцентов, но во «Временном внутреннем устройстве», предписаниях 1820 г. и проекте устава 1821 г. допускались конкурентные занятия по одному и тому же предмету<sup>27</sup>. Так, в параграфе 62 «Временного внутреннего устройства» говорилось, что такие преподаватели

имеют право обучать всем тем предметам, по которым они получили дипломы на степень магистра или доктора, хотя бы уже находились ординарные профессора этих предметов<sup>28</sup>.

В Варшавском университете, как и в других университетах империи, всеми преимуществами пользовались лишь ординарные профессора<sup>29</sup>. Из их числа Комиссия вероисповеданий и общественного просвещения назначала так называемых «депутатов» с правом голоса. Только они входили в советы факультетов и могли быть кандидатами на посты декана или ректора<sup>30</sup>. Согласно «Временному внутреннему устройству» ректор избирался на 4 года, декан – на 3<sup>31</sup>. Позднее предполагалось сократить эти сроки: для ректора – до 3-х лет, для деканов – до 2-х лет<sup>32</sup>. В российских же университетах по уставам 1803–1804 гг. ректор и деканы выбирались на 1 год, кроме Виленского, где срок их полномочий составлял 3 года<sup>33</sup>. В 1809 г. трехлетнее пребывание на посту ректора было установлено в Московском, а в 1811 г. – в Харьковском и Казанском университетах<sup>34</sup>. Как и в российских высших учебных заведениях, выбор ректора Варшавского университета утверждал император, деканов –

<sup>25</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 54–55, 128, 264–265, 1256.

<sup>26</sup> Там же. Ст. 145, 1270.

<sup>27</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 106–107, 182–185; *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 43; Т. II. Warszawa: [s. n.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1911. S. 311; Т. III. S. 11, 88–89, 125, 656–659; *Mycielski M.* Uniwersytet Królewski, 1816–1831. S. 68.

<sup>28</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 106–107.

<sup>29</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 129, 266, 271, 273.

<sup>30</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 86–87, 100–101, 112–113.

<sup>31</sup> Там же. С. 96–97.

<sup>32</sup> *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 41.

<sup>33</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 45–46, 129, 135, 137, 266, 270.

<sup>34</sup> Там же. Ст. 522–524, 634–636.

правительственная Комиссия (министерство)<sup>35</sup>. Ректор отвечал за выполнение учебного плана и исполнение всех распоряжений Комиссии вероисповеданий и общественного просвещения в отношении университета, должен был заботиться о целостности университетских собраний, о том, чтобы бюджет расходовался по назначению. Ректор рассматривался властями в первую очередь как государственный чиновник, так как до 1821 г. по своей должности входил в состав правительственной Комиссии, но после реорганизации ведомства утратил эту привилегию. Деканов выбирали ординарные профессора факультетов. Они занимались прежде всего студентами, вели списки с разделением на годы обучения и указывали, какие посещать лекции<sup>36</sup>.

Два раза в год проводились заседания факультетов с участием всех преподавателей, где ординарные профессора имели право голосовать, остальные пользовались только совещательным голосом. На этих заседаниях происходило распределение занятий и устанавливалось их расписание. Декан и назначаемые министерством профессора из числа ординарных составляли факультетский совет, в ведении которого находились рассмотрение учебных программ и вопросов внутреннего порядка, решение споров и «суд» над студентами этого факультета<sup>37</sup>.

Как и в российских университетах, в Варшавском не было характерного для западноевропейских университетов Сената. Его место занял Совет университета, который собирался раз в месяц и имел исполнительные функции. Совет состоял из ректора и деканов, в него можно было приглашать других профессоров с совещательным голосом. В российских высших учебных заведениях такой орган назывался Правлением, однако он обладал лишь хозяйственной и судебной компетенциями<sup>38</sup>. Совет Варшавского университета принимал решения по всем вопросам учебного и экономического характера, по которым деканы и ректор не могли вынести самостоятельное суждение, окончательно утверждал программы обучения и расписание занятий, решал

---

<sup>35</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 45–46, 130, 266, 270; Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 92–93.

<sup>36</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 92–97, 118–119; *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 203; *Janowski J.N.* Notatki autobiograficzne 1803–1853 / przygotował do druku, wstępem i przypisami zaopatrzył M. Tyrowicz. Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1950. S. 71–72; *Szokalski W.F.* Wspomnienia z przeszłości / opracował A. Wrzosek. Wilno: Księgarnia Stowarzyszenia nauczycielstwa polskiego, 1921. Т. I. S. 122.

<sup>37</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 106–109.

<sup>38</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 265.



разные споры, представлял министерству кандидатов в профессора и готовил для него рапорты. Другим общеуниверситетским коллегиальным органом являлись объединенные заседания факультетов – всех или только некоторых, в которых участвовали ректор, деканы и профессора с правом голоса (по крайней мере, по одному от факультета). На этих заседаниях, происходивших в начале года, осуществлялось координирование дидактических вопросов в масштабах всего университета, а также решение общих проблем<sup>39</sup>.

Варшавский университет пользовался меньшим самоуправлением, чем российские высшие учебные заведения, в которых по уставам существенная роль отводилась Совету университета или Общему собранию, где право голоса имели все ординарные профессора<sup>40</sup>. Также в отличие от российских университетов Варшавский не обладал особыми судебными прерогативами в отношении студентов и преподавателей<sup>41</sup> и решал вопросы сугубо дисциплинарного порядка. К моменту его открытия Европа уже вступала в полосу реакции и правительства разных государств старались усилить контроль над деятельностью университетов и все больше ограничить прежние университетские вольности. Кроме того, следует отметить, что, несмотря на традиции Эдукационной комиссии, Варшавский университет не осуществлял контроль над средним и начальным образованием в Царстве Польском.

Варшавский университет не имел фиксированного бюджета, расходы возрастали по мере роста учебного заведения. За время существования университета его бюджет увеличился более чем в 2 раза: с 209 744 злотых в год (122 032,9 руб. асс.) в 1817 г. до 491 505 злотых (274 795,9 руб. асс.) в 1830 г.<sup>42</sup> Подобно Виленскому университету, на его содержание шли средства от дохода, получаемого с бывшей собственности иезуитов. Бюджет Варшавского

---

<sup>39</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 108–113; *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 243.

<sup>40</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 46–47, 129–133, 273–274, 278–279.

<sup>41</sup> Там же. Ст. 39, 125–126, 134–135, 159–169, 256, 293–296.

<sup>42</sup> В рассматриваемый период 1 руб. серебром был равен 6,6 польских злотых. Курс ассигнационного рубля, в котором были определены штаты российских университетов, с начала XIX в. снизился более чем в 3 раза, хотя несколько укрепился после 1815 г., так, в 1803–1804 гг. серебряный рубль составлял 125–126 ассигнационных копеек, в 1817 г. – 384 копейки, в 1830 г. – 369 копеек. См.: *Ламанский Е.И.* Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 года по 1817 год // Сборник статистических сведений о России, издаваемый Статистическим отделением императорского Русского географического общества. Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1854. Кн. II. С. 151; *Шторх П.* Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Ч. CXXXVII. С. 822–823.

университета значительно превышал бюджеты Московского, Харьковского и Казанского университетов, определенные в 130 000 руб.<sup>43</sup>, которые, невзирая на более чем трехкратное обесценивание бумажных денег с 1803 г., до принятия нового устава в 1835 г. оставались неизменными. В самом привилегированном положении оказались Дерптский университет, расходы на который в 1817 г. были увеличены со 140 500 руб. асс. до 337 710 руб.<sup>44</sup>, и особенно Виленский, его бюджет составлял 105 000 руб. серебром<sup>45</sup> и в 1817–1830 гг. колебался в пределах суммы 403 200 – 387 450 руб. асс. Собственным источником доходов Варшавского университета являлся фонд студенческих оплат за обучение, который возрос с 7 500 злотых в 1817 г. до 41 450 злотых в 1830 г. Этот фонд шел прежде всего на поддержание научных коллекций и кабинетов университета. Из него оплачивались отопление и освещение аудиторий, прибавки к жалованью и другие мелкие издержки<sup>46</sup>. Между жалованьем польских и российских профессоров существовал значительный дисбаланс, связанный с обесцениванием бумажных денег. В Московском, Харьковском и Казанском университетах ординарный профессор получал в год 2 000 руб. асс.<sup>47</sup> Среднее жалованье профессора Варшавского университета оценивалось в 6 000 злотых в год (3 490,9 – 3 354,5 руб. асс.), исходя из обычной учебной нагрузки – чтение лекций 6 часов в неделю. В свою очередь жалованье варшавских профессоров заметно уступало суммам, отпускаемым их коллегам в Вильно, которые нередко сочетали преподавание основного курса с дополнительным и, помимо 1 000 руб. серебром (3 840 – 3 690 руб. асс.), имели половинную прибавку (1 920 – 1 845 руб. асс.), а также жалованью профессоров Дерптского университета, получавших по новому штату 1817 г. 5 500 руб. асс. в год<sup>48</sup>. Лицам, отвечающим за большие научные коллекции, а также директорам Ботанического сада и Астрономической обсерватории предусматривалось дополнительное вознаграждение. Ректор, кроме обычного жалованья

<sup>43</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 32, 259.

<sup>44</sup> Там же. Ст. 7, 388; *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): исторический очерк. Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев: Типография К. Маттисена, 1902. С. 192, 313, 321–322; *История Тартуского университета, 1632–1982 / под редакцией К. Сийливаска.* Таллин: Периодика, 1982. С. 70–74.

<sup>45</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 41.

<sup>46</sup> *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 350–351, 370–371; *Mycielski M.* Uniwersytet Królewski, 1816–1831. S. 72.

<sup>47</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 31.

<sup>48</sup> Там же. Ст. 44, 56; *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): исторический очерк. Т. 1. С. 322; *История Тартуского университета, 1632–1982.* С. 74.

профессора, получал 12 000 злотых (6 981,8 – 6 709,1 руб. асс.). Деканам полагалась прибавка 2 000 злотых (1 163,6 – 1 118,2 руб. асс.), а для декана медицинского факультета, как более загруженного работой – 3 000 злотых (1 745,45 – 1 677,25 руб. асс.)<sup>49</sup>. В Московском, Харьковском и Казанском университетах эти прибавки были гораздо скромнее: ректору доплачивали 600 руб., деканам – 300 руб.<sup>50</sup>

Университет располагался в Казимировском дворце и прилегающих строениях, при Станиславе Августе здесь размещалась Рыцарская школа. Позднее были возведены здание факультета изящных наук и искусств и здания, предназначенные для аудиторий с физическим и минералогическим кабинетами<sup>51</sup>.



Варшавский университет. Литография Я.Ф. Пиварского, 1824 г.

Преподавание велось на польском языке, за исключением почти всех богословских и филологических дисциплин, отдельных предметов из области

<sup>49</sup> *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). T. I. S. 331–332, 342–349, 352–365; *Mycielski M.* Uniwersytet Królewski, 1816–1831. S. 66–67.

<sup>50</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 31. При этом ректор Виленского университета получал 1200 руб. серебром, а ректор Дерптского университета по уставу 1820 г. – 1000 руб. асс. Там же. Штаты и приложения. С. 2, 36.

<sup>51</sup> *Miziołek J.* Zarys dziejów Uniwersytetu Warszawskiego // *Kultura artystyczna Uniwersytetu Warszawskiego. Ars et educatio.* S. 33–34; *Mycielski M.* Uniwersytet Królewski, 1816–1831. S. 62–63.



медицины и частично римского права, читавшихся на латыни. Первоначально срок обучения в Варшавском университете, как и других университетах империи, составлял 3 года для студентов всех факультетов, кроме медицинского, на котором он продолжался 4 года<sup>52</sup>. Впоследствии курс наук на некоторых факультетах и отделениях был увеличен на год и составил: 5 лет на медицинском факультете, 4 года на богословском, 4 года – для тех, кто хотел окончить полный курс не только права, но и административных наук и 4 года для будущих живописцев, скульпторов и граверов<sup>53</sup>. В рамках университета действовала также учительская семинария, которая готовила преподавателей для воеводских и окружных школ<sup>54</sup>. В российских университетах те же функции выполняли педагогические институты. В 1821 г. при факультете изящных наук и искусств была создана музыкальная консерватория, преобразованная в 1826 г. в самостоятельное учебное заведение<sup>55</sup>.

Как и в российских университетах<sup>56</sup>, для поступления в Варшавский университет требовалось предоставить аттестат зрелости, которым являлось свидетельство об окончании 6-го класса воеводской школы. Юноши, обучавшиеся дома или за границей, получали такой документ после предварительного экзамена в ближайшем среднем учебном заведении, позднее вступительный экзамен стал проводиться в самом университете. Для изучения отдельных дисциплин достаточно было иметь неполное среднее образование, то есть окончить 4 класса воеводской или полный курс окружной школы. Такие правила действовали в отношении лиц, желавших изучать художественные специальности (за исключением будущих архитекторов), а также медиков среднего звена – будущих хирургов 2-го класса (с 1821 г.), аптекарей, окулистов, акушеров, зубных врачей, обучавшихся по укороченной двух-трехлетней программе<sup>57</sup>. Кроме того, с целью привлечения воспитанников,

<sup>52</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 90–91.

<sup>53</sup> Там же. С. 208–209; *J. J. Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830 // Przyjaciół ludu. 1845. R. 11. Nr 45. S. 353–354; Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 39; Т. II. S. 31–35; Т. III. S. 319.*

<sup>54</sup> *Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 710.*

<sup>55</sup> *Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 760–765.*

<sup>56</sup> В Московском, Харьковском и Казанском университетах при поступлении требовалось представить свидетельство о состоянии, а также о полученных знаниях, поведении и прилежании, выданное директором гимназии, или выдержать экзамен перед лицами, назначенными ректором. См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 286. В Виленском и Дерптском университетах предусматривался вступительный экзамен. Там же. Ст. 56, 108.

<sup>57</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 120–123, 148–149, 210–213, 232–233.

временно были введены упрощенные правила приема и для слушателей богословского факультета<sup>58</sup>.

Студенты вносили плату за обучение, составлявшую 100 злотых в год (около 57,6–55,35 руб. асс.), от которой освобождались сыновья профессоров, учителей и чиновников, работавших в сфере образования; юноши, готовившиеся стать учителями; лица, имевшие свидетельство о бедности, и ряд других категорий<sup>59</sup>. В российских университетах (за исключением Дерптского)<sup>60</sup> образование первоначально было бесплатным, оплачивалось лишь изучение иностранных языков и «изящных предметов», таких как танцы, рисование, музыка, фехтование, гимнастика, за которое взималось 30 руб. асс. в год. В 1820 г. была установлена годовая плата за обучение в размере 20 руб. 57 коп.<sup>61</sup>

К 1826 г. число студентов Варшавского университета увеличилось более чем в три раза: с 209 в 1817/18 учебном году до 714. В следующем году из-за введения дополнительного экзамена для поступающих в Обществе для составления учебников и открытия Подготовительной школы проектируемого Политехнического института (куда ушли некоторые выпускники польских учебных заведений) число студентов сократилось более чем на 100, однако уже в 1829 г. составило 773 чел., а в 1830 г. дошло до 903<sup>62</sup>. По количеству учащихся Варшавский университет опережал прочие российские университеты, за исключением Виленского, который лидировал в данном отношении (в 1830 г. в нем учился 1 321 студент)<sup>63</sup>. Наибольшей популярностью у польской

<sup>58</sup> *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. II. S. 24.

<sup>59</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 116–119, 162–163, 234–235.

<sup>60</sup> В Дерптском университете студенты платили 10 руб. асс. за один полугодичный курс в объеме 3–4 часов в неделю и до 15 руб., если профессор увеличивал число лекций. Неимущие студенты освобождались от оплаты. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 144, 1269.

<sup>61</sup> Там же. Ст. 56, 288; *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Издательство Казанского университета, 2005. С. 264.

<sup>62</sup> *Wawrykowa M.* Uniwersytet Warszawski w latach 1816–1831. S. 166–167; ср.: Posiedzenie publiczne Królewsko-Warszawskiego Uniwersytetu, na pamiątkę założenia jego, przy rozpoczęciu nowego kursu nauk, odbyte 16 września 1826 roku. Warszawa: Drukarnia szkolna, [1826]. S. 5; Posiedzenie publiczne Królewskiego Uniwersytetu, na pamiątkę założenia jego, przy rozpoczęciu nowego kursu nauk, odbyte 16 września 1829 roku. Warszawa: Drukarnia J. Węckiego, [1829]. S. 16–17; Raport Komisji Rządowej Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego na styczniowe roku 1831 posiedzenia sejmowe wygotowany. Warszawa: [s. n.], 1831. S. 4.

<sup>63</sup> История Вильнюсского университета (1579–1979). С. 89. По сведениям, приводимым Ф.А. Петровым, в 1831 г. в Московском университете было 814 студентов, в Санкт-



молодежи пользовался факультет юридических и административных наук, на котором училось более половины студентов. 50–55 % среди них составляли выходцы из дворянского сословия, 40 % – мещане, около 5 % – другие социальные группы, в том числе крестьяне. Последние выбирали в основном философский факультет, а также изящных наук и искусств. Представители мещанства поступали на медицинский, а дворяне, как и в России, – на юридический<sup>64</sup>.

Подобно другим университетам, Варшавский университет присваивал ученые степени магистра и доктора наук. Получение первой правительственные сферы рассматривали как доказательство того, что ее обладатель «способен к государственной службе»<sup>65</sup>. Для занятия ответственных постов 1-го класса в государственной администрации кандидаты должны были также пройти двухлетнюю практику и сдать экзамены в Высшей экзаменационной комиссии под председательством министра просвещения, в составе которой среди прочих лиц находились представители от юридического и медицинского факультетов университета<sup>66</sup>. В России требование о получении высшего образования действовало в отношении чиновников, претендующих на посты коллежских асессоров и статских советников, испытания с целью проверки их знаний проводились при университетах<sup>67</sup>.

Степень магистра студенты получали в ходе экзамена по всем обязательным предметам за полный курс обучения: письменного и устного (публичного), в присутствии всех профессоров факультета. Условием приобретения магистром докторской степени было прохождение двухлетней практики по избранной специальности (с 1821 г. для врачей – годичной) и представление научной или

---

Петербургском – 236, Казанском – 146, Харьковском – 313, Дерптском – 592. См.: *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Часть 2. Российские университеты и люди 1840-х годов. Москва: Издательство Московского университета, 2003. С. 373.

<sup>64</sup> *Winiarz A.* Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 512; *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 2. Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX в. Москва: Издательство Московского университета, 2002. С. 368.

<sup>65</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 136–137.

<sup>66</sup> Там же. С. 138–139; *Dziennik praw Królestwa Polskiego*. [Warszawa, 1816.] Т. 2. Nr 10. С. 226, 228–229, 231–234, 236–242, 245–246, 248–250. О деятельности Высшей экзаменационной комиссии см.: *Winiarz A.* Organizacja i działalność komisji egzaminacyjnych w Księstwie Warszawskim i Królestwie Polskim (1807–1831) // *Przegląd Historyczno-Oświatowy*. 1986. Т. XXIX. Z. 4. S. 453–455, 458.

<sup>67</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 510–517.

практической работы. Кроме того, публичной защите предшествовал экзамен<sup>68</sup>. Докторских диссертаций защищалось мало, потому что эта степень немного давала в дальнейшей профессиональной карьере. В российских университетах первоначально не был определен порядок получения ученых степеней, что иногда позволяло претенденту стать доктором наук, не имея степени магистра. В соответствии с Положением 1819 г. была установлена более сложная система их присуждения, чем в зарубежных университетах. Это в значительной мере обуславливалось наличием дополнительной ступени между званиями действительного студента (окончившего университет) и магистра, какой являлось звание кандидата. Так, выпускник, не получивший при итоговых экзаменах степень кандидата, допускался к соответствующим испытаниям через год. Кандидат лишь по прошествии 2-х лет мог приступить к магистерским экзаменам, а магистр к докторским – спустя 3 года<sup>69</sup>.

За время существования Варшавского университета лекции посещало 6 533 слушателя, из них – 3 911 студентов. Степени магистра удостоились 893 выпускника университета: 36 чел. на богословском факультете, 659 – на факультете юридических и административных наук, 69 – на медицинском (помимо этого, он выпустил 30 лицензиатов, 33 хирурга 1-й и 2-й степени и 165 фармацевтов), на факультете философии – 78, изящных наук и искусств – 51. Докторские диссертации защитили 13 выпускников: 2 – на факультете юридических и административных наук, 5 – на медицинском и 6 – на философском<sup>70</sup>.

Среди известных преподавателей университета можно отметить выдающихся ученых-юристов – декана факультета юридических и административных наук Я.В. Бандтке, В.А. Мацеёвского, Р. Губе (который в 1821 г. сам окончил Варшавский университет), преподававшего на том же факультете политическую экономию ученого и писателя Ф. Скарбека. На факультете изящных наук и искусств – декана Ф. Бентковского, читавшего лекции по всеобщей истории и теории исторической науки, знаменитого историка И. Лелевеля, преподававшего в 1820–1821 гг. дополнительный курс всеобщей истории и библиографии, профессора польской литературы,

<sup>68</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 130–149, 210–211.

<sup>69</sup> Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 2. С. 322, 482; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 1138–1139.

<sup>70</sup> Winiarz A. Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 515; ср.: J. J. Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830 // Przyjaciel ludu. 1845. R. 11. Nr 46. S. 364.

известного поэта К. Бродзиньского; на медицинском – Я.Б. Миле, который сделал ряд открытий в области офтальмологии, физиологии, хирургии, гинекологии<sup>71</sup>.

Переход Александра I от либерального к консервативному политическому курсу нашел отражение в общей политике империи в области образования, в частности по отношению к университетам. Этому способствовали события в Германии: Вартбургский съезд 1817 г. и убийство реакционного драматурга А. Коцебу студентом К. Зандом в 1819 г. Недоверие к немецким университетам, разделявшееся правительствами германских государств, российский кабинет перенес и на отечественные высшие учебные заведения, созданные в основном по немецким образцам. Мысль о сокращении числа существующих университетов высказывалась в правящих сферах еще в 1817 г. После отказа от ее осуществления были предприняты меры по ограничению автономии российских университетов. Менее других пострадали Дерптский и Московский университеты, больше всего – Казанский и Петербургский, в которых последовало массовое увольнение профессоров. Некоторые из них были принудительно отстранены от преподавания из-за «неблагонамеренного» содержания их курсов, другие, не согласные с новыми порядками, ушли сами. В высших учебных заведениях ограничивалось преподавание философии и естественного права, конспекты лекций всех преподавателей утверждались министром просвещения. Во многих университетах были приостановлены выборы ректора, он назначался на свою должность по указанию попечителя. Было введено преподавание богословия и усилен контроль не только над казеннокоштными, но и своекоштными студентами, в особенности за посещением ими церкви в воскресные и праздничные дни, ношением мундиров и чтением подобающих книг<sup>72</sup>.

<sup>71</sup> *Michalski J.* Warunki rozwoju nauki polskiej w latach 1795–1862. S. 18, 33–34, 36–37, 39–44, 48–49.

<sup>72</sup> *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): исторический очерк. Т. 1. С. 336–339; *Загоскин Н.П.* История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Т. 3. Казань: Типолиитография императорского Казанского университета, 1903. С. 253–541; *Григорьев В.В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и комп., 1870. С. 33–44; *История Ленинградского университета. 1819–1969: очерки / ответственный редактор В.В. Мавродин.* Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1969. С. 16, 27–37; *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* «Единым вдохновением»: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX вв. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 2000. С. 121–123, 127–175; *Багалея Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по

Общеимперские тенденции не могли не сказаться и на политике властей Царства Польского. В декабре 1820 г. ушел в отставку либеральный министр С.К. Потоцкий, его преемником стал консервативно настроенный С. Грабовский. С этого времени усилилось влияние императорского комиссара при правительстве Царства Польского – сенатора Н.Н. Новосильцева. Комиссия вероисповеданий и общественного просвещения была преобразована, создана Дирекция общественного воспитания во главе с Ю.К. Шанявским – бывшим якобинцем и видным философом-неокантианцем, перешедшим затем на крайне консервативные позиции. В декабре 1821 г. был учрежден Комитет реформы образования под руководством Новосильцева, куда вошли Грабовский, Шанявский и другие лица. Важнейшим проектом, подготовленным Комитетом в мае 1822 г., стало создание учебной полиции или так называемой Генеральной куратории учебных институтов, основанной по желанию Александра I на австрийских образцах<sup>73</sup>.

Во главе этой структуры стоял генеральный куратор, которому подчинялись кураторы школ и генеральный инспектор университета. Кроме надзора за учащимися, генеральный инспектор вместе с инспекторами факультетов должен был контролировать работу профессоров, а также финансы учебного заведения. Из-за негативного отношения к проекту заместителя – князя Ю. Зайончека и ряда высших польских государственных сановников он был утвержден императором лишь в июне 1823 г. Генеральным куратором стал сенатор-каштелян Д. Обшельвиц, а генеральным инспектором – бывший декан философского факультета А.И. Зубелевич. Меры, аналогичные принятым в Царстве Польском, в 1826 г. были введены и в Краковской республике,

---

неизданным материалам). Т. 2 (с 1815 по 1835 год). Харьков: Паровая типография и литография М. Зильберберг и сыновья, 1904. С. 8–30, 52–53, 68–69, 81, 152–153, 164–167, 180–183, 192–193; *Bieliński J.* Uniwersytet Wileński (1579–1831). Т. I. S. 393–408, 423–424, Т. III. S. 545–546, 549–550; История Вильнюсского университета (1579–1979). С. 67; *Иванов А.Е.* Виленский университет Российско-имперского периода (1803–1831): взгляд с Востока // *Иванов А.Е.* Высшая школа Российской империи XVIII – начала XX века: Избранные статьи. Москва: Принципиум, 2019. С. 569–572; История Московского университета / ответственный редактор М.Н. Тихомиров. Т. 1. Москва: Издательство Московского университета, 1955. С. 100–101; *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 2. С. 471–550.

<sup>73</sup> *Winiarz A.* Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego (1823–1830) // Stan i potrzeby badań nad oświatą i wychowaniem w Królestwie Polskim w latach 1815–1915 / pod redakcją R. Kuchy i K. Poznańskiego. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1989. S. 33–36; *Winiarz A.* Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 40–43.

поскольку Новосильцев являлся одним из почетных «опекунов» Ягеллонского университета и оказывал заметное влияние на вопросы образования<sup>74</sup>.

В соответствии с новыми правилами, без свидетельства о хорошем поведении отныне нельзя было поступить в университет, переходить с курса на курс, получить магистерскую степень и степень доктора наук<sup>75</sup>. Чтобы молодежь меньше понимала философию и естественное право, власти приняли решение о преподавании этих дисциплин на латыни. Было введено преподавание богословия для студентов всех факультетов и установлено постоянное время богослужения в праздничные дни. Предписывалось обязательное ношение мундиров, в том числе и во внеучебное время. Студенты не могли сменить квартиру или выехать из Варшавы без разрешения главного инспектора. Оно также было необходимо для посещения театра и всякого рода зрелищ. Запрещалось бывать на танцевальных вечерах, маскарадах, собраниях, публичных балах и обедах, в гостиницах, трактирах, питейных заведениях, бильярдных залах и т.п. Однако меры по контролю за студентами оказались неэффективными, молодежь придумывала разные способы, чтобы их обойти. В сфере внимания Куратории была и деятельность профессоров. В частности, фиксировались опоздания или преждевременное окончание лекций, не поощрялись слишком медленная или слишком быстрая речь, обсуждение правительственных распоряжений, примеры, которые могли «оскорбить достойных особ»<sup>76</sup>.

Одновременно с образованием Куратории разрабатывались проекты ограничения самоуправления университета и его разделения на отдельные высшие школы – медицинскую, юридических и административных наук, Академию изящных искусств, с переводом их из Варшавы в провинцию: Люблин, Лович и другие места<sup>77</sup>. Шанявский писал в правительственном рапорте в 1829 г.:

---

<sup>74</sup> *Chamcówna M., Mrozowska K. Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1765–1850. S. 148, 159–163.*

<sup>75</sup> Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 220–225.

<sup>76</sup> Там же. С. 240–245; *Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). T. I. S. 16–17, 98, 146–176, 182; Winiarz A. Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego (1823–1830). S. 36–45; Winiarz A. Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 40–44.*

<sup>77</sup> *Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). T. I. S. 196, 199–200; Kraushar A. Raptularz notatek o Uniwersytecie Królewskim w Warszawie 1816–1831 (z rękopisu). Warszawa: Nakładem „Przeglądu Historycznego”, 1911. S. 19.*



Помещение Главной школы в столице начинает становиться пагубным для большей основательности наук, для интереса морали и обычаев, а также для очень важных интересов правительства<sup>78</sup>.

Планы разделения университета пытались проводить постепенно. В 1823 г. был практически ликвидирован богословский факультет, поскольку для обучения католических священников учреждалась Главная семинария, подчиненная варшавскому архиепископу. Действовавшая при университете учительская семинария была упразднена и создан независимый от него Педагогический институт. В 1826 г. в Варшавском университете были приостановлены выборы ректора. От дальнейших шагов, направленных против университета, властям пришлось отказаться, так как позиции Новосильцева и связанных с ним Грабовского и Шанявского при Николае I стали ослабевать. В 1830 г. положение университета было укреплено вследствие дарования ему (по просьбе властей учебного заведения) нового названия – Александровский королевский университет, что должно было подчеркнуть историческую преемственность и намерение нового монарха сохранить дело своего предшественника. Тогда же последовало отстранение Шанявского от влияния на образовательную политику в Царстве Польском вследствие назначения Я.М. Фредро, старшего брата известного комедиографа А. Фредро, также известного своими литературными трудами, генеральным куратором и заместителем министра по вопросам публичного воспитания<sup>79</sup>.

Однако это не сильно изменило ситуацию. В ноябре 1830 г. в Варшаве вспыхнуло восстание, в подготовке которого наряду с учениками школы подхорунжих участвовали молодые литераторы и студенты. После его подавления университет 21 ноября 1831 г. был закрыт, а большая часть книг из библиотеки и коллекций кабинета гравюр в 1834 г. вывезена в Петербург<sup>80</sup>. Университет под именем Варшавской главной школы был восстановлен лишь в 1862 г., накануне нового восстания. В 1867 г. он вошел в одноименный

---

<sup>78</sup> Цит. по: *Winiarz A.* Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 514.

<sup>79</sup> *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1832 / do druku przygotował i przypiskami objaśnił K. Bartoszewicz. Kraków: Drukarnia A. Kozłiańskiego, 1883. S. 39, 181; *Kraushar A.* Raptularz notatek o Uniwersytecie Królewskim w Warszawie 1816–1831 (z rękopisu). S. 19; *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). T. I. S. 24–26, 200, 204–205, 214, 703–705, 707–715; T. III. S. 825, 842–843; *Winiarz A.* Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego (1823–1830). S. 46–47; *Winiarz A.* Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 50–51, 340–344.

<sup>80</sup> *Winiarz A.* Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 515.

учебный округ империи и в 1869 г. был преобразован в учебное заведение с русским языком преподавания – императорский Варшавский университет. Во время Первой мировой войны, летом 1915 г., в связи с отступлением российских войск Варшавский университет, в котором к тому времени подавляющее большинство составляли русские преподаватели и студенты, был эвакуирован сначала в Москву, затем в Ростов-на-Дону. В 1917 г. на его основе возник Донской, а позднее – Ростовский государственный университет. В Варшаве в ноябре 1915 г. с разрешения германских властей был снова открыт польский университет, который после обретения Польшей независимости успешно развивается и существует в настоящее время.

### **Выводы**

Сравнивая принципы функционирования Варшавского университета и других университетов Российской империи в первой трети XIX в., следует отметить, что они содержали много общего, базируясь на моделях преподавания в высших школах Германии и отчасти – Франции. Положения, регулирующие работу Варшавского университета, в отдельных пунктах были приближены к российским уставам. Отличия в польской и российской университетских системах обуславливались национальной спецификой, традициями обучения в польских высших учебных заведениях и бóльшим заимствованием поляками европейского опыта, наконец, более поздним временем возникновения. Подобно европейским университетам, Варшавский университет имел богословский факультет, по примеру Вильно в нем также преподавались художественные специальности. По уровню обучения он не уступал многим российским университетам. Как и другие университеты империи, Варшавский был нацелен, в первую очередь, на подготовку государственных чиновников. В то же время он являлся всесторонним центром обучения для польской молодежи. Из его стен вышли известные ученые, поэты, писатели, врачи, деятели искусства, сыгравшие видную роль в польской научной, литературной и культурной жизни последующего периода.



## Introduction

In Russian historiography, little research was devoted to the University of Warsaw in the first third of the 19<sup>th</sup> century. In the late 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century, brief outline of the development of the university was drawn in the works on higher education in the Congress Kingdom of Poland written by its professors I. Shchelkov and V. Esipov.<sup>1</sup> Soviet historical studies did not consider this issue. In the modern period, interest in the history of the University of Warsaw has somewhat increased. General information about the university and some of its faculties can be found in encyclopedic publications, works on the history and culture of Poland, works on university education in Rostov-on-Don, where the University of Warsaw was evacuated in 1915.<sup>2</sup> Currently, there is a tendency to study the history of Russian universities against the background of the development of higher education in Europe. However, due to the isolated position of the University of Warsaw in the system of higher educational institutions of the Russian Empire in the first third of the 19<sup>th</sup> century, it usually does not fall into the sphere of researchers' attention. Only two other national universities, Vilna University and Dorpat University, are compared.<sup>3</sup> In Polish historiography, the activities of the University of Warsaw in 1816–31 have been given more extensive coverage. The first review of its history appeared in the mid-1840s in the pages of the Polish periodical published in the Grand Duchy of Posen.<sup>4</sup> At the beginning of the 20<sup>th</sup> century, it became the subject of

---

<sup>1</sup> I.P. Shchelkov, "An essay on the history of higher educational institutions in Warsaw before the opening of the Imperial University of Warsaw" [in Russian], *Varshavskie universitetskie izvestiya*, vol. 8 (1893): 1–32; V.V. Esipov, *Materials on the history of the Imperial University of Warsaw. Biographical sketches* [in Russian], is. 2 (Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1915), 5–8.

<sup>2</sup> A.E. Ivanov, "The University of Warsaw" [in Russian], in *Great Russian Encyclopedia*, vol. 4 (Moscow: Izdatel'stvo BRE, 2006), 618–19; O.S. Kashtanova, "Development of education and culture in the Congress Kingdom of Poland (1815–1830)" [in Russian], in *Poland and Russia in the first third of the 19<sup>th</sup> century. From the history of the Congress Kingdom of Poland. 1815–1830*, ed. S.M. Fal'kovich (Moscow: Indrik, 2010), 429–68; K.P. Krakovskii, *The thread of time. Part 2. History of the Faculty of Law of the Warsaw – Don – Rostov University* [in Russian], vol. 1, 1808–1924 (Rostov-on-Don: Yug, 2005), 30–42; S.V. Kramskaya and S.V. Shlyk, "Historical path: from Warsaw University to Rostov State Medical University" [in Russian], *Yuzhno-Rossiiskii zhurnal terapevticheskoi praktiki*, no. 1 (2) (2020): 12–14.

<sup>3</sup> See, e.g., F.A. Petrov, *Formation of the system of university education in Russia* [in Russian], vol. 1, *Russian universities and the Charter of 1804* (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2002), 227–45; A.Yu. Andreev, *Russian universities of the 18<sup>th</sup> – first half of the 19<sup>th</sup> centuries in the context of European university history* [in Russian] (Moscow: Znak, 2009), 372–407; E.Yu. Zharova, "University statutes, 1803–1804" [in Russian], *Voprosy obrazovaniya*, no. 4 (2011): 268–90, <https://www.doi.org/10.17323/1814-9545-2011-4-268-290>

<sup>4</sup> J. J., "Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830," *Przyjaciół ludu*, 1845, r. 11, no. 41, p. 322–26, no. 42, p. 334–35, no. 44, p. 345–50,

scientific consideration in the fundamental monograph by J. Bieliński.<sup>5</sup> During the times of the Polish People's Republic, the activities of the University of Warsaw were reflected in the works on the history of the university before the beginning of the 20<sup>th</sup> century as well as in the publications devoted to the study of Polish science in the pre-revolutionary period.<sup>6</sup> Present-day Polish historiography is characterized by increased attention to the role of the university in the cultural life of Warsaw in the 1810s–20s.<sup>7</sup> The bicentennial anniversary of the university was marked by the appearance of an extensive joint monograph, in which a large section written by M. Mycielski<sup>8</sup> is devoted to the university's activities in the period in question. In Polish historical studies, the University of Warsaw is not considered in comparison with the higher school of the Empire either; generally, it is compared with other Polish universities in Vilna and in Krakow.

This article aims at showing similarities and differences in the functioning of the University of Warsaw and Russian universities using the comparative historical method on the basis of the documents that regulated the activities of the University of Warsaw (the decree on the establishment as of 1816, the regulation on its structure as of 1818, other government orders) and the charters of Russian universities dated 1803–04.

### Main body

The reform of education in Russia at the beginning of the 19<sup>th</sup> century contributed to the streamlining of the management of national education system. The territory of the Empire was divided into six educational districts headed by trustees. Universities

---

no. 45, p. 353–57, no. 46, p. 362–66, no. 47, p. 370–72, no. 48, p. 379–83, no. 49, p. 388–91, no. 50, p. 395–99, no. 51, p. 401–04, no. 52, p. 411–16; r. 12, no. 1. p. 3–4, no. 2, p. 10–12, no. 3, p. 18–21, no. 4. p. 30–32.

<sup>5</sup> J. Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*, vol. 1–3 (Warsaw: [n. p.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1907–1912).

<sup>6</sup> M. Wawrykowa, “Uniwersytet Warszawski w latach 1816–1831,” in *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego, 1807–1915*, ed. S. Kieniewicz (Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1981), 60–200; J. Michalski, “Warunki rozwoju nauki polskiej w latach 1795–1862,” in *Historia nauki polskiej*, vol. 3, 1795–1862, ed. J. Michalski (Wrocław; Warsaw; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1977), 24–58.

<sup>7</sup> J. Miziołek, ed., *Kultura artystyczna Uniwersytetu Warszawskiego. Ars et educatio* (Warsaw: Uniwersytet Warszawski, 2003); J. Miziołek, *Uniwersytet Warszawski: dzieje i tradycja* (Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005); in English, see also J. Miziołek, *The University of Warsaw: history and traditions*, trans. K. Michałowicz and J. Miziołek (Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2017).

<sup>8</sup> M. Mycielski, “Uniwersytet Królewski, 1816–1831,” in *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915*, ed. T. Kizwalter (Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016), 53–361.



were the centers of the districts: along with the already existing universities in Moscow, Vilna, and Dorpat, universities appeared in Kharkov and Kazan, and later in St Petersburg. They were to control the instruction at gymnasiums, and those, in turn, in county and parish schools.<sup>9</sup> This hierarchical subordination of lower schools to higher ones was borrowed from the experience of the Educational Commission of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The reform was carried out under the auspices of the Ministry of National Education by the Main Board of Schools, which included the persons who were well acquainted with the traditions of Polish education. The members of the board became the heads of the educational districts: Prince A. Czartoryski, a close associate of Alexander I, was appointed curator of the Vilna educational district; Count S. Potocki, of Kharkov educational district. After the annexation of the Grand Duchy of Finland (1809) and the Kingdom of Poland (1815), two new universities appeared in the empire, but since these administrative entities had political autonomy, no educational districts were formed in their territory. The University in Abo (Turku), which was later moved to Helsingfors, was founded in 1640. Warsaw had no traditions of university education, although the idea of establishing a university there originated during the reign of Stanisław August, the last monarch of the Polish-Lithuanian Commonwealth (and the possibility of transferring Krakow Academy to the capital was not excluded). Then that idea was revisited during the existence of the Grand Duchy of Warsaw, but its implementation was prevented by the shortage of funds.<sup>10</sup>

Among the first projects developed by the Government Commission (Ministry) of Religions and Public Education under the chairmanship of S. Potocki was the project of establishing a university in Warsaw, which was given imperial approval by Alexander I on November 19, 1816. The decree of the Emperor referred to the foundation of the main school called the Royal University,

---

<sup>9</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, *Reign of Emperor Alexander I. 1802–1825* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya imperatorskoi Akademii nauk, 1864), art. 14–16, 45–46, 199–200, 296, 301, 318–19, 327.

<sup>10</sup> H. Barycz, “Zagadnienie uniwersyteckie w epoce Oświecenia,” in *Pamiętnik VII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich we Wrocławiu 19–22 września 1948*, vol. 2, pt. 1 (Warsaw: Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1948), 83–91; B. Leśnodorski, “Uniwersytety w epoce Oświecenia,” *Kwartalnik Historyczny*, vol. 71, no. 4 (1964): 905; K. Bartnicka, “Szkolnictwo wyższe w koncepcjach edukacyjnych Stanisława Staszica,” *Rozprawy z Dziejów Oświaty*, vol. 45 (2006): 43–46, 49–50.



in which the youth, acquiring knowledge in various branches of science according to their abilities and future rank, would be prepared to become useful servants and citizens of the state.<sup>11</sup>

The educational institution was established on the basis of the higher schools that had already been founded in 1808–11 (the school of law and administrative sciences and the school of medicine, which became the corresponding faculties) with the addition of three new schools (of mathematical and physical sciences, theology, fine sciences and arts). The structure of the University of Warsaw was close to that of the universities in the empire, which consisted of four faculties: physics and mathematics, literature (at the University of Dorpat, natural sciences and humanities were combined at the philosophical faculty), medicine, and law. However, there were two differences. The first difference was that there was no theological faculty in Russian universities (except for Dorpat University; in Vilna it was replaced by the seminary for Catholic and Uniate clergy under the university) because the training of priests was conducted in theological seminaries.<sup>12</sup> It should be noted that theological faculty was not included in earlier draft proposals for the establishment of Warsaw's main school.<sup>13</sup> Another difference was that teaching arts became part of the philological department under the influence of German and French models. Initially, it was introduced at Vilna University and then adopted by Warsaw and Krakow universities, which was relevant in the absence of Polish higher art institutions.<sup>14</sup> In

---

<sup>11</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland. Department of Education* [in Russian], vol. 6, *Higher and auxiliary educational institutions* (Warsaw: Tipografiya S. Orgel'branda, 1868), 82–83.

<sup>12</sup> A.Yu. Andreev cites the information that initially the draft charter of Moscow University compiled by M.N. Muravyov included the faculty of theology. See A.Yu. Andreev, *Moscow University in the social and cultural life of Russia in the early 19<sup>th</sup> century* [in Russian] (Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000), 54, 271.

<sup>13</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 82–85; Bartnicka, "Szkolnictwo wyższe w koncepcjach edukacyjnych Stanisława Staszica," 43–46, 49–50; A. Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831)* (Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002), 491–500.

<sup>14</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 54; J. Bieliński, *Uniwersytet Wileński (1579–1831)* (Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1899–1900), vol. 2: 220–23, 736–65; K. Bartnicka, *Polskie szkolnictwo artystyczne na przełomie XVIII i XIX wieku (1764–1831)* (Wrocław; Warsaw, Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1971), 54–80, 91–253; S. Lazutka, ed., *History of Vilnius University (1579–1979)* (Vilnius: Mokslas, 1979), 44, 55–57, 65, 88; M. Chamcówna and K. Mrozowska, *Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1765–1850*. Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego, vol. 2, pt. 1, ed. K. Opałek (Kraków: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1965), 151, 177.

Russian universities, the teaching staff included a teacher of drawing<sup>15</sup> who introduced students to the basics of the subject. Professional painters, sculptors, engravers, and architects were trained at St Petersburg Academy of Arts.

The decree guaranteed the traditional rights and privileges of universities: the right to award all academic degrees and the right to censor the works of its instructors. Of importance was also an increase of the social status of instructors who did not belong to the noble estate. Following the example of Polish King Sigismund (Zygmunt) I,<sup>16</sup> Alexander I granted them personal nobility, which became hereditary after ten years of service.<sup>17</sup> In this sense, their position did not differ very much from the status of Russian university instructors according to the charters of 1803–1804 that were connected with the Table of Ranks. A university graduate with a candidate's degree acquired the rank of the 12<sup>th</sup> grade, which gave the right to personal nobility (after 1822 it was assigned to any graduate, and young men who achieved significant success in the sciences became officials of the 10<sup>th</sup> grade on entering the service). The scientist who defended his doctoral dissertation was entitled to the rank of the 8<sup>th</sup> grade, which guaranteed his noble hereditary rights, while a master was of the 9<sup>th</sup> grade. Ordinary professors held the 7<sup>th</sup> grade, and the rector held the position of the 5<sup>th</sup> during the period of office.<sup>18</sup>

At the end of December 1816, the General Council of the main Warsaw school was established. It was headed by S. Staszic, a prominent Polish statesman, who began organizing the university and drafting its charter based on the model of the charter of the University of Krakow of 1814 that was drafted during the existence of the Duchy of Warsaw. The General Council consisted of members of the Commission of Religions and Public Education, deans, and deputy deans. In February 1817, three new faculties were opened.<sup>19</sup> On March 2, 1818, elections of the university rector were held, in which W. Szweykowski, dean of the faculty of theology, received the majority of votes. At that time, the staff of the educational

---

<sup>15</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 143, 1268, "Personnel and appendices," 12.

<sup>16</sup> It was a privilege of 1535, according to which the masters and doctors of Krakow Academy enjoyed the same rights as the szlachta, and after 20 years of teaching they received hereditary nobility in the same way as it was customary in the states of the Holy Roman Empire.

<sup>17</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 84–85; J. Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*, vol. 1 (Warsaw: [n. p.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1907), 13–14, 19–24.

<sup>18</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 40–41, 127, 257–58.

<sup>19</sup> R. Gerber, ed., *Księga protokołów Rady Ogólnej Uniwersytetu Warszawskiego 1817–1819* (Warsaw: Uniwersytet Warszawski, 1958), 5–7, 17–101, 177–78.

institution included 44 instructors. On May 14, 1818, the Church of the Holy Cross housed the grand opening of the university and the inauguration of the rector.<sup>20</sup>

On April 15, 1818, S. Potocki signed “The Temporary Internal Structure of the Royal University of Warsaw”, which was valid until the end of the existence of this educational institution with some changes introduced by the resolutions of the educational department despite the development in 1821 of the draft charter by a commission of officials of this department and members of the University Council chaired by Archbishop S. Hołowczyc, primate of the Kingdom of Poland. The leadership of the Commission of Religions and Public Education wanted to be convinced of the effectiveness of the adopted charter first, which is why it was not submitted for approval to the Emperor.<sup>21</sup> “The Temporary Internal Structure” consolidated five existing faculties within the university, but certain nuances were introduced. The faculty of mathematical and physical sciences (with mathematical, natural and philosophical departments) was now become known as the philosophical faculty. But since there was only one professor who taught philosophical disciplines at the faculty, only mathematical and natural departments functioned.<sup>22</sup>

According to the charter, professors were divided into ordinary, “accepted” (extraordinary) and “authorized” (associate professors). Ordinary professors were to hold a doctorate; they were full-time instructors and received a fixed salary. “Accepted” and “authorized” professors were to hold no less than a master’s degree. The work of the “accepted” professors was paid on the basis of temporary orders of the government Commission of Religions and Public Education, and the “authorized” instructors delivered lectures for free, or with the permission of the Commission and by agreement with the students, received payment for the classes from them.<sup>23</sup> In April 1820, there was a new division of the teaching staff into permanent and temporary (extraordinary) professors, lecturers (masters and doctors), and teachers. At the same time, the requirements for the scientific qualifications of ordinary and extraordinary professors increased: the former were to become famous “for their teaching or published works”; the latter were obliged to hold a doctorate.<sup>24</sup> Unlike the University of Warsaw, the salaries of professors and teachers of Russian higher

---

<sup>20</sup> Gerber, *Księga protokołów Rady Ogólnej Uniwersytetu Warszawskiego*, 8–11, 205–20; *Gazeta Warszawska*, May 19, 1818, Dodatek, p. 1065–68; J. Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*, vol. 3 (Warsaw: [n. p.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1912), 754–72.

<sup>21</sup> Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*, vol. 1, 27–31.

<sup>22</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 86–87; J. J. “Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830,” *Przyjaciel ludu*, 1845, r. 11, no. 45, p. 354.

<sup>23</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 98–101.

<sup>24</sup> *Ibid*, 184–85. The requirement for extraordinary professors to hold a doctoral degree was also in effect at Dorpat University. See *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 140.

educational institutions were determined on the basis of permanent tables of staff. Different universities had their own specifics in the system of teaching positions. At Moscow, Kharkov, and Kazan universities, instructors were divided into ordinary professors, extraordinary professors, adjuncts, and teachers. There were no adjuncts at Dorpat University and no extraordinary professors at Vilna University in accordance with the charter, but exceptions were made for well-known foreign scientists.<sup>25</sup> Like in Russian universities (with the exception of Dorpat<sup>26</sup>), the University of Warsaw did not officially have privat-docents, but “The Temporary Internal Structure”, the regulations of 1820, and the draft charter of 1821 stipulated for competitive classes in the same subject.<sup>27</sup> For instance, Paragraph 62 of “The Temporary Internal Structure” stated that such teachers

have the right to teach all the subjects in which they have received master’s or doctorate degrees, even if there are ordinary professors of these subjects.<sup>28</sup>

Like at the other universities of the empire, only ordinary professors enjoyed all the advantages at the University of Warsaw.<sup>29</sup> From among them, the Commission of Religions and Public Education appointed so-called deputies with the right to vote. They were the only ones who could be members of the faculty councils and candidates for the posts of deans or rector.<sup>30</sup> According to “The Temporary Internal Structure,” the rector was elected for 4 years; the dean, for 3 years.<sup>31</sup> Later it was supposed to reduce these terms to 3 years for the rector and to 2 years for deans.<sup>32</sup> In Russian universities, according to the charters of 1803–04, the rector and deans were elected for 1 year, except for Vilna University, where their term of office was 3 years.<sup>33</sup> In 1809, a three-year tenure as rector was established at Moscow University, and in 1811, in Kharkov and Kazan universities.<sup>34</sup> In the same was as it

---

<sup>25</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 54–55, 128, 264–65, 1256.

<sup>26</sup> *Ibid.*, art. 145, 1270.

<sup>27</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 106–07, 182–85; Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*, vol. 1, 43; vol. 2 (Warsaw: [n. p.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1911), 311; vol. 3, 11, 88–89, 125, 656–59; Mycielski, “Uniwersytet Królewski,” 68.

<sup>28</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 106–07.

<sup>29</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 129, 266, 271, 273.

<sup>30</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 86–87, 100–01, 112–13.

<sup>31</sup> *Ibid.*, 96–97.

<sup>32</sup> Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 41.

<sup>33</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 45–46, 129, 135, 137, 266, 270.

<sup>34</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 522–24, 634–36.



was in Russian higher educational institutions, the elected rector of the University of Warsaw was approved by the Emperor and the elected deans, by the Government Commission (Ministry).<sup>35</sup> The rector was responsible for the implementation of the curriculum and the execution of all orders of the Commission of Religions and Public Education regarding the university, the integrity of university meetings, and the expenditure of budget funds for the purposes they were intended for. The rector was considered by the authorities primarily as a government official because before 1821 he had been a member of the government Commission *ex officio* but after the reorganization of the department he lost this privilege. The deans were elected by the ordinary professors of the faculties. The deans dealt primarily with students, kept lists of students divided by years of study, and instructed them as to which lectures to attend.<sup>36</sup>

Faculty meetings were held twice a year with the participation of all instructors, but only ordinary professors had the right to vote and the rest of the teaching staff had only an advisory voice. At these meetings, classes were allotted and the timetable was set. The dean and ordinary professors appointed by the Ministry formed the faculty council that was responsible for reviewing curricula, considering internal issues, resolving disputes, and holding “court” of the students of the faculty.<sup>37</sup>

Like Russian universities, the University of Warsaw did not have a Senate typical of Western European universities. Its place was taken by the University Council, which met once a month and had executive functions. The council consisted of the rector and deans; other professors could be invited with an advisory voice. In Russian higher educational institutions, such a body was referred to as the board, but it had only economic and judicial competence.<sup>38</sup> The Council of the University of Warsaw made decisions on all educational and economic issues on which the deans and the rector could not make an independent judgment, gave final approval to the curricula and class timetable, resolved various disputes, nominated candidates for professorship to be approved by the Ministry, and prepared reports for it. Joint meetings of faculties (all or only some of them) were another university-wide collegial body that included the rector, deans, and professors with the right to vote (at least one from each faculty). These meetings, which took place at the beginning of

---

<sup>35</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 45–46, 130, 266, 270; *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 92–93.

<sup>36</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 92–97; Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 203; J.N. Janowski, *Notatki autobiograficzne 1803–1853*, foreword and commentary by M. Tyrowicz (Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1950), 71–72; W.F. Szokalski, *Wspomnienia z przeszłości*, comp. A. Wrzosek, vol. 1 (Wilno: Księgarnia Stowarzyszenia nauczycielstwa polskiego, 1921), 122.

<sup>37</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 106–09.

<sup>38</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 265.



the year, coordinated didactic issues of university-wide scale and resolved common problems.<sup>39</sup>

The University of Warsaw enjoyed less self-government than Russian higher education institutions, in which, according to the charters, a significant role was assigned to the University Council or the General Assembly where all ordinary professors had the right to vote.<sup>40</sup> Also, unlike Russian universities, the University of Warsaw did not have special judicial prerogatives regarding students and teachers<sup>41</sup> and solved issues of a purely disciplinary nature. By the time of its opening, Europe had already entered a period of reaction and the governments of different states were trying to strengthen control over the activities of universities and to limit the old university liberties. It should also be noted that despite the traditions of the Educational Commission, the University of Warsaw did not exercise control over secondary and primary education in Congress Poland.

The University of Warsaw did not have a fixed budget. Its expenses increased as the institution was growing. During the existence of the university, its budget more than doubled: from 209,744 zloty per year (122,032.9 assignation roubles) in 1817 to 491,505 zloty (274,795.9 assignation roubles) in 1830.<sup>42</sup> Like Vilna University, it was supported by the income from the former property of the Jesuits. The budget of the University of Warsaw significantly exceeded the budgets of Moscow, Kharkov and Kazan universities of 130,000 roubles,<sup>43</sup> which, despite depreciation of paper money more than thrice after 1803, remained unchanged until the adoption of the new charter in 1835. In this respect, the positions of Dorpat University and especially of Vilna University were most privileged: maintenance costs of Dorpat University were increased from 140,500 assignation roubles to 337,710 roubles in 1817;<sup>44</sup> the

---

<sup>39</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 108–13; Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 243.

<sup>40</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 46–47, 129–33, 273–74, 278–79.

<sup>41</sup> *Ibid.*, art. 39, 125–26, 134–35, 159–69, 256, 293–96.

<sup>42</sup> In the period under review, 1 rouble in silver was equal to 6.6 Polish zlotys. In the early 19<sup>th</sup> century, the exchange rate of the assignation rouble, which was used to determine the budget of Russian universities, decreased more than 3 times, although it somewhat strengthened after 1815. In 1803–04, the silver rouble was equal to 125–126 assignation banknote kopecks; in 1817, to 384 kopecks; in 1830, to 369 kopecks. See E.I. Lamanskii, “A historical essay on monetary circulation in Russia from 1650 to 1817” [in Russian], in *Collection of statistical information about Russia, published by the Statistical Department of the Imperial Russian Geographical Society* (St Petersburg: Tipografiya imperatorskoi Akademii nauk, 1854), bk. 2, 151; P. Storkh, “Materials on the history of state banknotes in Russia from 1653 to 1840,” *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, pt. 137 (1868): 822–23.

<sup>43</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 32, 259.

<sup>44</sup> *Ibid.*, art. 7, 388; E.V. Petukhov, *Imperial Yuryevsky University, formerly Dorpat University in a hundred years of its existence (1802–1902): a historical essay* [in Russian], vol. 1, *First and*

budget of Vilna University amounted to 105,000 roubles in silver,<sup>45</sup> and in 1817–30 it fluctuated between the amount of 403,200 and 387,450 assignation roubles. The University of Warsaw had its own source of income from student tuition fees and that fund increased from 7,500 zloty in 1817 to 41,450 zloty in 1830. This money was primarily used to maintain the university's scientific collections and classrooms. It was used to pay for heating and lighting of classrooms, additions to salaries, and other small expenses.<sup>46</sup> There was a significant imbalance between the salaries of Polish and Russian professors associated with the depreciation of paper money. At Moscow, Kharkov and Kazan universities, an ordinary professor earned 2,000 assignation roubles per year.<sup>47</sup> The average salary of a professor at the University of Warsaw was estimated at 6,000 zloty per year (3,490.9 – 3,354. assignation roubles) based on the usual academic load, 6 hours of lectures a week. On the other hand, the salary of Warsaw professors was noticeably smaller than the amounts paid to their colleagues from Vilna University and Dorpat University. The former often combined teaching the main course with a supplementary one and had a 50% increment (1,920 – 1,845 assignation roubles) to 1,000 roubles in silver (3,840 – 3,690 assignation roubles); the latter received 5,500 assignation roubles<sup>48</sup> according to the new table of staff of 1817. Additional remuneration was provided to persons responsible for large scientific collections as well as to the directors of the Botanical Gardens and the Astronomical Observatory. In addition to the usual salary of a professor, the rector received 12,000 zloty (6,981.8 – 6,709.1 assignation roubles). The deans were entitled to an increment of 2,000 zloty (1,163.6 – 1,118.2 assignation roubles), and the dean of the faculty of medicine with greater workload, 3,000 zloty (1,745.45 – 1,677.25 assignation roubles)<sup>49</sup>. At Moscow, Kharkov, and Kazan universities, these increments were much more modest: the rector was paid 600 roubles and the deans, 300 roubles.<sup>50</sup>

The university was located in the Kazimierz Palace and adjacent buildings. During the times of Stanisław August, Nobles' Academy of the Corps of Cadets was

---

*second periods (1802–1865)* (Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1902), 192, 313, 321–22; K. Siilivask, ed., *History of the University of Tartu* [in Russian] (Tallinn: Periodika, 1982), 70–74.

<sup>45</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 41.

<sup>46</sup> Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 350–51, 370–71; Mycielski, “Uniwersytet Królewski,” 72.

<sup>47</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 31.

<sup>48</sup> *Ibid.*, art. 44, 56; Petukhov, *Imperial Yuryevsky, formerly Dorpat University*, vol. 1, 322; Siilivask, *History of the University of Tartu*, 74.

<sup>49</sup> Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 331–32, 342–49, 352–65; Mycielski, “Uniwersytet Królewski,” 66–67.

<sup>50</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 31. The rector of Vilna University received 1,200 roubles in silver, and the rector of Dorpat University, 1000 assignation roubles according to the charter of 1820. *Ibid.*, Personnel and appendices, 2, 36.

located there. Later, the building of the faculty of fine arts and sciences and buildings designed for physical and mineralogical were erected.<sup>51</sup>



The University of Warsaw. Lithograph by J.F. Piwarski, 1824

The instruction was in Polish, with the exception of almost all theological and philological disciplines, individual subjects from the field of medicine and Roman law that were taught in Latin. Initially, the duration of study at the University of Warsaw, as well as at other universities of the Empire, was 3 years for students of all faculties except for medical faculty where it lasted 4 years.<sup>52</sup> Subsequently, the course of sciences at some faculties and departments was increased by one year. It lasted 5 years at the faculty of medicine; 4 years at the faculty of theology; 4 years for those who wanted to complete a full course of law as well as administrative sciences; and 4 years for future painters, sculptors, and engravers.<sup>53</sup> At the university there was also a teacher's seminary, which trained teachers for voivodeship and district schools.<sup>54</sup> In Russian universities, the same functions were performed by pedagogical institutes. In 1821, a music conservatory was established at the faculty of fine arts

---

<sup>51</sup> J. Miziołek, "Zarys dziejów Uniwersytetu Warszawskiego," in *Kultura artystyczna Uniwersytetu Warszawskiego. Ars et educatio*, ed. J. Miziołek (Warsaw: Uniwersytet Warszawski, 2003), 33–34; Mycielski, "Uniwersytet Królewski," 62–63.

<sup>52</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 90–91.

<sup>53</sup> *Ibid.*, 208–09; J. J. "Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830," *Przyjaciel ludu*, 1845, r. 11, no. 45, p. 353–54; Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 39; vol. 2, 31–35; vol. 3, 319.

<sup>54</sup> Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 710.



and sciences, which was transformed into an independent educational institution in 1826.<sup>55</sup>

Like in Russian universities,<sup>56</sup> in order to be enrolled in the University of Warsaw, it was required to provide a school certificate, i.e. a certificate of completion of the 6<sup>th</sup> grade of the voivodeship school. Young men who studied at home or abroad received that document after a preliminary exam at the nearest secondary educational institution, and later the entrance exam was held at the university. To study certain disciplines, it was enough to have an incomplete secondary education, i.e. to finish the 4<sup>th</sup> grade of a voivodeship school or a full course of a district school. Such rules applied to the persons who wanted to study arts (except for future architects) as well as to mid-level medics: future surgeons of the 2<sup>nd</sup> grade (since 1821), pharmacists, oculists, obstetricians, and dentists who took a shortened two- or three-year course.<sup>57</sup> In addition, in order to attract students, simplified admission rules were temporarily introduced at the theological faculty.<sup>58</sup>

Students paid tuition fees of 100 zloty per year (about 57.6 – 55.35 assignation roubles). The following categories were exempted from tuition fees: sons of professors, teachers, and officials employed in the field of education; young men who were preparing to become teachers; persons who had a certificate of poverty; a number of other categories.<sup>59</sup> In Russian universities (except for Dorpat University),<sup>60</sup> initially education was free of charge, only the study of foreign languages and “fine subjects” such as dancing, drawing, music, fencing, gymnastics were paid for (30 assignation roubles were charged per year). In 1820, the annual tuition fee of 20 roubles 57 kopecks was introduced.<sup>61</sup>

---

<sup>55</sup> Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 760–65.

<sup>56</sup> At Moscow, Kharkov, and Kazan universities, for admission it was required to submit a certificate of status as well as the certificate of knowledge, behavior and diligence issued by the gymnasium headmaster, or to pass an exam in front of the persons appointed by the rector. See *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 286. An entrance examination was held at Vilna University and Dorpat University. *Ibid*, art. 56, 108.

<sup>57</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 120–23, 148–49, 210–13, 232–33.

<sup>58</sup> Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 2, 24.

<sup>59</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 116–19, 162–63, 234–35.

<sup>60</sup> At Dorpat University, students paid 10 assignation roubles for one semi-annual course of 3–4 hours a week and up to 15 roubles if the professor increased the number of lectures. Poor students were exempted from payment. *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 144, 1269.

<sup>61</sup> *Ibid*, art. 56, 288; E.A. Vishlenkova, S.Yu. Malysheva, and A.A. Sal’nikova, *Terra Universitatis: Two centuries of university culture in Kazan* [in Russian] (Kazan: Izdatel’stvo Kazanskogo universiteta, 2005), 264.

By 1826, the number of students at the University of Warsaw had more than tripled from 209 in the 1817/18 academic year to 714. The following year, due to the introduction of an additional examination for applicants to the Society for the compilation of textbooks and the opening of the Preparatory School of Polytechnic Institute (where some graduates of Polish educational institutions went) the number of students decreased by more than 100 persons, but in 1829 it amounted to 773 persons, and in 1830 it reached 903 persons.<sup>62</sup> In terms of the number of students, the University of Warsaw was ahead of other Russian universities, with the exception of Vilna University, which was the leader in this respect (with 1,321 students in 1830).<sup>63</sup> The faculty of legal and administrative sciences, where more than half of the students studied, was most popular among Polish youth. 50–55% of them were noblemen; 40%, petty bourgeoisie; about 5% represented other social groups including peasants. The latter mainly chose the faculties of philosophy or fine arts and sciences. Bourgeois preferred the faculty of medicine, and noblemen, like in Russia, entered the faculty of law.<sup>64</sup>

Like other universities, the University of Warsaw awarded master's and doctorate degrees. Obtaining the former was seen by the government sphere as proof that its holder was "capable of public service."<sup>65</sup> In order to take post of the 1<sup>st</sup> grade in the state administration, candidates had to complete a two-year internship and to pass exams at the Higher Examination Commission chaired by the Minister of Education, which included representatives of the faculties of law and medicine of the university.<sup>66</sup> In Russia, the requirement to obtain higher education was imposed on

---

<sup>62</sup> Wawrykowa, "Uniwersytet Warszawski," 166–67; cf. *Posiedzenie publiczne Królewsko-Warszawskiego Uniwersytetu, na pamiątkę założenia jego, przy rozpoczęciu nowego kursu nauk, odbyte 16 września 1826 roku* (Warsaw: Drukarnia szkolna, [1826]), 5; *Posiedzenie publiczne Królewskiego Uniwersytetu, na pamiątkę założenia jego, przy rozpoczęciu nowego kursu nauk, odbyte 16 września 1829 roku* (Warsaw: Drukarnia J. Węckiego, [1829]), 16–17; *Raport Komisji Rządowej Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego na styczniowe roku 1831 posiedzenia sejmowe wygotowany* (Warsaw: [n. p.], 1831), 4.

<sup>63</sup> Lazutka, *History of Vilnius University*, 89. According to the information provided by F.A. Petrov, in 1831 Moscow University had 814 students; St Petersburg University, 236; Kazan University, 146; Kharkov University, 313; Dorpat University, 592. See F.A. Petrov, *Formation of the system of university education in Russia* [in Russian], vol. 4, pt. 2, *Russian universities and people in the 1840s* (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2003), 373.

<sup>64</sup> Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 512; F.A. Petrov, *Formation of the system of university education in Russia* [in Russian], vol. 2, *Formation of the system of university education in the first decades of the 19<sup>th</sup> century* (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2002), 368.

<sup>65</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 136–37.

<sup>66</sup> *Ibid*, 138–39; *Dziennik praw Królestwa Polskiego* [Warsaw, 1816.], vol. 2, no. 10, 226, 228–29, 231–34, 236–42, 245–46, 248–50; On the activities of the Higher Examination Commission, see A. Winiarz, "Organizacja i działalność komisji egzaminacyjnych w Księstwie Warszawskim i



officials applying for the posts of collegiate assessors and state councilors and tests to verify their knowledge were held at the universities.<sup>67</sup>

Students were awarded master's degree as a result of written and oral (public) examinations in all compulsory subjects for a full course of study in the presence of all faculty professors. To obtain doctorate, a master had to complete a two-year internship in the chosen specialty (one-year for physicians from 1821) and to present their scientific or practical work. In addition, the public presentation was preceded by an examination.<sup>68</sup> Few doctoral dissertations were presented because this degree gave little in the further professional career. In Russian universities, the procedure for obtaining academic degrees was not initially defined, which sometimes allowed an applicant to become a doctor of sciences without holding a master's degree. In accordance with the Regulation of 1819, a more complex system of awarding academic degrees than in foreign universities was established in Russia. This was largely due to the presence of the title of candidate, an additional step between the ranks of a valid student (who graduated from a university) and a master. A graduate who did not receive a candidate's degree at the final exams was admitted to the relevant tests a year later. A candidate could only start master's exams after 2 years, and a master was allowed to take doctoral exams after 3 years.<sup>69</sup>

During the existence of the University of Warsaw, there were 6,533 attendees at the lectures, including 3,911 students. The master's degree was awarded to 893 graduates of the university: 36 people at the faculty of theology; 659 at the faculty of legal and administrative sciences; 69 at the faculty of medicine (in addition, there were 30 licentiates, 33 surgeons of the 1<sup>st</sup> and 2<sup>nd</sup> degrees and 165 pharmacists); 78 at the faculty of philosophy; 51 at the faculty of fine sciences and arts. 13 graduates presented their doctoral dissertations, of them 2 at the faculty of legal and administrative sciences; 5 at the faculty of medicine; 6 at the faculty of philosophy.<sup>70</sup>

Among the well-known lecturers of the University, the following persons can be pointed out: dean of the faculty of legal and administrative sciences J. Bandtkie, W. Maciejowski, R. Hube (who graduated from the University of Warsaw in 1821),

---

Królestwie Polskim (1807–1831),” *Przegląd Historyczno-Oświatowy*, vol. 29, no. 4 (1986): 453–55, 458.

<sup>67</sup> *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 510–17.

<sup>68</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 130–49, 210–11.

<sup>69</sup> Petrov, *Formation of the system of university education in Russia*, vol. 2, 322, 482; *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 1138–39.

<sup>70</sup> Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 515; J. J., “Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830,” *Przyjaciel ludu*, 1845, r. 11, no. 46, p. 364.

and F. Skarbek, a scientist and writer who taught political economy at the same faculty; at the faculty of fine arts and sciences, dean F. Bentkowski who taught general history and theory of historical science, historian J. Lelewel, who taught an additional course of general history and bibliography in 1820–21, poet K. Brodziński, a professor of Polish literature; in the medical faculty, J.B. Miele, who made a number of discoveries in the field of ophthalmology, physiology, surgery, gynecology<sup>71</sup>.

The transition of Alexander I from liberal to a conservative political course was reflected in the general policy of the empire in the field of education, in particular in relation to universities. The events in Germany that contributed to that were the Wartburg Festival of 1817 and the murder of reactionary playwright A. Kotzebue by student K. Sand in 1819. Distrust of German universities, shared by the governments of German states, was transferred by the Russian cabinet to domestic higher education institutions that were established mainly on German models. The idea of reducing the number of universities was expressed in the ruling spheres as early as in 1817. That idea was rejected, but certain measures were taken to limit the autonomy of Russian universities. Dorpat and Moscow universities suffered less than others, but mass dismissal of professors took place at Kazan and St Petersburg universities. Some of the professors were forcibly suspended from teaching because of the “ill-intentioned” contents of their courses; others, who did not agree with the new rules, resigned. Teaching philosophy and natural law at higher educational institutions was limited; lecture notes of all instructors were approved by the minister of education. In many universities, the election of the rector was suspended; he was appointed to his position by a trustee. Teaching of theology was introduced, and control became stronger not only over scholarship students but also over the students who paid tuition fee, especially over their attendance at church on Sundays and holidays, wearing uniforms, and reading appropriate books.<sup>72</sup>

---

<sup>71</sup> Michalski, “Warunki rozwoju nauki polskiej w latach 1795–1862,” 18, 33–34, 36–37, 39–44, 48–49.

<sup>72</sup> Petukhov, *Imperial Yuryevsky, formerly Dorpat University*, vol. 1, 336–39; N.P. Zagoskin, *History of the Imperial Kazan University for the first hundred years of its existence, 1804–1904* [in Russian], vol. 3 (Kazan: Tipolitografiya imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1903), 253–41; V.V. Grigor'ev, *Imperial St Petersburg University during the first fifty years of its existence. A historical note* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 1870), 33–44; V.V. Mavrodin, ed., *History of Leningrad University. 1819–1969: essays* [in Russian] (Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1969), 16, 27–37; Yu.D. Margolis and G.A. Tishkin, ‘*By inspiration alone*’: *essays on the history of university education in St Petersburg in the late 18<sup>th</sup> – first half of the 19<sup>th</sup> centuries* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 2000), 121–23, 127–75; D.I. Bagalei, *Experience in the history of Kharkov University (based on unpublished materials)* [in Russian], vol. 2, (from 1815 to 1835) (Khar'kov: Parovaya tipografiya i litografiya M. Zil'berberg i synov'ya, 1904), 8–30, 52–53, 68–69, 81, 152–53, 164–67,

The general imperial tendencies could not but affect the policy of the authorities of the Congress Kingdom of Poland. In December 1820, the liberal minister S. Potocki resigned and was succeeded by conservative S. Grabowski. From that time, the influence of Senator N. Novosiltsev, the imperial commissar at the government of Congress Poland, increased. The Commission of Religions and Education was replaced by the Directorate of Public Education headed by J. Szaniawski, a former Jacobin and a prominent neo-Kantian philosopher who then switched to extremely conservative positions. In December 1821, the Education Reform Committee was established under the leadership of Novosiltsev. It included Grabowski, Szaniawski, and others. The most important project prepared by the Committee in May 1822 was the establishment of education police or the so-called General Curatorium of Educational Institutions based on Austrian models at the request of Alexander I.<sup>73</sup>

This institution was headed by the curator general, who was the chief to the curators of schools and inspector general of the university. In addition to supervising students, inspector general together with faculty inspectors had to monitor the work of professors and he finances of the educational institution. Due to the negative attitude of the viceroy, Prince J. Zajączek, and a number of higher Polish state dignitaries towards the project, it was approved by the emperor only in June 1823. Senator Castellan D. Oebchelwitz became curator general, and the former dean of the faculty of philosophy A. Zubelewicz became inspector general. Measures similar to those adopted in the Congress Kingdom of Poland were introduced in the Republic of Krakow in 1826, since Novosiltsev was one of the honorary trustees of the Jagiellonian University and had a noticeable influence on education issues.<sup>74</sup>

In accordance with the new rules, it was no longer possible to enter a university, move from course to course, and to get a master's or a doctorate degree without a certificate of good behavior.<sup>75</sup> In order for young people to understand philosophy

---

180–83, 192–193; Bieliński, *Uniwersytet Wileński*, vol. 1, 393–408, 423–24, vol. 3, 545–46, 549–50; Lazutka, *History of Vilnius University*, 67; A.E. Ivanov, “Vilna University of the Russian Imperial period (1803–1831): a view from the East” [in Russian], in *Higher school of the Russian Empire, 18<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century: selected articles* (Moscow: Printsipium, 2019), 569–72; M.N. Tikhomirov, ed., *History of Moscow University* [in Russian], vol. 1 (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1955), 100–01; Petrov, *Formation of the system of university education in Russia*, vol. 2, 471–550.

<sup>73</sup> A. Winiarz, “Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego (1823–1830),” in *Stan i potrzeby badań nad oświatą i wychowaniem w Królestwie Polskim w latach 1815–1915*, ed. R. Kucha and K. Poznański (Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1989), 33–36; Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 40–43.

<sup>74</sup> Chamcówna and Mrozowska, *Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego*, 148, 159–63.

<sup>75</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 220–25.

and natural law less, the authorities decided to teach these disciplines in Latin. Scripture lessons were introduced for students of all faculties and the time of public worship on holidays was established. Wearing uniforms was mandatory even outside of classes. Students could not change their apartment or leave Warsaw without the permission of the inspector general. The permission was also necessary for visiting the theatre and all kinds of spectacles. It was forbidden to attend dance parties, masquerades, meetings, public balls and dinners, to visit hotels, inns, drinking establishments, billiard halls, etc. However, measures to control students proved ineffective, as young people came up with different ways to evade them. The activity of professors was also in the sphere of attention of the Curatorium. In particular, tardiness and premature ending of lectures were recorded; too slow or too fast speech, discussion of government orders, examples that could “offend worthy persons” were not encouraged.<sup>76</sup>

Simultaneously with the formation of the Curatorium, proposals were drafted in order to limit the university’s self-government, to divide the university into separate schools (medical school, the school of legal and administrative sciences, the Academy of Fine Arts) and to transfer them from Warsaw to the province (Lublin, Łowicz, and other places).<sup>77</sup> In 1829, Szaniawski wrote in a government report:

The location of the Main School in the capital is getting detrimental to the greater thoroughness of sciences, to the interest of morality and customs and to the very important interests of the government.<sup>78</sup>

Plans for the division of the university were carried out gradually. In 1823, the faculty of theology was practically liquidated because the Main Seminary in subordination to the Archbishop of Warsaw was established to train Catholic priests. The teachers’ seminary that operated at the university was abolished and the Pedagogical Institute, independent of the university, was founded. In 1826, the elections of the rector at the University of Warsaw were suspended. The authorities had to abandon further steps directed against the university when the positions of Novosiltsev and his associates Grabowski and Szaniawski began to weaken under Nicholas I. In 1830, the position of the university was strengthened as a result of

---

<sup>76</sup> *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 240–45; Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 16–17, 98, 146–76, 182; Winiarz, “Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego,” 36–45; Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 40–44.

<sup>77</sup> Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 196, 199–200; A. Kraushar, *Raptularz notatek o Uniwersytecie Królewskim w Warszawie 1816–1831 (z rękopisu)* (Warsaw: Nakładem „Przeglądu Historycznego”, 1911), 19.

<sup>78</sup> Cited in Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 514.



granting it a new name of Alexander Royal University (at the request of the university's authorities), which was supposed to emphasize the historical continuity and the intention of the new monarch to preserve the work of his predecessor. At the same time, Szaniawski's influence on educational policy in the Kingdom of Poland diminished as a result of the appointment of J. Fredro as curator general and deputy minister for public education.<sup>79</sup> He was the elder brother of the famous comedy playwright A. Fredro and was also known for his own literary works.

However, this did not change the situation much. In November 1830, an uprising broke out in Warsaw. Along with the officers from the military academy, young writers and university students participated in the preparation of the uprising. After its suppression, the university was closed on November 21, 1831, and most of the books from the library and the collections of the engravings were taken to St Petersburg in 1834.<sup>80</sup> The university was restored only in 1862, on the eve of a new uprising, under the name of Warsaw Main School. In 1867, it was included into the eponymous educational district of the empire, and in 1869 it was transformed into the Imperial University of Warsaw, an educational institution with Russian as the language of teaching. During the First World War, in the summer of 1915, due to the retreat of the Russian troops, the University Warsaw, whose teachers and students were mostly Russian, was evacuated to Moscow, and then to Rostov-on-Don. Don University, later Rostov State University, was founded on its basis in 1917. In November 1915, with the permission of the German authorities, the Polish university was reopened in Warsaw. After Poland gained independence, it has successfully developed and exists at present.

## Conclusion

Comparing the principles of functioning of the University of Warsaw and other universities of the Russian Empire in the first third of the 19<sup>th</sup> century, it should be noted that they had a lot in common, being based on the models of teaching at higher schools in Germany and partly in France. The regulations governing the work of the University of Warsaw, in some points, were brought close to Russian charters. The differences in the Polish and Russian university systems were caused by national features, the traditions of Polish higher educational institutions, greater degree of borrowing European experience by the Poles, and finally, by the later time of its

---

<sup>79</sup> T. Lipiński, *Zapiski z lat 1825–1832* (Kraków: Drukarnia A. Kozłiańskiego, 1883), 39, 181; Kraushar, *Raptularz notatek o Uniwersytecie Królewskim w Warszawie*, 19; Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 24–26, 200, 204–05, 214, 703–05, 707–15; vol. 3, 825, 842–43; Winiarz, “Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego,” 46–47; Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 50–51, 340–44.

<sup>80</sup> Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 515.



foundation. Like European universities, the University of Warsaw had a theological faculty; following the example of Vilna University, it also taught artistic disciplines. In terms of the level of education, it was not inferior to many Russian universities. Like other universities of the empire, the University of Warsaw was aimed primarily at training government officials. At the same time, it was a center of comprehensive instruction for Polish youth. Among its alumni were famous scientists, poets, writers, doctors, artists who played a prominent role in Polish scientific, literary and cultural life of the subsequent period.

### Список литературы

*Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. Москва: Языки русской культуры, 2000. 310 с.

*Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. Москва: Знак, 2009. 640 с.

*Багалец Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): в 2 т. Т. 2 (с 1815 по 1835 год). Харьков: Паровая типография и литография М. Зильберберг и сыновья, 1904. 1136 с.

*Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Издательство Казанского университета, 2005. 498 с.

*Григорьев В.В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и комп., 1870. 679 с.

*Есипов В.В.* Материалы к истории императорского Варшавского университета. Биографические очерки: 2 вып. Вып. II. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1915. 53 с.

*Жарова Е.Ю.* Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268–290. DOI: 10.17323/1814-9545-2011-4-268-290

*Загоскин Н.П.* История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904: в 4 т. Т. 3. Казань: Типолитография императорского Казанского университета, 1903. 594 с.

*Иванов А.Е.* Виленский университет Российско-имперского периода (1803–1831): взгляд с Востока // Иванов А.Е. Высшая школа Российской империи XVIII – начала XX века: избранные статьи. Москва: Принципиум, 2019. С. 559–573.

История Вильнюсского университета (1579–1979) / ответственный редактор С. Лазутка. Вильнюс: Мокслас, 1979. 373 с.

История Ленинградского университета. 1819–1969: очерки / ответственный редактор В.В. Мавродин. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1969. 663 с.

История Московского университета: в 2 т. Т. 1 / ответственный редактор М.Н. Тихомиров. Москва: Издательство Московского университета, 1955. 563 с.

История Тартуского университета, 1632–1982 / под редакцией К. Сийливаска. Таллин: Периодика, 1982. 279 с.

*Каштанова О.С.* Развитие просвещения и культуры в Королевстве Польском (1815–1830) // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / ответственный редактор С.М. Фалькович. Москва: Индрик, 2010. С. 429–468.

*Краковский К.П.* Нить времени: в 2 ч. Часть 2. История юридического факультета Варшавского – Донского – Ростовского университета: в 2 т. Т. 1. 1808–1924 гг. Ростов-на-Дону: Юг, 2005. 388 с.

*Крамская С.В., Шлык С.В.* Исторический путь: от Варшавского университета до Ростовского государственного медицинского университета // Южно-Российский журнал терапевтической практики. 2020. № 1 (2). С. 10–21.

*Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* «Единым вдохновением»: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX вв. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 2000. 228 с.

*Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. Москва: Издательство Московского университета, 2002. 416 с.; Т. 2. Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX в. Москва: Издательство Московского университета, 2002. 816 с.; Т. 4: в 2 ч. Часть 2. Российские университеты и люди 1840-х годов. Москва: Издательство Московского университета, 2003. 464 с.

*Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): исторический очерк: в 2 т. Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев: Типография К. Маттисена, 1902. 620 с.

*Щелков И.П.* Очерк истории высших учебных заведений в Варшаве до открытия императорского Варшавского университета // Варшавские университетские известия. 1893. Т. VIII. С. 1–32.

*Bartnicka K.* Polskie szkolnictwo artystyczne na przełomie XVIII i XIX wieku (1764–1831). Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1971. 281 s.

*Bartnicka K.* Szkolnictwo wyższe w koncepcjach edukacyjnych Stanisława Staszica // Rozprawy z Dziejów Oświaty. 2006. Т. XLV. S. 35–61.

*Barycz H.* Zagadnienie uniwersyteckie w epoce Oświecenia // Pamiętnik VII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich we Wrocławiu 19–22 września 1948: 2 t. Т. II. Z. 1. Warszawa: Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1948. S. 83–91.

*Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831): 3 t. Warszawa: [s. n.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1907–1912. Т. I. 1907. 767 s.; Т. II. 1911. 755 s.; Т. III. 1912. 877 s.

*Bieliński J.* Uniwersytet Wileński (1579–1831): 3 t. Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1899–1900. Т. I. 485 s.; Т. II. 845 s.; Т. III. 734 s.

*Chamcówna M., Mrozowska K.* Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1765–1850 / Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego. Т. II. Cz. 1: praca zbiorowa pod redakcją K. Opałka. Kraków: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1965. 260 s.

*Leśnodorski B.* Uniwersytety w epoce Oświecenia // Kwartalnik Historyczny. 1964. Т. LXXI. Z. 4. S. 893–911.

*Michalski J.* Warunki rozwoju nauki polskiej w latach 1795–1862 // Historia nauki polskiej: 10 t. Т. III. 1795–1862 / redaktor tomu J. Michalski. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1977. S. 3–353.

*Miziołek J.* The University of Warsaw: history and traditions / translation K. Michałowicz and J. Miziołek. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. 432 p.

Miziołek J. *Uniwersytet Warszawski: dzieje i tradycja*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005. 324 s.

Miziołek J. *Zarys dziejów Uniwersytetu Warszawskiego // Kultura artystyczna Uniwersytetu Warszawskiego. Ars et educatio / redakcja naukowa i koncepcja tomu J. Miziołek*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2003. S. 15–80.

Mycielski M. *Uniwersytet Królewski, 1816–1831 // Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915 / redaktor naukowy T. Kizwalter*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. S. 53–361.

Wawrykowa M. *Uniwersytet Warszawski w latach 1816–1831 // Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego, 1807–1915 / pod redakcją S. Kieniewicza*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1981. S. 60–200.

Winiarz A. *Organizacja i działalność komisji egzaminacyjnych w Księstwie Warszawskim i Królestwie Polskim (1807–1831) // Przegląd Historyczno-Oświatowy*. 1986. T. XXIX. Z. 4. S. 445–459.

Winiarz A. *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831)*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 586 s.

Winiarz A. *Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego (1823–1830) // Stan i potrzeby badań nad oświatą i wychowaniem w Królestwie Polskim w latach 1815–1915 / pod redakcją R. Kuchy i K. Poznańskiego*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1989. S. 33–50.

## References

Andreev, A.Yu. *Moskovskii universitet v obshchestvennoi i kul'turnoi zhizni Rossii nachala XIX veka* [Moscow University in the social and cultural life of Russia in the early 19<sup>th</sup> century]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. (In Russian)

Andreev, A.Yu. *Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy* [Russian universities of the 18<sup>th</sup> – first half of the 19<sup>th</sup> centuries in the context of European university history]. Moscow: Znak, 2009. (In Russian)

Bagalei, D.I. *Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta (po neizdannym materialam)* [Experience in the history of Kharkov University (based on unpublished materials)]. 2 vols. Vol. 2, (*s 1815 po 1835 god*) [(from 1815 to 1835)]. Khar'kov: Parovaya tipografiya i litografiya M. Zil'berberg i synov'ya, 1904. (In Russian)

Bartnicka, K. “Szkolnictwo wyższe w koncepcjach edukacyjnych Stanisława Staszica.” *Rozprawy z Dziejów Oświaty*, vol. 45 (2006): 35–61.

Bartnicka, K. *Polskie szkolnictwo artystyczne na przełomie XVIII i XIX wieku (1764–1831)*. Wrocław; Warsaw; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1971.

Barycz, H. “Zagadnienie uniwersyteckie w epoce Oświecenia.” In *Pamiętnik VII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich we Wrocławiu 19–22 września 1948*. 2 vols. Vol. 2, pt. 1, 83–91. Warsaw: Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1948. (In Polish)

Bieliński, J. *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*. 3 t. Warsaw: [n. p.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1907–1912. Vol. 1, 1907; Vol. 2, 1911; Vol. 3, 1912.

Bieliński, J. *Uniwersytet Wileński (1579–1831)*. 3 vols. Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1899–1900.

Chamcówna, M., and K. Mrozowska. *Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1765–1850*. *Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego*, vol. 2, pt. 1, edited by K. Opalek. Kraków: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1965.

Esipov, V.V. *Materialy k istorii imperatorskogo Varshavskogo universiteta. Biograficheskie ocherki: 2 vyp.* [Materials on the history of the Imperial University of Warsaw. Biographical sketches: 2 issues]. Issue 2. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1915. (In Russian)

Grigor'ev, V.V. *Imperatorskii S.-Peterburgskii universitet v techenie pervykh pyatidesyati let ego sushchestvovaniya. Istoricheskaya zapiska* [Imperial St Petersburg University during the first fifty years of its existence. A historical note]. St Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 1870. (In Russian)

Ivanov, A.E. “Vilenskii universitet Rossiisko-imperskogo perioda (1803–1831): vzglyad s Vostoka” [Vilna University of the Russian Imperial period (1803–1831): a view from the East]. In *Vysshaya shkola Rossiiskoi imperii XVIII – nachala XX veka: izbrannye stat'i* [Higher school of the Russian Empire, 18<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century: selected articles], 559–573. Moscow: Printsipium, 2019. (In Russian)

Kashtanova, O.S. “Razvitie prosveshcheniya i kul'tury v Korolevstve Pol'skom (1815–1830)” [Development of education and culture in the Congress Kingdom of Poland (1815–1830)]. In *Pol'sha i Rossiya v pervoi treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830* [Poland and Russia in the first third of the 19<sup>th</sup> century. From the history of the Congress Kingdom of Poland. 1815–1830], edited by S.M. Fal'kovich, 429–68. Moscow: Indrik, 2010. (In Russian)

Krakovskii, K.P. *Nit' vremeni: v 2 ch. Chast' 2. Istoriya yuridicheskogo fakul'teta Varshavskogo – Donskogo – Rostovskogo universiteta* [The thread of time: in 2 parts. Part 2. History of the Faculty of Law of the Warsaw – Don – Rostov University]. 2 vols. Vol. 1, 1808–1924 gg. [1808–1924]. Rostov-on-Don: Yug, 2005. (In Russian)

Kramskaya, S.V., and S.V. Shlyk. “Istoricheskii put': ot Varshavskogo universiteta do Rostovskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta” [Historical path: from Warsaw University to Rostov State Medical University]. *Yuzhno-Rossiiskii zhurnal terapevticheskoi praktiki*, no. 1 (2) (2020): 10–21. (In Russian)

Lazutka, S., ed. *Istoriya Vil'nyusskogo universiteta (1579–1979)* [History of Vilnius University (1579–1979)]. Vilnius: Mokslas, 1979. (In Russian)

Leśnodorski, B. “Uniwersytety w epoce Oświecenia.” *Kwartalnik Historyczny*, vol. 71, no. 4. (1964): 893–911.

Margolis, Yu.D., and G.A. Tishkin. “*Edinym vdokhnoveniem*”: ocherki istorii universitetskogo obrazovaniya v Peterburge v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vv. [‘By inspiration alone’: essays on the history of university education in St Petersburg in the late 18<sup>th</sup> – first half of the 19<sup>th</sup> centuries]. St Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 2000. (In Russian)

Mavrodin, V.V., ed. *Istoriya Leningradskogo universiteta. 1819–1969: ocherki* [History of Leningrad University. 1819–1969: essays]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1969. (In Russian)

Michalski, J. “Warunki rozwoju nauki polskiej w latach 1795–1862.” In *Historia nauki polskiej*. 10 vols., vol. 3, 1795–1862, edited by J. Michalski, 3–353. Wrocław; Warszaw; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1977.

Miziołek, J. “Zarys dziejów Uniwersytetu Warszawskiego.” In *Kultura artystyczna Uniwersytetu Warszawskiego. Ars et educatio*, edited by J. Miziołek, 15–80. Warsaw: Uniwersytet Warszawski, 2003.

Miziołek, J. *The University of Warsaw: history and traditions*, translated by K. Michałowicz and J. Miziołek. Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2017.



Miziołek, J. *Uniwersytet Warszawski: dzieje i tradycja*. Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005.

Mycielski, M. “Uniwersytet Królewski, 1816–1831.” In *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915*, edited by T. Kizwalter, 53–361. Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016.

Petrov, F.A. *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii* [Formation of the system of university education in Russia]. 4 vols. Vol.1, *Rossiiskie universitety i Ustav 1804 goda* [Russian universities and the Charter of 1804]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2002. Vol. 2, *Stanovlenie sistemy universitetskogo obrazovaniya v pervye desyatiletia XIX v.* [Formation of university education system in the first decades of the 19<sup>th</sup> century]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2002. Vol. 4, pt. 2, *Rossiiskie universitety i lyudi 1840-kh godov* [Russian universities and people in the 1840s]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2003. (In Russian)

Petukhov, E.V. *Imperatorskii Yur'evskii, byvshii Derptskii, universitet za sto let ego sushchestvovaniya (1802–1902): istoricheskii ocherk* [Imperial Yuryevsky University, formerly Dorpat University in a hundred years of its existence (1802–1902): a historical essay]. 2 vols. Vol. 1, *Pervyi i vtoroi periody (1802–1865)* [First and second periods (1802–1865)]. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1902. (In Russian)

Shchelkov, I.P. “Ocherk istorii vysshikh uchebnykh zavedenii v Varshave do otkrytiya imperatorskogo Varshavskogo universiteta” [An essay on the history of higher educational institutions in Warsaw before the opening of the Imperial University of Warsaw]. *Varshavskie universitetskie izvestiya*, vol. 8 (1893): 1–32. (In Russian)

Siilivask, K., ed. *Istoriya Tartuskogo universiteta, 1632–1982* [History of the University of Tartu]. Tallinn: Periodika, 1982. (In Russian)

Tikhomirov, M.N., ed. *Istoriya Moskovskogo universiteta* [History of Moscow University]. 2 vols. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1955. (In Russian)

Vishlenkova, E.A., S.Yu. Malysheva, and A.A. Sal'nikova. *Terra Universitatis: Dva veka universitetskoj kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis: Two centuries of university culture in Kazan]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2005. (In Russian)

Wawrykowa, M. “Uniwersytet Warszawski w latach 1816–1831.” In *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego, 1807–1915*, edited by S. Kieniewicz, 60–200. Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1981.

Winiarz, A. “Organizacja i działalność komisji egzaminacyjnych w Księstwie Warszawskim i Królestwie Polskim (1807–1831).” *Przegląd Historyczno-Oświatowy*, vol. 29, no. 4 (1986): 445–59.

Winiarz, A. “Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego (1823–1830).” In *Stan i potrzeby badań nad oświatą i wychowaniem w Królestwie Polskim w latach 1815–1915*, edited by R. Kucha and K. Poznański, 33–50. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1989.

Winiarz, A. *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831)*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002.

Zagoskin, N.P. *Istoriya imperatorskogo Kazanskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya, 1804–1904* [History of the Imperial Kazan University for the first hundred years of its existence, 1804–1904]. 4 vols. Vol. 3. Kazan: Tipolitografiya imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1903. (In Russian)



Zharova, E.Yu. “Universitetskie ustavy 1803–1804 gg.” [University statutes, 1803–1804]. *Voprosy obrazovaniya*, no. 4 (2011): 268–90. <https://www.doi.org.10.17323/1814-9545-2011-4-268-290> (In Russian)

### **Информация об авторе**

**Ольга Сергеевна Каштанова** – кандидат исторических наук, научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0002-7053-461X>, [kashtanova-o@mail.ru](mailto:kashtanova-o@mail.ru), Институт славяноведения Российской академии наук (119991 Россия, Москва, Ленинский проспект, 32 а)

### **Information about the author**

**Olga S. Kashtanova** – Candidate of Historical Sciences, Researcher, <https://orcid.org/0000-0002-7053-461X>, [kashtanova-o@mail.ru](mailto:kashtanova-o@mail.ru), Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (32 a, Leninsky pr., Moscow, 119991, Russia)

---

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 16.02.2022.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 16.02.2022.

Научная статья

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 629–685

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 2 (2022): 629–85

УДК 37:39

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-7>

## Проблемы образования в немецких колониях Азербайджана в 1920–1930-х гг.

**Икирам Керим оглу Агасиев,**  
Институт Истории имени А.А. Бакиханова,  
Баку, Азербайджанская Республика,  
[ikramagasiyev@mail.ru](mailto:ikramagasiyev@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0003-0801-6683>

**Ikiram Kerim oglu Agasiev,**  
A.A. Bakikhanov Institute of History,  
Baku, Republic of Azerbaijan,  
[ikramagasiyev@mail.ru](mailto:ikramagasiyev@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0003-0801-6683>



**Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению проблем образования в немецких колониях Азербайджана в 1920–1930-х гг. На основе анализа многочисленных документов из фондов Государственного архива Азербайджанской Республики, Государственного Исторического архива Азербайджанской Республики, Центрального Государственного архива Республики Северная Осетия и Государственного архива Краснодарского Края, которые впервые вводятся в научный оборот, а также опираясь на результаты проводимых автором исследований истории школьного дела в немецких колониях Азербайджана и ряда других регионов Кавказа, установлены региональные и национальные особенности организации образования в немецких колониях Азербайджана в рассматриваемый период.

Автором проанализированы причины возникновения этих особенностей, показано, что немецкие колонии, существовавшие на территории Азербайджана более 120 лет, достигли больших успехов в своей социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни, в чем немаловажную роль сыграла умелая организация национального образования в колониях.

В статье кратко охарактеризованы этапы становления и развития школьного дела в немецких колониях Азербайджана, в период с начала XIX века до конца 1930-х годов. Прослежена эволюция методов организации школьного дела в колониях, и установлено, что немецкие школы в Азербайджане прошли сложный исторический путь. Отмечено, что до 1920 года, то есть до установления Советской власти, проблемы немецких школ носили в большей

---

© Агасиев И.К., 2022

© Agasiev I., 2022

степени материальный характер. В 1920–1930-х гг. эта проблема была частично решена, и можно констатировать, что в материальном плане наивысшего уровня в своем развитии немецкие школы Азербайджана достигли именно в эти годы.

В статье отмечено, что Советская власть материально помогала немецким школам, однако взамен над школами колонистов усилился идеологический контроль, целью которого было превращение школ в центры пропаганды большевизма. Установлено, что в советизации немецких школ главную роль должны были играть учителя, которые, проводя политику партии и правительства, должны были бороться против кирхи, колониетской общины и семьи, являвшимися в представлении партийных функционеров бастионами немецкости.

На основе анализа архивных документов показано, что в конце 1930-х гг. немецкие школы в Азербайджане еще не соответствовали желаемому уровню «советизации». Процесс подготовки просоветски настроенных учительских кадров из среды немцев шел медленно, а в 1941 году, после начала Великой Отечественной войны, был вовсе прекращен. Национальные школы немецких колоний на территории Азербайджана прекратили свое существование, а все немецкое население было депортировано.

**Ключевые слова:** Азербайджан, немцы, колонисты, Еленендорф, Анненфельд, пастор, школы, Конкордия, депортация

**Для цитирования:** Агасиев И.К. Проблемы образования в немецких колониях Азербайджана в 1920–1930-х гг. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 629–685, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-7>

## Problems of Education in the German colonies of Azerbaijan in the 1920s–1930s

**Abstract.** The article is devoted to the problems of education in the German colonies of Azerbaijan in the 1920s–30s. Regional and national features of the organization of education in the German colonies of Azerbaijan during the period under review are identified on the basis of analysis of numerous documents from the collections of the State Archive of the Republic of Azerbaijan, the State Historical Archive of the Republic of Azerbaijan, the Central State Archive of the Republic of North Ossetia and the State Archive of Krasnodar Krai, which are introduced into scientific circulation for the first time, and on the basis of results of the author's research into the history of school affairs in the German colonies of Azerbaijan and some other regions of the Caucasus.

The author analyzes the causes of these specific features and shows that the German colonies that existed in the territory of Azerbaijan for more than 120 years achieved great success in their socio-economic, socio-political, and cultural life, which was greatly facilitated by skillful organization of national education.

The article briefly describes the stages of formation and development of schools in the German colonies of Azerbaijan in the period from the early 19<sup>th</sup> century to the end of the 1930s. The evolution of methods of school work in the colonies is retraced, and it is established that the German schools in Azerbaijan went a difficult historical path. It is noted that before the 1920, that is, before the establishment of Soviet rule, the problems of German schools were mostly of a material nature. In the 1920s and 1930s these problems were partially solved, and it can be stated that in material terms, the German schools of Azerbaijan reached the highest level in their development during these years.

The article notes that the Soviet government financially supported German schools, but in return the colonists' schools went under the constantly growing ideological control the purpose of which was to turn schools into centers of Bolshevism propaganda. It is established that the main role in the sovietization of German schools was to be played by teachers who were to pursue the policy of the party and the government and fight against the church, the colonist community, and the family, which were bastions of Germanism in the view of party functionaries.

Based on the analysis of archival documents, it is shown that at the end of the 1930s, the German schools in Azerbaijan did not comply with the desired level of sovietization. The process of training pro-Soviet teachers from among the Germans was slow, and in 1941, after the outbreak of the Great Patriotic War, it was terminated. The national schools of the German colonies ceased to exist in the territory of Azerbaijan, and the entire German population was deported.

**Key words:** Azerbaijan, Germans, colonists, Helenendorf, Annenfeld, pastor, schools, Concordia, deportation

**For citation:** Agasiev, I.K. "Problems of education in the German colonies of Azerbaijan in the 1920s–1930s." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2 (2022): 629–85, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-7>

## Введение

Одним из регионов Российской империи, где развернулась немецкая колонизация, был Кавказ, в том числе Азербайджан.

Переселение немцев в Азербайджан стало возможным после подписания Гюлистанского мирного договора 1813 г. между Россией и Персией, в результате чего Южный Кавказ был присоединен к России. Голод и нищета, тяжелое социально-экономическое положение в германских землях в начале XIX века гнало швабских крестьян, обедневших ремесленников на чужбину<sup>1</sup>. По разрешению царского правительства началась миграция населения из королевства Баден-Вюртемберг на Южный Кавказ, в результате чего в 1817–1819 гг. на территории Грузии возникло 6 колоний (Ной–Тифлис, Елизаветаль, Александерсдорф, Екатериненфельд, Петерсдорф, Мариенфельд)<sup>2</sup>, а в Азербайджане – 2 немецкие колонии (Еленендорф и Анненфельд)<sup>3</sup>. В момент создания, в этих 8 колониях Южного Кавказа поселились 2 265 жителей, в том

---

<sup>1</sup> *Stumpp K.* Heimatbuch 1961. Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. Stuttgart: Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, 1961. S. 5, 6.

<sup>2</sup> *Нукифоров Н.К.* Экономический быт немецких колонистов в Закавказском крае // *Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края.* Т. 1. Ч. 1. Тифлис: Типография А.А. Михельсона, 1886. С. 101.

<sup>3</sup> *Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (далее – АКАК) / под редакцией Ад. Берже.* Т. 5. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказа, 1873. С. 316.

числе в Азербайджане – 1 101 немец<sup>4</sup>. А уже в 20-х годах XX века в Азербайджане было 8 немецких колоний: в течение века кроме «материнских» колоний Еленендорф и Анненфельд возникли еще «дочерние» колонии Георгсфельд, Траубенфельд, Грюнфельд, Эйгенфельд, Алексеевка и Елизаветинка.



Национальный (швабский) костюм азербайджанских немцев. Еленендорф, 1930-е годы.  
Источник: <https://clck.ru/idTW5>

В 1930-х годах число немцев на Южном Кавказе увеличилось до 46,5 тысяч<sup>5</sup>, половина из которых проживала в Азербайджане. Рост численности обеспечивался в основном за счет немецких переселенцев из голодающих регионов Поволжья и Северного Кавказа.

Немцы проживали в Азербайджане 123 года и сыграли в экономической, политической и культурной жизни страны важную роль. Обмен знаниями, практическими умениями, культурными достижениями между немецким и местным населением способствовал развитию края и одновременно укреплению взаимного доверия. Несомненно, в выполнении всех этих функций

---

<sup>4</sup> АКАК / под редакцией Ад. Берже. Т. 2. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказа, 1874. С. 348; АКАК / под редакцией Ад. Берже. Т. 6. Ч. I. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказа, 1874. С. 347, 348, 352.

<sup>5</sup> Зейналова С. Немецкие колонии в Азербайджане (1819–1941 гг.). Баку: Араз, 2002. С. 191.



большую роль играли немецкие национальные школы, немецкая система образования.

Вопросы организации школьного дела и образовательного процесса в немецких колониях Азербайджана в 1920–1930-х годах в азербайджанской историографии практически не исследованы. В работах Т.Ф. Гумбатовой<sup>6</sup>, Х.Ю. Вердиевой<sup>7</sup>, К. Алиева<sup>8</sup>, Н.А. Ибрагимова<sup>9</sup> затронуты вопросы организации образования в немецких колониях Азербайджана только в период царской России. В монографии А.А. Назарли<sup>10</sup> освещены вопросы немецкой школы во время существования Азербайджанской Демократической Республики, в 1918–1920 гг., то есть до установления в Азербайджане Советской власти 28 апреля 1920 года. В работе Т.Г. Мусаевой<sup>11</sup>, посвященной культурной жизни Азербайджанской ССР в рассматриваемый нами период, вопросы культурной жизни немецкого населения затронуты фрагментарно. Как видно, история школьного дела и образования в немецких колониях Азербайджана в 1920–1930-х гг. не исследована на должном уровне. В статье эта проблема впервые рассматривается в качестве самостоятельного объекта исследования.

### Основная часть

Развитие образования в немецких колониях Азербайджана прошло 3 этапа. Первый этап охватывает первую половину XIX века. Это был самый сложный период, потому что только что прибывшие в страну небогатые колонисты не имели материальных возможностей для организации школьного дела. Поэтому, первоначально всю тяжесть становления школьного дела взяли на себя пасторы немецкой кирхи. Царское правительство этому не препятствовало, так как ещё Манифестом Екатерины II от 22 июля 1763 года немецкой кирхе дано было право на руководство организацией духовной жизни

---

<sup>6</sup> Гумбатова Т.Ф. Жизнь немцев-колонистов за Кавказом. Баку: [б.и.], 2005; Гумбатова Т.Ф. Немцы и Баку. Баку: Çaşıoğlu, 2008.

<sup>7</sup> Вердиева Х.Ю. Немцы Северного Азербайджана в годы Первой мировой войны // Немцы России и СССР: 1901–1941: материалы международной научной конференции (Москва, 17–19 сентября 1999 г.) / под редакцией А.А. Германа. Москва: Готика, 2000. С. 63–70; Вердиева Х.Ю. Немцы в Северном Азербайджане. Баку: Элм, 2009.

<sup>8</sup> Алиев К. Немцы на Южном Кавказе или моя жизнь в Анненфельде. Баку: Элм, 2000; Алиев К. Швабы в Азербайджане. Баку: Элм, 2003.

<sup>9</sup> Ибрагимов Н.А. Немецкие страницы Азербайджана. Баку: Азербайджан, 1995.

<sup>10</sup> Назарли А.А. Народное образование в Азербайджанской Республике: 1918–1920 гг. Баку: Нурлан, 2008.

<sup>11</sup> Мусаева Т. Культура Азербайджана на рубеже эпох (20–30-е годы XX столетия). Баку: Elm və Təhsil, 2015.

мигрантов из Германии<sup>12</sup>. Где бы ни возникла немецкая колония, первым делом колонисты за счет общинных средств строили молитвенный дом и школу. А пока школа не была построена, дети занимались в домах отдельных колонистов.

Первая немецкая колония на Северном Кавказе – Каррас – основана в 1802 г. и соответственно первая школа построена именно в этой колонии. На Южном Кавказе первую немецкую школу открыли в 1819 г. в Азербайджане, в колонии Еленендорф<sup>13</sup>. В школе немецкие мальчики и девочки учились вместе, что было строго запрещено в других учебных заведениях Азербайджана того времени. В немецких школах Кавказа занятия, так же как и богослужения в кирхе, велись на немецком языке.

Немецкие школы Азербайджана в первой половине XIX века характеризовались рядом особенностей:

- обучение носило сугубо религиозный характер;
- школа функционировала благодаря финансированию колонистского общества, которое также влияло на формирование учебного плана;
- если обучение в школах Германии в то время уже носило светский характер, то в немецких колониях Азербайджана сохранялись традиционная зависимость школы от кирхи и религиозный характер учебного процесса. Несмотря на то, что ученики изучали в школе и светские науки, уроки Закона Божьего в учебном плане преобладали;
- занятия в школах велись на швабском диалекте немецкого языка, библиотеки отсутствовали, и уровень знаний учеников напрямую зависел от уровня образования учителя. Учителя, так же, как и школа в целом, содержались за счет колонистской общины;
- посещаемость уроков была плохая, так как дети были вынуждены помогать родителям по хозяйству. Фактически занятия в школе начинались после завершения сельскохозяйственных работ, т.е. в конце октября – ноябре. Знание русского или азербайджанского языков было редким явлением, делопроизводство велось на немецком языке;
- немецкая школа давала минимальные знания. Некоторые родители отдавали предпочтение частным учителям-немцам, которые приглашались из разных немецких государств или Остзейских губерний Российской империи.

---

<sup>12</sup> Полное Собрание законов Российской империи. Издание первое (ПСЗ-1). Т. 16 (1762–1765 гг.). № 11880. Санкт-Петербург, 1830. С. 314.

<sup>13</sup> Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1892 год. Тифлис: Типография канцелярии градоначальника гражданской частью на Кавказе, 1893. С. 35.

Второй период в истории немецких школ начался со второй половины XIX века и продлился до 1918 г. Проведенные в 1860–1870-х годах реформы способствовали развитию промышленности и сельского хозяйства. Изменения коснулись и немецких колоний. Начались преобразования в сфере школьного дела. В первую очередь приступили к строительству каменных школьных зданий<sup>14</sup>. По-прежнему, все работы велись на средства самих колонистов. Немцы избегали правительственного финансирования, чтобы школа оставалась независимой от официальных органов<sup>15</sup>. Постепенно решалась проблема нехватки педагогических кадров: немецкая молодежь поступала в учительские семинарии, а после их окончания возвращалась в свои колонии педагогами. Программы и учебные планы по-прежнему утверждались на собрании общины.

Самостоятельность немецких школ продолжалась недолго: 22 ноября 1890 г. по указу императора Александра III все протестантско-лютеранские школы были подчинены Министерству народного просвещения<sup>16</sup>. В соответствии с Указом, все предметы, кроме основ религии, должны были вестись в обязательном порядке на русском языке<sup>17</sup>. Данный Указ создал для немцев множество проблем на переходном этапе, а начиная с 1892 г. все немецкие церковно-приходские школы стали министерскими школами с русским языком преподавания<sup>18</sup>.

---

<sup>14</sup> Прошение Моздокского лютеранского общества о разрешении открыть им церковно-приходского училища при молитвенном доме // Центральный Государственный архив Республики Северной Осетии – Alaniya (далее – ЦГАРСО–А). Ф. 123. Оп. 1. Д. 1021. Л. 98–98 об.

<sup>15</sup> Деятельность Владикавказской лютеранской кирхи // ЦГАРСО–А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.

<sup>16</sup> Переписка о подчинении протестантских и лютеранских школ ведомству Министерства народного просвещения // ЦГАРСО–А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 98. Л. 7.

<sup>17</sup> Записка об истории колонии Еленендорф // Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (далее – ГИААР). Ф. 508. Оп. 1. Д. 436. Л. 27.

<sup>18</sup> *Hummel J.* Allmähliche Entwicklung der Kolonisten // Kalender 1955. Heimatbuch der Ostumsiedler, Hg. Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. Stuttgart: Druckservice Kammerberg, 1955. S. 58.



Швабская семья в Еленендорфе (ныне г. Гейгель, Азербайджан). Семья Альберта Цайзера, Еленендорф, Кавказ, 1910 год. Из семейного архива.

Источник: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Russisches\\_Imperium\\_Helenendorf\\_1910.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Russisches_Imperium_Helenendorf_1910.jpg)

В начале XX века в немецких школах продолжала оставаться актуальной проблема нехватки учителей, когда на одного учителя приходилось 60–70 учеников<sup>19</sup>. Помимо этой, у педагогов было еще две проблемы – языковой барьер и низкая зарплата. В качестве социальной помощи в некоторых колониях учителям выделялись земельные участки по 3–8 десятин. Колонистская община обеспечивала их дровами, вином, свечами и т.п.<sup>20</sup> Подготовка учительских кадров велась в Дерптском университете, Армавирской мужской гимназии и Тифлисской классической гимназии.

Начавшаяся летом 1914 г. Первая Мировая война стала трагедией для немцев России, поскольку между Германией и Россией начались военные действия. Был принят ряд законов, ограничивавших деятельность немцев во всех сферах – в экономике, в культурной и религиозной жизни. В частности,

<sup>19</sup> Историческая справка и сведения о результатах проверок училища с 1891 по 1916 г. // ГИААР. Ф. 830. Оп. 1. Д. 7. Л. 8, 13.

<sup>20</sup> *Басихин П.* Немецкие колонии на Кавказе. Этнографический очерк // Кавказский Вестник. 1900. № 1. С. 21.



был введен запрет на общение на немецком языке в общественных местах. Начались репрессии против протестантских религиозных деятелей<sup>21</sup>.

Вскоре в Азербайджан хлынул поток армянских и айсорских беженцев с Ближнего Востока. Около 800 беженцев были размещены в колонии Еленендорф. Деятельность немецких школ была парализована. В их зданиях размещались беженцы, раненые солдаты с Кавказского фронта, а также воинские части Российской армии<sup>22</sup>.

После свержения царизма в феврале 1917 г. в России начались демократические процессы, в частности, были аннулированы некоторые дискриминационные законы, принятые в разные годы в отношении немцев<sup>23</sup>. 31 августа 1917 г. председателем Особого Закавказского комитета Еленендорфскому училищному отделению было дано разрешение открыть в селении с начала 1917/1918 учебного года полноправное смешанное реальное училище с преподаванием в нем латинского языка и с содержанием за счет местных средств<sup>24</sup>.

В сентябре 1917 года было принято «Положение о национализации учебных заведений», на основании которого начала строиться и работа национальных школ, в том числе немецких школ Азербайджана<sup>25</sup>. Немцам разрешалось учиться на родном языке. Однако в целом с осени 1917 года до лета 1918 года положение немецких школ было плачевным: учителя месяцами не получали зарплату, топить школы было нечем, при растущей инфляции реальная зарплата и соответственно жизненный уровень учителей значительно снизились. Посещаемость школы учениками носила непостоянный характер, участились случаи нарушения трудовой дисциплины и со стороны преподавателей. Многие опытные преподаватели уходили из школы в поисках другой работы, чтобы прокормить свои семьи. Весной 1918 г. участились

---

<sup>21</sup> Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1915 год. Отдел 1. Петроград, 1915. С. 564–568; Циркуляр Временным генерал-губернаторам, губернаторам, начальникам отдельных округов Кавказского края, Бакинскому градоначальнику и Ставропольскому губернатору // Государственный архив Краснодарского края. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5847. Л. 20.

<sup>22</sup> Переписка командира 1-го Лабинского полка Кубанского казачьего войска со старшиной колонии Еленендорф об улучшении условий жизни нижним чинам // ГИААР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 377. Л. 50.

<sup>23</sup> История российских немцев в документах. Т. 1 (1763–1992 гг.) / составители В.А. Ауман, В.Г. Чеботарьева. Москва: МИГП, 1993. С. 38–44.

<sup>24</sup> Попечителям учебных округов и начальникам отдельных учреждений, подчиненных непосредственно Министерству Народного Просвещения // Государственный архив Азербайджанской Республики (далее – ГААР). Ф. 2602. Оп. 1. Д. 18. Л. 47,48.

<sup>25</sup> Положение о национализации учебных заведений Министерства Народного Просвещения в Кавказском учебном округе // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.



случаи нападения вооруженных отрядов армянской националистической партии «Дашнакцутюн» на немецкие колонии<sup>26</sup>. Дашнаки хотели выжить немцев из колоний и разместить там беженцев-армян из Восточной Анатолии.

В конце мая 1918 г. на Южном Кавказе произошли политические события, которые открыли новый этап в истории немецких школ, да и всего немецкого населения региона. 28 мая 1918 г. Национальный Совет Азербайджана принял Акт о независимости и была провозглашена Азербайджанская Демократическая Республика, которая гарантировала «в своих пределах гражданские и политические права всем гражданам без различия национальности, вероисповедания, социального положения и пола»<sup>27</sup>. Правительство молодой Азербайджанской республики взяло на себя защиту своих граждан от любых недружественных действий извне. Полномасштабное осуществление новой школьной политики в Азербайджане стало возможным только после освобождении столицы страны г. Баку от армяно-английской оккупации 15 сентября 1918 г. А на подконтрольных правительству территориях Гянджинской губернии по приказу Министерства народного просвещения (МНП) АДР Н. Усуббекова занятия начались уже с 1 сентября 1918 года<sup>28</sup>.

Национальные, в том числе немецкие школы управлялись по общим правилам, без исключений, поскольку для всех них создавались единые условия. Однако именно это создавало некоторые неудобства для немецкого населения. Например, решением Правительства АДР «в пределах Азербайджанской Республики взамен воскресенья еженедельным праздничным днем объявлялась пятница»<sup>29</sup>.

Были проблемы и более существенные, такие, например, как нехватка школьных помещений, из-за чего приходилось арендовать жилые помещения под школу у местных жителей. В период АДР число часов на изучение русского языка в учебных планах школ было уменьшено, что было связано со строительством национального государства и национальной системы образования, а также желанием отмежеваться от царской политики в сфере образования<sup>30</sup>.

<sup>26</sup> Письмо Елизаветпольского армянского гражданского комитета Еленендорфскому сельскому исполнительному комитету // ГИААР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 398. Л. 41.

<sup>27</sup> Азербайджанская Демократическая Республика. (1918–1920). Законодательные акты (Сборник документов). Баку: Азербайджан, 1998. С. 10.

<sup>28</sup> Инспекторам народных училищ и директорам народных училищ // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 19. Л. 13.

<sup>29</sup> Господину Елизаветпольскому Губернатору // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.

<sup>30</sup> Письмо господину Степану Федоровичу Карагяру. Еленендорф, 19 августа 1919 года // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 13. Л. 115.

Правительством АДР были созданы все условия для свободного вероисповедования, а также для развития культуры и образования в немецких колониях. При АДР к религиозным верованиям учащихся относились с вниманием, при школах разрешалось организовывать молитвенные дома или комнаты для верующих учеников<sup>31</sup>. В Еленендорфском училище не хватало квалифицированных педагогических кадров, в связи с чем был объявлен конкурс на замещение вакантных мест. Желающие работать в Еленендорфском реальном училище нашлись даже в отдаленных городах: в Тифлисе<sup>32</sup>, в Ставрополе<sup>33</sup>, в Берлине<sup>34</sup> и т.п. Прием новых педагогов находился в компетенции педсовета училища<sup>35</sup>. В дальнейшем он осуществлялся только после согласования с МНП АДР<sup>36</sup>. Отметим, что при АДР Еленендорфское реальное училище получало финансовую помощь от правительства.

Руководителем Еленендорфского училища был директор, у него в подчинении было два помощника – по педагогической и дисциплинарной части<sup>37</sup>. Все важные решения принимались педсоветом, в состав которого входили ведущие учителя училища, а также пастор колонии (долгое время в Еленендорфском училище кирху представлял обер-пастор, барон Энгельгардт). В частности, педсовет распределял предметы по педагогам, а также проводил выборы преподавателя, если было несколько претендентов на ведение одного курса: получивший большинство голосов членов педсовета получал право вести уроки по конкретному предмету<sup>38</sup>. В училище предметы строго распределялись по специализации учителя. Этот вопрос остро ставился МНП Азербайджанской Республики и по этому поводу школам был отправлен Циркуляр МНП от 27 октября 1919 года<sup>39</sup>. С октября в школах началось преподавание государственного тюркского языка (до 1938 г. официально так

<sup>31</sup> Циркуляр начальникам средних учебных заведений и инспекторам высших начальных училищ от 7-го сентября 1919 года // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 26. Л. 8.

<sup>32</sup> Письмо господину Степану Федоровичу Карагяуру. Еленендорф, 19 августа 1919 года.

<sup>33</sup> Письмо Генриха Шоттле из Ставрополя // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 18. Л. 208.

<sup>34</sup> Письмо др. Е.К. Фишера из Штуттгарда // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 18. Л. 188.

<sup>35</sup> Письмо господину директору Еленендорфского реального училища // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 13. Л. 184.

<sup>36</sup> Циркуляр начальникам средних учебных заведений от 24-го октября 1919 года // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 26. Л. 12.

<sup>37</sup> Протокол № 10 заседания Педагогического совета трех школ Еленендорфа от 19-го августа 1919 года // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

<sup>38</sup> Протокол № 8 Педагогического совета Еленендорфского реального училища от 1-го сентября 1919 года // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 14. Л. 15, 16, 19.

<sup>39</sup> Протокол № 21 заседания Педагогического совета Еленендорфского реального училища от 6-го ноября 1919 года // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 14. Л. 53.

назывался азербайджанский язык. – *И.К. оглу А.*), что для немецких школ создавало дополнительные трудности. Дело в том, что преподаватель тюркского языка должен был в совершенстве владеть ещё и немецким языком<sup>40</sup>.

В 1919 году, по приказу МНП АДР, занятия в школах начались с 15 сентября<sup>41</sup>. Для немецких школ это создало некоторые неудобства. Так как в конце сентября начинался сбор винограда и ученики должны были помогать своим семьям на виноградниках, необходимо было освободить их от занятий на две недели. Чтобы компенсировать потерянное время, руководство училища просило МНП разрешить начать учебный год с 5 сентября, что и нашло одобрение у руководства Министерства<sup>42</sup>.

При организации учебного процесса большое внимание уделялось вопросам физиологии и личной гигиены учащихся<sup>43</sup>. В класс допускалось принимать не более 40 учеников<sup>44</sup>. В штате школ Еленендорфа была ставка школьного врача<sup>45</sup>. В Еленендорфских школах было электрическое освещение<sup>46</sup>. Родителей опаздывающих учеников штрафовали, а полученные деньги тратились в пользу училищной библиотеки<sup>47</sup>.

Одним из важных вопросов для правительства АДР была школьная реформа. Циркулярно происходили эпизодические изменения и в старой школьной системе, но правительство демократической республики желало коренным образом изменить оставшуюся в «наследство» от Российской империи систему образования и перестроить ее по образцу западноевропейских стран. Молодая АДР не была членом только что созданной Лиги Наций, но налаживала тесные связи с членами этой организации. После официального признания АДР странами Совета Антанты 11 января 1920 г. эти связи

---

<sup>40</sup> Протокол № 23 общего заседания Педагогического совета Еленендорфского реального училища от 10-го ноября 1919 года // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 14. Л. 60.

<sup>41</sup> Циркуляр начальникам средних учебных заведений, инспекторам народных училищ и инспекторам высших начальных училищ // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

<sup>42</sup> Господину Министру Народного Просвещения Азербайджанской Республики // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 26. Л. 3, 4.

<sup>43</sup> Циркуляр начальникам средних учебных заведений от 2-го ноября 1919 года // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 26. Л. 18.

<sup>44</sup> Циркуляр начальникам средних учебных заведений от 7-го октября 1919 года // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

<sup>45</sup> Протокол № 10 объединенного заседания Педагогического совета трех школ Еленендорфа от 2-го сентября 1919 года // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.

<sup>46</sup> Протокол № 14 объединенного заседания Педагогического совета трех школ Еленендорфа от 15-го сентября 1919 года // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 14. Л. 29.

<sup>47</sup> Там же. Л. 31.

приобрели стратегическое значение. Правительство АДР направило в страны Европы 100 студентов для обучения в разных высших учебных заведениях. Курс на европеизацию требовал осуществления школьной реформы в кратчайшие сроки. 2 декабря 1919 г. МНП республики направило всем начальникам средних учебных заведений Циркуляр, в котором были указаны конкретные цели, содержание и пути проведения реформы в системе образования и содержалось требование об активном участии педагогических советов в разработке основных направлений предстоящей школьной реформы.

В 1918 г. в Еленендорфе была создана молодежная организация «Аллемания Кавказика». Инициаторами создания этой организации были видные общественные деятели немецких колоний Южного Кавказа Вильгельм Гурр, Готлиб Гуммель, Герберт Форер и другие. Организация объединяла студентов и выпускников школ и занималась совершенствованием системы национального образования, распространением среди молодежи немецкой литературы, организовывала доклады, лекции и беседы на исторические темы, ставила пьесы немецких и других авторов<sup>48</sup>.

По сравнению с предыдущим царским периодом, образовательная система АДР была шагом вперед. Школы получили широкую свободу в самоуправлении, поощрялось обучение на национальном языке, перед принятием решений инициативы вышестоящих инстанций широко обсуждались на местах. Правительство не ограничивало свободу вероисповедания учащихся. При школах действовали молитвенные комнаты. Однако правительство АДР функционировало в сложнейших внутренних и внешних условиях и не успело осуществить все намеченное, так как весной 1920 г. на территорию республики вошла XI армия большевистских сил, неся с собою советскую власть.

Далеко не все жители Закавказья, включая немецких колонистов, готовы были принять новую власть. Сформированный весной 1918 г. в Тбилиси немецкий полк готовил вооруженное сопротивление Красной Армии. Однако все восстания против советской власти жестко подавлялись. Началось наступление большевизма по всем направлениям, в том числе в общественной жизни. Политическую работу среди немецкого населения Азербайджана проводила созданная в 1921 году немецкая секция при КП(б) АзССР, возглавляемая товарищем Бергером<sup>49</sup>. В ее задачу входила работа среди немцев-колонистов и немцев, проживавших в больших городах.

<sup>48</sup> Джафарли М. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. Баку: Vətən, 2003. С. 12.

<sup>49</sup> Обращение к участникам учительских политических курсов Азербайджана и Грузии // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 69. Л. 121.

Гянджинский уездный отдел образования, созданный в мае 1920 г., столкнулся с многочисленными трудностями, поскольку не владел полнотой информации об организации школьного дела в немецких колониях. Сами школы находились в плачевном состоянии. На всей системе школьного образования Азербайджана, и в частности на школах немецких колоний, сказывались последствия вооруженной смены власти и сложности переходного периода. К тому же, в период действий армянских бандформирований (1917–1918 гг.) немецкие колонии были разграблены, а сведения по школам за предшествующий период утрачены.

В мае 1920 года школы национальных меньшинств были объявлены государственными, на них было распространено «Положение о единой трудовой школе». По «Положению» в школах создавался педагогический совет, которому давались широкие полномочия в школьных делах<sup>50</sup>. Школа имела классовый характер. Например, по «Положению» в школу 1-ой ступени принимались дети всех граждан, но при недостатке мест преимущество отдавалось детям рабочих и крестьян<sup>51</sup>.

В 1920 году Советским правительством Азербайджана были изданы декреты и распоряжения, направленные на организацию народного образования<sup>52</sup>.

Еленендорфская немецкая реальная школа, которая была создана в 1890 году, после советизации Азербайджанской Республики в 1920 г. стала 4-х классной советской немецкой школой с двумя ступенями и двумя дополнительными группами. С 1924 г. школа держала курс на советский техникум и ввела в 1926/27 учебном году в двух дополнительных группах бифуркацию<sup>53</sup> в виде двух отделений с экономическим и техническим уклонами.

Таким образом, мы можем проследить несколько этапов развития немецкой национальной школы в Еленендорфе, которая начала свое существование в 1819 году как церковно-приходская. В 1870-е гг. она была преобразована в двухклассное училище Министерства народного просвещения, в 1919 г. – в начальное и высшее училище с четырехгодичным курсом каждое, а в 1920 г. – в единую трудовую школу I ступени. В начале 1925 г. Еленендорфская немецкая

---

<sup>50</sup> Положение о трудовой школе 1-ой ступени АССР // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 69. Л. 179,179 об.

<sup>51</sup> Там же. Л. 174.

<sup>52</sup> Мусаева Т. Культура Азербайджана на рубеже эпох (20–30-е годы XX столетия). С. 65.

<sup>53</sup> Одиннадцатый годовой отчет Еленендорфской советской немецкой школы второй ступени за 1927/1928 год // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.



советская школа II ступени вместе с Еленендорфским сельсоветом ходатайствовали о преобразовании названной школы в семилетку с сельскохозяйственным уклоном<sup>54</sup>. В 1926 г. школа функционировала в составе 11 групп, которые финансировались Отделом народного образования (ОНО). 1927/28 учебный год был первым годом существования данного учебного заведения в качестве школы-семилетки.

Сельскохозяйственный уклон школы нужно понимать в том смысле, что она, отнюдь не упуская из виду общего образования детей, ставила себе задачу преподавать им также знания, нужные в сельском хозяйстве, и познакомить на практике с различными навыками и приемами работ в этой области. Для достижения этой цели в 1926 г. при школе был оборудован плодовый питомник, находившийся в нескольких шагах от школы. Участок под питомник площадью 0,4 Га был выделен школе сельсоветом<sup>55</sup>.

В школе преподавались следующие предметы: русский, немецкий и турецкий языки, обществоведение, математика, естествознание, география, начала знаний по физике и химии, графическая грамота, пение, ручной труд и физкультура. Отметим, что два последние предмета для мальчиков и девочек преподавались отдельно<sup>56</sup>.

---

<sup>54</sup> Одиннадцатый годовой отчет Еленендорфской советской немецкой школы второй ступени за 1927/1928 год // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

<sup>55</sup> В Гянджинский уездный исполком // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 61. Л. 152–152 об.

<sup>56</sup> Одиннадцатый годовой отчет Еленендорфской советской немецкой школы второй ступени за 1927/1928 год // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.



Занятия спортом в школе Еленендорфа. 1929 год.

Источник: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Helenendorf1929Schule.jpg>

В 1927/28 учебном году в школе обучались 297 учеников. Их национальный состав был таков: немцы (местные жители) – 234, немцы (временно проживающие в колонии) – 40, армяне – 11, русские – 10, тюрки – 1, латыши – 1.<sup>57</sup>

При школе имелся детский сад на две группы, рассчитанный на 40 детей, содержавшийся исключительно на средства колонии<sup>58</sup>. В детском саду работали два воспитателя, получившие специальную подготовку.

Высшим органом управления школы был школьный совет.

При школе имелось три библиотеки: фундаментальная, ученическая и библиотека учебников. Общий фонд библиотеки Еленендорфского училища составлял 629 наименований разнообразной литературы, но проблема

---

<sup>57</sup> Доклад о состоянии Еленендорфской советской немецкой школы-семилетки в 1927/1928 году // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.

<sup>58</sup> Там же.

нехватки учебников оставалась актуальной<sup>59</sup>. Ученики имели возможность пользоваться библиотечным учебником в течение года за незначительную оплату в размере 25 коп.<sup>60</sup> Ученики читали и на немецком, и на русском языках. Библиотека школы выписывала 22 наименования газет и журналов, которые охотно читались учениками и учителями. Самыми популярными из них были “Deutsche Zentralzeitung”, “Arbeiter Illustrierte Zeitung”, “Westermanns Monatshefte”, “Wolgadeutsche Schulblatt”, «Московские новости», «Красная нива», «Огонек», «Вокруг света», «Учительская газета», «Радиолобитель», «Всемирный следопыт» и другие<sup>61</sup>.

В 1924–1926 гг. на территории АзССР было 8 немецких школ I ступени и одна школа II ступени в Еленендорфе. Во всех этих школах число учащихся достигало 1 303 человек<sup>62</sup>.

Одной из серьезных проблем немецких школ в Азербайджане была нехватка учительских кадров. Для ее решения правительство республики начало трудовую мобилизацию учителей: их освобождали от военной службы, увольняли с работы в других сферах и направляли в учебные заведения. В разных городах и поселках Азербайджана начали организовываться трехмесячные курсы для подготовки учителей. Важным шагом по пути консолидации учительских сил стали съезды немецких учителей, первый из которых прошел в 1921 г.

В дальнейшем конференции немецких учителей, на которых обсуждались злободневные вопросы подготовки учителей, обеспечения учебниками, организации процесса обучения и интерната для приезжих учеников, стали ежегодными<sup>63</sup>.

Значительную поддержку всем немецким школам в Азербайджане оказывало сельскохозяйственное общество «Конкордия». Функционирование немецких школ было бы невыносимо без финансовой поддержки этого кооператива.

Главной резиденцией кооператива был Еленендорф. Кооператив объединял все восемь немецких колоний Азербайджана. По уставу кооператива, в каждой колонии имелся Учетный отдел. В кооперативе большое внимание уделялось

---

<sup>59</sup> Протокол № 11 заседания Педагогического совета с участием членов Ученического Комитета от 5-го сентября 1919 года / ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 14. Л. 24.

<sup>60</sup> Одиннадцатый годовой отчет Еленендорфской советской немецкой школы второй ступени за 1927/1928 год // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.

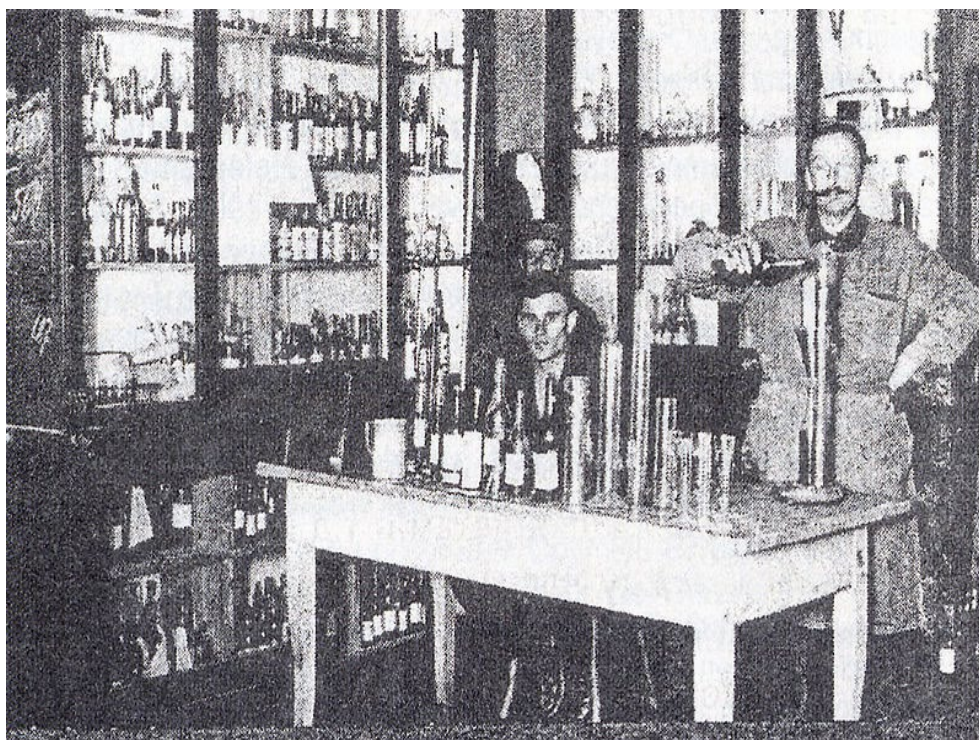
<sup>61</sup> Там же.

<sup>62</sup> Зейналова С. Немецкие колонии в Азербайджане (1819–1941 гг.). С. 18.

<sup>63</sup> Bericht der Sitzung der deutscher Lehrer Aserbaidschans in Helenendorf am 4. Januar 1923 // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 69. Л. 5.



научно-исследовательской деятельности, а также решению вопросов, связанных с духовной, культурной жизнью. Детям из малообеспеченных семей кооперативом выдавались стипендии. Через Теодора Гуммеля, представителя кооператива в Берлине, в колонию доставлялись учебники, художественная, религиозная и детская литература, письменные принадлежности. Из Германии же были приглашены учителя для школ. Обучение в школах велось на немецком языке<sup>64</sup>. На средства «Конкордии» в Германии с целью повышения квалификации обучались приблизительно 50 граждан немецких колоний, 20 из которых были из Еленендорфа<sup>65</sup>.



Лаборатория винодельческого кооператива Конкордия в Еленендорфе. 1927 г.  
Источник: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Helenendorf1927Konkordialabor.jpg>

Активная, самостоятельная деятельность «Конкордии» как в экономической, так и духовно-культурной сферах жизни не могла не беспокоить Советскую власть. Как следовало ожидать, уже в 1925 г. против «Конкордии» начались репрессии. В 1926 г. в Баку состоялся суд над 16 членами правления «Конкордии», среди которых были Готлиб Гуммель, Генрих Форер, Роберт Онгемах, Отто Цайзер, Фриц Райтенбах и др. Они

<sup>64</sup> Свидетельства и прошения Еленендорфского реального училища // ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 12. Л. 2, 7, 226.

<sup>65</sup> Джафарли М. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. С. 17.

обвинялись в контрреволюционной и националистической деятельности, сохранении кулацкой собственности под прикрытием кооператива, воспитании молодого поколения в германском духе. Подсудимые были приговорены к различным срокам наказания. Начался процесс советизации кооператива.



Магазин кооператива «Конкордия» в г. Баку. 1927 г.  
Источник: <https://azerhistory.com/?p=529>

18 сентября 1929 года последовал следующий удар по «Конкордии», когда она была преобразована в районное объединение местных виноградарских кооперативов, в результате чего кооператив в значительной степени утратил самостоятельность.

Во второй половине 1920-х гг. школы I ступени были преобразованы в школы-семилетки. При поддержке кооператива, на базе Еленендорфской советской школы II ступени был создан Машиностроительный техникум с шестигодичным сроком обучения<sup>66</sup>. А на базе семилетней школы был образован растениеводческий (виноградарства и виноделия) техникум с трехгодичным сроком обучения<sup>67</sup>. Занятия в техникуме проводились 6 дней в

<sup>66</sup> Письмо в Гянджинское ОНО от заведующего Еленендорфской советской немецкой школы. 1926 год // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 38. Л. 157.

<sup>67</sup> Объяснительная записка к учебному плану техникума виноградарства и виноделия. 1932/1933 г. // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.



неделю, по 6 часов каждый день. 70 % от общей учебной нагрузки было отведено на теорию, а 30 % – на производственную практику. Практика начиналась после первого года обучения и была ежегодной<sup>68</sup>.

1930-й год стал решающим в судьбе азербайджанских немцев: 24 февраля Президиум Гянджинского уездного комитета АКП(б) принял «Практические предложения по организации колхозов в немецких селах»<sup>69</sup>. Началась сплошная коллективизация, которая сопровождалась острой классово-политической борьбой. Репрессии в сфере экономики, образования и духовно-культурной жизни продолжились и последующие годы.

Введение с 1925 г. латинского алфавита вместо традиционно используемого немцами готического начертания тоже создавало для колонистов дополнительные трудности. Преимущества латинского письма перед готическим носили чисто технический характер. Новый шрифт был проще для печати, при чтении и письме. Вместе с тем переход на новый алфавит порождал большую психологическую проблему для взрослого населения. Немцы воспринимали готику как исключительно немецкое письмо, на котором была создана их духовная литература, поэтому отказ от старого письма представлялся им отказом от своих национальных традиций. Однако при создании национальных учебников не переход на латинский шрифт являлся главной проблемой, а материальные трудности.

К концу 1930-х гг. идеологические вопросы практически полностью вытеснили из программ курсов по подготовке учителей для национальных школ занятия по методике преподавания. Каким бы болезненным ни был путь молодого учителя в новых условиях, но реальность вынуждала и старых учителей приспособливаться, проходить курсы переподготовки и политические аттестации, потому что это был единственный путь для сохранения своего статуса и места в школе.

Существовавшая к началу 1930-х гг. общесоюзная сеть педагогических техникумов и институтов тоже была не в состоянии решить не только проблемы немцев СССР в сфере образования, но и в целом удовлетворить дефицит национальных учительских кадров. Объективные причины существенно дополнялись и усугублялись политикой советизации школ, отстранения неугодных людей. Недостаток учителей становился хроническим и не был ликвидирован ни к концу 1920-х гг., ни в последующие годы. Многие опытные учителя были сняты с работы за религиозность. Постоянная ротация

---

<sup>68</sup> Объяснительная записка к учебному плану техникума виноградарства и виноделия. 1932/1933 г. // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

<sup>69</sup> Зейналова С. Немецкие колонии в Азербайджане. С. 141.

приводила к тому, что среди учителей увеличивался процент малоопытных и слабо подготовленных специалистов<sup>70</sup>.

Дефицит кадров создавался во многом искусственно, в угоду идеологическим установкам. Система профессиональной подготовки немецких педагогов начала складываться лишь в начале 1930-х гг. Вместе с тем результатом такой целенаправленной кадровой политики стало уничтожение многолетнего опыта и традиций в подготовке учителей. Отстранение учителей старой школы приводило к нарушению преемственности в воспитании молодежи, уничтожению традиционных форм работы с детьми.



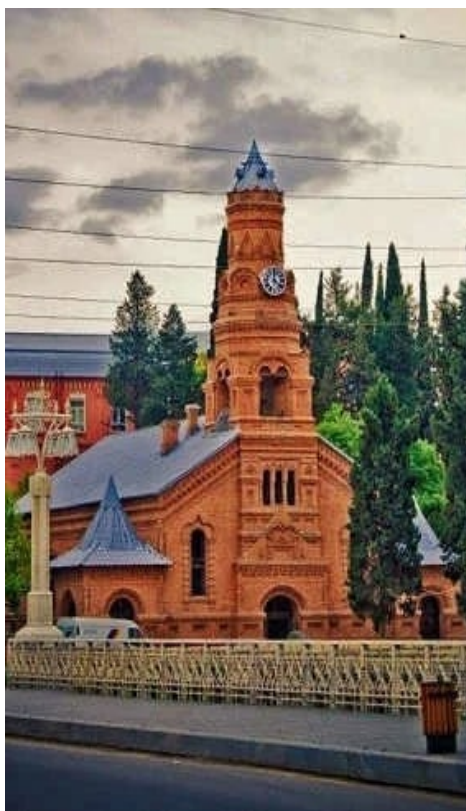
Кирха в колонии Еленендорф. Сентябрь 1908 года.

Источник: Обложка книги С. Зейналовой «Немецкие колонии в Азербайджане (1819–1914)». Баку: Араз, 2002, 222 с.

Важнейшее значение в судьбе немецкой школы имел декрет Азревкома от 15 мая 1920 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах («Об

<sup>70</sup> Письмо Наримановскому РОНО от заведующего Еленендорфской школы крестьянской молодежи от 13 мая 1933 года // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 66. Л. 116, 117, 118.

отделении церкви от государства и школы от церкви»)<sup>71</sup>. По этому декрету преподавание основ, истории религии и церкви в стенах школы во всех государственных школах отменялось. Таким образом, церковь была полностью отделена от школы.



Сегодняшнее состояние лютеранских кирх, построенных в начале XX века в городе Гянджа и колонии Анненфельд (ныне г. Шамкир, Азербайджан)

Источник: <https://zen.yandex.ru/media/azerbaijan/nemeckie-poselency-v-azerbaidjane--120-let-prosvetaniia-i-mgnovennyi-konec-5d196e58be074c00af3eba57>

Немецкое население было сплошь религиозным, особенно ярко это проявлялось у баптистов и бепплеанистов (так называлась протестантская секта, созданная в середине XIX века проповедником Адамом Беппле из колонии Катериненфельд, которая находилась в Грузии. – *И.К. оглу А.*). В новых политических условиях традиционные устои немцев пришли в острое противоречие с теорией и практикой советского строительства, так как исторически религия в их жизни занимала особое место.

Со второй половины 1920-х гг. усилилась атеистическая работа и идеологическое давление на учителя. Началось изъятие религиозной

<sup>71</sup> Мусаева Т. Культура Азербайджана на рубеже эпох (20–30-е годы XX столетия). С. 66.



литературы из школьных библиотек. Другим шагом в борьбе с религией было выдвижение требования к учителям отказаться от религиозной деятельности, что становилось одним из условий допуска учителей к работе. Наибольшее сопротивление новым мероприятиям оказали баптисты и бепплеанисты. К концу 1920 г. число учащихся в немецких колониях заметно сократилось, потому что некоторые родители перестали пускать детей в школы. Население энергично требовало сохранения уроков Закона Божьего. Чтобы остаться свободными, немцы не обращались в отдел образования с просьбами о регистрации школ в единой системе государственного образования.

Постепенно верующие учителя вытеснялись из школы, и это в то время, когда в колониальных школах остро ощущалась нехватка педагогических кадров. На замену им Наркомпрос направлял свои кадры. При этом в первую очередь учитывались не педагогические способности учителя, а его принадлежность к коммунистической партии.

Вместе с тем религия продолжала играть особую роль в жизни колонистов. Во всех колониях, кроме двух, имелись церкви и пасторы. Пасторы пользовались очень большим авторитетом, могли эффективно влиять на общественное мнение по многим вопросам.

Жители враждебно относились к новым учителям, назначаемым отделами образования, считая, что те «отчуждают» детей от семьи. В противовес официальной школе население стихийно организовывало собственные «не зараженные атеизмом и коммунизмом» школы под видом пунктов по ликвидации неграмотности. Как видно из характеристики немецких учителей, многие из них активно участвовали в кампании по ликвидации неграмотности<sup>72</sup>.

Во второй половине 1930-х гг. в планах воспитательной работы немецких колониальных школ особое место отводилось интернациональному и антирелигиозному воспитанию учащихся путем бесед, докладов, чтения книг и журналов. В этих же целях устраивались утренники, вечера самодеятельности, встречи школьников разных школ<sup>73</sup>. Для атеистического воспитания организовывались беседы на научные темы с акцентированием внимания учащихся на антирелигиозных моментах. А киносеансы, прогулки, физкультурные выступления и утренники самодеятельности устраивались специально в часы церковной службы, чтобы отвлечь учащихся от церкви.

---

<sup>72</sup> Письмо Наримановскому РОНО от заведующего Еленендорфской школы крестьянской молодежи // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 44. Л. 52, 52 об., 53.

<sup>73</sup> План воспитательной работы Еленендорфской Интернациональной средней школы на 1937/1938 учебный год // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 9. Л. 55.



В 1937 году, когда сталинские репрессии приобрели всеохватный характер, в немецких школах происходили трагические события: верующих и свободомыслящих учителей освобождали от работы, заменяя их просоветскими кадрами. Местные педагоги были вынуждены закрывать глаза на произвол властей, подстраиваться под политическую конъюнктуру, так, на заседаниях педсоветов регулярно обсуждались речи главы Советского государства, указания и решения коммунистической партии.

Азербайджанские немцы коммунистическую идеологию не восприняли и вступали в ряды большевистской партии лишь под давлением обстоятельств. В 1934 г. среди всего немецкого населения колоний Азербайджана насчитывалось только 24 члена ВКП(б). Власти констатировали «чрезвычайно слабую партийно-комсомольскую прослойку» среди немецкого населения, так как в некоторых колониях не было ни одного члена партии<sup>74</sup>.

После прихода к власти национал-социалистов в Германии в 1933 году, в СССР отношение властей к немецкому населению резко изменилось в худшую сторону. 4 июня 1934 году комиссия в составе представителей Наримановского района и исполнительной власти колонии, при участии директора Еленендорфской школы крестьянской молодежи устроила проверку книжного фонда школьной библиотеки. По ее результатам был составлен акт об изъятии вредной, по мнению членов комиссии, для молодежи литературы. Все изъятые книги были немецкими<sup>75</sup>.

Однако все же решающим для колонии и ее школы было разрушение десятилетиями складывавшейся структуры экономики и коммунального хозяйства, что стало следствием образования на местах традиционного расселения немецких колонистов уездных городов Ханлара и Шамхора. Это привело к переселению в эти города из других мест 4 000 административных служащих с семьями<sup>76</sup> и вытеснению с руководящих должностей немцев, реквизиции их жилья, корчеванию виноградников для строительства новых административных зданий.

Как свидетельствуют архивные материалы, основную массу работников новых административных структур составляли армяне. Армяне-переселенцы занимали дома раскулаченных немцев, распределяли между собой их движимое и недвижимое имущество. В результате переселения армян и айсоров в ранее

<sup>74</sup> Джафарли М. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. С. 19.

<sup>75</sup> Акт 1934-го года, 4-го июня, колония Еленендорф // ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 44. Л. 40.

<sup>76</sup> Конкордия. Производственный кооператив виноградарей и виноделов Гянджинского района / ответственные редакторы Е.-М. Аух, А. Айсфельд. Одесса: Астропринт, 2001. С. 16.

самую многочисленную колонию – Еленендорф, немцы в ней превратились в нацменьшинство, поскольку число переселенных туда семей исчислялось сотнями. Ликвидация кооператива «Конкордия» и арест многих его членов также непосредственно связаны с антинемецкой деятельностью армян. Именно армяне-виноделы очернили имидж своего конкурента – винодельческого кооператива «Конкордия», а с ним и вообще всю деятельности немецких колонистов<sup>77</sup>.



Немцы Еленендорфа во время уборки винограда (начало XX вв.)

Источник: <https://zen.yandex.ru/media/azerbaijan/nemeckie-poselency-v-azerbaidjane--120-let-prosvetaniia-i-mgnovennyi-konec-5d196e58be074c00af3eba57>

В период с 20 декабря 1934 г. по февраль 1935 г. деятельность «Конкордии» была проверена правительственной комиссией, после чего начались аресты руководящих кадров кооператива. 9 июля 1935 г. состоялся судебный процесс над 21 работником кооператива, которые обвинялись в организации шпионской деятельности. Приговор суда был суров: все колонисты, кроме двоих, были приговорены к разным срокам заключения. 11 декабря 1935 г. Генеральное консульство Германии в Тифлисе констатировало факт ликвидации немецких

<sup>77</sup> Конкордия. Производственный кооператив виноградарей и виноделов Гянджинского района. С. 16,18.

кооперативов на Южном Кавказе и подчинение их «Закавказскому вино-водочному тресту с армянским и русско-грузинским руководством»<sup>78</sup>.

Начались репрессии против религиозных деятелей. К началу 1936 г. на территории Азербайджана оставалось всего 7 пасторов лютеранского вероисповедания, однако и они во время операции 1936–1938 гг. были арестованы и осуждены за шпионскую деятельность. Последнего из пасторов, Отто Венцеля, арестовали в июле 1940 г.

Учителя немецких школ старались не участвовать в политических мероприятиях, проводимых властями. Те, кто занимал высокие посты в школах, либо добровольно уходили с занимаемых должностей, оставаясь в лучшем случае рядовыми учителями в школе, либо вовсе покидали школу.

Мишенью советской карательной машины становились в первую очередь учителя и религиозные деятели. В середине 1930-х гг. в Азербайджане было 7 немецких школ с десятилетним и семилетним циклами обучения. В целом, только в 1934 г. из немецких школ Азербайджана были уволены 25 учителей. Взамен им Наркомпрос АзССР пригласил на работу учителей-коммунистов из Республики Немцев Поволжья и других регионов СССР.

Русификаторская политика в немецких школах начала активно внедряться после принятия 13 марта 1938 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»<sup>79</sup>. В марте–апреле 1938 г. аналогичные постановления были приняты и в союзных республиках. В этом же году была проведена насильственная реорганизация системы образования в немецких школах Азербайджана. Несмотря на сопротивление дирекции и преподавательского состава, весной во всех «немецких национальных школах и образовательных учреждениях в один день» преподавание всех предметов перевели с немецкого языка на русский<sup>80</sup>.

Данную реорганизацию население колоний восприняло как очередное посягательство со стороны органов советской власти на немецкую школу и как попытку уничтожить последнее собственно немецкое учреждение. Ее посчитали актом насильственной русификации и армянизации немецких колоний. Именно с этого периода начался процесс массового переселения в Еленендорф и Анненфельд армянского населения.

<sup>78</sup> Конкордия. Производственный кооператив виноградарей и виноделов Гянджинского района. С. 18.

<sup>79</sup> Вдовин А.И. Русские в XX веке. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 132.

<sup>80</sup> *Schnurr J.* Das Schul- und Bildungswesen in der UdSSR nach der Oktoberrevolution // Kalender 1955. Heimatbuch der Ostumsiedler / Hg. Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. Stuttgart: Druckservice Kammerberg, 1955. S. 62.

Немецким национальным школам и немецким учителям были предъявлены чудовищно несправедливые обвинения. Изгнание национального содержания из школ сопровождалось активными поисками «фашистских агентов» среди педагогов. Репрессии нанесли огромный урон всем ступеням национального образования. Была нарушена связь поколений, преемственность традиций.

22 июня 1941 г. началась война между СССР и Германией, с первых дней которой немецкое население Украины и Крыма подвергли насильственной депортации. По мере продвижения фашистской армии вглубь СССР встал вопрос о выселении немецкого населения из Поволжья и Кавказа. 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О выселении немцев из районов Поволжья»<sup>81</sup>. Немцев Поволжья превентивно обвиняли в коллаборационизме. Согласно Указу в сентябре–октябре 1941 г. из Поволжья в Сибирь и Среднюю Азию было выселено 446 480 немцев<sup>82</sup>. Вслед за поволжскими немцами депортации подверглись кавказские немцы. Выселение немцев с Кавказа происходило поэтапно. Сначала были депортированы немцы Северного Кавказа. Решение о переселении немцев из Южного Кавказа, в том числе из Азербайджана, было принято несколько позже – 8 октября 1941 года. В нём был определен срок депортации немцев – с 15 по 30 октября 1941 года. В результате, в кратчайшие сроки из Азербайджана было депортировано 22 741 чел., из Грузии – 23 580 чел. и из Армении 212 человек немецкой национальности. Все они были выселены в Казахстан<sup>83</sup>.

### Заключение

После рассмотрения проблем образования в немецких школах в 1920–1930-х гг. можно прийти к следующим выводам:

1) история немецкой школы в Азербайджане напрямую связана с историей переселения в эту страну первых немецких колонистов в 1818 году, так как колонисты принесли с собой германские традиции всеобщего образования;

2) колонистская школа имела все черты немецкой народной школы, которая сформировалась еще во времена Реформационного движения. Именно этим объясняются такие черты немецкой школы, как религиозность, неразрывная связь школы и кирхи, строгая дисциплина в организации учебного процесса, обязательность обучения всех, независимо от пола, так как школа являлась

---

<sup>81</sup> Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» // Государственный Архив Российской Федерации. Ф. Р7523, Оп. 4. Д. 49. Л. 151–152. URL: <https://wolgadeutsche.net/library/item/594> (дата обращения: 24.04.2022).

<sup>82</sup> Бугай Н.Ф. И. Сталин – Л. Берии: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии. Москва: Дружба народов, 1992. С. 37.

<sup>83</sup> Зейналова С.М. Немецкие колонии в Азербайджане. С. 196.



основным этапом подготовки подрастающего поколения к обряду конфирмации, то есть к вступлению в религиозную общину;

3) немецкие школы в Азербайджане прошли долгий и сложный путь в своем развитии. Первые колониетские школы были построены в 1820-х гг., а процесс формирования немецкой национальной школы продолжался до 1930-х гг. В результате увеличения численности населения в двух основных колониях во второй половине XIX – начале XX в. в Азербайджане возникли еще 6 «дочерних» колоний. Таким образом, в рассматриваемый период в Азербайджане было уже 8 немецких колоний и в них функционировали 10 немецких школ (3 школы в Еленендорфе и по одной в каждой колонии);

4) немецкие школы, как во времена царской России, Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920 гг.), так и в годы Советской власти (1920–1930-х гг.) сохранили национальный характер, который понимался как возможность получать образование на родном языке, изучая в том числе историю и культуру своей исторической родины. Они представляли собой вид государственной школы, где учебный план включал национальный компонент, а учащиеся полноценно изучали родной немецкий язык с целью сохранения культурных традиций своего народа;

5) немецкие школы в Азербайджане в 1920–1930-х гг. еще сохраняли исторически сложившуюся у немцев систему «семья-школа-кирха». Школа и ее учителя находились под строгим контролем, как со стороны колониетской общины, так и местных кооперативов, типа «Конкордия». Кооператив не только контролировал деятельность школы, но и оказывал ей финансовую помощь, материально помогая преподавателям, финансируя профессиональную подготовку учительских кадров, обеспечивая школьную библиотеку книгами и периодической печатью. Одной из форм общественного контроля было наказание родителей недисциплинированных учеников.

В немецких школах к вопросам самоорганизации относились серьезно, поэтому там были созданы педагогические советы, ученические и родительские комитеты, проводились учительские конференции и т.п.;

6) после установления Советской власти и вхождения Азербайджана в состав СССР в немецких колониях и соответственно в их школах начался процесс советизации и параллельно обрусения;

7) попытки силовыми методами ускорить советизацию немецких национальных школ в 1930-е гг. привели к разрушительным последствиям. Это стало для них катастрофой: многие верующие учителя-немцы были изгнаны из школ, на их место назначены новые учителя. При замене педагогических кадров в первую очередь учитывались не педагогические способности кандидата, а его членство в компартии. Начались гонения на пасторов, в немецких

школах проводились занятия по антирелигиозному воспитанию молодежи. С 1937 г. в результате сталинских репрессий в немецких школах происходили трагические события: десятки учителей и религиозных деятелей, а также члены кооператива «Конкордия», оказывавшие школе попечительство, были арестованы по ложному обвинению, многих из которых впоследствии расстреляли как агентов германского фашизма. А с 1938 г. в немецких школах было запрещено преподавание на немецком языке. Начиная с октября 1941 г. все немецкое население Азербайджана было депортировано в Казахстан;

8) национальные школы немецких колоний канули в историю, но методы преподавания в этих школах в 1920–30-х гг. актуальны и сегодня. За более 120-летний период своего существования немецкие национальные школы внесли ряд новшеств в систему образования Азербайджана. Организация внеклассных занятий, создание специальных профессиональных классов, добровольных кооперативов школьников и студентов, внедрение традиционных народных знаний в систему образования, обучение новым предметам, связь преподавания с практикой и другие методы работы немецких школ не утратили своей актуальности в современной системе образования Азербайджана.



## Introduction

One of the regions of the Russian Empire where German colonization unfolded was the Caucasus, including Azerbaijan.

The resettlement of Germans to Azerbaijan became possible after the Treaty of Gulistan was concluded in 1813 between the Russian Empire and Persia. As a result of the treaty, the South Caucasus was annexed by Russia. Hunger and poverty as well as difficult socio-economic situation in the German lands at the beginning of the 19<sup>th</sup> century drove Swabian peasants and impoverished artisans abroad.<sup>1</sup> By permission of the tsarist government, the migration of the population from the Kingdom of Baden-Württemberg to the South Caucasus began. As a result of it, 6 colonies appeared in 1817–19 in the territory of Georgia (Neu-Tiflis, Elisabethtal,

---

<sup>1</sup> К. Stumpp, *Heimatbuch 1961. Landsmannschaft der Deutschen aus Russland* (Stuttgart: Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, 1961), 5, 6.

Alexandersdorf, Katharinenfeld, Petersdorf, and Marienfeld),<sup>2</sup> and 2, in Azerbaijan (Helenendorf and Annenfeld).<sup>3</sup> At the time of foundation, 2,265 residents settled in those 8 colonies of the South Caucasus, of them, 1,101 Germans in Azerbaijan.<sup>4</sup> In the 1920s, there were 8 German colonies in Azerbaijan: within a century, in addition to the “mother” colonies of Helenendorf and Annenfeld, the “daughter” colonies of Georgsfeld, Traubenfeld, Grünfeld, Eichenfeld, Alexejewka, and Jelisawetinka appeared.



National (Swabian) costume of Azerbaijani Germans. Helenendorf, the 1930s.  
Source: <https://clck.ru/idTW5>

In the 1930s, the number of Germans in the South Caucasus increased to 46.5 thousand,<sup>5</sup> half of whom resided in Azerbaijan. The increase in the number was

---

<sup>2</sup> N.K. Nikiforov, “The economic life of German colonists in the Transcaucasian region” [in Russian], in *Materials for the study of economic life of state peasants in the Transcaucasian region*, vol. 1, pt. 1 (Tiflis: Tipografiya A.A. Mikhel'sona, 1886), 101.

<sup>3</sup> Ad. Berzhe, ed., *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission* [in Russian], vol. 5 (Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkaza, 1873), 316.

<sup>4</sup> Ad. Berzhe, ed., *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission* [in Russian], vol. 2 (Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkaza, 1874), 348; Ad. Berzhe, ed., *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission* [in Russian], vol. 6, pt. 1 (Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkaza, 1874), 347, 348, 352.

<sup>5</sup> S.M. Zeinalova, *German colonies in Azerbaijan (1819–1941)* [in Russian] (Baku: Araz, 2002), 191.

mainly due to German migrants from the starving regions of the Volga basin and the North Caucasus.

Germans lived in Azerbaijan for 123 years and played an important role in the economic, political, and cultural life of the country. The exchange of knowledge, practical skills, and cultural achievements with the local population contributed to the development of the region and at the same time strengthened mutual trust between the German and the local populations. Undoubtedly, German national schools and German education system played an important role in the performance of all these functions.

The issues of the organization of school affairs and the educational process in the German colonies of Azerbaijan in the 1920s and 1930s have hardly been studied in Azerbaijani historiography. The works of T. Gumbatova,<sup>6</sup> Kh. Verdieva,<sup>7</sup> K. Aliev,<sup>8</sup> N. Ibragimov<sup>9</sup> touched upon the issues of the organization of education in the German colonies of Azerbaijan only during the period of tsarist Russia. A. Nazarli's monograph<sup>10</sup> covers the issues of the German school during the existence of the Azerbaijan Democratic Republic in 1918–20, that is, before the establishment of Soviet rule in Azerbaijan on April 28, 1920. In the work of T. Musaeva,<sup>11</sup> dedicated to the cultural life of the Azerbaijani SSR in the period under consideration, the issues of the cultural life of the German population are mentioned only fragmentarily. As can be seen, the history of schooling and education in the German colonies of Azerbaijan in the 1920s–1930s has not been studied at the proper level. In the article, this issue is considered as an independent object of research for the first time.

### Main body

The development of schooling in the German colonies of Azerbaijan passed through 3 stages. The first stage covers the first half of the 19<sup>th</sup> century. It was the most difficult period because the poor colonists who had just arrived in the country did not have any material opportunities to organize schools. Therefore, the burden of

---

<sup>6</sup> T.F. Gumbatova, *The life of the German colonists beyond the Caucasus* [in Russian] (Baku: [n.p.], 2005); T.F. Gumbatova, *Germans and Baku* [in Russian] (Baku: Çaşioğlu, 2008).

<sup>7</sup> Kh.Yu. Verdieva, "The Germans of Northern Azerbaijan during the First World War" [in Russian], in *Germans of Russia and the USSR: 1901–1941: proceedings of the international scientific conference (Moscow, September 17–19, 1999)*, ed. A.A. German (Moscow: Gotika, 2000), 63–70; Kh.Yu. Verdieva, *Germans in Northern Azerbaijan* [in Russian] (Baku: Elm, 2009).

<sup>8</sup> K. Aliev, *Germans in the South Caucasus or my life in Annenfeld* [in Russian] (Baku: Elm, 2000); K. Aliev, *Swabians in Azerbaijan* [in Russian] (Baku: Elm, 2003).

<sup>9</sup> N.A. Ibragimov, *German pages of Azerbaijan* [in Russian] (Baku: Azerbaidzhan, 1995).

<sup>10</sup> A.A. Nazarli, *Public education in the Republic of Azerbaijan: 1918–1920* [in Russian] (Baku: Nurlan, 2008).

<sup>11</sup> T. Musaeva, *Culture of Azerbaijan at the turn of eras (the 1920s–1930s)* [in Russian] (Baku, Elm və Təhsil, 2015).



the school affairs was initially taken over by the pastors of the German church. The tsarist government did not impede this because the Manifesto of Catherine II as of July 22, 1763 granted the German church the right to lead the organization of the spiritual life of migrants from Germany.<sup>12</sup> Wherever a German colony arose, first of all the colonists built a prayer house and a school at the expense of community funds. While the school building was under construction, children studied in the homes of individual colonists.

The first German colony in the North Caucasus, Karras, was founded in 1802, and, accordingly, the first school was built in that colony. The first German school in the South Caucasus was opened in the colony of Helenendorf in Azerbaijan in 1819.<sup>13</sup> German boys and girls studied together at school, which was strictly prohibited in other educational institutions of Azerbaijan at that time. In the German schools of the Caucasus, classes as well as church services were conducted in German.

The German schools of Azerbaijan in the first half of the 19<sup>th</sup> century had a number of features:

- Instruction was purely religious in nature.
- School functioned due to the financial support of the colonist community, which also influenced the formation of the curriculum.
- While education in German schools at that time already had a secular character, the traditional dependence of school on the church and the religious nature of the educational process were preserved in the German colonies of Azerbaijan. Despite the fact that the students also studied secular sciences, Scripture lessons prevailed in the curriculum.
- Classes in schools were conducted in the Swabian dialect of the German language, there were no libraries, and the level of students' knowledge directly depended on the level of education of the teacher. The teachers as well as school as a whole were supported by the colonist community.
- Attendance was poor because the children had to help their parents with the housework. In fact, classes at school began after the completion of agricultural work, i.e. at the end of October–November. Knowledge of Russian or Azerbaijani languages was rare, and records were kept in German;
- The German school gave minimal knowledge. Some parents preferred private German teachers, who were invited from various German states or Ostsee provinces of the Russian Empire.

---

<sup>12</sup> *Complete collection of laws of the Russian Empire* [in Russian], 1<sup>st</sup> ed., vol. 16 (1762–1765), no. 11880 (St Petersburg, 1830), 314.

<sup>13</sup> *Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1892* (Tiflis: Tipografiya kantselyarii gradonachal'nika grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1893), 35.

The second period in the history of German schools began in the second half of the 19<sup>th</sup> century and lasted until 1918. The reforms carried out in the 1860s–70s contributed to the development of industry and agriculture. The changes affected the German colonies as well. Transformations in the sphere of schooling began. First of all, the construction of stone school buildings started.<sup>14</sup> As before, all work was carried out at the expense of the colonists. The Germans avoided government funding so that the school remained independent of official bodies.<sup>15</sup> The problem of shortage of teaching staff was gradually solved: German youth entered teachers' seminaries and after graduation returned to their colonies as teachers. Programs and curricula were still approved by the community meetings.

The independence of German schools did not last long. On November 22, 1890, by decree of Emperor Alexander III, all Protestant-Lutheran schools were subordinated to the Ministry of Public Education.<sup>16</sup> In accordance with the decree, all subjects except for the basics of religion were to be taught in Russian.<sup>17</sup> This decree created many problems for the Germans at the transitional stage, and starting from 1892, all German parochial schools became ministerial schools with Russian as the language of instruction.<sup>18</sup>

---

<sup>14</sup> “Proshenie Mozdokskogo lyuteranskogo obshchestva o razreshenii otkryt' im tserkovno-prikhodskogo uchilishcha pri molitvennom dome” [Petition of the Mozdok Lutheran Community for permission to open a parochial school at the prayer house]. F. 123, op. 1, d. 1021, ll. 98–98 ob. Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya–Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia–Alania] (TsGA RSO–A), Vladikavkaz, Russia.

<sup>15</sup> “Deyatel'nost' Vladikavkazskoi lyuteranskoj kirkhi” [Activities of the Vladikavkaz Lutheran Church]. F. 124, op. 1, d. 11, l. 15. TsGA RSO–A.

<sup>16</sup> “Perepiska o podchinenii protestantskikh i lyuteranskikh shkol vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya” [Correspondence on subordinating Protestant and Lutheran schools to the jurisdiction of the Ministry of Public Education]. F. 12, op. 7, d. 98, l. 7. TsGA RSO–A.

<sup>17</sup> “Zapiska ob istorii kolonii Elenendorf” [Note on the history of the Helenendorf colony]. F. 508, op. 1, d. 436, l. 27. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Azerbaidzhanskoi Respubliki [State Historical Archive of the Republic of Azerbaijan] (GIAAR), Baku, Azerbaijan.

<sup>18</sup> J. Hummel, “Allmähliche Entwicklung der Kolonisten,” in *Kalender 1955. Heimatbuch der Ostumsiedler*, Hg. Landsmannschaft der Deutschen aus Russland (Stuttgart: Druckservice Kammerberg, 1955), 58.



A Swabian family in Helenendorf (now Goygol, Azerbaijan). The family of Albert Zeiser, Helenendorf, Caucasus, 1910. From family archive.

Source: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Russisches\\_Imperium\\_Helenendorf\\_1910.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Russisches_Imperium_Helenendorf_1910.jpg)

At the beginning of the 20<sup>th</sup> century, the problem of the shortage of teachers was still relevant in German schools, where there were 60–70 students per a teacher.<sup>19</sup> In addition to this, the teachers faced two more problems: the language barrier and low wages. In some colonies, teachers were allocated land plots of 3–8 dessiatina (8.1–21.6 acres) as social assistance. The colonist community provided them with firewood, wine, candles, etc.<sup>20</sup> Teacher training was conducted at the University of Dorpat, Armavir Men’s Gymnasium, and Tiflis Classical Gymnasium.

The First World War, which began in the summer of 1914, became a tragedy for the Germans in Russia, since hostilities between Germany and Russia began. A number of laws were adopted that limited the activities of the Germans in all areas (in the economy, in cultural and religious activities). In particular, a ban was imposed on

---

<sup>19</sup> “Istoricheskaya spravka i svedeniya o rezul'tatakh proverok uchilishcha s 1891 po 1916 g.” [Historical reference and information about the results of school inspections from 1891 to 1916]. F. 830, op. 1, d. 7, ll. 8, 13. GIAAR.

<sup>20</sup> P. Basikhin, “German colonies in the Caucasus. An ethnographical essay” [in Russian], *Kavkazskii Vestnik*, no. 1 (1900): 21.

communication in German in public places. Repression against Protestant religious figures began.<sup>21</sup>

Soon, a flow of Armenian and Assyrian refugees from the Middle East poured into Azerbaijan. About 800 refugees were placed in the Helenendorf colony. The activity of German schools was paralyzed. Refugees, wounded soldiers from the Caucasian front, and military units of the Russian army were housed in the school buildings.<sup>22</sup>

After the overthrow of tsarism in February 1917, Russia saw the beginning of democratic processes. In particular, some discriminatory laws against Germans adopted in different years were annulled.<sup>23</sup> On August 31, 1917, the Chairman of the Special Transcaucasian Committee gave permission to the Helenendorf School Department to open a co-educational non-classical secondary school in the village at the beginning of the 1917/18 academic year, which would teach Latin and would be maintained from local funds.<sup>24</sup>

In September 1917, the “Regulation on the Nationalization of Educational Institutions” was adopted, and the work of national schools, including German schools of Azerbaijan, began to be built in compliance with it.<sup>25</sup> Germans were allowed to study in their native language. However, in general, the situation in German schools was deplorable from the autumn of 1917 to the summer of 1918:

---

<sup>21</sup> *Collection of legalizations and orders of the government, 1915* [in Russian], department 1 (Petrograd, 1915), 564–68; “Tsirkulyar Vremennym general-gubernatoram, gubernatoram, nachal'nikam otdel'nykh okrugov Kavkazskogo kraya, Bakinskomu gradonachal'niku i Stavropol'skomu gubernatoru” [Circular to the provisional governor-generals, governors, heads of certain districts of the Caucasus land, the mayor of Baku, and the governor of Stavropol]. F. 454, op. 1, d. 5847, l. 20. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [State Archive of Krasnodar Krai], Krasnodar, Russia.

<sup>22</sup> “Perepiska komandira 1-go Labinskogo polka Kubanskogo kazach'ego voiska so starshinoi kolonii Elenendorf ob uluchshenii uslovii zhizni nizhnim chinam” [Correspondence of the commander of the 1<sup>st</sup> Labinsk regiment of the Kuban Cossack army with the headman of the Helenendorf colony about improving the living conditions of the lower ranks]. F. 508, op. 1, d. 377, l. 50. GIAAR.

<sup>23</sup> V.A. Auman and V.G. Chebotar'eva, comps., *History of Russian Germans in documents*, vol. 1 (1763–1992) [in Russian] (Moscow: MIGP, 1993), 38–44.

<sup>24</sup> “Popechitelyam uchebnykh okrugov i nachal'nikam otdel'nykh uchrezhdenii, podchinennykh neposredstvenno Ministerstvu Narodnogo Prosveshcheniya” [To the trustees of educational districts and heads of individual institutions directly subordinate to the Ministry of Public Education]. F. 2602, op. 1, d. 18, ll. 47, 48. Gosudarstvennyi arkhiv Azerbaidzhanskoi Respubliki [State Archive of the Republic of Azerbaijan] (GAAR), Baku, Azerbaijan.

<sup>25</sup> “Polozhenie o natsionalizatsii uchebnykh zavedenii Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya v Kavkazskom uchebnom okruge” [Regulation on the nationalization of educational institutions of the Ministry of Public Education in the Caucasian educational district]. F. 2602, op. 1, d. 19, l. 2. GAAR.



teachers were not paid for months; there was nothing to heat schools with; as the inflation was rising, real wages and, accordingly, the living standards of teachers significantly dropped. School attendance was unstable, and teachers started to violate labor discipline more frequently. Many experienced teachers left school and started looking for another jobs in order to feed their families. In the spring of 1918, German colonies were frequently attacked by armed detachments of Dashnaksutyun, an Armenian nationalist party.<sup>26</sup> The Dashnaks wanted to drive the Germans out of the colonies and to accommodate Armenian refugees from Eastern Anatolia there.

At the end of May 1918, the South Caucasus witnessed the political events that opened up a new stage in the history of German schools and the entire German population of the region. On May 28, 1918, the National Council of Azerbaijan adopted the Act of Independence and the Azerbaijan Democratic Republic was proclaimed, which guaranteed “within its borders civil and political rights to all citizens without distinction of nationality, religion, social status, and gender.”<sup>27</sup> The Government of the young Azerbaijani republic undertook the protection of its citizens from any unfriendly actions from the outside. The full-scale implementation of the new schooling policy in Azerbaijan became possible only after the liberation of the capital of the country, Baku, from the Armenian-British occupation on September 15, 1918. In the government-controlled territories of the Ganja province, in compliance with the order of the Ministry of Public Education (MPE) of the ADR N. Usubbekov classes began on September 1, 1918.<sup>28</sup>

National schools, including German schools, were governed by general rules, without exceptions, since uniform conditions were created for all of them. However, this created some inconveniences for the German population. For example, by the decision of the ADR Government, “Friday was declared a weekly holiday within the Republic of Azerbaijan instead of Sunday.”<sup>29</sup>

However, there were also more significant problems, such as shortage of school premises, which made it necessary to rent residential premises for a school from the locals. During the ADR period, the number of hours for learning Russian in school curricula was reduced, which was due to the construction of a national state and a

---

<sup>26</sup> “Pis'mo Elizavetpol'skogo armyanskogo grazhdanskogo komiteta Elenendorfskomu sel'skomu ispolnitel'nomu komitetu” [Letter from the Elisabethpol Armenian civil committee to the Helenendorf rural executive committee]. F. 508, op. 1, d. 398, l. 41. GIAAR.

<sup>27</sup> *Azerbaijan Democratic Republic. (1918–1920). Legislative acts (A collection of documents)* (Baku: Azerbaidzhan, 1998), 10.

<sup>28</sup> “Inspektoram narodnykh uchilishch i direktoram narodnykh uchilishch” [To the inspectors of public schools and directors of public schools]. F. 2602, op. 1, d. 19, l. 13. GAAR.

<sup>29</sup> “Gospodinu Elizavetpol'skomu Gubernatoru” [To Mr. Governor of Elisabethpol]. F. 2602, op. 1, d. 19, l. 10. GAAR.

national education system as well as the desire to dissociate from the tsarist policy in education.<sup>30</sup>

The ADR Government created all conditions for freedom of religion and for the development of culture and education in the German colonies. Under the ADR, the religious beliefs of students were treated with attention, and it was allowed to organize prayer houses or rooms for religious students at schools.<sup>31</sup> The Helenendorf school did not have enough qualified teachers, and therefore a competition was announced to fill the vacancies. Those who wanted to work at the Helenendorf non-classical secondary school were found even in remote cities: Tiflis,<sup>32</sup> Stavropol,<sup>33</sup> Berlin,<sup>34</sup> etc. The admission of new teachers was within the competence of the teachers' council of the school.<sup>35</sup> Later, it was done only after coordination with the MPE of the ADR.<sup>36</sup> It should be noted that under the ADR, the Helenendorf non-classical secondary school received financial assistance from the government.

The Helenendorf School was headed by the headmaster, who had two assistants in charge of teaching and of discipline.<sup>37</sup> All important decisions were made by the staff meeting, which included the leading teachers of the school as well as the pastor of the colony. (For a long time, the church in the Helenendorf school was represented by Baron Engelhardt, the ober-pastor.) In particular, the teachers' council distributed subjects among teachers and also held teacher elections if there were several applicants for teaching one course: the applicant who received the majority of votes of the members of the council received the right to teach a certain

---

<sup>30</sup> “Pis'mo gospodinu Stepanu Fedorovichu Karagyauru. Elenendorf, 19 avgusta 1919 goda” [Letter to Mr. Stepan Fedorovich Karagyaur. Helenendorf, August 19, 1919]. F. 2602, op. 1, d. 13, l. 115. GAAR.

<sup>31</sup> “Tsirkulyar nachal'nikam srednikh uchebnykh zavedenii i inspektoram vysshikh nachal'nykh uchilishch ot 7-go sentyabrya 1919 goda” [Circular to the heads of secondary educational institutions and inspectors of higher primary schools as of September 7, 1919]. F. 2602, op. 1, d. 26, l. 8. GAAR.

<sup>32</sup> “Pis'mo gospodinu Stepanu Fedorovichu Karagyauru. Elenendorf, 19 avgusta 1919 goda”.

<sup>33</sup> “Pis'mo Genrikha Shottle iz Stavropolya” [Letter from Heinrich Schöttle from Stavropol]. F. 2602, op. 1, d. 18, l. 208. GAAR.

<sup>34</sup> “Pis'mo dr. E.K. Fishera iz Shtuttgarda” [Letter from Dr. E.K. Fischer from Stuttgart]. F. 2602, op. 1, d. 18, l. 188. GAAR.

<sup>35</sup> “Pis'mo gospodinu direktoru Elenendorfskogo real'nogo uchilishcha” [Letter to Mr. Director of the Helenendorf non-classical secondary school]. F. 2602, op. 1, d. 13, l. 184. GAAR.

<sup>36</sup> “Tsirkulyar nachal'nikam srednikh uchebnykh zavedenii ot 24-go oktyabrya 1919 goda” [Circular to the heads of secondary educational institutions as of October 24, 1919]. F. 2602, op. 1, d. 26, l. 12. GAAR.

<sup>37</sup> “Protokol № 10 zasedaniya Pedagogicheskogo soveta trekh shkol Elenendorfa ot 19-go avgusta 1919 goda” [Minutes no. 10 of the teachers' council meeting of the three Helenendorf schools as of August 19, 1919]. F. 2602, op. 1, d. 14, l. 3. GAAR.

subject.<sup>38</sup> At the school, subjects were strictly distributed according to the specialization of the teacher. This issue was raised by the MPE of Azerbaijan and a corresponding circular of the MPE of Azerbaijan dated October 27, 1919 was sent out to the schools.<sup>39</sup> In October, the teaching of the state Turkic language (until 1938, it was the official name of the Azerbaijani language. – *I.K. oglu A.*) began in schools, which made additional difficulties for German schools. The problem was that the teacher of the Turkic language had to be fluent in German as well.<sup>40</sup>

In 1919, by order of the MPE of the ADR, classes in schools began on September 15.<sup>41</sup> It incommoded the German schools. The grape harvest began at the end of September and the students had to help their families in the vineyards, which is why it was necessary to release them from classes for two weeks. To compensate for the lost time, the management of the school asked the MPE to start the academic year from September 5, which was approved by the Ministry.<sup>42</sup>

In the organization of the educational process, much attention was paid to the issues of physiology and personal hygiene of the students.<sup>43</sup> No more than 40 students were admitted in one class.<sup>44</sup> The staff of the Helenendorf schools included the position of a full-time school doctor.<sup>45</sup> The Helenendorf schools had electric

---

<sup>38</sup> “Protokol № 8 Pedagogicheskogo soveta Elenendorfskogo real'nogo uchilishcha ot 1-go sentyabrya 1919 goda” [Minutes no. 8 of the teachers’ council meeting of the Helenendorf non-classical secondary school as of September 1, 1919]. F. 2602, op. 1, d. 14, ll. 15, 16, 19. GAAR.

<sup>39</sup> “Protokol № 21 zasedaniya Pedagogicheskogo soveta Elenendorfskogo real'nogo uchilishcha ot 6-go noyabrya 1919 goda” [Minutes no. 21 of the teachers’ council meeting of the Helenendorf non-classical secondary school as of November 6, 1919]. F. 2602, op. 1, d. 14, l. 53. GAAR.

<sup>40</sup> “Protokol № 23 obshchego zasedaniya Pedagogicheskogo soveta Elenendorfskogo real'nogo uchilishcha ot 10-go noyabrya 1919 goda” [Minutes no. 23 of the general teachers’ council meeting of the Helenendorf non-classical secondary school as of November 10, 1919]. F. 2602, op. 1, d. 14, l. 60. GAAR.

<sup>41</sup> “Tsirkulyar nachal'nikam srednikh uchebnykh zavedenii, inspektoram narodnykh uchilishch i inspektoram vysshykh nachal'nykh uchilishch” [Circular to the heads of secondary educational institutions, inspectors of public schools, and inspectors of higher primary schools]. F. 2602, op. 1, d. 26, l. 2. GAAR.

<sup>42</sup> “Gospodinu Ministru Narodnogo Prosveshcheniya Azerbaidzhanskoi Respubliki” [To Mr. Minister of Public Education of the Republic of Azerbaijan]. F. 2602, op. 1, d. 26, ll. 3, 4. GAAR.

<sup>43</sup> “Tsirkulyar nachal'nikam srednikh uchebnykh zavedenii ot 2-go noyabrya 1919 goda” [Circular to the heads of secondary educational institutions as of November 2, 1919]. F. 2602, op. 1, d. 26, l. 18. GAAR.

<sup>44</sup> “Tsirkulyar nachal'nikam srednikh uchebnykh zavedenii ot 7-go oktyabrya 1919 goda” [Circular to the heads of secondary educational institutions as of October 7, 1919]. F. 2602, op. 1, d. 26, l. 16. GAAR.

<sup>45</sup> “Protokol № 10 ob"edinennogo zasedaniya Pedagogicheskogo soveta trekh shkol Elenendorfa ot 2-go sentyabrya 1919 goda” [Minutes no. 10 of the joint teachers’ council meeting of the three Helenendorf schools as of September 2, 1919]. F. 2602, op. 1, d. 14, l. 22. GAAR.

lighting.<sup>46</sup> Parents of the students who were late for classes were fined, and the money was spent on the school library.<sup>47</sup>

School reform was an important issue for the ADR government. Episodic changes took place in the old school system, but the government of the young democratic republic wanted to radically change the education system it inherited from the Russian Empire and rebuild it on the model of Western European countries. The young ADR was not a member of the newly created League of Nations, but it was establishing close ties with the members of that organization. After the ADR was officially recognized by the countries of the Entente Council on January 11, 1920, those ties acquired strategic importance. The ADR government sent 100 students to Europe to study at different higher educational institutions. The course towards Europeanization required the implementation of school reform as soon as possible. On December 2, 1919, the MPE of the republic sent a circular to all heads of secondary educational institutions. The circular indicated the specific goals, contents, and ways of implementing the reform in the education system and contained a requirement that teachers' councils should take an active part in the development of the main vectors of the upcoming school reform.

In 1918, the youth organization “Alemannia Caucasia” was established in Helenendorf. Among the founders of this organization were Wilhelm Gurr, Gottlieb Hummel, Herbert Forer, and other prominent public figures of the German colonies in the South Caucasus. The organization united students and graduates of schools and was engaged in improving the system of national education, promoting German literature among young people, organizing reports, lectures and conversations on historical topics, staged plays by German and other authors.<sup>48</sup>

Compared to the previous tsarist period, the educational system of the ADR made a step forward. Schools were given broad freedom in self-government, teaching in the national language was encouraged, and the initiatives of higher authorities were widely discussed at the local level before decisions were made. The government did not restrict students' freedom of religion. Prayer rooms were available at schools. However, the ADR government functioned under difficult internal and external conditions and did not have time to carry out everything it had planned because in the spring of 1920, the Eleventh Red Army entered the territory of the republic, bringing Soviet rule along.

---

<sup>46</sup> “Protokol № 14 ob"edinennogo zasedaniya Pedagogicheskogo soveta trekh shkol Elenendorfa ot 15-go sentyabrya 1919 goda” [Minutes no. 14 of the joint teachers' council meeting of the three Helenendorf schools as of September 15, 1919]. F. 2602, op. 1, d. 14, l. 29. GAAR.

<sup>47</sup> Ibid, l. 31.

<sup>48</sup> M. Dzharfari, *Political terror and the fate of Azerbaijani Germans* [in Russian] (Baku: Vətən, 2003), 12.



Not all the resident of Transcaucasia, including the German colonists, were ready to accept the new rule. Formed in the spring of 1918 in Tbilisi, the German Regiment prepared armed resistance to the Red Army. However, all uprisings against the Soviet regime were harshly suppressed. The offensive of Bolshevism began in all directions, including public life. Political work among the German population of Azerbaijan was carried out by the German section established in 1921 under the CP(b) of the AzSSR headed by comrade Berger.<sup>49</sup> Its task was to work with the Germans who resided in the colonies and in big cities.

The Ganja uyezd department of education, established in May 1920, faced numerous difficulties because it did not have complete information about the organization of school affairs in the German colonies. The schools were in a deplorable state. The consequences of the armed change of regime and the difficulties of the transition period affected the entire school system of Azerbaijan, including the schools of the German colonies. In addition, during the period of activity of the Armenian armed gangs (1917–18), German colonies were looted, and information on schools for the previous period was lost.

In May 1920, schools of national minorities were declared state-owned, and the “Regulations on a unified labor school” were extended to them. According to the “Regulations”, the teachers’ council that was to be established in schools was given broad powers in school affairs.<sup>50</sup> Social class criterion was applied to the schools. For example, according to the “Regulations”, children of all citizens were admitted to the primary school, but given a shortage of places, the advantage was given to the children of workers and peasants.<sup>51</sup>

In 1920, the Soviet government of Azerbaijan issued decrees and orders aimed at organizing public education.<sup>52</sup>

After the sovietization of the Republic of Azerbaijan in 1920, the Helenendorf German non-classical secondary school, which was established in 1890, became a 4-class Soviet German school with two levels and two additional groups. In 1924, the school took the course for the Soviet vocational school, and in the 1926/27 academic

---

<sup>49</sup> “Obrashchenie k uchastnikam uchitel'skikh politicheskikh kursov Azerbaidzhana i Gruzii” [Address to the participants of the teachers’ political courses in Azerbaijan and Georgia]. F. 2368, op. 1, d. 69, l. 121. GAAR.

<sup>50</sup> “Polozhenie o trudovoi shkole 1-oi stupeni ASSR” [Regulations on the primary labor school of the Azerbaijan SSR]. F. 2368, op. 1, d. 69, ll. 179, 179 ob. GAAR.

<sup>51</sup> Ibid, l. 174.

<sup>52</sup> Musaeva, *Culture of Azerbaijan at the turn of eras*, 65.

year, a bifurcation<sup>53</sup> in two additional groups in the form of two departments with economic and technical specializations was introduced.

Thus, we can retrace several stages in the development of the German national school in Helenendorf, which started its history in 1819 as a parochial school. In the 1870s it was transformed into a two-class school under the MPE; in 1919, into a primary and high school with a four-year course each; in 1920, into a single labor school of the first level. At the beginning of 1925, the Helenendorf German soviet school of the second level together with the Helenendorf village council petitioned for the transformation of the named school into a seven-year school with specialization in agriculture.<sup>54</sup> In 1926, there were 11 groups in the school, which were funded by the Public Education Department (ONO). The 1927/28 academic year was the first year of the existence of this educational institution as a seven-year school.

The agricultural specialization of the school should be understood in the sense that without losing sight of the general education of the children, it set itself the task of teaching them the knowledge needed in agriculture and giving them practical training in skills and methods of work needed in this area. To achieve this goal, a fruit tree nursery was equipped at the school in 1926. It was located at walking distance from the school. A plot for the nursery of 0.4 hectares was allocated to the school by the village council.<sup>55</sup>

The following subjects were taught at the school: Russian, German and Turkic languages, social science, mathematics, natural science, geography, basics of physics and chemistry, graphic literacy, singing, manual labor, and physical education. Let us point out that boys and girls were taught the latter two subjects separately.<sup>56</sup>

---

<sup>53</sup> “Odinnadtsatyi godovoi otchet Elenendorfskoi sovetskoi nemetskoi shkoly vtoroi stupeni za 1927/1928 god” [Eleventh annual report of the Helenendorf Soviet German secondary school for 1927/28]. F. 2368, op. 1, d. 11, l. 2. GAAR.

<sup>54</sup> Ibid.

<sup>55</sup> “V Gyandzhinskii uezdnyi ispolkom” [To the Ganja uyezd executive committee]. F. 2368, op. 1, d. 61, ll. 152–152 ob. GAAR.

<sup>56</sup> “Odinnadtsatyi godovoi otchet Elenendorfskoi sovetskoi nemetskoi shkoly vtoroi stupeni za 1927/1928 god” [Eleventh annual report of the Helenendorf Soviet German secondary school for 1927/28]. F. 2368, op. 1, d. 11, l. 22. GAAR.



Sports activities at Helenendorf school. 1929.

Source: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Helenendorf1929Schule.jpg>

In the 1927/28 academic year, 297 students studied at the school. Their nationalities were as follows: Germans (local residents), 234; Germans (temporarily residing in the colony), 40; Armenians, 11; Russians, 10; Turks, 1; Latvians, 1.<sup>57</sup>

The school had a kindergarten of two groups, designed for 40 children, which was funded exclusively by the colony.<sup>58</sup> The kindergarten had two teachers who had received special training.

The school board was the supreme governing body of the school.

There were three libraries at the school: a fundamental library, a student library, and a library of textbooks. The general stock of the library at the Helenendorf school included 629 titles of various literature, but the problem of the shortage of textbooks

---

<sup>57</sup> “Doklad o sostoyanii Elenendorfskoj sovetskoj nemetskoj shkoly-semiletki v 1927/1928 godu” [Report on the condition of the Helenendorf Soviet German seven-year school in 1927/28]. F. 2368, op. 1, d. 61, l. 2. GAAR.

<sup>58</sup> Ibid.

remained relevant.<sup>59</sup> Students had an opportunity to use a library textbook for a year for a small fee of 25 kopecks.<sup>60</sup> Students read both in German and Russian. The school library subscribed to 22 titles of newspapers and magazines, which students and teachers eagerly read. The most popular of them were *Deutsche Zentralzeitung*, *Arbeiter Illustrierte Zeitung*, *Westermanns Monatshefte*, *Wolgadeusche Schulblatt*, *Moskovskie novosti*, *Krasnaya niva*, *Ogonek*, *Vokrug sveta*, *Uchitel'skaya gazeta*, *Radiolyubitel'*, *Vsemirnyi sledopyt* and others.<sup>61</sup>

In 1924–1926, there were 8 German primary schools in the territory of the AzSSR and one secondary school in Helenendorf. The number of students of all those schools reached 1,303.<sup>62</sup>

One of the serious problems of German schools in Azerbaijan was the shortage of teaching staff. In order to solve it, the government of the republic began labor mobilization of teachers: they were released from military service, dismissed from work in other fields, and sent to educational institutions. Three-month teacher training courses were organized in cities and towns of Azerbaijan. The congresses of German teachers, the first of which was held in 1921, became an important step towards the consolidation of teaching forces.

In the future, the conferences of German teachers became annual. Topical issues of teacher training, textbooks, organization of the learning process, and boarding school for visiting students were discussed at the conferences.<sup>63</sup>

Concordia Agricultural Society provided significant support to all German schools in Azerbaijan. The functioning of German schools would have been unthinkable without the financial support of this cooperative.

The cooperative's headquarters were situated in Helenendorf. The cooperative united all eight German colonies of Azerbaijan. According to the charter of the cooperative, each colony had an accounting department. In the cooperative, much attention was paid to research activities as well as to solving issues related to spiritual and cultural life. The cooperative provided scholarships to children from low-income families. Textbooks, art, religious and children's literature, and stationery were

---

<sup>59</sup> “Protokol № 11 zasedaniya Pedagogicheskogo soveta s uchastiem chlenov Uchenicheskogo Komiteta ot 5-go sentyabrya 1919 goda” [Minutes no. 11 of the teachers' council meeting with the participation of the pupil committee members as of September 5, 1919]. F. 2602, op. 1, d. 14, l. 24. GAAR.

<sup>60</sup> “Odinnadtsati godovoi otchet Elenendorfskoi sovetskoi nemetskoi shkoly vtoroi stupeni za 1927/1928 god” [Eleventh annual report of the Helenendorf Soviet German secondary school for 1927/28]. F. 2368, op. 1, d. 11, l. 15. GAAR.

<sup>61</sup> Ibid.

<sup>62</sup> Zeinalova, *German colonies in Azerbaijan*, 18.

<sup>63</sup> “Bericht der Sitzung der deutscher Lehrer Aserbeidschans in Helenendorf am 4. Januar 1923.” F. 2368, op. 1, d. 69, l. 5. GAAR.



delivered to the colony with the help of Theodor Hummel, a representative of the cooperative in Berlin. Teachers for the schools for were invited from Germany. The language of instruction was German.<sup>64</sup> Further training in Germany of approximately 50 citizens of the German colonies, 20 of whom were from Helenendorf, was funded by Concordia.<sup>65</sup>



Laboratory of the wine-making cooperative Concordia in Helenendorf. 1927 г.  
Source: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Helenendorf1927Konkordialabor.jpg>

Active independent activities of Concordia in the economic and spiritual and cultural spheres of life could not but worry the Soviet authorities. As was to be expected, repression against Concordia began in 1925. In 1926, the trial of 16 Concordia board members took place in Baku. Among them were Gottlieb Hummel, Heinrich Forer, Robert Ongemach, Otto Zeiser, Fritz Reitenbach, and others. They were accused of counter-revolutionary and nationalist activities, preserving kulak property under the guise of a cooperative, and educating the younger generation in the German spirit. The defendants were sentenced to various terms of punishment. The process of sovietization of the cooperative began.

---

<sup>64</sup> “Svidetel'stva i prosheniya Elenendorfskogo real'nogo uchilishcha” [Certificates and petitions of the Helenendorf non-classical secondary school]. F. 2602, op. 1, d. 12, ll. 2, 7, 226. GAAR.

<sup>65</sup> Dzhafarli, *Political terror and the fate of the Azerbaijani Germans*, 17.



A shop of the Concordia cooperative in Baku. 1927.

Source: <https://azerhistory.com/?p=529>

On September 18, 1929, the next blow to Concordia followed when it was transformed into a regional association of local vineyard cooperatives, as a result of which the cooperative largely lost its independence.

In the second half of the 1920s, primary schools were transformed into seven-year schools. With the support of the cooperative, a mechanical engineering college with a six-year training period was established on the basis of the Helenendorf Soviet secondary school.<sup>66</sup> The seven-year school was transformed into the plant-cultivation (viticulture and winemaking) technical school with a three-year training period.<sup>67</sup> Classes at the school were held 6 days a week, for 6 hours every day. 70% of the total academic load was devoted to theory, and 30% to the practical training at production facilities, which began after the first year of study and was annual.<sup>68</sup>

The year 1930 was crucial in the fate of the Azerbaijani Germans: on February 24, the Presidium of the Ganja uyezd committee of the ACP(b) adopted “Practical proposals for the organization of collective farms in German villages.”<sup>69</sup> Continuous

<sup>66</sup> “Pis'mo v Gyandzhinskoe ONO ot zaveduyushchego Elenendorfskoi sovetskoi nemetskoj shkoly. 1926 god” [Letter to the Ganja public education department from the head of the Helenendorf Soviet German school. 1926]. F. 2368, op. 1, d. 38, l. 157. GAAR.

<sup>67</sup> “Ob'yasnitel'naya zapiska k uchebnomu planu tekhnikuma vinogradarstva i vinodeliya. 1932/1933 g.” [Explanatory note to the curriculum of the vocational school of viticulture and winemaking. 1932/33]. F. 2368, op. 1, d. 12, l. 10. GAAR.

<sup>68</sup> Ibid, l. 4.

<sup>69</sup> Zeinalova, *German colonies in Azerbaijan*, 141.



collectivization began, which was accompanied by an acute class and political struggle. Repression in the sphere of economy, education, and spiritual and cultural life continued in the following years.

The introduction of the Latin alphabet in 1925 instead of the traditional Gothic script used by the Germans made additional difficulties for the colonists. The advantages of the Latin script over the Gothic script were purely technical in nature. The new script was easier to print, to read, and to write. At the same time, the transition to the new alphabet made a big psychological problem for the adult population. The Germans perceived Gothic as exclusively German writing, in which their spiritual literature was written, therefore the rejection of the old script seemed to them a rejection of their national traditions. However, in creating national textbooks, it was not the transition to the Latin script but material difficulties that posed the main problem.

By the end of the 1930s, ideological issues had almost completely replaced teaching methods from the curricula of teacher training courses preparing teachers for national schools. No matter how painful the path of a young teacher was in the new conditions, the reality forced the older teachers to adapt and to take retraining courses and political attestations because this was the only way they could preserve their status and jobs at school.

The all-Union network of pedagogical colleges and institutes that existed at the beginning of the 1930s was unable to satisfy the shortage of national teaching staff in general, let alone to solve the problems of the Germans in the USSR in the sphere of education. Objective reasons for that were aggravated by the policy of sovietization of schools and the removal of unwanted persons. The shortage of teachers became chronic and had not been eliminated either by the end of the 1920s or in subsequent years. Many experienced teachers were fired for their religiousness. Constant rotation led to an increase in the percentage of inexperienced and poorly trained teachers.<sup>70</sup>

The shortage of personnel was created somehow artificially, for the sake of ideological attitudes. The system of professional training of German teachers began to take shape only in the early 1930s. At the same time, the result of such a purposeful personnel policy was the destruction of long-standing experience and traditions in teacher training. The removal of teachers from the old school led to a violation of continuity in the education of young people and to the destruction of traditional forms of work with children.

---

<sup>70</sup> “Pis'mo Narimanovskomu RONO ot zaveduyushchego Elenendorfskoi shkoly krest'yanskoi molodezhi ot 13 maya 1933 goda” [Letter to the Narimanov raion public education department from the head of the Helenendorf school of peasant youth as of May 13, 1933]. F. 2368, op. 1, d. 66, ll. 116, 117, 118. GAAR.



Church in the colony of Helenendorf. September 1908.

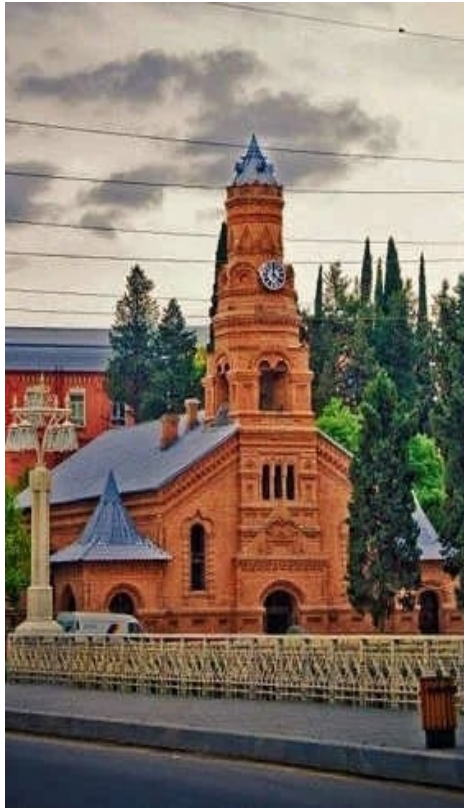
Source: Front cover of the book by S. Zeinalova *German colonies in Azerbaijan (1819–1914)* [in Russian] (Baku: Araz, 2002).

The decree of the Azrevkom as of May 15, 1920 “On freedom of conscience, church, and religious societies” (“On the separation of church from state and school from church”)<sup>71</sup> was of paramount importance in the fate of the German school. According to this decree, the teaching of the basics and the history of religion and church was canceled in all public schools. Thus, the church was completely separated from school.

---

<sup>71</sup> Musaeva, *Culture of Azerbaijan at the turn of eras*, 66.





Present condition of the Lutheran churches built in the early 20<sup>th</sup> century in the city of Ganja and in the colony of Annenfeld (now Shamkir, Azerbaijan)

Source: <https://zen.yandex.ru/media/azerbaijan/nemeckie-poselency-v-azerbaidjane--120-let-procvetaniia-i-mgnovennyi-konec-5d196e58be074c00af3eba57>

The German population was entirely religious, which was especially evident among Baptists and Beppleanists (it was the name of the Protestant sect founded in the middle of the 19<sup>th</sup> century by the preacher Adam Bepple from the Katharinenfeld colony in Georgia. – *I.K. oglu A.*). Under the new political conditions, the traditional foundations of the Germans came into sharp conflict with the theory and practice of Soviet construction, since historically religion occupied a special place in their lives.

In the second half of the 1920s, atheistic work and ideological pressure on teachers intensified. Removal of religious literature from school libraries began. Another step in the fight against religion was the introduction of a requirement for teachers to abandon religious activities, which became one of the conditions for the admission of teachers to work. Baptists and Beppleanists showed the greatest resistance to the new measures. By the end of 1920, the number of students in the German colonies had significantly decreased because some parents stopped sending their children to school. The population vigorously demanded the preservation of Scripture lessons. In order to remain free, the Germans did not apply to the Department of Education with requests for registration of schools in the unified system of public education.

Gradually, religious teachers were forced out of school, and it was at the time when there was an acute shortage of teaching staff in the colonial schools. The People's Commissariat for Education sent its cadres to replace them. The first criterion to be taken into account was not the pedagogical ability of the teachers, but their membership in the Communist Party.

At the same time, religion continued to play a special role in the life of the colonists. All but two of the colonies had churches and pastors. Pastors enjoyed great authority and could effectively influence public opinion on many issues.

Residents were hostile to the new teachers appointed by the education departments, believing that they “alienated” children from their families. To counterbalance the official school, the population spontaneously organized their own “schools not infected with atheism and communism” under the guise of literacy centers. As can be seen from the characteristics of German teachers, many of them actively participated in the literacy campaign.<sup>72</sup>

In the second half of the 1930s, in the plans of educational work of German colonist schools, a special place was given to international and anti-religious education of students conducted through discussions, reports, reading books and magazines. For the same purpose, matinees, amateur evenings, meetings of students from different schools were organized.<sup>73</sup> For anti-religious education, conversations on scientific topics were organized with special focus of students' attention on anti-religious points. Film shows, walks, physical education performances and amateur matinees were held during church service hours in order to distract students from church.

In 1937, when Stalin's repression became all-embracing, tragic events took place in German schools: religious and free-thinking teachers were released from work and replaced with pro-Soviet cadres. The local teachers were forced to turn a blind eye to the arbitrariness of the authorities and to adapt to the political situation, which is why speeches of the head of the Soviet state as well as instructions and decisions of the Communist Party were regularly discussed at the meetings of teachers' councils.

The Azerbaijani Germans did not accept the communist ideology and joined the ranks of the Bolshevik Party only under pressure of circumstances. In 1934, there were only 24 members of the VKP(b) among the entire population of German colonies in Azerbaijan. The authorities stated “an extremely weak party and

---

<sup>72</sup> “Pis'mo Narimanovskomu RONO ot zaveduyushogo Elenendorfskoi shkoly krest'yanskoi molodezhi ot 13 maya 1933 goda” [Letter to the Narimanov raion public education department from the head of the Helenendorf school of peasant youth as of May 13, 1933]. F. 2368, op. 1, d. 44, ll. 52, 52 ob., 53. GAAR.

<sup>73</sup> “Plan vospitatel'noi raboty Elenendorfskoi Internatsional'noi srednei shkoly na 1937/1938 uchebnyi god” [Plan of educational work of the Helenendorf international secondary school for the 1937/38 academic year]. F. 2368, op. 1, d. 9, l. 55. GAAR.

Komsomol stratum” among the German population; in some colonies there was not a single party member.<sup>74</sup>

After the National Socialists came to power in Germany in 1933, the attitude of the authorities towards the German population in the USSR dramatically changed for the worse. On June 4, 1934, a commission consisting of the representatives of the Narimanov district education department and the executive authorities of the colony, with the participation of the director of the Helenendorf school of peasant youth, arranged an inspection of the book stock of the school library. A statement on the withdrawal of the literature that was considered harmful for young people by the members of the commission was drawn up. All the withdrawn books were German.<sup>75</sup>

However, what was crucial for the colony and its school was the destruction of the decades-old structure of the economy and communal services, which resulted from the foundation of the uyezds of Khanlar and Shamkhor in the places of traditional settlement of German colonists. This led to the relocation of 4,000 administrative employees with their families<sup>76</sup> to these towns from other places, the displacement of Germans from managing positions, the requisition of their housing, the uprooting of vineyards for the construction of new administrative buildings.

According to archival materials, the bulk of the employees of the new administrative structures were Armenians. The Armenian settlers occupied the houses of the dispossessed Germans and distributed their movable and immovable property among themselves. As a result of the resettlement of Armenians and Assyrians to the previously most populous colony of Helenendorf, the Germans turned into a national minority there, since the number of the newly arrived families was in the hundreds. The liquidation of the Concordia cooperative and the arrest of many of its members were also directly connected with anti-German activities of the Armenians. It was the Armenian winemakers who slandered their competitor, the Concordia wine cooperative, and with it, the activities of the German colonists in general.<sup>77</sup>

---

<sup>74</sup> Dzhafarli, *Political terror and the fate of the Azerbaijani Germans*, 19.

<sup>75</sup> “Akt 1934-go goda, 4-go iyunya, koloniya Elenendorf” [Act of 1934, June 4, Helenendorf colony]. F. 2368, op. 1, d. 44, l. 40. GAAR.

<sup>76</sup> E.-M. Aukh and A. Aisfel'd, eds., *Concordia. Production cooperative of winegrowers and winemakers of the Ganja region* [in Russian] (Odessa: Astroprint, 2001), 16.

<sup>77</sup> Aukh and Aisfel'd, *Concordia*, 16, 18.





The Germans of Helenendorf during the grape harvest (the 1900s)

Source: <https://zen.yandex.ru/media/azerbajjan/nemeckie-poselency-v-azerbaidjane--120-let-procvetaniia-i-mgnovennyi-konec-5d196e58be074c00af3eba57>

In the period between December 20, 1934 and February 1935, the activities of Concordia were inspected by a government commission, after which the arrests of the cooperative's management personnel began. On July 9, 1935, 21 employees of the cooperative who were accused of organizing espionage activities were brought to trial. The verdict of the court was harsh: all the colonists, except two, were sentenced to different terms of imprisonment. On December 11, 1935, the German Consulate General in Tiflis stated the fact of the liquidation of German cooperatives in the South Caucasus and their subordination to the Transcaucasian Wine and Vodka Trust with Armenian and Russian-Georgian leadership.<sup>78</sup>

Repression against religious figures began. By the beginning of 1936, only 7 Lutheran pastors had remained in the territory of Azerbaijan, but they were arrested and convicted of espionage during the operation of 1936–38. The last of them, Otto Wenzel, was arrested in July 1940.

Teachers of German schools tried to avoid participation in the political events held by the authorities. Those who held high posts at schools either voluntarily left their positions to become ordinary school teachers or left school.

Teachers and religious figures were the primary targets of the Soviet punitive machine. In the mid-1930s, there were 7 German schools in Azerbaijan with ten- and

<sup>78</sup> Aukh and Aisfel'd, *Concordia*, 18.



seven-year study cycles. In general, in 1934 alone, 25 teachers were dismissed from German schools in Azerbaijan. In return, the People's Commissariat of Education of the AzSSR invited communist teachers from the Volga German Autonomous Soviet Socialist Republic and from other regions of the USSR to Azerbaijan.

Russification policy began to be actively implemented in German schools after the adoption of the resolution of the SNK of the USSR and the Central Committee of the VKP(b) "On the Obligatory Study of the Russian Language in National Republic and Regional Schools"<sup>79</sup> on March 13, 1938. In March–April 1938, similar resolutions were adopted by the republics of the Soviet Union. In the same year, the education system in German schools of Azerbaijan was forcibly reorganized. Despite the resistance of the administration and the teaching staff, all the "German national schools and educational institutions in one day" started teaching all subjects in Russian instead of German.<sup>80</sup>

The population of the colonies perceived this reorganization as another encroachment on the German school by the Soviet authorities and as an attempt to destroy the last proper German institution. It was considered an act of forced russification and armenization of the German colonies. It was from this period that the process of mass resettlement of the Armenian population to Helenendorf and Annenfeld began.

Monstrously unfair charges were brought against the German national schools and German teachers. The expulsion of national content from schools was accompanied by active search for "fascist agents" among the teachers. Repression incurred enormous damage to all levels of national education. The connection of generations and the continuity of traditions were broken.

On June 22, 1941, the war between the USSR and Germany began. After that the deportations of the German population of Ukraine and Crimea started. As the fascist army advanced deeper into the USSR, the question arose about the deportation of the German population from the Volga region and the Caucasus. On August 28, 1941, the Presidium of the Supreme Council of the USSR issued a decree "On the expulsion of Germans from the Volga region."<sup>81</sup> The Volga Germans were preventively accused of collaboration. According to the Decree, 446,480 Germans

---

<sup>79</sup> A.I. Vdovin, *Russians in the 20<sup>th</sup> century* [in Russian] (Moscow: OLMA-PRESS, 2004), 132.

<sup>80</sup> J. Schnurr, "Das Schul- und Bildungswesen in der UdSSR nach der Oktoberrevolution," in *Kalender 1955. Heimatbuch der Ostumsiedler*, Hg. Landsmannschaft der Deutschen aus Russland (Stuttgart: Druckservice Kammerberg, 1955), 62.

<sup>81</sup> "Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR 'O pereselenii nemtsev, prozhivayushchikh v raionakh Povolzh'ya'" [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR 'On the resettlement of Germans residing in the Volga region']. F. R7523, op. 4, d. 49, ll. 151–152. Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation], accessed April 24, 2022, <https://wolgadeutsche.net/library/item/594>

were deported from the Volga region to Siberia and Central Asia in September–October 1941.<sup>82</sup> Following the Volga Germans, Caucasian Germans were deported. The expulsion of Germans from the Caucasus took place in several stages. First, the Germans of the North Caucasus were deported. The decision to relocate Germans from the South Caucasus, including Azerbaijan, was made later, on October 8, 1941. It defined the term for the deportation of Germans from October 15 to October 30, 1941. As a result, 22,741 people of German nationality were deported from Azerbaijan; 23,580 people, from Georgia; 212 people, from Armenia. All of them were removed to Kazakhstan.<sup>83</sup>

### Conclusion

On consideration of the problems of education in German schools in the 1920s–30s, it is possible to make the following conclusions.

1) The history of the German school in Azerbaijan is directly connected with the history of the settlement of the first German colonists in this country in 1818, as the colonists brought the German traditions of universal education with them;

2) The colonist school had all the features of the German folk school, which was formed during the Reformation Movement. This explains such features of the German school as religiousness, the inseparable connection of school and church, strict discipline in the organization of educational process, the obligation to teach everyone regardless of gender, since school was the main step in preparing the younger generation for the rite of confirmation, that is for joining the religious community;

3) German schools in Azerbaijan went a long and difficult way in their development. The first colonist schools were built in the 1820s, and the process of forming the German national school continued until the 1930s. As a result of the population increase in the two main colonies in the second half of the 19th – early 20th century, 6 more “daughter” colonies appeared in Azerbaijan. Thus, during the period under review, there were 8 German colonies in Azerbaijan, and 10 German schools were functioning in them (3 schools in Helenendorf and one in each colony);

4) During the times of tsarist Russia, the Azerbaijan Democratic Republic (1918–20), and the years of Soviet rule (1920–30s), the German schools preserved their national character, which was understood as an opportunity to be educated in their native language and, among other things, to study history and culture of historical homeland. They were a kind of public school, where the curriculum included a

---

<sup>82</sup> N.F. Bugai, *Joseph Stalin – Lavrenti Beria: ‘They are to be deported’: documents, facts, commentary* [in Russian] (Moscow: Druzhba narodov, 1992), 37.

<sup>83</sup> Zeinalova, *German colonies in Azerbaijan*, 196.

national component, and students studied their native German language in order to preserve the cultural traditions of their people;

5) In the 1920s–30s, German schools in Azerbaijan still preserved the historically established German system “family – school – church.” The school and its teachers were under control of the colonist community and of local cooperatives, such as Concordia. Not only did the cooperative control the activities of the school, but it also supported it with funds, helping teachers with money, financing professional training of teachers, supplying providing the school library with books and periodicals. Among the forms of public control was punishment of parents of undisciplined students.

In German schools, self-organization issues were taken seriously, which is why teachers’ councils and student and parent committees were established there, teachers’ conferences were held, etc.

6) With the establishment of Soviet rule and Azerbaijan’s inclusion in the USSR, the process of sovietization and russification began in German colonies and, respectively, in their schools;

7) The attempts to expedite sovietization of German national schools in the 1930s led to devastating consequences. This was a disaster for them: many religious German teachers were banished from schools; new teachers were appointed in their place. When replacing teaching staff, the applicant’s membership in the Communist Party was much more important than their pedagogical abilities. The persecution of pastors began, and classes of anti-religious education of young people were taught in the German schools. As a result of Stalin’s repression, tragic events began to unfold in German schools after 1937: dozens of teachers and religious figures as well as the members of the Concordia cooperative who supported the schools were arrested on false charges; many of them were subsequently executed as agents of German fascism. Teaching in German was banned in the German schools in 1938. In October 1941 deportation Germans population began, and the entire German population of Azerbaijan was deported to Kazakhstan;

8) The national schools of the German colonies have become history, but the teaching methods that were used at these schools in the 1920s–30s are still relevant today. For almost 120 years of their existence, German national schools introduced a number of innovations in the education system of Azerbaijan. Organization of extra-curricular activities, special professional classes, voluntary cooperatives of schoolchildren and students as well as the introduction of traditional folk knowledge into the education system, teaching new subjects, the connection of teaching with practice and other methods of work of German schools have not lost their relevance in the present-day education system of Azerbaijan.

### Список литературы

- Алиев К. Немцы на Южном Кавказе или моя жизнь в Анненфельде. Баку: Элм, 2000. 112 с.
- Алиев К. Швабы в Азербайджане. Баку: Элм, 2003. 130 с.
- Ахундова Т. Немцы-колонисты Азербайджана (XIX – нач. XX вв.) Баку: Шуша, 1999. 122 с.
- Басихин П. Немецкие колонии на Кавказе. Этнографический очерк // Кавказский Вестник. 1900. № 1. С. 14–25.
- Бугай Н.Ф. И. Сталин – Л. Берии: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии. Москва: Дружба народов, 1992. 285 с.
- Вердиева Х.Ю. Немцы Северного Азербайджана в годы Первой мировой войны // Немцы в России и СССР: 1901–1941: материалы международной научной конференции (Москва, 17–19 сентября 1999 г.) / под редакцией А.А. Германа. Москва: Готика, 2000. С. 63–70.
- Вердиева Х.Ю. Немцы в Северном Азербайджане. Баку: Элм, 2009. 208 с.
- Вдовин А.И. Русские в XX веке. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 448 с.
- Гумбатова Т.Ф. Жизнь немцев-колонистов за Кавказом. Баку: [б. и.], 2005. 267 с.
- Гумбатова Т.Ф. Немцы и Баку. Баку: Çaşıođlu, 2008. 464 с.
- Зейналова С.М. Немецкие колонии в Азербайджане (1819–1941 гг.). Баку: Араз, 2002. 222 с.
- Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-демографический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.
- Ибрагимов Н.А. Немецкие страницы Азербайджана. Баку: Азербайджан, 1995. 200 с.
- Плохотнюк Т.Н. К вопросу о немецкой миграции в Северокавказском регионе // Вестник СГУ. 1998. № 15. С. 6–15.
- Джафарли М. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. 2-е изд. Баку: Vətən, 2003. 129 с.
- Мусаева Т. Культура Азербайджана на рубеже эпох (20–30-е годы XX столетия). Баку: Elm və Təhsil, 2015. 376 с.
- Назарли А.А. Народное образование в Азербайджанской Республике: 1918–1920 гг. Баку: Нурлан, 2008. 224 с.
- Никифоров Н.К. Экономический быт немецких колонистов в Закавказском крае // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис: Типография А.А. Михельсона, 1886. Т. 1. Ч. 1. С. 1–159.
- Hummel J. Allmähliche Entwicklung der Kolonisten // Kalender 1955. Heimatbuch der Ostumsiedler / Hg. Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. Stuttgart: Druckservice Kammerberg, 1955. S. 57–59.
- Schnurr J. Das Schul- und Bildungswesen in der UdSSR nach der Oktoberrevolution // Kalender 1955. Heimatbuch der Ostumsiedler, Hg. Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. Stuttgart: Herausgegebenen von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, 1955. S. 62–66.

### References

- Akhundova, T. *Nemtsy-kolonisty Azerbaidzhana (XIX – nach. XX vv.)* [German colonists of Azerbaijan (19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> centuries)]. Baku: Shusha, 1999. (In Russian)



- Aliev, K. *Nemtsy na Yuzhnom Kavkaze ili moya zhizn' v Annenfel'de* [Germans in the South Caucasus or my life in Annenfeld]. Baku: Elm, 2000. (In Russian)
- Aliev, K. *Shvaby v Azerbaidzhane* [Swabians in Azerbaijan]. Baku: Elm, 2003. (In Russian)
- Basikhin, P. “Nemetskie kolonii na Kavkaze. Etnograficheskiy ocherk” [German colonies in the Caucasus. An ethnographical essay]. *Kavkazskii Vestnik*, no. 1 (1900): 14–25. (In Russian)
- Bugai, N.F. *I. Stalin – L. Berii: ‘Ikh nado deportirovat’...’: dokumenty, fakty, kommentarii* [Joseph Stalin – Lavrenty Beria: “They are to be deported”: documents, facts, commentary]. Moscow: Druzhba narodov, 1992. (In Russian)
- Dzhafarli, M. *Politicheskii terror i sud'by azerbaidzhanskikh nemtsev* [Political terror and the fate of Azerbaijani Germans]. 2<sup>nd</sup> ed. Baku: Vətən, 2003. (In Russian)
- Gumbatova, T.F. *Nemtsy i Baku* [Germans and Baku]. Baku: Çaşıoğlu, 2008. (In Russian)
- Gumbatova, T.F. *Zhizn' nemtsev-kolonistov za Kavkazom* [The life of the German colonists beyond the Caucasus]. Baku: [n. p.], 2005. (In Russian)
- Hummel, J. “Allmähliche Entwicklung der Kolonisten.” In *Kalender 1955. Heimatbuch der Ostumsiedler*, Herausgegebenen von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, 57–59. Stuttgart: Druckservice Kammerberg, 1955.
- Ibragimov, N.A. *Nemetskie stranitsy Azerbaidzhana* [German pages of Azerbaijan]. Baku: Azerbaidzhan, 1995. (In Russian)
- Musaeva, T. *Kul'tura Azerbaidzhana na rubezhe epokh (20–30-e gody XX stoletiya)* [Culture of Azerbaijan at the turn of eras (the 1920s–1930s)]. Baku: Elm və Təhsil, 2015. (In Russian)
- Nazarli, A.A. *Narodnoe obrazovanie v Azerbaidzhanskoj Respublike: 1918–1920 gg.* [Public education in the Republic of Azerbaijan: 1918–1920]. Baku: Nurlan, 2008. (In Russian)
- Nikiforov, N.K. “Ekonomicheskii byt nemetskikh kolonistov v Zakavkazskom krae” [The economic life of German colonists in the Transcaucasian region]. In *Materialy dlya izucheniya ekonomicheskogo byta gosudarstvennykh krest'yan Zakavkazskogo kraja* [Materials for the study of economic life of state peasants in the Transcaucasian region], vol. 1, pt. 1, 1–159. Tiflis: Tipografiya A.A. Mikhel'sona, 1886. (In Russian)
- Plokhotnyuk, T.N. “K voprosu o nemetskoj migratsii v Severokavkazskom regione” [On the issue of German migration in the North Caucasus region]. *Vestnik SGU*, no. 15 (1998): 6–15. (In Russian)
- Schnurr, J. “Das Schul- und Bildungswesen in der UdSSR nach der Oktoberrevolution.” In *Kalender 1955. Heimatbuch der Ostumsiedler*, Herausgegebenen von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, 62–66. Stuttgart: Druckservice Kammerberg, 1955.
- Vdovin, A.I. *Russkie v XX veke* [Russians in the 20<sup>th</sup> century]. Moscow: OLMA-PRESS, 2004. (In Russian)
- Verdieva, Kh.Yu. “Nemtsy Severnogo Azerbaidzhana v gody Pervoi mirovoi voiny” [The Germans of Northern Azerbaijan during the First World War]. In *Nemtsy Rosii i SSSR: 1901–1941: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 17–19 sentyabrya 1999 g.)* [Germans of Russia and the USSR: 1901–1941: proceedings of the international scientific conference (Moscow, September 17–19, 1999)], edited by A.A. German, 63–70. Moscow: Gotika, 2000. (In Russian)
- Verdieva, Kh.Yu. *Nemtsy v Severnom Azerbaidzhane* [Germans in Northern Azerbaijan]. Baku: Elm, 2009. (In Russian)
- Zeinalova, S.M. *Nemetskie kolonii v Azerbaidzhane (1819–1941gg.)* [German colonies in Azerbaijan (1819–1941)]. Baku: Araz, 2002. (In Russian)

Zemskov, V.N. “Zaklyuchennyye, spetsposelentsy, ssyl'nposelentsy, ssyl'nye i vyslannyye (statistiko-demograficheskiy aspekt)” [Prisoners, special settlers, exiled settlers, exiles, and deportees (statistical demographic aspect)]. *Istoriya SSSR*, no. 5 (1991): 151–65. (In Russian)

### **Информация об авторе**

**Икiram Керим оглу Агасиев** – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом «Истории азербайджано-российских отношений», <https://orcid.org/0000-0003-0801-6683>, [ikramagasiyev@mail.ru](mailto:ikramagasiyev@mail.ru), Институт Истории имени А.А. Бакиханова (AZ1143 Азербайджанская Республика, г. Баку, пр. Г. Джавида, 115, Здание НАНА)

### **Information about the author**

**Aghasiev Ikiram Kerim oglu** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the department “History of Azerbaijani-Russian relations,” <https://orcid.org/0000-0003-0801-6683>, [ikramagasiyev@mail.ru](mailto:ikramagasiyev@mail.ru), A.A. Bakikhanov Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (NANA building, 115, G. Dzhavid ave., Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic).

---

Статья поступила в редакцию 19.04.2021; одобрена после рецензирования 17.06.2021; принята к публикации 24.06.2021.

The article was submitted 19.04.2021; approved after reviewing 17.06.2021; accepted for publication 24.06.2021.

# HISTORIA

PROVINCIAE-  
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ



РЕЦЕНЗИИ

---

REVIEWS

2022 · Vol. 6 · № 2

Рецензия

УДК 947.084.6

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-8>

## Еще раз о большевизме и демократии

*Рецензия на:* The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal Liberation, 1917–1941 / edited by L. Douds, J. Harris, P. Whitewood. London: Bloomsbury, 2020. 336 p.

**Игорь Константинович Богомолов,**

Институт научной информации по общественным наукам РАН,  
Москва, Россия,

[bogomolov@inion.ru](mailto:bogomolov@inion.ru); <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>

**Igor' K. Bogomolov,**

Institute of Scientific Information for Social Sciences  
of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia,

[bogomolov@inion.ru](mailto:bogomolov@inion.ru); <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>



**Аннотация.** Авторы рецензируемой коллективной монографии анализируют развитие советской политической системы в довоенный период. В центре внимания давний и по-прежнему актуальный вопрос о сценариях этого развития, возможностях избежать концентрации власти в одних руках и «культы личности». При этом авторы уходят от традиционной персонификации политического процесса в СССР, отводя на второй план борьбу в руководстве ВКП(б) в 1920-е гг. В центре внимания находятся сюжеты, которые на первый взгляд часто появляются на страницах научных изданий, но на деле остаются на периферии как «изученные» и малоинформативные, например – «всемирное обсуждение» Конституции 1936 г. или взгляды В.И. Ленина на демократию. Монография отражает современные тенденции в историографии и, несомненно, будет интересна как историкам, так и политологам.

**Ключевые слова:** Великая российская революция, Октябрьская революция, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Конституция 1936 г.

**Для цитирования:** Богомолов И.К. Еще раз о большевизме и демократии. *Рецензия на:* The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal Liberation, 1917–1941 / edited by L. Douds, J. Harris, P. Whitewood. London: Bloomsbury, 2020 // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 687–701, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-8>

---

© Богомолов И.К., 2022

© Bogomolov I., 2022



## Once again about Bolshevism and democracy

Review of Douds, L., J. Harris, and P. Whitewood, eds. *The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal Liberation, 1917–1941*. London: Bloomsbury, 2020.

**Abstract.** The authors of the volume under review consider the development of the Soviet political system during the pre-war period. They focus on the long-standing and still relevant issue of the scenarios for this development and the possibilities to avoid the concentration of power in a single pair of hands and the cult of personality. At the same time, the authors move away from the traditional personification of the political process in the USSR, relegating the struggle within the leadership of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (VКP(b)) in the 1920s to the background. The authors spotlight the episodes that seem to be mentioned on the pages of scholarly publications quite often but actually remain on the periphery of research, being considered as “well studied” and “of little uninformative value,” for example, the nation-wide discussion of the 1936 Constitution or Lenin’s views on democracy. The monograph shows current trends in historiography and will undoubtedly be of interest to historians and political scientists.

**Keywords:** Great Russian Revolution, October Revolution, Vladimir Lenin, Joseph Stalin, the 1936 Constitution

**For citation:** Bogomolov, I.K. “Once again about Bolshevism and democracy.” Review of Douds, L., J. Harris, and P. Whitewood, eds. *The fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal liberation, 1917–1941*. London: Bloomsbury, 2020. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2 (2022): 687–701, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-8>

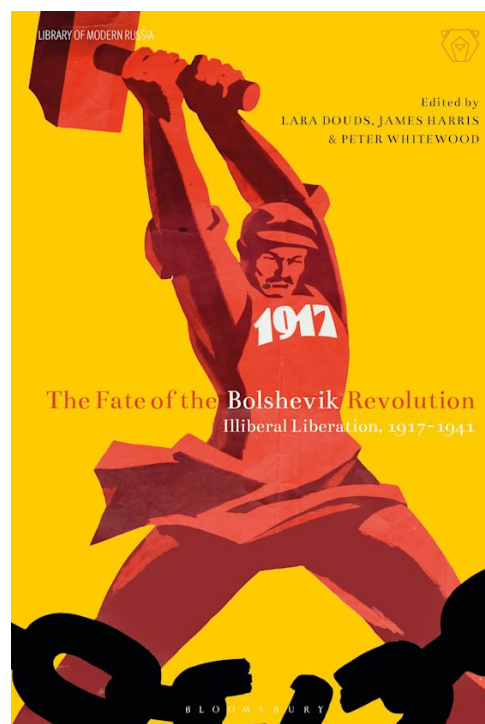
Вопрос о том, как большевистский режим прошел путь от освободительных декретов до диктатуры, находится в центре советских исследований («Soviet studies») в последние 100 лет. В своем труде «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956 г.) К. Фридрих и З. Бжезинский охарактеризовали РСДРП(б) как «тоталитарную партию», структура и отношения в которой сформировали в недалеком будущем основу диктатуры в СССР<sup>1</sup>. В 1950–1960-е гг. этот взгляд доминировал в историографии и литературе о советской политической системе<sup>2</sup>. «Ревизионисты» поставили под сомнение в том числе и этот постулат, пытаясь найти оттенки и полутона, прежде всего – в первом послереволюционном десятилетии. В 1970–1980-е гг. ленинизм зачастую противопоставлялся сталинизму, а в большевистском руководстве находились «демократы», которые в итоге были отдалены от власти или вовсе

<sup>1</sup> Friedrich C., Brzezinski Z. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge: Harvard University Press, 1965. P. 46–47.

<sup>2</sup> Pipes R. *The formation of the Soviet Union: communism and nationalism, 1917–1923*. Cambridge: Harvard University Press, 1954; Shapiro L. *The origin of the communist autocracy: political opposition in the Soviet State, first phase, 1917–1922*. Cambridge: Harvard University Press, 1955.

уничтожены<sup>3</sup>. Однако в основе историографии была и остается дихотомия «демократии» и «тоталитаризма», не допускающая даже возможности наличия демократических взглядов у В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и других советских руководителей. Несмотря на открытие большей части правительственных архивов в 1990-е гг., этот взгляд остается доминирующим. Во многом это связано с тем, что период после 1917 г. является, в сущности, частью современной российской политики и в обозримой перспективе не станет историей. Отсюда произрастает излишняя персонификация политической борьбы и в целом недостаточное внимание к деятельности органов власти в СССР на разных уровнях, особенно в довоенные десятилетия.

Авторы предпринимают попытку отойти от указанной дихотомии и выйти на новые горизонты изучения советской политической системы. По их признанию, задача эта нелегкая: исследователи и сегодня продолжают работать в рамках «парадигмы холодной войны» с четким распределением ролей «добра» и «зла», что до сих пор сильно сказывается на результатах научных исследований. Л. Доудс, Д. Харрис и П. Уайтвуд призывают активнее включать советский проект в контекст «реального демократического развития» в Европе начала XX в.<sup>4</sup> Само по себе предложение расширить взгляд, конечно, не ново. Уже более 20 лет развивается «модернистская школа», ставящая позднеимперскую и советскую



Россию в рамки общеевропейских политических, экономических и социальных процессов<sup>5</sup>. С этой точки зрения, большевиками в установлении диктатуры руководила не только «злая воля», но и внешние обстоятельства. Казалось бы, и в этой мысли тоже нет ничего нового. Как известно, покушение на Ленина и убийства В. Володарского и М.С. Урицкого стали поводом для начала «красного террора». С другой стороны, «хрупкой» демократия была не только в позднеимперской России, но и во всей Европе: падали коалиционные

<sup>3</sup> *Cohen S.* Bukharin and the Bolshevik Revolution: A political biography 1888–1938. London: Wildwood House, 1974.

<sup>4</sup> *The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal Liberation, 1917–1941* / edited by L. Douss, J. Harris, P. Whitewood. London: Bloomsbury, 2020. P. 2.

<sup>5</sup> *Russian modernity: Politics, knowledge, practices* / edited by Y. Kotsonis, D.L. Hoffmann. New York: Palgrave Macmillan, 1999.

правительства, устанавливались диктатуры, стремительно рос правый и левый популизм.

В революционной России среда для установления прочной демократии была еще менее пригодной. Развал экономики, Гражданская война и интервенция, сохраняющаяся внешняя угроза, восстания на окраинах и рост сепаратизма, низкий уровень грамотности населения, дефицит ресурсов и кадров – все это убедило большевистское руководство в том, что «расширение политического участия снизу было преждевременным»<sup>6</sup>. Авторы монографии пытаются проследить, как «верхи» и общество в раннем СССР искали компромисс в повседневной жизни, причем не только в политической, но и в социальной, и в культурной сферах. Изучение этого опыта сегодня представляется весьма полезным. В условиях экономического кризиса, этнических и классовых антагонизмов и «слабых традиций конституционализма», демократия сегодня, как и в первой половине XX в., «часто терпит неудачу»<sup>7</sup>. На этом фоне, считают авторы монографии, большевистская революция и революционная демократия как формы «нелиберального освобождения» не потеряли актуальность и по-прежнему требуют всестороннего анализа.

Монография состоит из шести разделов, каждый из которых включает несколько глав, связанных общей проблематикой. Первый раздел («Большевистская идеология и практика») – единственный, в котором подробно освещаются теоретические вопросы. Э. ван Рее попытался по-новому прочесть сочинения Ленина, написанные в период с марта по ноябрь 1917 г. При всей критике капиталистических государств, Ленин с энтузиазмом встречал новости об усилении влияния государства в Европе, призывал сокрушить власть старого чиновничества, но в то же время думал о создании нового. По сути, его концепция социализма была «откровенно бюрократической и технократической». Он дополнил и уравнивал свои предпочтения «элементом радикально-демократического утопизма», но его идеи находились под влиянием «мощных диктаторских, даже тиранических инстинктов»<sup>8</sup>. Само по себе утверждение, что Ленин имел диктаторские наклонности, не является новым и вполне вписывается в построения Фридриха и Бжезинского. Гораздо интереснее и полезнее вывод ван Рее, что взгляды Ленина на государственное строительство принципиально не отличались от взглядов К. Каутского и других современных ему немецких теоретиков социализма. Каутский еще в 1912 г. отмечал, что промышленное производство бюрократично по своей сути, что бюрократию необходимо контролировать, а не сокращать и тем более уничтожать<sup>9</sup>. Ленин мечтал об экономике, управляемой эффективной

<sup>6</sup> The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 10.

<sup>7</sup> The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 10.

<sup>8</sup> The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 28.

<sup>9</sup> The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 20.

бюрократией, и если бы все его планы были реализованы, то Советская Россия «превратилась бы в тот же ультрацентрализованный синдикат, которым она стала позже»<sup>10</sup>.

Хотя во введении к монографии много говорится о международном контексте, фактически ему посвящены лишь две главы. В одной из них Л. Лих сравнивает опыт немецких социал-демократов и большевиков в организации массовой партии. Печать, организованные митинги, шествия и концерты – все это активно применяла социал-демократическая партия Германии (СДПГ) и всего этого были совершенно лишены большевики в царской России. После прихода к власти они в полной мере развернули эти инструменты «массовизации» политики, но суть была уже совершенно иная: если германские социал-демократы таким путем распространяли свои идеи, то большевики легализовывали свою власть<sup>11</sup>.

Во втором разделе («Рабочая демократия и советское государственное строительство») рассматривается, как идеи «пролетарской» демократии претворялись в жизнь через советское государственное строительство. Авторы подчеркивают, что большевики, вопреки своей репутации, поначалу охотно и умело лавировали, вступали в тактические союзы с силами «справа» и учитывали региональную специфику. Это хорошо продемонстрировал Д. Ирвин на примере революционного Екатеринбурга. Интерес представляет также исследование Лары Доудс о феномене «ходоков» в первые годы советской власти. Появившиеся в средние века «челобитные» глубоко укоренились в массовом сознании как возможность прямого обращения к «царю-батюшке» со своими проблемами и нуждами. Доудс приходит к интересному выводу: большевики не только не могли, но и не хотели прерывать традицию прямого обращения народа к правителям. Парадоксальным образом она вписывалась в логику раннего большевизма: уничтожение старого чиновничества означало в том числе и стирание границ между «народными массами» и руководителем государства. Это яркий пример, демонстрирующий глубокие исторические корни авторитаризма большевиков, который невозможно объяснить «простыми злыми намерениями любого властолюбивого лидера»<sup>12</sup>.

Я. Кокосалакис отмечает недооценку кампании по «демократизации» партии на фоне принятия Конституции 1936 г. Призывы к ротации руководящих лиц и введению конкурентных выборов чаще всего воспринимаются как декорация, за которой скрывалось стремление Сталина укрепить свою власть и расправиться с остатками оппозиции. Не отрицая этих намерений, Кокосалакис утверждает, что «демократизация» была именно целью, а не декорацией. Ее стоит рассматривать как «амбициозный

<sup>10</sup> The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 28.

<sup>11</sup> The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 45.

<sup>12</sup> The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 75.



политический проект», вдохновленный марксистско-ленинской идеологией. Автор заключает, что эта кампания оказала заметное влияние на функционирование советского государства<sup>13</sup>. Однако представляется, что приведенных автором аргументов все же недостаточно. Формальным поводом для отмены конкурентных выборов стало начало Великой Отечественной войны, но для этого мог представиться и другой, даже внутривнутриполитический повод. К тому же, такая постановка вопроса вновь подводит к извечному спору о наличии или отсутствии у «вождя народов» демократических взглядов и замыкает на его личности политические процессы в СССР в 1930-е гг.

В третьем разделе («Внутрипартийная демократия») авторы пытаются найти глубинные причины появления сталинской диктатуры. Я. Тэтчер приходит к выводу, что Троцкий, подобно Ленину, так и не вывел баланс между демократизацией и бюрократизацией, излишне персонифицируя последнюю и считая ее предательством идеалов революции. С другой стороны, он признавал бюрократию неизбежным злом, а значит и появление Сталина – «лидера без качеств» – также было неизбежно. Свою борьбу 1923–1929 гг. он считал «безнадежной, но необходимой попыткой поддержать революционные традиции большевизма»<sup>14</sup>. Тэтчера поддержал Дж. Харрис в своей статье о внутрипартийной борьбе 1920-х гг. Интригам Сталина Троцкий противопоставлял «лобовые атаки» на большинство в Политбюро, что уже само по себе обрекало левую оппозицию на поражение. Автор подчеркивает, что Троцкий проиграл не столько Сталину, сколько его сторонникам в Политбюро и ЦК. Однако об этом сюжете и вообще об окружении двух лидеров автор упоминает весьма кратко.

Четвертый раздел («Репрессии и контроль») посвящен анализу истоков репрессивных кампаний 1920–1930-х гг. А. Гетти, к примеру, поднял недооцененную, но весьма перспективную тему роли региональных властей в розыске и поимке «врагов народа». По мнению автора, большевистское руководство опасалось реальных или воображаемых врагов и передавало функции «узаконенного насилия» местным властям и населению, которые получали право «решать, кого и сколько убивать»<sup>15</sup>. Вместе с тем, Гетти не стал уходить в крайность и взваливать ответственность только на регионы, отметив, что в проведении репрессивных кампаний 1937–1938 гг. они гораздо больше, чем раньше, «оглядывались» на Москву. О. Великанова также отметила растущую подозрительность в обществе в середине 1930-х гг. При обсуждении новой конституции требование реальных гражданских прав соседствовало с «массовым недовольством, неодобрением новых свобод, предупреждениями о многочисленных врагах и требованиями продолжения сегрегации “бывших

<sup>13</sup> The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 92.

<sup>14</sup> The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 106.

<sup>15</sup> The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 139.

людей”»<sup>16</sup>. Великанова подчеркивает, что влияние таких настроений на решение Сталина о начале «чисток» не стоит умалять. Среди недооцененных факторов репрессий О. Великанова и П. Уайтвуд называют и начало гражданской войны в Испании в 1936 г.

В пятом разделе («Межнациональные отношения и международные угрозы») рассматривается национальная политика в первые десятилетия советской власти. О. Палко приходит к важному выводу, что подход Москвы в отношениях с окраинами различался в зависимости от местных условий. Официальные декларации о стирающихся границах между национальностями соседствовали с процессами «коренизации» и постепенным формированием местных национальных элит. В советской Украине, отмечает Палко, процесс шел быстрее, чем в других республиках. Уже в 1920-е гг. новые национализированные элиты «начали бросать вызов центральному руководству, пытаясь получить контроль над структурой власти и принятием решений»<sup>17</sup>.

В шестом разделе («Культура и общество: эксперименты и контроль») поднимаются вопросы демократизации и уровня свободы образования и культуры в первые годы советской власти. Авторы подчеркивают, что большевики пытались лавировать в этих вопросах, постоянно меняя свои подходы в зависимости от внутри- и внешнеполитического положения. Э. Уиллимонт отмечает, что большевистское руководство в 1920-е гг. так и не смогло найти баланс между поощрением общественных организаций и их участием в реальном принятии политических решений. То же касалось и народного просвещения, отношение к которому большевиков было строго утилитарным. По мнению П. Корриган, замысел Ленина – «установить свободу прессы посредством пролетарского контроля над всей печатной продукцией»<sup>18</sup> – был трудноосуществим, так как не давал цензорам четких границ дозволенного. В 1930-е гг. это привело к парадоксальной ситуации, когда фактически неограниченная цензура постоянно критиковалась за неэффективную работу и непоследовательность.

В целом рецензируемая монография вполне вписывается в современные тенденции изучения раннесоветского периода. Одной из основных является постепенный отход от характеристики революции 1917 г. как «исторического водораздела», идущего вразрез с политическими и культурными традициями российского государства<sup>19</sup>. В последние годы также наблюдается отказ от персонификации политических процессов в раннем СССР. Авторы привели

<sup>16</sup> The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 151.

<sup>17</sup> The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 170.

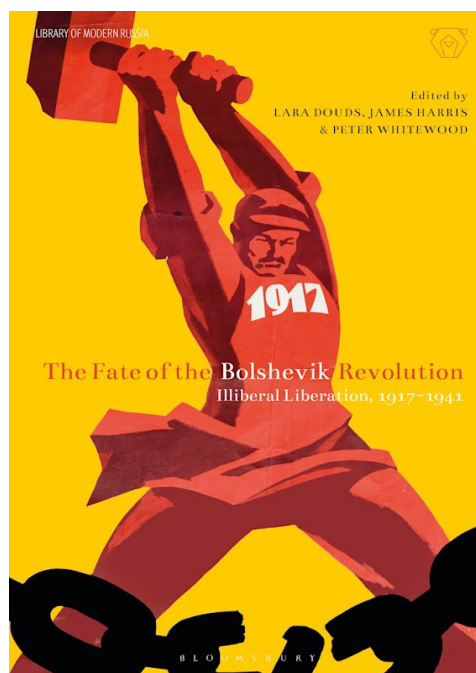
<sup>18</sup> The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 214.

<sup>19</sup> Rethinking the Russian revolution as historical divide / edited by M. Neumann, A. Willimott. London: Routledge, 2017.

яркие примеры преемственности и влияния российской политической традиции на большевиков после их прихода к власти. Однако повествование, за редким исключением, строится вокруг руководителей государства – Ленина, Сталина, Троцкого. Отметив важность международного контекста развития советской демократии, авторы, тем не менее, не уделили ему должного внимания, лишь вскользь упомянув гражданскую войну в Испании, смену режимов в Германии и Италии. Не вполне обоснованным выглядит ограничение исследования довоенным периодом. Думается, что экстремальные условия войны вынуждали людей быть самостоятельнее и инициативнее, что влияло и на деятельность местных органов власти. Образно говоря, «судьба» большевистской революции решалась не только под Царицыном в 1918–1919 гг., но и под Москвой и Сталинградом в 1941–1942 гг. Несмотря на указанные недочеты, рецензируемая монография определенно достойна внимания как образец взвешенного и разностороннего изучения советской политической системы в 1920–1930-е гг.



The question of how the Bolshevik regime proceeded from liberation decrees to dictatorship has been the focus of Soviet studies for the last 100 years. In their work *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* (1956), C. Friedrich and Z. Brzezinski described the Russian Social-Democratic Workers' Party (RSDRP(b)) as the totalitarian party whose structure and relations within formed the basis for dictatorship in the USSR in the near future.<sup>1</sup> In the 1950s–1960s this view dominated in historiography and literature on the Soviet political system.<sup>2</sup> The revisionists questioned this postulate as well, trying to find shades and halftones, primarily in the first post-



<sup>1</sup> C. Friedrich and Z. Brzezinski, *Totalitarian dictatorship and autocracy* (Cambridge: Harvard University Press, 1965), 46–47.

<sup>2</sup> R. Pipes, *The formation of the Soviet Union: communism and nationalism, 1917–1923* (Cambridge: Harvard University Press, 1954); L. Shapiro, *The origin of the communist autocracy: political opposition in the Soviet state, first phase, 1917–1922* (Cambridge: Harvard University Press, 1955).

revolutionary decade. In the 1970s–1980s Leninism was often opposed to Stalinism, and some “democrats” were found among the Bolshevik leadership who were eventually removed from power or completely destroyed.<sup>3</sup> However, historiography was and is still based in the dichotomy of democracy and totalitarianism, which does not admit even the slightest possibility of Lenin, Stalin, Trotsky, and other Soviet leaders holding democratic views. Despite the opening of the major part of the government archives in the 1990s, this view remains dominant. In many respects, it is connected with the fact that the period after 1917 in essence remains a part of contemporary Russian politics and will not become history in the foreseeable future. What stems from this is the excessive personification of the political struggle and generally insufficient attention to the activities of the USSR authorities at various levels, especially in the pre-war decades.

The authors made an attempt to move away from this dichotomy and to reach new horizons for studying the Soviet political system. They admit that this task is not easy: even today, the researchers still work within the framework of the “Cold War paradigm” with a clear distribution of the roles of “good” and “evil,” which still greatly affects the results of scientific research. Lara Douds, James Harris, and Peter Whitewood call for the Soviet project to be more actively included in the context of the real democratic development in Europe at the beginning of the 20<sup>th</sup> century.<sup>4</sup> Of course, the proposal to expand this view is not new. The modernist school of thought that places late imperial and Soviet Russia within the framework of common-European political, economic and social processes<sup>5</sup> has been developing for more than 20 years. From its point of view, in establishing the dictatorship, the Bolsheviks were guided not only by ill-will but also by external circumstances. It would seem that there is nothing new in this thought either. It is known that the beginning of the Red Terror was caused by the attempt on Lenin and the murders of V. Volodarsky and M. Uritsky. On the other hand, democracy was “fragile” not only in late imperial Russia but throughout Europe: coalition governments fell, dictatorships were established, and right-wing and left-wing populism grew rapidly.

In revolutionary Russia, the environment was even less suitable for the establishment of a stable democracy. The economic collapse, the Civil War and intervention, the continued external threat, the uprisings in the borderline regions and the growth of separatism, the low level of literacy of the population, the lack of resources and personnel – all this convinced the Bolshevik leadership that that “the

---

<sup>3</sup> S. Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A political biography 1888–1938* (London: Wildwood House, 1974).

<sup>4</sup> L. Douds, J. Harris, and P. Whitewood, eds., *The fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal liberation, 1917–1941* (London: Bloomsbury, 2020), 2.

<sup>5</sup> Y. Kotsonis and D.L. Hoffmann, eds., *Russian modernity: Politics, knowledge, practices* (New York: Palgrave Macmillan, 1999).



extension of political participation from below was premature.”<sup>6</sup> The authors of the monograph try to retrace the ways how the supreme authorities and society in the early USSR sought for a compromise in everyday life, only in the political but also in the social and cultural spheres of life. The study of this experience appears to be very useful today. “In contexts of economic crisis, ethnic and class divisions and weak traditions of constitutionalism, transparency, consensus-building and compromise, democracy can, and frequently does, fail”<sup>7</sup> as it did in the first half of the 20<sup>th</sup> century. The authors of the monograph believe that against this background, the Bolshevik revolution and revolutionary democracy as forms of “illiberal liberation” have not lost their relevance and still require a comprehensive analysis.

The monograph consists of six parts, each of which includes several chapters related to the common subject matter. The first part (“Bolshevik Ideology and Practice”) is the only one that covers theoretical issues in detail. Erik van Ree tried to read Lenin’s focuses on Lenin’s writings in the months March to November in a new way. In spite of the criticism of capitalist states, Lenin was enthusiastic about the news on the growing influence of the state in Europe and called for crushing the power of the old bureaucracy, but at the same time he was thinking about creating a new bureaucracy. In essence, his concept of socialism was straightforwardly bureaucratic and technocratic. He complemented and balanced his preferences with “an element of radical-democratic utopianism,” but his ideas were “overshadowed by powerful dictatorial, even tyrannical instincts.”<sup>8</sup> The statement that Lenin had dictatorial inclinations is not new and fits well within the theories of Friedrich and Brzezinski. Of much more interest and use is van Ree’s conclusion that Lenin’s views on state-building did not fundamentally differ from those of Karl Kautsky and other German theorists of socialism of that time. In 1912, Kautsky argued that it was in the nature of modern production to fall under a “bureaucratic organization.” Bureaucracies must be controlled, not reduced, let alone destroyed.<sup>9</sup> Lenin dreamed of the orderly socialist economy run by efficient bureaucracy, and if all his plans had been realized, “Soviet Russia would have turned out the same ultra-centralized syndicate it later became.”<sup>10</sup>

Although the introduction to the monograph gives much space to the international context, only two chapters actually cover it. In one of them, Lars T. Lih compares the experience of the German Social Democrats and the Bolsheviks in organizing a mass party. The press, organized rallies, processions, and concerts were – all these campaigning means were actively used by the Social Democratic Party of Germany

---

<sup>6</sup> Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 10.

<sup>7</sup> Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 10.

<sup>8</sup> Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 28.

<sup>9</sup> Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 20.

<sup>10</sup> Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 28.

(SPD), but the Bolsheviks in Tsarist Russia were deprived of them. After coming to power, they fully deployed these tools of massification of politics, but the essence was completely different. While the German Social Democrats pioneered the techniques of the permanent campaign in order to spread their message, the Bolsheviks used them in order to legalize their power.<sup>11</sup>

The second part (“Workers’ Democracy and Soviet State-Building”) examines how the ideas of “proletarian” democracy were put into practice through Soviet state-building. The authors emphasize that despite their reputation, at first the Bolsheviks maneuvered willingly and skillfully, making tactical alliances with the right-wing forces and took into account regional specificity. This was well demonstrated by Dakota Irvin through a case study of revolutionary Yekaterinburg. Of interest is the research into the phenomenon of petitioners (*khodoki*) in the early years of Soviet rule conducted by Lara Douds. The practice of petitions (*chelobitnaya*) that emerged in the Middle Ages were deeply rooted in the mass consciousness as an opportunity to address “Father the Tsar” directly with one’s problems and needs. Douds came to an interesting conclusion. The Bolsheviks could not break the tradition of directly addressing the ruler by the people, and they had no intention of doing that either. Paradoxically, they fitted into the logic of early Bolshevism. Among other things, the destruction of the old bureaucracy meant the erasure of boundaries between the masses and the leader of the state. This is a vivid example that illustrates the deep historical roots of Bolshevik authoritarianism, which can hardly be explained by “simple ill-intentions of any power-hungry leader.”<sup>12</sup>

Yiannis Kokosalakis points out that the campaign for the democratization of the party against the background of the adoption of the 1936 Constitution was underestimated. Calls for the rotation of leaders and the introduction of competitive elections are most often perceived as a decoration behind which Stalin’s desire to strengthen his power and crack down on the remnants of the opposition was hidden. Without denying these intentions, Kokosalakis argues that democratization was not the decoration but the goal. It should be viewed as an “ambitious political project” inspired by the Marxist-Leninist ideology. The author concludes that although not spectacular, the campaign “did have some appreciable effects on the functioning of the Soviet party-state.”<sup>13</sup> However, the arguments given by the author may seem insufficient. The outbreak of the Great Patriotic War served as a formal pretext for the cancellation of competitive elections, but another, even internal political reason could have been found for this. In addition, such a formulation of the issue leads us again to the eternal dispute whether the “leader of the peoples” had or had not

---

<sup>11</sup> Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 45.

<sup>12</sup> Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 75.

<sup>13</sup> Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 92.

democratic views and focuses the political processes in the USSR in the 1930s to his personality.

In the third part (“Internal Party Democracy”), the authors try to find the underlying causes of the Stalinist dictatorship. Ian D. Thatcher comes to the conclusion that Trotsky, like Lenin, never managed to balance between democratization and bureaucratization, overly personifying the latter and considering it as a betrayal of the ideals of the revolution. On the other hand, he recognized bureaucratization as an inevitable evil, and therefore the emergence of Stalin, “the leader without qualities,” was also inevitable. In retrospect, “he described his struggles of 1923–29 as a hopeless but necessary attempt to keep the revolutionary traditions of Bolshevism alive.”<sup>14</sup> Thatcher was supported by James Harris in his article on the internal party struggle in the 1920s. Trotsky countered Stalin’s intrigues with “frontal attacks” on the majority in the Politburo, which itself doomed the left-wing opposition to defeat. The author emphasizes that Trotsky lost not so much to Stalin as to his supporters in the Politburo and the Central Committee. However, the author mentions this storyline and the entourage of the two leaders in general very briefly.

The fourth part (“Repression and Moderation”) analyzes the origins of the repressive campaigns of the 1920s–1930s. J. Arch Getty, for example, raised an underestimated, but very promising topic of the role of regional authorities in the search and capture of “enemies of the people.” According to the author, the Bolshevik leadership was afraid of real or imagined enemies and transferred the functions of “licensing violence” to local authorities and the population who were given “the power to decide whom and how many to kill.”<sup>15</sup> At the same time, Getty did not decide to go to extremes and shift the blame on the regions. He noted that in carrying out the repressive campaigns of 1937–38 they “looked back” at Moscow much more often than before. Olga Velikanova also noted the growing suspicion in society in the mid-1930s. When discussing the new constitution, the demand for real civil rights “contrasted with mass discontent, disapproval of new liberties, warnings about numerous enemies and demands for continuing segregation of ‘former people’.”<sup>16</sup> Velikanova emphasizes that the influence of such sentiments on Stalin’s decision to start “purges” should not be underrated. Among the underestimated factors of repression Olga Velikanova and Peter Whitewood also mention the outbreak of the Spanish Civil War in 1936.

The fifth part (“National Tensions and International Threats”) examines national politics in the first decades of Soviet rule. Olena Palko makes an important conclusion. Moscow’s approach to relations with the outskirts differed depending on

---

<sup>14</sup> Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 106.

<sup>15</sup> Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 139.

<sup>16</sup> Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 151.

local conditions. Official declarations about the erasure of borders between nationalities coexisted with the processes of *korenizatsiya* (literally, indigenization) and gradual formation of local national elites. Palko notes that in Soviet Ukraine the process was faster than in other republics. In the 1920s “the new nationalized elites began challenging the central leadership, attempting to gain control over the power structure and decision-making.”<sup>17</sup>

The sixth part (“Culture and Society: Experimentation and Control”) raises issues of democratization and the level of freedom of education and culture in the early years of Soviet rule. The authors emphasize that as far as these issues were concerned, the Bolsheviks tried to maneuver and were constantly changing their approaches depending on the domestic and foreign political situation. Andy Willimott notes that in the 1920s the Bolshevik leadership failed to find a balance between encouraging public organizations and their participation in real political decision-making. The same applied to public education, the attitude of the Bolsheviks towards which was strictly utilitarian. According to Polly Corrigan, Lenin’s plan “to establish freedom of the press through proletarian control of all printed matter”<sup>18</sup> was difficult to implement, since it did not provide the censors with clear limits of what was normally allowed. In the 1930s, this led to the paradoxical situation when actually unlimited censorship was constantly criticized for being inefficient and inconsistent.

In general, the monograph under review fits in the current trends in the study of the early Soviet period perfectly well. One of these trends is the gradual shift from the characterization of the 1917 Revolution as “historical divide” that runs counter to the political and cultural traditions of the Russian state.<sup>19</sup> In recent years, there has also been a refusal to personify political processes in the early USSR. The authors cited vivid examples of the continuity and influence of the Russian political tradition on the Bolsheviks after their accession to power. However, the narrative, with rare exceptions, is built around the leaders of the state – Lenin, Stalin, and Trotsky. Noting the importance of the international context for the development of Soviet democracy, the authors, however, did not pay it due attention, making only a brief mention of the Spanish Civil War and the change of regimes in Germany and Italy. Limiting the study to the pre-war period does not appear entirely justified. The extreme conditions of the war forced people to be more independent and proactive, which also influenced the activities of local authorities. Figuratively speaking, the fate of the Bolshevik Revolution was decided not only near Tsaritsyno in 1918–19 but also near Moscow and Stalingrad in 1941–42. Despite these shortcomings, the

---

<sup>17</sup> Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 170.

<sup>18</sup> Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 214.

<sup>19</sup> M. Neumann and A. Willimott, eds., *Rethinking the Russian Revolution as historical divide* (London: Routledge, 2017).



monograph under review is definitely worthy of attention as an example of a balanced and versatile study of the Soviet political system in the 1920s–1930s.

### Список литературы

*Cohen S.* Bukharin and the Bolshevik Revolution: A political biography 1888–1938. London: Wildwood House, 1974. 495 p.

*Friedrich C., Brzezinski Z.* Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge: Harvard University Press, 1965. 439 p.

*Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and nationalism, 1917–1923. Cambridge: Harvard University Press, 1954. 355 p.

Rethinking the Russian Revolution as historical divide / edited by M. Neumann, A. Willimott. London: Routledge, 2017. 277 p.

Russian modernity: Politics, knowledge, practices / edited by Y. Kotsonis, D.L. Hoffmann. New York: Palgrave Macmillan, 1999. 287 p.

*Shapiro L.* The origin of the communist autocracy: Political opposition in the Soviet State, first phase, 1917–1922. Cambridge: Harvard University Press, 1955. 397 p.

The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal liberation, 1917–1941 / edited by L. Douds, J. Harris, P. Whitewood. London: Bloomsbury, 2020. 336 p.

### References

Cohen, S. *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A political biography 1888–1938*. London: Wildwood House, 1974.

Douds, L., J. Harris, and P. Whitewood, eds. *The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal liberation, 1917–1941*. London: Bloomsbury, 2020.

Friedrich, C., and Z. Brzezinski. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge: Harvard University Press, 1965.

Kotsonis, Y., and D.L. Hoffmann, eds. *Russian modernity: Politics, knowledge, practices*. New York: Palgrave Macmillan, 1999.

Neumann, M., and A. Willimott, eds. *Rethinking the Russian Revolution as historical divide*. London: Routledge, 2017.

Pipes, R. *The Formation of the Soviet Union: Communism and nationalism, 1917–1923*. Cambridge: Harvard University Press, 1954.

Shapiro, L. *The origin of the communist autocracy: Political opposition in the Soviet state, first phase, 1917–1922*. Cambridge: Harvard University Press, 1955.

### Информация об авторе

**Игорь Константинович Богомолов** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>, [bogomolov@inion.ru](mailto:bogomolov@inion.ru), Институт научной информации по общественным наукам РАН (117418 Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21)

---

**Information about the author**

**Igor' K. Bogomolov** – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher; <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>, bogomolov@inion.ru, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (51/21, Nakhimovskii prospekt, Moscow, 117418, Russia)

---

Статья поступила в редакцию 28.07.2021; принята к публикации 17.09.2021.

The article was submitted 28.07.2021; accepted for publication 17.09.2021.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 702–720  
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 2 (2022): 702–20

УДК 94(430)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-9>

## Новая монография Б.В. Петелина о канцлере германского единства

*Рецензия на:* Петелин Б.В. Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2021. 399 с.

**Евгений Сергеевич Добровольский,**  
Череповецкий государственный университет,  
МАОУ «Центр образования им. Милютина»,  
Череповец, Россия,  
[jekeedee@mail.ru](mailto:jekeedee@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0002-7701-5425>

**Evgenii S. Dobrovol'skii,**  
Cherepovets State University,  
Milyutin Education Centre  
Cherepovets, Russia,  
[jekeedee@mail.ru](mailto:jekeedee@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0002-7701-5425>



**Аннотация.** В рецензируемой монографии рассмотрены страницы жизни и политической деятельности канцлера германского единства – Гельмута Коля. Источниковую базу книги составили материалы как отечественных, так и немецких архивов, документальные сборники, мемуарные свидетельства, а также публикации по проблематике исследования. Благодаря этому автору удалось показать, что решение германского вопроса оказалось возможным не только в силу внешних и внутренних факторов, но во многом и благодаря политической воле Гельмута Коля.

**Ключевые слова:** Гельмут Коля, ФРГ, ХДС/ХСС, германский вопрос, Берлинская стена, объединение Германии

**Для цитирования:** Добровольский Е.С. Новая монография Б.В. Петелина о канцлере германского единства. *Рецензия на:* Петелин Б.В. Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2021 // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 702–720, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-9>

## New monograph by B.V. Petelin about the Chancellor of German unity

*Review of Petelin, B.V. Gel'mut Kol': byt' nemtsem. Stranitsy biografii* [Helmut Kohl: Being German. Biography pages]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2021. (In Russian)

**Abstract.** The monograph under review examines the pages of life and political activities of Helmut Kohl, the Chancellor of German unity. The source base of the book includes materials from Russian and German archives, documentary collections, memoirs, and publications on the subject under research. Thanks to this, the author was able to show that the solution of the German question was possible not only due to the external and internal factors but also due to the political will of Helmut Kohl.

**Keywords:** Helmut Kohl, Germany, CDU/CSU, German question, Berlin Wall, reunification of Germany

**For citation:** Dobrovolskii, E.S. "New monograph by B.V. Petelin about the Chancellor of German Unity". Review of Petelin, B.V. *Gel'mut Kol': byt' nemtsem. Stranitsy biografii* [Helmut Kohl: Being a German. Biography pages]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2021. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2 (2022): 702–20, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-9>

Монография о Гельмуте Коле известного российского ученого-германиста доктора исторических наук, профессора Череповецкого государственного университета Б.В. Петелина является результатом многолетней работы автора по изучению истории Христианско-демократического союза (ХДС) Германии, а также мирной революции 1989–1990 гг., приведшей к объединению страны и становлению единой Европы. Ранее ученым были написаны биографические труды о Вольфганге Шойбле<sup>1</sup>, Курте Биденкопфе<sup>2</sup> и Франце Йозефе Штраусе<sup>3</sup>.

В предисловии Б.В. Петелин ставит ряд вопросов: «как и каким образом Колю удалось объединить страну?»; «действительно ли счастье для Коля и всех разделенных стеной немцев упало с неба?»; или все же «канцлер оказался незаурядным политиком, стратегом и тонким тактиком?»<sup>4</sup>. На наш взгляд, в

---

<sup>1</sup> Петелин Б.В. Вольфганг Шойбле: долгая жизнь в политике // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 179–191.

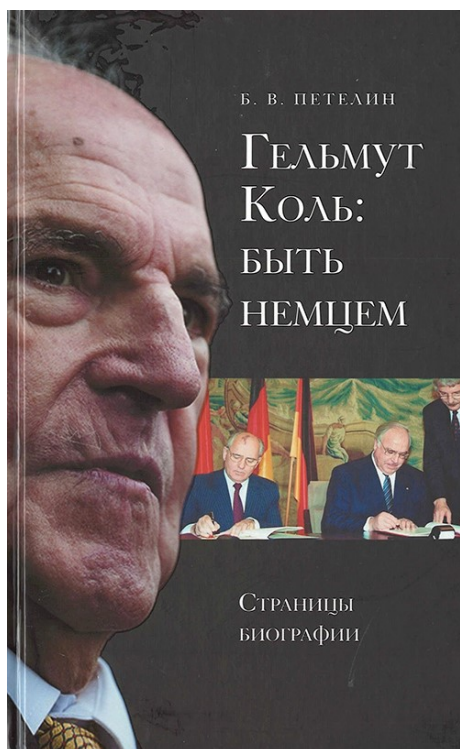
<sup>2</sup> Петелин Б.В. Курт Биденкопф // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 16–27.

<sup>3</sup> Петелин Б.В. Франц Йозеф Штраус – баварский политик европейского масштаба // Германия: государство, общество, человек: сборник научных статей. Серия: «Германские исследования в Сибири» / ответственный редактор Л.Н. Корнева. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2015. С. 205–218.

<sup>4</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2021. С. 8.



ходе повествования автор справляется с задачей и находит ответы на поставленные вопросы.



Первую главу «Гельмут Коль: становление политика» Б.В. Петелин посвящает формированию Коля как личности и как политического деятеля. Автор пишет, что будущий канцлер вырос в католической семье, где все терпимо относились к протестантам. Именно этот факт сыграл важную роль в выборе будущих политических предпочтений – христианской демократии. В 1946 г. Гельмут вступает в ХДС, а в следующем году активно участвует в создании в своем родном городе Людвигсхафене местного отделения молодежного союза партии. Б.В. Петелин отмечает, что Коль, еще учась в школе, высказал желание стать канцлером Германии. Он хотел видеть свою родину единой и пронес это желание через всю жизнь<sup>5</sup>. Автор показывает молодого Коля способным школьником и студентом с глубокими знаниями по истории, литературе, языку, юриспруденции, философии и говорит о том, что гуманитарный склад ума юноши повлиял на выбор его специализации: ею стали политические науки. Б.В. Петелин отмечает, что Коль понял, что нельзя отказываться от истории, какой бы она не была, как нельзя «преодолеть прошлое», не извлекая из него уроки для будущего<sup>6</sup>. Автор рассказывает о семье Коля, подробно останавливаясь на личности его первой жены – Ханнелоре, которая была настоящей опорой и тылом политика на протяжении почти всей его жизни и политической деятельности. Во втором параграфе первой главы Б.В. Петелин пишет о времени пребывания Коля на посту премьер-министра правительства земли Рейнланд-Пфальц. Именно в этот период, по мнению автора, Гельмут Коль начал формироваться как политик федерального уровня<sup>7</sup>. Амбициозное желание сделать Майнц одним из центров ФРГ способствовало росту его популярности как политического деятеля и за пределами этой федеральной земли. Именно такой подход к своим партийным обязанностям привел Коля в 1973 г. в кресло председателя ХДС. Правда, первые годы на этом посту были сложными: ХДС проигрывала на

<sup>5</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 13.

<sup>6</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 14.

<sup>7</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 24.

парламентских выборах 1976, 1980 гг., а также приходилось бороться с сильным влиянием председателя баварского ХСС Ф.Й. Штрауса, претендовавшего на лидерство внутри коалиции ХДС/ХСС. В верхах партии поначалу высказывались мнения о том, что «Коль – игрушка в руках Штрауса»<sup>8</sup>. С другой стороны, именно в эти же годы в союзе был подготовлен документ «Программа принципов», где кроме прочего разрабатывалась стратегия решения германского вопроса. Б.В. Петелин отмечает, что «германская политика Коля не имела бы успеха, если бы для нее не было оснований»<sup>9</sup>. В подтверждение своих слов автор приводит статистические данные, отражающие мнение немцев ФРГ и ГДР о расколе и объединении Германии, где мы видим тенденцию к желанию воссоединения<sup>10</sup>.

Во второй главе «На посту канцлера 1982–1989 гг.» Б.В. Петелин раскрывает политические реалии ФРГ и роль Коля в них накануне эпохального события – объединения Германии. В первом параграфе главы автор рассматривает аппарат германской политики, в котором, по его мнению, большую роль играло «Ведомство федерального канцлера». Исключительно здесь, а не в министерстве иностранных дел, решались сложные внешнеполитические вопросы, возможно, потому, что МИД возглавлял председатель СвДП Г.-Д. Геншер, а не представитель ХДС<sup>11</sup>. Автор детально знакомит читателя со структурой и деятельностью этого ведомства. Во втором параграфе главы автором рассматриваются возможности и варианты германской политики Коля. Тщательно анализируется первое правительственное заявление канцлера от 13 октября 1982 г., содержащее два центральных положения: «Национальное государство немцев разрушено. Немецкая нация осталась, и она будет существовать и далее». Автор справедливо отмечает, что этот краткий тезис вступал в противоречие с установившимся подходом ХДС/ХСС к идее «сохранения Германского рейха» и осознания ФРГ в качестве его «правопреемника»<sup>12</sup>. В третьем параграфе главы Б.В. Петелин пишет о германо-германских отношениях в 1980-е гг. и о роли в них канцлера ФРГ. Автор отмечает важность встреч Коля с руководством ГДР в интересах скорейшего решения германского вопроса. Так, в книге приводятся сведения о четырех встречах Коля с Э. Хонеккером, трех телефонных разговорах между ними и тридцати взаимных письменных обращениях, а также текст совместного заявления о двусторонних переговорах,

<sup>8</sup> Цит. по: *Петелин Б.В.* Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 27.

<sup>9</sup> *Петелин Б.В.* Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 35.

<sup>10</sup> *Петелин Б.В.* Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 38–41.

<sup>11</sup> *Петелин Б.В.* Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 50–51.

<sup>12</sup> *Петелин Б.В.* Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 65.

состоявшихся 12 марта 1985 г. в Москве<sup>13</sup>. Одной из важных частей германской политики ХДС/ХСС, по мнению Б.В. Петелина, стали ежегодные послания Коля «О положении нации в разделенной Германии», где содержалась информация о жизненных условиях в обеих Германиях, вносились предложения об экономической, культурной и политической помощи населению ГДР<sup>14</sup>. Такие послания, а также внимательное отношение Коля к восточногерманскому государству сделали возможным в 1987 г. визит в ФРГ Эриха Хоннекера, о чем говорится в четвертом параграфе главы. Автор приводит меткое выражение Коля о том, что «внутригерманская дверь открылась настолько широко, что стал возможен визит Хоннекера»<sup>15</sup>.

Третья, объемная глава монографии – «Германский вопрос» – повествует о событиях конца 1980-х гг., предшествовавших ключевому событию жизни канцлера Коля – падению Берлинской стены и объединению страны. В первом параграфе автор рассматривает взаимоотношения ФРГ и СССР в ракурсе попыток решения германского вопроса, основываясь на данных Горбачев-Фонда. Б.В. Петелин пишет о сенсационной поездке Штрауса в Москву в 1987 г. для переговоров с Горбачевым. Автор, отмечая антиамериканизм председателя ХСС, делает справедливый вывод о том, что

останься Штраус жив, объединение Германии, возможно, сопровождалось бы изменением роли США в Европе<sup>16</sup>.

Автор акцентирует внимание на символизме даты неожиданной смерти Штрауса – 3 октября 1988 г., ровно за два года до объединения Германии<sup>17</sup>. Во втором параграфе главы Б.В. Петелин рассматривает тему, практически не изученную в отечественной историографии и слабо изученную в немецкой историографии – внутривнутрипартийный конфликт в ХДС в 1988–1989 гг. между генеральным секретарем ХДС Х. Гайслером и председателем ХДС Г. Колем. «Основной причиной кризиса является то, что союз разделился на две партии: одна – правительственная, вторая – остальная часть ХДС. Вина за подобное положение возлагалась на Коля»<sup>18</sup>. Но «поход» против Коля не состоялся. Наоборот, высказав на партийном съезде в Висбадене идею о том, что ключ решения германского вопроса нужно искать в Москве, Коля нашел поддержку в лице А. Дреггера, председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге, который

<sup>13</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. С. 79–82.

<sup>14</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. С. 94.

<sup>15</sup> Цит. по: Петелин Б.В. Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. С. 105.

<sup>16</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. С. 135.

<sup>17</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. С. 140.

<sup>18</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. С. 144.

отметил, что в решении германского вопроса следует использовать «эру Горбачева»<sup>19</sup>. Б.В. Петелин подводит справедливый итог этого кризиса:

германское единство буквально спасло Коля, ибо после падения Берлинской стены думать о его смещении было просто неприлично<sup>20</sup>.

В третьем и четвертом параграфах главы рассматриваются аспекты сближения позиций Коля и Горбачева по германскому вопросу, а также события новой фазы в германо-германских отношениях. Автор пишет о первых встречах двух лидеров государств, отмечает некую эволюцию во взглядах политиков на потенциальное объединение Германии и единую Европу, отмечает слова Коля о том, что европейский процесс не является препятствием для германского единства<sup>21</sup>. Б.В. Петелин приводит статистические данные о социально-бытовой жизни граждан ФРГ и ГДР, отношении к общей национальной принадлежности немцев, к воссоединению Германии и к германскому вопросу, которые свидетельствовали о желании и осознании необходимости всем немцам жить в одной стране<sup>22</sup>.

Четвертая глава под названием «Так падают стены» посвящена событиям осени 1989 г., разворачивавшимся в Берлине. В первой главе параграфа автор практически по дням описывает шаги главных действующих лиц событий: Г. Коля, М.С. Горбачева, Э. Хонеккера, Г.-Д. Геншера, Р. Зайтерса, В. Шойбле, и анализируя их, делает следующий вывод:

период 1987–1989 гг. стал переломным в германской политике ХДС/ХСС. Такие изменения были вызваны влиянием советской перестройки. Вместе с тем руководство ФРГ не форсировало развитие революционных событий в ГДР. Политическое банкротство режима СЕПГ состоялось раньше, чем в повестку дня был внесен вопрос о воссоединении двух германских государств<sup>23</sup>.

Во втором параграфе главы автор пытается ответить на вопросы, каких «цветов» была революция в ГДР, каковы ее хронологические рамки? Б.В. Петелин полагает, что сами революционные события начались в октябре 1989 г. с массовых политических демонстраций, таких, например, как

<sup>19</sup> Цит. по: *Петелин Б.В.* Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 146.

<sup>20</sup> *Петелин Б.В.* Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 156.

<sup>21</sup> *Петелин Б.В.* Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 166.

<sup>22</sup> *Петелин Б.В.* Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 196–207.

<sup>23</sup> *Петелин Б.В.* Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 228–229.



«Лейпцигские демонстрации по понедельникам»<sup>24</sup>. Итогом этих событий стали отставки Э. Хонеккера и В. Штофа, на смену которым пришли Э. Кренц и Х. Модров. ГДР вступила в период политической агонии. Коль, понимая, что такие «приобретения терять нельзя, выдвигает ряд политических и экономических условий руководству ГДР», заявляя, что «только в этом случае ФРГ пойдет на обширную экономическую помощь»<sup>25</sup>. Б.В. Петелин не считает, что подобные заявления Г. Коля являлись ультиматумом для восточных немцев, так как по похожим сценариям уже шли экономические реформы в Венгрии и Польше<sup>26</sup>. В третьем параграфе главы автор ставит актуальный вопрос: «Почему рухнула Берлинская стена?» По мнению Б.В. Петелина, нельзя однозначно и безапелляционно ответить на то, было ли падение стены спонтанным или специально приуроченным к дате 9 ноября. Б.В. Петелин справедливо полагает, что в этом событии есть и доля случайности и планомерные шаги: «так распорядилась история, но не без всякой внутренней связи»<sup>27</sup>. Далее автор практически поминутно составляет хронологию событий 9 ноября 1989 г. по обе стороны стены, приводит судьбоносные слова Гюнтера Шабовски о «положении, немедленно вступающем в силу»<sup>28</sup>. Б.В. Петелин пишет о выступлении Коля 10 ноября в Западном Берлине перед Шёнебергской ратушей, где «канцлер проявил не только самообладание, но и чувство прозорливости, когда в бушующей толпе произнес эмоциональную речь, обозначив в ней главную цель в начавшихся переменах – воссоединение нации». Далее приводится полный текст выступления канцлера<sup>29</sup>.

Пятая глава «Канцлер германского единства» повествует о событиях после падения Берлинской стены и до объединения Германии 3 октября 1990 г. В первом параграфе главы рассматриваются планы по воссоединению страны. Автор подробно останавливается на «Программе 10 пунктов» Коля и плане Х. Модрова. Б.В. Петелин полагает, что после «публикации программы ФРГ переходит к массивному вмешательству во внутренние дела ГДР. Без подобного вмешательства процесс объединения был бы невыносим, а политика Коля рассчитана на совместные действия властей ГДР и ФРГ»<sup>30</sup>. Также автор пишет об истории создания этого документа.

<sup>24</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 231.

<sup>25</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 244–245.

<sup>26</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 245.

<sup>27</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 247.

<sup>28</sup> Цит. по: Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 251.

<sup>29</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 257–260.

<sup>30</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 272.

В основе плана Коля лежала идея Модрова о договорном сообществе между ФРГ и ГДР, но, если далее не развивать эту идею, значит плыть по течению вслед за ГДР<sup>31</sup>.

Поэтому Гельмут Коль, проявляя инициативу, предложил свой взгляд на будущее единой Германии. Автор приводит суть идеи канцлера:

от договорного сообщества между ФРГ и ГДР к конфедеративным структурам, а от них к федеративно-государственному строю в Германии. Коль не принял термин конфедерация, посчитав, что подобная форма государственного устройства может закрыть дальнейшее продвижение к воссоединению страны<sup>32</sup>.

Кроме того, идея конфедерации восходила к планам В. Ульбрихта 1950-х гг., и Коль не хотел повторять идею коммунистического руководителя ГДР. Далее автором описывается суть германской политики Коля и перипетии решения этого вопроса внутри партийной коалиции ХДС/ХСС. Во втором параграфе повествуется об участии ФРГ в политическом строительстве в ГДР. Особое внимание автор уделяет вопросу выбора Колем своих политических партнеров в ГДР. Этот вопрос был важен и одновременно труден для канцлера, так как предстоящие в 1990 г. выборы в ГДР должны были стать судьбоносными в событиях октября 1990 г. Б.В. Петелин отмечает решающую роль Коля в создании демократического центристского блока, получившего название «Альянс за Германию»<sup>33</sup>. В третьем параграфе главы автор рассуждает о возможности «спасения» ГДР при условии объединения Германии, пишет о провале плана «За Германию – единое Отечество» Х. Модрова, отмечает уклончивую позицию Горбачева в беседе с представителями ГДР. По мнению Петелина, идея Коля о создании внутригерманского валютного союза путем введения западногерманской марки в ГДР похоронила шансы на малейшую самостоятельность восточной Германии. «Это было сильным ходом канцлера, что было использовано в борьбе за голоса восточногерманских избирателей»<sup>34</sup>.

Как в свое время денежная реформа в Западной Германии способствовала расколу, так в 1990 г. единая немецкая марка объединяла страну<sup>35</sup>.

<sup>31</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 278.

<sup>32</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 279–280.

<sup>33</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 309.

<sup>34</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 316.

<sup>35</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 336.

Во время переговоров в Москве с Горбачевым Коля открыто заявил, сославшись на слова К. Аденауэра, что «германский вопрос можно решить только под европейской крышей»<sup>36</sup>. По сути, к февралю 1990 г. вопрос об объединении Германии был решен, в этом одну из главных ролей сыграл Гельмут Коля. Резюмируя шаги канцлера в начале 1990 г., Б.В. Петелин пишет:

Следует отдать должное Колю в том, что процесс объединения не вылился в то, что именовалось реваншизмом, что националистические настроения не взяли верх в массовых выступлениях<sup>37</sup>.

Последний параграф главы автор посвятил выборам 18 марта 1990 г. в ГДР. Приводятся результаты выборов, где ожидаемо победу одержал «Альянс за Германию», который жителями ГДР виделся в качестве надежного партнера канцлера Коля, отстаивавшего его политику. Стоит согласиться с Б.В. Петелиным в том, что главную роль в победе «Альянса» на выборах сыграл личностный фактор, «в 1990 г. канцлеру удавалось все»<sup>38</sup>.

Шестая глава «К единой Европе» посвящена еще одному делу, которое оставалось сделать канцлеру после объединения Германии – «объединить» Европу. Достижение этой цели облегчил распад СССР. По мнению автора, «Германии просто суждено было стать локомотивом европейской интеграции»<sup>39</sup>. В этом процессе главным значился переход на единую европейскую валюту. «Немцев сблизил марка ФРГ, единая валюта – евро – должна была стать фактором объединения Европы»<sup>40</sup>.

В последней главе «Превратности судьбы» Б.В. Петелин подводит итог жизни и политической деятельности Гельмута Коля. В первом параграфе «Теперь он уже не ХДС» автор пишет о поражении ХДС/ХСС на выборах 1998 г., после которых Коля перестал быть канцлером и в 2000 г. был вынужден уйти с поста председателя ХДС. Все эти события Б.В. Петелин связывает с невзгодами, которые разом обрушились на Коля: тяжелая болезнь жены и «афера с черными кассами» – финансирование ХДС в обход законодательства<sup>41</sup>. Во втором параграфе главы речь идет о жизни Коля вне политики. Особое внимание автор уделяет трагическому добровольному уходу из жизни Ханнелоре Коля в 2001 г., обусловленному тяжелой, неизлечимой

<sup>36</sup> Цит. по: *Петелин Б.В.* Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. С. 320.

<sup>37</sup> *Петелин Б.В.* Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. С. 323.

<sup>38</sup> *Петелин Б.В.* Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. С. 329.

<sup>39</sup> *Петелин Б.В.* Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. С. 354

<sup>40</sup> *Петелин Б.В.* Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. С. 355.

<sup>41</sup> *Петелин Б.В.* Гельмут Коля: быть немцем. Страницы биографии. С. 362.

болезнью. В этом разделе книги Б.В. Петелин отмечает работу Коля над мемуарами, женитьбу на Майке Рихтер в 2008 г. и смерть, последовавшую в 2017 г.

Заканчивает Борис Валентинович свой труд послесловием, в котором хотелось бы отметить следующие слова:

Гельмут Коль мог убедиться в правоте своих достижений. Его наследие – единая Германия в единой Европе – при всех нюансах текущих событий сохраняет основную конструкцию... Германия простилась с ним достойно. На высшем государственном уровне<sup>42</sup>.

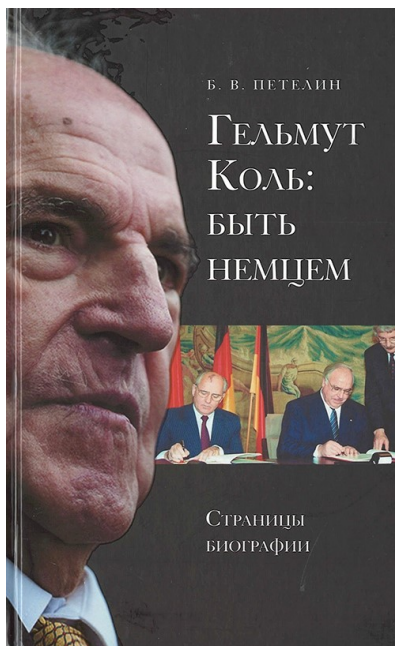
Монография содержит приложения с развернутой структурой ведомства федерального канцлера по состоянию на 15 июня 1985 г., а также хронологию жизни и деятельности Гельмута Коля, список литературы и источников. Выводы автора убедительны и обоснованы. Прочтя монографию Б.В. Петелина, российские историки обогатят свои знания малоизвестными и важными для понимания хитросплетений германского вопроса и европейской политики конца XX в. фактами и оценками, которые смогут использовать в научной и преподавательской деятельности.



<sup>42</sup> Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. С. 381–382.



## New monograph by B.V. Petelin about the Chancellor of German unity



The monograph about Helmut Kohl by B. Petelin, a renowned expert in German Studies, Doctor of Historical Sciences, Professor of Cherepovets State University, is the result of the author's long-term work on the study of the history of the Christian Democratic Union of Germany (CDU) and the Peaceful Revolution of 1989–90, which led to the reunification of the country and the formation of united Europe. Earlier, the scientist wrote biographical works about Wolfgang Schäuble,<sup>1</sup> Kurt Biedenkopf,<sup>2</sup> and Franz Josef Strauss.<sup>3</sup>

In the preface, B. Petelin raised a number of questions. How did Kohl manage to unite the country? Was it sheer luck for Kohl and all those Germans who were separated by the wall or did the chancellor turn out to be an outstanding politician and strategist as well as a fine tactician?<sup>4</sup> In my opinion, the author coped with the task in the course of narration and found answers to the questions posed.

B. Petelin devoted the first chapter (“Helmut Kohl: The Formation of a Politician”) to the early days of Kohl as a person and a political figure. The author wrote that the chancellor to be grew up in a Catholic family, where everyone was tolerant of Protestants. It was this fact that played an important role in his choice of Christian democracy as a political preference in the future. In 1946, Helmut joined the CDU, and the following year he actively participated in the establishment of a local branch of the party's youth union in his hometown of Ludwigshafen. B. Petelin noted that while still at school, Kohl expressed a desire to become Chancellor of Germany. He wanted to see his homeland united and carried this desire through his whole life.<sup>5</sup> The author described young Kohl as a capable schoolboy and a student with deep knowledge of history, literature, language, law and philosophy and indicated that the young man's humanitarian mindset influenced the choice of his specialization in political sciences. B. Petelin noted that Kohl realized that it was

<sup>1</sup> B.V. Petelin, “Wolfgang Schäuble: A long life in politics” [in Russian], *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 3 (2020): 179–91.

<sup>2</sup> B.V. Petelin, “Kurt Biedenkopf” [In Russian], *Voprosy istorii*, no. 11 (2016): 16–27.

<sup>3</sup> B.V. Petelin, “Franz Josef Strauss – a Bavarian politician of European scale” [in Russian], in *Germany: State, society, man: a collection of scientific articles*, German studies in Siberia, ed. by L.N. Korneva (Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2015), 205–18.

<sup>4</sup> B.V. Petelin, *Helmut Kohl: Being a German. Biography pages* [in Russian] (St Petersburg: Vladimir Dal', 2021), 8.

<sup>5</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 13.

impossible to abandon history, whatever it could be, as it was impossible to “overcome the past” without drawing lessons from it for the future.<sup>6</sup> The author told the reader about Kohl’s family, giving much space to the personality of his first wife Hannelore, who was his tower of strength throughout almost all of his life and political activity. In the second section of the first chapter, B. Petelin considered Kohl’s term of office as Prime Minister of Rhineland-Palatinate. According to the author, it was during that period that Helmut Kohl began to transform into a politician of the federal level.<sup>7</sup> The ambitious desire to make Mainz a center of the Federal Republic of Germany contributed to the growth of his popularity as a politician outside this federal state. It was this approach to his party duties that led Kohl to preside over the CDU in 1973. However, the first years in this post were difficult: the CDU lost the 1976 and the 1980 parliamentary elections and also had to contend with the strong influence of F.J. Strauss, the chairman of the Bavarian CSU, who claimed leadership within the CDU/CSU coalition. Initially, the leadership of the party expressed opinions that Kohl was a “toy in the hands of Strauss.”<sup>8</sup> On the other hand, during those years the union drafted the Fundamental Program, which, among other things, outlined the strategy for solving the German question. B. Petelin noted that “Kohl’s German policy would not have been successful if there had been no grounds for it.”<sup>9</sup> To support his words, the author cited statistical data reflecting the opinion of the West and East Germans about the split and reunification of Germany, which reveals a clear tendency towards the desire for reunification.<sup>10</sup>

In the second chapter (“In Office as Chancellor, 1982–89”), B. Petelin described the political situation in Germany and Kohl’s role in it on the eve of the epoch-making event – the reunification of Germany. In the first section of the chapter, the author examined German political system of the time, in which, in his opinion, the Federal Chancellery played a major role. It was not in the Ministry of Foreign Affairs but there that complex foreign policy issues were resolved, perhaps, because the Foreign Ministry was headed by the chairman of the FDP H.-D. Genscher but not by a representative of the CDU.<sup>11</sup> The author described the structure and activities of this department in detail. In the second section of the chapter, the author examined the opportunities and options of Kohl’s German policy. The first government statement of the Chancellor as of October 13, 1982 was considered in detail. It contained two central provisions: the national state of the Germans was destroyed; the German nation remained and would continue to exist. The author pointed out that this brief thesis contradicted the established approach of the CDU/CSU to the idea of

---

<sup>6</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 14.

<sup>7</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 24.

<sup>8</sup> Cited in Petelin, *Helmut Kohl*, 27.

<sup>9</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 35.

<sup>10</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 38–41.

<sup>11</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 50–51.

“preserving the German Reich” and apprehending the FRG as its “legal successor.”<sup>12</sup> In the third paragraph of the chapter B. Petelin wrote about German–German relations in the 1980s and the role of the German Chancellor in them. The author noted the importance of Kohl’s meetings with the leadership of the GDR aimed at expediting the resolution of the German question. The book contains information about four meetings between Kohl and E. Honecker, three telephone conversations between them, thirty mutual written appeals, and the text of a joint statement on bilateral negotiations held on March 12, 1985 in Moscow.<sup>13</sup> According to B. Petelin, Kohl’s annual addresses on the state of the Nation in a divided Germany constituted an important part of the German policy of the CDU/ CSU. The addresses contained information about living conditions in both German states and proposals for economic, cultural and political assistance to the population of the GDR.<sup>14</sup> These addresses and Kohl’s attentive attitude to East Germany made possible Erich Honecker’s visit to West Germany in 1987, which is described in the fourth section of the chapter. The author cited Kohl’s apt remark that the intra-German door opened so wide that Honecker’s visit became possible.<sup>15</sup>

The third voluminous chapter of the monograph (“The German Question”) tells the reader about the events of the late 1980s that preceded the key event in the life of Chancellor Kohl – the fall of the Berlin Wall and the reunification of the country. In the first section, the author considered the relations between the FRG and the USSR from the perspective of attempts to resolve the German question. Based on the data of the Gorbachev Foundation, B. Petelin wrote about Strauss’s sensational trip to Moscow in 1987 to negotiate with Gorbachev. The author noted the anti-Americanism of the CSU chairman and made a fair conclusion that

were Strauss alive, the reunification of Germany might have been accompanied by a change in the role of the USA in Europe.<sup>16</sup>

The author stressed the symbolism of the date of Strauss’s sudden death on October 3, 1988, two years precisely before the reunification of Germany.<sup>17</sup> In the second section of the chapter, B. Petelin considered the topic that has hardly been given any attention by Russian historiography and has been very little studied by German historiography so far. It is the intra-party conflict in the CDU in 1988–89 between Heiner Geissler, Secretary General of the CDU, and Kohl Chairman, of the

---

<sup>12</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 65.

<sup>13</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 79–82.

<sup>14</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 94.

<sup>15</sup> Cited in Petelin, *Helmut Kohl*, 105.

<sup>16</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 135.

<sup>17</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 140.

CDU. “The main reason for the crisis was that the union split into two parties, one of them being the government and another one, the rest of the CDU. The blame for such a situation was laid on Kohl.”<sup>18</sup> But the “campaign” against Kohl did not take place. On the contrary, at the party congress in Wiesbaden, Kohl expressed the idea that the key to solving the German question should be sought in Moscow and thus enlisted the support of A. Dregger, chairman of the CDU/CSU faction in the Bundestag, who noted that the “Gorbachev era” should be used in solving the German question.<sup>19</sup> B. Petelin summed up the fair result of this crisis:

German unity literally saved Kohl because after the fall of the Berlin Wall, it was simply indecent to think about his removal.<sup>20</sup>

The third and fourth sections of the chapter consider the aspects of convergence of Kohl’s and Gorbachev’s views on the German question as well as the events of the new phase in German–German relations. The author considered the first meetings of the two state leaders, noted a certain evolution in the views of the politicians on the potential reunification of Germany and a united Europe, and pointed out Kohl’s words that the European process was not an obstacle to German unity.<sup>21</sup> B. Petelin cited statistical data on the social and everyday life of the citizens of West and East Germany, the attitude to the common national identity of the Germans, the reunification of Germany, and the German question. The data testified to the desire and awareness of the need for all Germans to live in one country.<sup>22</sup>

The fourth chapter (“This Is How the Walls Fall”) is devoted to the events of the fall of 1989 in Berlin. In the first section of the chapter, the author described the steps of the main actors of the events (G. Kohl, M. Gorbachev, E. Honecker, H.-D. Genscher, R. Seitzers, W. Schäuble) almost day by day and drew the following conclusion from the analysis:

The period of 1987–89 was a turning point in the German policy of the CDU/CSU. Such changes were caused by the influence of Soviet perestroika. At the same time, the leadership of the FRG did not force the development of revolutionary events in the GDR. The political bankruptcy of the SED regime had taken place earlier than the issue of the reunification of the two German states was put on the agenda.<sup>23</sup>

---

<sup>18</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 144.

<sup>19</sup> Cited in Petelin, *Helmut Kohl*, 146.

<sup>20</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 156.

<sup>21</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 166.

<sup>22</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 196–207.

<sup>23</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 228–29.



In the second section of the chapter, the author tried to answer the questions what the “colors” of the revolution in the GDR were and what its chronological framework was. B. Petelin believes the revolutionary events to begin in October 1989 with mass political demonstrations, such as the Monday Demonstrations in Leipzig.<sup>24</sup> These events resulted in the resignations of E. Honecker and W. Stoph who were replaced by E. Krenz and H. Modrow. The GDR entered a period of political agony. Realizing that “such achievements should not be lost,” Kohl imposed a number of political and economic conditions on the leadership of the GDR, stating that “only in this case the FRG would agree to render extensive economic assistance.”<sup>25</sup> B. Petelin does not believe such statements by H. Kohl to be an ultimatum to the East Germans, since economic reforms that were already underway in Hungary and Poland followed similar patterns.<sup>26</sup> In the third section of the chapter, the author posed a topical question why the Berlin Wall collapsed. According to B. Petelin, it is impossible to unequivocally and categorically answer whether the fall of the wall was spontaneous or specially timed to the date of November 9. B. Petelin rightly believes that there was an element of chance as well as planned steps in this event: “Thus history dictated, but not without an internal liaison.”<sup>27</sup> Further, the author compiled a minute-by-minute chronology of the events of November 9, 1989 on both sides of the wall, citing the fateful words of Günter Schabowski about the regulation that was “to go into effect immediately.”<sup>28</sup> Petelin wrote about Kohl’s speech on November 10 in West Berlin in front of the Schöneberg Town Hall, where “the chancellor showed not only self-control but also foresight when he delivered an emotional speech to the raging crowd, indicating in it the main goal in the changes that had begun – the reunification of the nation.” After that the full text of the Chancellor’s speech is cited.<sup>29</sup>

The fifth chapter (“The Chancellor of German Unity”) tells the reader about the events that took place after the fall of the Berlin Wall and before the unification of Germany on October 3, 1990. The first paragraph of the chapter focuses on the plans for the country’s reunification. The author dwelt on Kohl’s Ten-Point Program and H. Modrow’s plan. B. Petelin believes that “after the publication of the program the FRG started massive interference in the internal affairs of the GDR. Without this interference, the unification process would be unthinkable, and Kohl’s policy was

---

<sup>24</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 231.

<sup>25</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 244–45.

<sup>26</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 245.

<sup>27</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 247.

<sup>28</sup> Cited in Petelin, *Helmut Kohl*, 251.

<sup>29</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 257–60.

designed for joint actions of the GDR and FRG authorities.”<sup>30</sup> The author also wrote about the origin of this document.

Kohl’s plan was based on Modrow’s idea of a contractual community between West Germany and the GDR, but if this idea is not further developed, it means drifting along together with the GDR.<sup>31</sup>

That is why Helmut Kohl took the initiative and offered his view on the future of a united Germany. The author gave the essence of the Chancellor’s idea:

from the contractual community between the FRG and the GDR to the confederate structures, and from them to the federal state system in Germany. Kohl did not accept the term “confederation,” considering that such a form of state system could close further progress towards the reunification of the country.<sup>32</sup>

In addition, the idea of confederation was traced back to the plans that W. Ulbricht made in the 1950s, and Kohl did not want to use the ideas of the GDR’s communist leader. Further on, the author described the essence of Kohl’s German policy and the vicissitudes of solving this issue within the CDU/CSU party coalition. The second section tells the reader about the participation of the FRG in the political construction in the GDR. The author paid special attention to Kohl’s choice of political partners in the GDR. This question was important and at the same time difficult for the Chancellor, since the upcoming 1990 elections in the GDR were to become crucial in the events of October 1990. B. Petelin noted Kohl’s decisive role in the establishment of the Alliance for Germany, a democratic centrist bloc.<sup>33</sup> In the third section of the chapter, the author discussed the possibility of “saving” the GDR after the reunification of Germany, considered the failure of H. Modrow’s plan “For Germany, United Fatherland,” and pointed out Gorbachev’s evasive position in the talks with the GDR representatives. According to Petelin, Kohl’s idea of creating an intra-German monetary union by introducing the West German Deutsche Mark into the GDR buried the chances of the slightest independence of East Germany. “It was a strong move by the Chancellor, which was used in the struggle for the votes of East German voters.”<sup>34</sup>

---

<sup>30</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 272.

<sup>31</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 278.

<sup>32</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 279–80.

<sup>33</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 309.

<sup>34</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 316.

Just as the monetary reform in West Germany once contributed to the split, the Deutsche Mark served to unite the country in 1990.<sup>35</sup>

During the negotiations with Gorbachev in Moscow, referring to the words of K. Adenauer, Kohl openly stated that the German question can only be solved “under a European roof.”<sup>36</sup> In fact, by February 1990, the issue of the reunification of Germany had been resolved, and Helmut Kohl played one of the main roles in it. Summarizing the Chancellor’s steps at the beginning of 1990, B. Petelin wrote:

Kohl should be given credit for the fact that the reunification process did not result in what was referred to as revanchism, and that nationalist sentiments did not prevail in mass demonstrations.<sup>37</sup>

The author devoted the last section of the chapter to the elections of March 18, 1990 in the GDR. The section cites the results of the election, which was won, as expected, by the Alliance for Germany, seen by the citizens of the GDR as a reliable partner of Chancellor Kohl and a defender of his policy. We should agree with B. Petelin that the victory of the Alliance in the elections was personality-driven, as “in 1990, the chancellor succeeded in everything.”<sup>38</sup>

The sixth chapter (“Towards a United Europe”) is devoted to one more cause that the Chancellor had to promote after the reunification of Germany – to “unite” Europe. The collapse of the USSR facilitated achieving this goal. According to the author, “Germany was simply destined to become the locomotive of European integration.”<sup>39</sup> In this process, the main thing was the transition to a common European currency. “The Germans were brought closer by the West German Deutsche Mark, and the common currency, the euro, was supposed to become a factor in the unification of Europe.”<sup>40</sup>

In the last chapter (“Vicissitudes of Fate”) B. Petelin summarized the results of Kohl’s life and political career. In the first section, “Now He Is No Longer the CDU,” the author wrote about the defeat of the CDU/CSU in the 1998 elections, after which Kohl ceased to be chancellor and was forced to resign as chairman of the CDU in 2000. B. Petelin connected all these events with the adversities that befell Kohl at once: serious illness of his wife and the CDU donations scandal resulting from the illegal forms of party financing.<sup>41</sup> The second section of the chapter deals with Kohl’s

---

<sup>35</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 336.

<sup>36</sup> Cited in Petelin, *Helmut Kohl*, 320.

<sup>37</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 323.

<sup>38</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 329.

<sup>39</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 354.

<sup>40</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 355.

<sup>41</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 362.

life outside politics. The author paid special attention to the tragic demise of Hannelore Kohl who took her own life in 2001 due to a severe incurable disease. In this part of the book, B. Petelin wrote about Kohl's work on his memoirs, his marriage to Maike Richter in 2008, and his death in 2017.

B. Petelin finished his book with an afterword, in which the following words should be noted:

Helmut Kohl could see for himself that his achievements were right. His legacy – united Germany in united Europe – retains the basic structure despite all the nuances of current events... Germany bid him dignified farewell at the highest state level.<sup>42</sup>

The monograph contains appendices with a detailed structure of the Federal Chancellor's office as of June 15, 1985, a chronology of Helmut Kohl's life and career, and a list of references and sources. The author's conclusions are convincing and justified. Reading B. Petelin's monograph, Russian historians will enrich their knowledge with little-known facts and considerations that are important for understanding the intricacies of the German question and European politics of the late twentieth century, which they will be able to use in their teaching and research.

### Список литературы

*Петелин Б.В.* Вольфганг Шойбле: долгая жизнь в политике // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 179–191.

*Петелин Б.В.* Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2021. 399 с.

*Петелин Б.В.* Курт Биденкопф // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 16–27.

*Петелин Б.В.* Франц Йозеф Штраус – баварский политик европейского масштаба // Германия: государство, общество, человек: сборник научных статей. Серия: «Германские исследования в Сибири» / ответственный редактор Л.Н. Корнева. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2015. С. 205–218.

### References

Petelin, B.V. “Frants Iozef Shtraus – bavarskii politik evropeiskogo masshtaba” [Franz Josef Strauss – a Bavarian politician of European scale]. In *Germaniya: gosudarstvo, obshchestvo, chelovek: sbornik nauchnykh statei* [Germany: state, society, man: a collection of scientific articles], *Germanskie issledovaniya v Sibiri* [German studies in Siberia], edited by L.N. Korneva, 205–18. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2015. (In Russian)

Petelin, B.V. *Gel'mut Kol': byt' nemtsem. Stranitsy biografii* [Helmut Kohl: Being a German. Biography pages]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2021. (In Russian)

---

<sup>42</sup> Petelin, *Helmut Kohl*, 381–82.



Petelin, B.V. “Kurt Bidentkopf” [Kurt Biedenkopf]. *Voprosy istorii*, no. 11 (2016): 16–27. (In Russian)

Petelin, B.V. “Vol'fgang Shoible: dolgaya zhizn' v politike” [Wolfgang Schäuble: A long life in politics]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 3, (2020): 179–91. (In Russian)

### **Информация об авторе**

**Добровольский Евгений Сергеевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, учитель истории, <https://orcid.org/0000-0002-7701-5425>, [jekeedee@mail.ru](mailto:jekeedee@mail.ru), Череповецкий государственный университет (162600 Россия, Вологодская обл., Череповец, пр. Луначарского, д. 5), учитель истории, МАОУ «Центр образования им. Милютина» (162626 Россия, Вологодская обл., Череповец, ул. Матуринская, д. 58)

### **Information about the author**

**Evgenii S. Dobrovol'skii** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, History teacher, <https://orcid.org/0000-0002-7701-5425>, [jekeedee@mail.ru](mailto:jekeedee@mail.ru), Cherepovets State University (5, Pr-t Lunacharskogo, Cherepovets, Vologodskaya obl., 162600, Russia), History teacher, Milyutin Education Center (58, ul. Maturinskaya, Cherepovets, Vologodskaya obl., 162626, Russia)

---

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; принята к публикации 11.09.2021.  
The article was submitted 09.08.2021; accepted for publication 11.09.2021.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 721–737  
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 2 (2022): 721–37

Рецензия

УДК 32.019.5

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-10>

## **Роль российских СМИ в системе коммуникативных отношений государства и общества**

*Рецензия на:* Марков Е.А. Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия: монография. Москва: РУСАЙНС, 2021. 280 с.

**Арбахан Курбанович Магомедов,**

Российский государственный гуманитарный университет,  
Московский государственный лингвистический университет,  
Москва, Россия,  
[armagomedov@gmail.com](mailto:armagomedov@gmail.com); <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>

**Arbakhan K. Magomedov,**

Russian State University for the Humanities,  
Moscow State Linguistic University,  
Moscow, Russia  
[armagomedov@gmail.com](mailto:armagomedov@gmail.com); <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>



**Аннотация.** В предлагаемой работе выполнен анализ изданной в 2021 году монографии доктора политических наук, профессора кафедры социальных коммуникаций и медиа Череповецкого государственного университета Евгения Алфеевича Маркова, в которой он предпринял попытку дать объяснение роли и значению деятельности средств массовой информации в коммуникационной системе «государство – СМИ – общество». Значение рецензируемого труда заключается в комплексном осмыслении проблем трансформации коммуникативно-информационных отношений государства и общества, а также факторов, повлиявших на процессы формирования современной системы взаимодействия между властью и обществом, что в целом позволяет не только оценить происходящие политические процессы, но и спрогнозировать их дальнейшее развитие. Исследовательский интерес автора уже давно связан с данной проблематикой, и свою новую работу он посвятил выявлению истоков, традиций и современных тенденций, под воздействием которых формируется

---

© Магомедов А.К., 2022

© Magomedov A., 2022

процесс коммуникативного взаимодействия институтов власти, СМИ и общества в современной России.

**Ключевые слова:** информационная политика, власть, СМИ, общество, государство, коммуникация, пропаганда

**Для цитирования:** Магомедов А.К. Роль российских СМИ в системе коммуникативных отношений государства и общества. *Рецензия на:* Марков Е.А. Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия: монография. Москва: РУСАЙНС, 2021. 280 с. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 6, № 2. С. 721–731, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-10>

### **The role of Russian mass media in the system of communicative relations between the state and society**

*Review of* Markov, E.A. *Rossiiskaya vlast' i SMI: istoriya informatsionnogo vzaimodeistviya: monografiya* [Russian authorities and mass media: the history of information interaction: a monograph]. Moscow: RUSAINS, 2021.

**Abstract.** The proposed work analyzes a monograph published in 2021 by Evgenii A. Markov, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Social Communications and Media of Cherepovets State University. In the monograph, he made an attempt to explain the role and importance of the mass media in the communication system “the State – Mass Media – Society.” The importance of the work under review lies in a comprehensive insight into the problems of transformation of communicative and informational relations between the state and society as well as factors that influenced the formation of the present-day system of interaction between the authorities and society, which generally allows not only seeing the ongoing political processes in proper perspective but also predicting their further development. The author’s research interest has been associated with this problem for quite a while, and he devoted his new work to identifying the origins, traditions, and modern trends that influence the process of communicative interaction between the government institutions, mass media, and society in modern Russia.

**Keywords:** information policy, power, authorities, mass media, society, state, communication, propaganda

**For citation:** Magomedov, A.K. “The role of Russian mass media in the system of communicative relations between the state and society.” *Review of* Markov, E.A. *Rossiiskaya vlast' i SMI: istoriya informatsionnogo vzaimodeistviya: monografiya* [Russian authorities and mass media: the history of information interaction: a monograph]. Moscow: RUSAINS, 2021. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2 (2022): 721–31, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-10>

Масштабное исследование профессора Череповецкого государственного университета Евгения Маркова посвящено проблеме, которую многие отечественные политики, аналитики и рядовые граждане считают ключевой с

точки зрения будущего России – перспективам трансформации коммуникативно-информационных отношений органов власти и общества, в которых важную роль играют средства массовой информации. В действующей системе взаимоотношений по линии «власть – СМИ – общество» масс-медиа занимают промежуточное положение, обеспечивая общество информацией о деятельности органов власти, а власть – о состоянии общественного мнения. Кроме того, СМИ для органов власти могут быть инструментом влияния на общественное сознание, а для общества – способом осуществления контроля за деятельностью власти. По мнению автора,

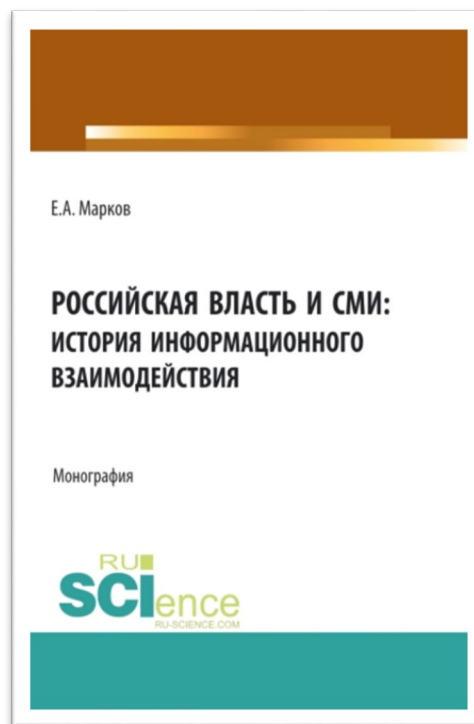
если элементы данной системы эффективно взаимодействуют, участвуют в достижении общих целей, то такая совокупность элементов находится в сбалансированном состоянии, что обеспечивает системному образованию определенное равновесие, устойчивость к возмущениям и жизнеспособность<sup>1</sup>.

Одним из ключевых достоинств рецензируемой работы можно признать предельную четкость авторского замысла, заявленного в исследовании: выявить основные условия и механизмы, позволяющие обеспечить коммуникационный обмен между властью и обществом при активном участии СМИ (с. 6).

Автор поставил перед собой довольно сложную задачу, предприняв попытку выявить истоки, сформировавшиеся традиции и современные тенденции, определяющие текущее состояние и перспективы информационной политики в России. Данная задача решается автором через описание основных условий и механизмов, позволяющих обеспечить с помощью СМИ эффективный информационный обмен между органами государственной власти и обществом как важнейшее условие развития всех сфер жизнедеятельности общества и государства.

Решению данной задачи подчинена и структура предлагаемой автором монографии.

В первой главе Е.А. Марков анализирует современное состояние теоретических исследований, посвященных данной проблематике, описывает



<sup>1</sup> Марков Е.А. Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия: монография. Москва: РУСАЙНС, 2021. С. 6.



историю появления и вовлечения в научный оборот терминов *информация, коммуникация, политическая коммуникация*, объясняет само значение коммуникативно-информационных отношений между властными институтами и обществом. При этом, он акцентирует внимание на словосочетании «коммуникативно-информационные отношения», ставя в нем на первое место саму возможность осуществления процесса передачи информации от одного субъекта к другому (с выявлением эффективности такой передачи), что и составляет суть взаимодействия между субъектами.

Автор дает развернутый и глубокий анализ теорий социальной коммуникации, доминирующих в современных социальных науках. Это уже само по себе позволяет ввести в социальную науку крайне полезную и значимую фактуру, которая также весьма перспективна в практическом отношении, поскольку позволяет лучше представить обстоятельства и нюансы взаимоотношений по линии «государство – СМИ».

Опираясь на теоретические выводы целого ряда исследователей, Е. Марков настаивает на том, что в своих устных и письменных обращениях к обществу представители органов власти, официальных структур должны использовать такие слова и выражения, которые точно и понятно передают смысл информации. Ведь именно этим и определяется эффективность передачи информации, которая должна зацепить сознание индивида.

В этой же главе автор уделяет внимание описанию коммуникативно-информационной природы политических отношений, отмечая, что в сфере взаимодействия властных институтов с обществом действует множество участников, которые с помощью специфических методов и способов добиваются достижения своих целей и задач. Таким образом формируется сложная и многомерная система коммуникативно-информационного обмена, представляющая собой совокупность средств политической коммуникации.

Во второй главе автор анализирует устройство сложившейся в России современной коммуникативно-информационной системы, а также определяет роль каждого действующего элемента в данном системном образовании. Но прежде автор останавливается на природе самих властных отношений, обращая внимание читателей на тезис о том, что власть является одним из видов социального взаимодействия, при котором по крайней мере один из взаимодействующих субъектов подчиняется и выполняет распоряжения другого. Для поддержания целостности и стабильности существующей социальной системы существует необходимость подчинения одних субъектов другим, тем, которые осуществляют принуждение (подавление). Власть

проникает во все виды человеческой деятельности, соединяет и противопоставляет социальные группы и отдельных индивидов<sup>2</sup>.

Один из параграфов данной главы посвящен выявлению роли и значения деятельности СМИ, которые, по мнению автора, являются неотъемлемой частью современной общественно-политической системы. Автор отмечает, что масс-медиа не сразу стали важным субъектом политических отношений, а постепенно укрепляли свои позиции в качестве самостоятельного института политической системы,

развиваясь по двум направлениям: во-первых, печатные СМИ проникали в сферу политических отношений в качестве органов партийной печати; во-вторых, последовательно и постепенно завоевывали аудиторию как информационные издания, без которых общество уже не могло обойтись. С помощью СМИ каждый отдельный индивид (гражданин) мог ощущать себя участником социальных процессов, СМИ открыли для граждан дверь в мир большой политики. Систематическая деятельность газетных изданий поначалу в качестве средства постоянного общения с гражданами, их друга, советчика, консультанта, учителя, – сделала СМИ таким же институтом государства, какими являются семья, церковь, общественные организации и т.д.<sup>3</sup>

Опираясь на исследования отечественных и зарубежных ученых, автор демонстрирует серьезный подход к рассмотрению значения деятельности СМИ на разных этапах развития социальных систем.

Безусловно интересными и заслуживающими внимания представляются размышления Е. Маркова о свободе и несвободе деятельности СМИ. Автор констатирует, что в современных условиях

российские СМИ довольно часто берут на себя выполнение несвойственных для прессы функций (становясь средством манипулирования или воздействия), отодвигая в сторону свое главное предназначение – быть объективным источником информации для общества<sup>4</sup>.

Но исследователь не просто устанавливает факт того, что современные СМИ утратили способность быть объективными производителями и

---

<sup>2</sup> Марков Е.А. Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия. С. 66.

<sup>3</sup> Марков Е.А. Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия. С. 70–71.

<sup>4</sup> Марков Е.А. Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия. С. 82.

распространителями информации, но и предлагает целый набор мер, которые могут исправить подобное положение. По мнению автора, существенную роль в достижении такой цели должно сыграть государство, способное разработать и реализовать научно-выверенную, эффективную информационную политику, которая будет осуществляться с учетом баланса интересов органов государственной власти, общества и СМИ.

Анализируя коммуникативно-информационное взаимодействие государства (власти) и общества, Е.А. Марков останавливается на рассмотрении важной роли общества в формировании общественного мнения, учитывая, что именно оно является для власти важнейшим источником информации об интересах граждан, их отношении к власти (особенно в условиях политических и экономических кризисов). Размышления автора носят не умозрительный характер, а основываются на использовании материалов из обширного списка работ по данной проблематике.

Пожалуй, отдельного упоминания заслуживает параграф, в котором автор анализирует состояние современного дискурса в общественной сфере нашей страны, учитывая разнообразные идеологические пристрастия различных социальных групп, многоконфессиональность и, в связи с этим, трудный процесс развития институтов гражданского общества.

В третьей главе автор описывает трансформации, происходившие в отношениях органов власти и СМИ на протяжении трех веков российской истории, а также состояние взаимодействия органов власти и масс-медиа в современной России на рубеже XX–XXI вв.

Необходимо отметить, что автором проделана большая работа в изучении источников, что позволило ему глубоко и добросовестно рассмотреть тенденции, которые определяли развитие современных российских СМИ на рубеже XX–XXI вв. Российские СМИ в этот период менялись вместе со всей страной, испытывавшей болезненные трансформации в политической системе, в экономике, в социальной сфере. Автор подробно остановился на ключевых событиях, вызывавших тектонические сдвиги в государстве, и на оценке роли СМИ в освещении таких событий. Хочется остановиться на важном выводе, к которому пришел автор: когда интересы власти и средств массовой информации совпадали, они становились союзниками, а когда расходились – власть старалась установить контроль над деятельностью СМИ<sup>5</sup>. Современные Российские власти, осознав, какую важную роль играет деятельность СМИ в формировании общественного мнения, постарались ограничить независимость тех СМИ, которые были учреждены частными или юридическими лицами, а

---

<sup>5</sup> Марков Е.А. Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия. С. 190.

затем – в кратчайшие сроки развили мощные государственные медиа-ресурсы без какого-либо участия частных инвесторов.

Проследив историю взаимодействия власти и СМИ в различные периоды, автор в итоге приходит к выводу о неизбежности активного присутствия властных институтов в коммуникативно-информационном пространстве страны и необходимости контроля за деятельностью участников этого пространства, что является важным фактором, обеспечивающим развитие России, реализующей самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику и защищающей не только свои национальные интересы, но и интересы государств, являющихся ее ближайшими союзниками.

В четвертой главе рассматривается участие СМИ в политических процессах, происходящих в стране (формирование органов власти, использование возможностей масс-медиа в современных гибридных войнах), описываются перспективы деятельности разнообразных СМИ, получивших возможности, предоставляемые новыми информационными технологиями.

Автор подробно описывает события, происходившие во время проведения избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы в 1999 году, во время выборов Президента РФ в 2000 и 2004 гг. и то, как эти события освещались разными средствами массовой информации (с. 207–214).

Характеризуя главную тенденцию нашего времени в заключительном параграфе, Евгений Марков указывает, что

социально-экономическое развитие любой страны зависит сегодня от уровня и перспектив развития коммуникационно-информационных ресурсов, объединенных в глобальную информационную инфраструктуру, которая будет способствовать созданию глобальной базы знаний – как производительной силы современного общественного развития<sup>6</sup>.

Эта тенденция и должна определять государственную информационную политику.

В Заключении автор в краткой форме подводит итоги трансформационных изменений в деятельности современных российских СМИ, рассматриваемых как один из элементов информационного взаимодействия институтов власти и общества и предпринимает попытку прогноза будущего развития средств массовой информации в России, предложив несколько сценариев, реализация которых будет, безусловно, зависеть от избранной руководством страны стратегии развития. По мнению автора, при решении этой глобальной задачи,

---

<sup>6</sup> Марков Е.А. Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия. С. 245.



от которой зависит будущее нации, должны быть в наиболее полной мере задействованы возможности информационной сферы.

Конечно, как и всякая творческая новаторская работа, исследование Е. Маркова не лишено отдельных спорных моментов и недостатков. Приведем сначала общие замечания. Первое. Первая и вторая главы книги слишком перегружены теорией, что может сформировать у читателей впечатление, что эта монография посвящена сугубо теоретическим аспектам и удержать их от знакомства с другими главами, имеющими практическое значение. Второе. Автор описал целый ряд важных событий, определивших развитие России, а также роль СМИ в них, но в анализе избирательных кампаний почему-то не пошел дальше выборов Президента РФ, состоявшихся в 2004 году. Наверное, у автора есть этому объяснение, но было бы хорошо, если бы он поделился им с читателями.

Однако наиболее дискуссионными в книге являются выводы автора о том, что касается оценки деятельности СМИ как инструмента пропаганды во время ведения военных действий и информационных противоборств. Анализируя характер и способы ведения современных информационных/ гибридных войн, автор приходит к заключению, что современная информационная война отличается целым рядом особенностей, среди которых можно выделить: установленный контроль государств над средствами массовой информации; отсутствие каких-либо правил и морально-этических норм в проведении информационных атак; полное игнорирование отдельными странами норм международного права; планомерное формирование, по отношению к некоторым государствам, образа страны-изгоя и т.д.<sup>7</sup> У автора хочется уточнить: в чем конкретно он видит особенности современной информационной войны? Вышеперечисленные характеристики были присущи военно-информационной политике во все времена: от вавилонских завоеваний и галльской войны Цезаря до практик «холодной войны» и «демократических интервенций» США начала XXI века. Плюс к этому, общим местом всех войн и интервенций были дегуманизация и даже расчеловечивание политического противника. Поэтому приведенный пассаж видится мне несколько натянутым и нуждающимся в уточнении ключевых характеристик современных гибридных войн.

Россия, по мнению автора, уже не раз в современной истории оказывалась в эпицентре широкомасштабных информационных войн, а сегодня она стала главным объектом информационных атак. В подтверждение своего вывода автор приводит примеры реализации рядом стран англосаксонского мира своей

---

<sup>7</sup> Марков Е.А. Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия. С. 224.

внешней политики по отношению к России и информационные кампании, предпринимаемые влиятельными иностранными СМИ и цифровыми интернет-гигантами (однобокое освещение «пятидневной войны» России с Грузией в 2008 г., негативная оценка военного присутствия России в Сирии, поддержка Западом политического переворота на Украине в 2014 г., что привело к разрыву отношений с Россией и гражданской войне в самой Украине, необъективное освещение процесса подготовки и проведения зимней Олимпиады 2014 года в Сочи, инициация допинговой войны против России, формирование негативного фона перед проведением Чемпионата мира по футболу в 2018 году, постоянные попытки искажения событий и результатов Второй мировой войны странами Запада и т.д.).

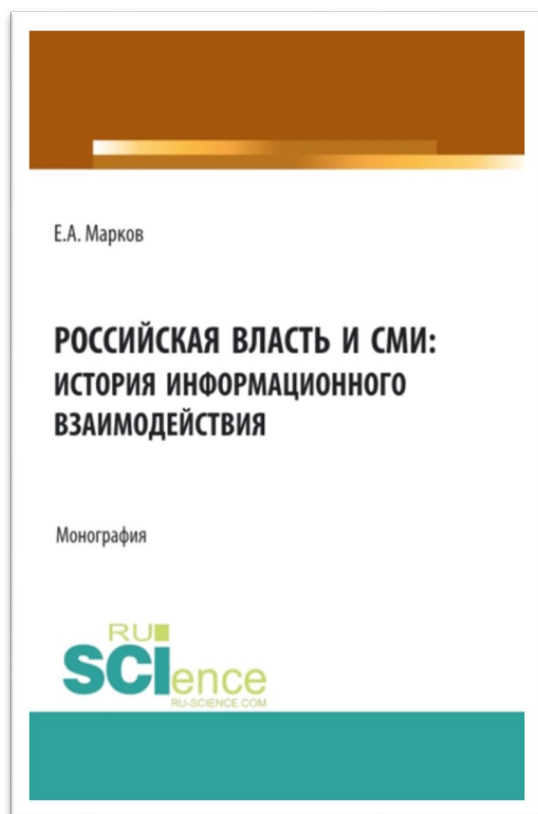
Вряд ли справедливо ставить все эти эпизоды и кампании в один ряд. Такие события, как кризис в российско-украинских отношениях, масштабный допинговый скандал, сопровождавший окончание сочинской зимней Олимпиады 2014 г., получают неоднозначную оценку среди российского экспертного и медийного сообщества. Что касается оценки событий Второй мировой войны, то попытки их искажения полным ходом идут не только в странах так называемого коллективного Запада, но и на постсоветском пространстве и даже внутри России.

Подоплеку такого отношения западных стран к России автор видит в том, что Россия как великая держава, обладающая несметными природными богатствами и занимающая выгодное географическое положение (моста между Европой и Азией), является весьма заманчивым объектом для информационных войн.

Думается, здесь надо уточнить следующие моменты. Во-первых, информационные войны – обычная практика в мировой политике и международных отношениях. К сожалению, автор транслирует в тексте монографии целый ряд пропагандистских штампов: «Запад хочет захватить наши природные богатства», «в мире нас не любят, потому что мы слишком высокодуховные». Но невозможно быть высокодуховным во внешней политике и при этом проводить внутри страны социал-дарвинистскую экономическую политику. Нельзя быть убедительными в мировых спорах, в то время как социальная атмосфера в стране морально неприемлема. Данная ситуация настойчиво диктует России вести более тонкую и выверенную информационную политику за пределами страны. Во-вторых, автор утверждает, что Россия является проводником новой концепции мироустройства, основанной на принципе многополярного мира. Хочется заметить, что принцип многополярности отнюдь не является российской новацией, хотя отечественная дипломатия активно им пользуется. Вклад в развитие теории многополярного мира внесла целая плеяда исследователей,

среди которых такие западные аналитики, как Дэвид Кампф, Роберт Купер и Дилип Хиро, Пол Кеннеди, Сэмюэл Хантингтон и др.

Высказанные критические замечания, относящиеся к различным аспектам истории информационного взаимодействия российской власти и СМИ, не умаляют изрядных достоинств рецензируемой монографии Евгения Маркова. Общеизвестно, что ценность любого научного исследования определяется тем, насколько его положения подпадают под обстрел опровержений, рекомендаций и замечаний. Более того, эти замечания выдвинуты сообразно высокому профессиональному уровню анализа, широкому охвату и огромной работе по систематизации масштабной информации, которые представлены в исследовании. Монография, несомненно, является весомым вкладом в общественные науки и способствует открытой общественной дискуссии по проблемам эффективной деятельности системы «государство – СМИ – общество».



Evgenii Markov, Professor of Cherepovets State University, devoted his large-scale research to the problem that many domestic politicians, analysts, and ordinary citizens consider to be the key problem in terms of the future of Russia – the prospects for the transformation of communication and information relations between authorities and society, in which mass media play an important role. In the current system of relations along the line “Authority – Mass Media – Society,” the mass media occupy an intermediate position, providing the society with information about the activities of the authorities, and the authorities, about the public opinion. In addition, for the authorities, the mass media can be a tool to influence public consciousness, and for society, a way to control the authorities. According to the author,

if the elements of this system interact effectively and participate in the achievement of common goals, such an aggregate is in the state of balance, which provides the system with certain equilibrium, resistance to disturbances, and viability.<sup>1</sup>

One of the key advantages of the work under review is the utmost clarity of the author's intention stated in the study to identify the main conditions and mechanisms that enable communication exchange between the authorities and society with the active participation of the mass media (p. 6).

The author set himself a rather difficult task, having made an attempt to identify the origins, traditions, and modern trends that determine the current status and prospects of information policy in Russia. This problem is solved by the author through the description of the main conditions and mechanisms that allow using the mass media in order to ensure effective information exchange between governmental authorities and society as the most important condition for the development of all spheres of the state and society.

The structure of the monograph serves to solve this issue.

In the first chapter, Evgenii Markov analyzes the current state of theoretical research on this issue, describes the history of the emergence and introduction in the scientific circulation of the terms *information*, *communication*, *political communication*, and explains the meaning of communicative and informational relations between government institutions and society. At the same time, he emphasizes the phrase “communicative and informational relations,” foregrounding the possibility of the process of transferring information from one subject to another (including identification of the effectiveness of such transfer), which is the essence of the interaction between the subjects.

The author provides a detailed and in-depth analysis of the social communication theories that dominate modern social sciences. This makes it possible to enrich social science with extremely useful and significant factual information, which is also very promising in practical terms, since it facilitates better understanding of the circumstances and nuances of the relationship along the line “the State – the Mass Media.”

Based on the theoretical conclusions of a number of researchers, E. Markov argues that in their oral and written appeals to the society, representatives of the public authorities and official structures should use such words and expressions that accurately and clearly convey the meaning of the information. After all, this is what determines the effectiveness of transferring the information that is to penetrate the mind of an individual.

---

<sup>1</sup> E.A. Markov, *Russian authorities and mass media: the history of information interaction: a monograph* [in Russian] (Moscow: RUSAINS, 2021), 6.



In the same chapter, the author describes the communicative and informational nature of political relations, noting that in the sphere of interaction between government institutions and society, there are many participants who achieve their goals and tasks by using specific methods and means. A complex multidimensional system of communication and information exchange comprising the totality of means of political communication is thus formed.

In the second chapter, the author analyzes the structure of the present-day communication and information system that has developed in Russia and also determines the role of each acting element in this systemic formation. But before that, the author dwells on the nature of relations of power themselves, drawing the attention of the readers to the thesis that power is a type of social interaction in which at least one of the interacting subjects obeys and fulfills the orders of the other. In order to maintain the integrity and stability of the existing social system, there is a need to subordinate some subjects to the others, to those who use coercion (suppression). Power penetrates into all types of human activity and connects or opposes social groups and individuals.<sup>2</sup>

One of the paragraphs of this chapter is devoted to identifying the role and significance of the activities of the mass media, which, according to the author, are an integral part of the modern socio-political system. The author notes that the mass media did not immediately become an important subject of political relations but gradually strengthened their positions as an independent institution of the political system,

developing in two directions: firstly, the print media penetrated the sphere of political relations as the party press organs; secondly, they consistently and gradually won the audience as information publications that society could no longer do without. With the help of the mass media, each individual (citizen) could feel that he was a participant in social processes; the mass media opened the door to the world of big politics for citizens. The systematic activity of newspaper publications, as a means of constant communication with citizens at first, as their friend, adviser, consultant, and teacher, turned the mass media into an institution of the state, the same as family, church, public organizations, etc.<sup>3</sup>

Based on the research of domestic and foreign scholars, the author demonstrates a serious approach to considering the importance of the mass media at different stages of the development of social systems.

---

<sup>2</sup> Markov, *Russian authorities and mass media*, 66.

<sup>3</sup> Markov, *Russian authorities and mass media*, 70–71.

Undoubtedly interesting and noteworthy are E. Markov's reflections on the freedom and non-freedom of the activities of the mass media. The author states that under the current conditions

Russian mass media quite often take on functions that are uncharacteristic of the press (becoming a means of manipulation or influence), pushing aside their main purpose, which is to be an objective source of information for society.<sup>4</sup>

Not only does the researcher establish the fact that the modern mass media have lost the ability to be objective producers and distributors of information, but he also offers the whole range of measures that can improve this situation. According to the author, a significant role in achieving this goal should be played by the state, which is able to develop and implement a scientifically verified and effective information policy to be conducted taking into account the balance of interests of the state authorities, society, and the mass media.

Analyzing the communicative and informational interaction of the state (the authorities) and society, E. Markov gives much space to the important role of society in shaping public opinion, given that for the authorities it is the most important source of information about the interests of the citizens and their attitude to the authorities (especially under the conditions of political and economic crises). The author's reflections are not speculative. They are based on the materials from the extensive list of references on the subject.

Noteworthy is the section where the author analyzes the state of modern discourse in the public sphere of our country, taking into account diverse ideological predilections of various social groups, multiconfessionalism, and in connection with this, the difficult process of developing civil society institutions.

In the third chapter, the author describes the transformations that took place in the relations between the authorities and the mass media over the course of three centuries of Russian history and the current state of the interaction between the authorities and the mass media in Russia at the turn of the 20<sup>th</sup>–21<sup>st</sup> centuries.

It should be noted that the author has done a lot of work in studying the sources, which allowed him to deeply and scrupulously consider the trends that determined the development of the contemporary Russian mass media at the turn of the 20<sup>th</sup>–21<sup>st</sup> centuries. During this period, Russian mass media changed together with the whole country, which experienced painful transformations in its political system, economy, and social sphere. The author considered in detail the key events that caused tectonic shifts in the state and the role of the mass media in covering these events. Let me cite an important conclusion the author made: when the interests of

---

<sup>4</sup> Markov, *Russian authorities and mass media*, 82.

the authorities and the media coincided, they became allies, and when their interests diverged, the authorities tried to establish control over the mass media.<sup>5</sup> Realizing the important role of the mass media in shaping public opinion, contemporary Russian authorities tried to limit the independence of the mass media that were established by individuals or legal entities and then in the shortest possible time developed powerful state-owned media resources without any participation of private investors.

Having dwelled on the history of interaction between the authorities and the media in different periods, the author finally comes to the conclusion that the active presence of government institutions in the country's communicative and information space is inevitable and the need to control the activities of the participants in this space is essential. It is an important factor that ensures the development of Russia, which implements an independent foreign and domestic policy and protects its own national interests and the interests of its closest allies.

The fourth chapter examines the participation of the mass media in the ongoing political processes in the country (the formation of government bodies, the use of the mass media potential in modern hybrid wars) and describes the prospects for the activities of various mass media that have received the opportunities provided by new information technologies.

The author describes in detail the events that took place during the State Duma election campaign in 1999, the elections of the President of the Russian Federation in 2000 and 2004, and the coverage of these events by different mass media (pp. 207–14).

Describing the main trend of our time in the concluding paragraph, E. Markov points out:

Today socio-economic development of any country depends on the level and prospects for the development of communication and information resources, united in a global information infrastructure that will contribute to the creation of a global knowledge base as a productive force of modern social development.<sup>6</sup>

This is the trend that should determine the information policy of the state.

In Conclusion, the author briefly summarizes the transformational changes in the activities of the present-day Russian mass media, which are considered as one of the elements of information interaction between government institutions and society. The author also makes an attempt to predict the future development of mass media in Russia and proposes several scenarios, the implementation of which will, of course, depend on the development strategy chosen by the country's leadership. According to

---

<sup>5</sup> Markov, *Russian authorities and mass media*, 190.

<sup>6</sup> Markov, *Russian authorities and mass media*, 245.

the author, in solving this global issue on which the future of the nation depends, the opportunities of the information sphere should be used to the fullest extent.

Of course, like any creative innovative work, E. Markov's research is not without some controversial points and shortcomings. Let us start with some general remarks. First of all, the first and second chapters of the book are overloaded with theory, which can give the readers an impression that this monograph is devoted to purely theoretical aspects and keep them from getting acquainted with other chapters, those of practical importance. Secondly, the author described a number of important events that determined the development of Russia and the role of mass media in them, but in his analysis of election campaigns, he did not go further than the 2004 presidential elections. The author probably has an explanation for this, but it would be nice if he shared it with the readers.

However, the most debatable in the book are the author's conclusions regarding the assessment of the mass media activities as a propaganda tool during hostilities and information confrontations. Analyzing the nature and methods of waging modern information / hybrid wars, the author comes to the conclusion that modern information warfare is distinguished by a number of features. They include the established control of states over mass media; the absence of any rules and moral and ethical standards in carrying out information attacks; complete disregard of the norms of international law by certain countries; systematic formation of the image of rogue states in relation to some nations, etc.<sup>7</sup> It would be nice if the author clarified what features he views as those of the present-day information warfare. The above characteristics have been inherent in military information policy at all times, from the Babylonian conquests and the Gallic war of Caesar to the practices of the Cold War and democratic interventions of the United States at the beginning of the 21<sup>st</sup> century. On top of it, dehumanization and alienation of political enemy has been common for all wars and interventions. Therefore, the extract cited above seems somewhat far-fetched and in need of clarification of the key characteristics of modern hybrid wars.

According to the author, Russia has found itself at the epicenter of large-scale information warfare more than once in modern history, and today it has become the main object of information attacks. In support of his conclusion, the author cites examples of the foreign policy implemented by a number of countries of the Anglo-Saxon world towards Russia and the information campaigns undertaken by influential foreign mass media and digital Internet giants (one-sided coverage of the Russo-Georgian War (the Five-Day War) in 2008, negative attitude towards the military presence of Russia in Syria, Western support for the political coup in Ukraine in 2014, which led to a breach between Ukraine and Russia and a civil war in Ukraine, biased coverage of the preparation and holding of the 2014 Winter Olympics in

---

<sup>7</sup> Markov, *Russian authorities and mass media*, 224.



Sochi, the initiation of the Russian Doping Scandal, negative publicity before the 2018 FIFA World Cup, constant attempts to distort the events and results of the Second World War by Western countries, etc.).

It is hardly fair to put all these episodes and campaigns in one line. Such events as the crisis in Russian-Ukrainian relations or the large-scale doping scandal that accompanied the end of the Sochi Winter Olympics in 2014 receive mixed assessments in Russian expert and media community. As far as the events of the Second World War are concerned, attempts to distort them are in full swing not only in the countries of the so-called collective West but also in the Post-Soviet states and even in Russia.

The author sees the underlying reason for such an attitude of Western countries towards Russia in the fact that Russia as a great power that possesses immense natural resources and occupies an advantageous geographical position (a bridge between Europe and Asia) is a very tempting object for information wars.

The following points seem to be in need of clarification here. Firstly, information wars are a common practice in world politics and international relations. Unfortunately, the author quotes a number of propaganda clichés in the text of the monograph: “the West wants to seize our natural resources,” “The world does not like us, because we are too highly spiritual.” But it is impossible to be highly spiritual in foreign policy and at the same time pursue a social Darwinist economic policy inside the country. It is impossible to be convincing in world disputes when the social atmosphere in the country is morally unacceptable. This situation persistently dictates to Russia that it should pursue a more subtle and well-considered information policy outside the country. Secondly, the author argues that Russia is a champion of a new world order based on the principle of a multipolar world. I would like to note that the principle of multipolarity is by no means a Russian innovation, although the national diplomacy actively uses it. A pleiad of researchers contributed to the development of the multipolar world theory, including such Western analysts as David Kampf, Robert Cooper and Dilip Hiro, Paul Kennedy, Samuel P. Huntington and others.

The critical remarks above regarding various aspects of the history of information interaction between the Russian authorities and mass media do not detract from the considerable merits of E. Markov’s monograph under review. It is well known that the value of any research is determined by the extent to which its provisions fall under the fire of refutations, recommendations, and comments. Moreover, these comments are made in compliance with the high professional level of analysis, wide coverage, and great work on systematizing large-scale information presented in the study. The monograph is undoubtedly a significant contribution to the social sciences and to the open public discussion on the problems of the effective operation of the system “the State – Mass Media – Society”.

### Список литературы

Марков Е.А. Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия: монография. Москва: РУСАЙНС, 2021. 280 с.

### References

Markov, E.A. *Rossiiskaya vlast' i SMI: istoriya informatsionnogo vzaimodeistviya: monografiya* [Russian authorities and mass media: the history of information interaction: a monograph]. Moscow: RUSAINS, 2021. (In Russian)

### Информация об авторе

**Арбахан Курбанович Магомедов** – доктор политических наук, главный научный сотрудник и профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>, [armagomedov@gmail.com](mailto:armagomedov@gmail.com), Российский государственный гуманитарный университет (125047 Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6), профессор кафедры теории регионоведения, Московский государственный лингвистический университет (119034 Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38).

### Information about the author

**Arbakhan K. Magomedov** – Doctor of Political Sciences, Chief Researcher and Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>, [armagomedov@gmail.com](mailto:armagomedov@gmail.com), Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya pl., Moscow, 125047, Russia), Professor of the Department of Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka str., Moscow 119034, Russia).

---

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; принята к публикации 08.11.2021.

The article was submitted 27.09.2021; accepted for publication 08.11.2021.

